

Атнер Хузангай

**ТЕКСТЫ,
МЕТАТЕКСТЫ
&
ПУТЕШЕСТВИЯ**

Шубашкар — 2003

УДК 323/324 + 80/81
ББК 66.3(0) + 80
X 98

Редактор *Алина Сосаева*
Художник *Джалиль Гайнутдинов*
Фотограф *Геннадий Верблюдов*
Компьютерный набор *Натальи Кореньковой*

Агнер Хузангай. Тексты, метатексты & путешествия. —
Шубашкар/Чебоксары. 2003. — 388 с.

Авторский дискурс смешивает политику и поэзию, национализм и космополитизм, эрос и историю, банальности и деконструкцию, цельные и разорванные тексты, которыми автору довелось заниматься с конца 70-х гг. до 2001 г.

© А.Хузангай, 2001

Памяти сына Тенгиза —
автор.

золото мозга пылает
здесь — среди букв: как в волненьи дыханья —
отцовско-сыновьего: властью и трепетом свежим
в мире — живого-меня! —

Г.Айги, «Круг» (1989)

I. ТЕКСТЫ

Мы защищали аристократизм духовной культуры, аристократизм мысли, защищали то, что представлялось бесполезным и ненужным (...) Отрицание духовного аристократизма, отрицание сложности мысли, бескорыстного созерцания и творческой проблематики есть большевизм...

Н.Бердяев (1925)

«ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ МОЖЕТ БЫТЬ И ТРУДНОЙ...»

Солнце на сурбане чувашки из Аксу... Я смотрю в окно, ищу солнце. Золотую колыбель, в которой земля — ребенок. У каждого из нас, как у чувашки на сурбане, должно быть солнце в груди, тогда сбережем мы землю от бед.

Г.Н.Волков, «Созвездия Земли»

(текст-диалог с чувашским этнопедагогом
Геннадием Никандровичем Волковым)

* * *

А.Х. Уважаемый Геннадий Никандрович, когда Вы ощутили в себе призвание педагога, кто сыграл важнейшую роль в выборе жизненного пути? Не изменились ли Ваши идеалы со времени юности?

Г.В. В каждом из нас есть народный стержень, если он сохраняется, то мы продолжаем оставаться детьми этого народа. Мы должны посмотреть, что есть в нас народного, от народа, в самой структуре нашей личности.

Как педагог я формировался под влиянием многих великих педагогов, которые шли от народного начала (как и любой учитель, вероятно), но также и моей бабушки Перасковьи Филипповны Волковой (1858 года рождения). Сказки бабушки, ее поучения и присловья иногда живо напоминали «народные рассказы» Льва Толстого. Только потом я понял в чем дело. Ведь они переводились на чувашский в Симбирской чувашской школе И.Я.Яковлевы и его учениками, затем пошли в народ и стали опять народными. То есть, как бы

замкнулся какой-то цикл народной педагогики, и они вернулись ко мне из уст бабушки. Я считаю, что педагогика это не академическая наука, ее живая плоть живет только в народе. Я бы не написал «Чувашскую народную педагогику», если бы не был окружен стариками с нашей улицы, которые учили меня уму-разуму. Они же старцы, мудрецы, которые могли бы жить где-то в древней Элладе.

Азанне (бабушка со стороны отца) говорила мне: «Петух будит женщину, мухи — мужчину, солнце — детей». Или такой вот сказ: «Есть три земных чуда — молоко, мед и хлеб. В молоке все целебные соки трав, в меде — вся пыльца и аромат цветов, а хлеб — это все на свете». Разве в этих изречениях самих по себе не суть педагогики!

Бабушка называла имя Алякки йысна и рассказывала мне некоторые его сказки, пользовалась его наставлениями (например, «старый человек — четыре человека»), которые он слышал от своего дедушки, жившего где-то в начале XVIII-го века. Я передаю эти сказки и наставления своим детям и внукам, внуки станут взрослыми уже в XXI-м веке. Не знаю, доживу ли я сам до этого времени, но ниточка связи уже протягивается через три столетия. Получается, что в плане автобиографическом я — связующее звено по крайней мере трех веков. Это и есть народная педагогика, то есть процесс целенаправленной передачи духовного наследия от одного поколения к другому.

Почему-то ярко запал в память образ бабушки, как воспитательницы, и оставался в тени образ мамы, которая всегда была занята, работала так, что и дома видели ее мы редко. И мне понадобилось полвека, чтобы понять простую истину — мудрость требует досуга, покоя. Я воочию убедился в этом позже, когда мама уже в преклонном возрасте приезжала ко мне в Москву. Когда она увидела мою внучку, чистившую картошку, то сказала ей: «Вот, видишь, там кусочек земли, не выбрасывай его, а положи в горшок с цветами. Зачем земле зря пропадать...» Ну, вы скажете, что здесь особенного? А ведь это замечание находится в полном согласии с бабушкиной же сказкой «Золотая пылинка». Бабушка рассказывала, что когда чуваша провожали заморских гостей из своей страны, то они, сажая их на корабль и одарив до этого прекраснейшими и драгоценнейшими дарами, подняли

их на руки и отерли их обувь, сняли каждую крупницу, пылинку. Удивились гости, что за странный обычай! А чувашки говорят, все готовы вам отдать, но не хотим, чтобы наша земля — пусть даже самая мельчайшая ее крупинка — попала на чужбину... Земля это самое дорогое для нас, дороже у нас ничего нет, так говорили они. Вот какая связь здесь!

Или другой пример. Мама посадила березку на отцовской могиле. Большая выросла береза. Вот она парит веником из веток, сорванных с этого дерева, внучек и приговаривает: «Это вас дедушка парит, его кровь, его душа проросли в ветви, зеленые листочки — это он вас согревает». Я думаю, что такой глубины мысль о бессмертии души человеческой могла бы быть высказана Платоном, а ведь это говорит чувашская крестьянка, которая не знает, что такое философия, педагогика... И разве это не урок нравственности, памяти.

Народную педагогику я впитывал с детства, но должен сказать, что народная педагогика это не отдельные обычаи и афоризмы, а прежде всего люди, свет их души, тепло наших родных, которые мы сумели сохранить...

А.Х. Анализируя стихотворение классика чувашской поэзии Константина Иванова «Современность» («Хальхи самана»), Вы ярко рисуете моральный облик народного педагога: «Это — люди умные, весь их ум отдается народу, умом их живет народ. Это — люди бескорыстные, из любви к народу ставящие интересы народа выше личных, не думающие даже о себе; это — люди, делающие народное дело, живущие мыслями о народе, скорбящие о народном деле и печальщиеся вместе с народом; это, наконец, — люди, знающие потребности и интересы народа, постоянно помнящие о них и с любовью делающие все, чтобы удовлетворять запросы народа». Также как медики, начинающие отправлять врачебные обязанности, принимают клятву Гиппократата, будь моя воля, я бы каждого учителя, направляемого в чувашскую школу, обязал бы принимать клятву народного педагога именно этими словами. Эта глубоко нравственная по сути характеристика личности народного педагога идеальна и даже абсолютна. Наверное, в реальности лишь немногие — лишь самые выдающиеся — представители чувашской национальной системы воспитания отвечают этим категорическим императивам. Тем более, что в общественной практике последних десяти-

лений активное и действенное проявление патриотизма («нет на свете ничего дороже и милее родины», «люби родину, люби свой народ, уважай другие народы») нередко трактовалось как «всплески национализма», а в наших условиях, как Вы хорошо представляете, это серьезное идеологическое обвинение и оно непосредственно отражалось на судьбе, биографии пассионария — носителя подобных идей (в 30-е годы это имело самые трагические последствия, вплоть до физического уничтожения, гражданского остракизма самой активной части интеллигенции...)

Сама попытка поставить вопрос о роли родного языка в деле воспитания подрастающего поколения, о расширении его общественных функций, о престиже чувашской культуры воспринималась настороженно и подозрительно. Всегда находились люди, которые охотно обрушивали «критические дубины» на тех, кто «слишком сильно любит свой народ», навешивали политические ярлыки на «расширителей проблем», прорывавших узкие шоры привычного бюрократически-кастового мышления и характерного для этой касты пренебрежения к вопросам развития национальной культуры.

В Ваших книгах народными педагогами выступают личности поэтов — К.Иванова, М.Сеспеля и других, писателей-классиков прошлого и настоящего. «Путь к душе народа лежит через истоки ее формирования, т.е. систему народного воспитания. Поэтому высокая степень «педагогизации» литературы все более становится нормой. Подлинно народный писатель всегда — народный педагог, народный просветитель» («Созвездия Земли»). Но у наших писателей в основной их массе нет такого горячего пафоса и чувства профетизма в деле воспитания, скорее мы найдем в их произведениях мелковатый дидактизм, плоское морализование, что, на мой взгляд, противоречит самой природе художественного творчества. Мы же не слышим голоса наших чувашских писателей в защиту родного языка, у нас нет по-настоящему острой публицистики о трудностях и преградах, которые встречает национальная культура ныне.

Мне кажется, что чувашской интеллигенции не хватает чувства здорового национализма (только небольшую ее часть можно назвать «людьми, делающими народное дело, живущими мыслями о народе»), я не говорю уж о научно-техни-

ческой интеллигенции, которая совершенно равнодушна к национальному. У нас чрезвычайно слабо развито общественное мнение, не возникает силового поля вокруг «болевых точек» в сфере культуры. Нужно возрождать чувашский крестьянский обычай **нине** — помочей, чтобы объединять усилия представителей разных кругов интеллигенции в реализации той или иной крупной культурной акции (например, установка памятника М.Сеспелю и решение вопроса о музее поэта на его родине, помощь в организации чувашских детских садов, взятие культурного шефства над «мемориальными зонами» в местах рождения выдающихся деятелей культуры, искусства и литературы за пределами республики, открытие чувашских педучилищ (или чувашских отделений) в Уфе, Ульяновске, Тетюшах и т.д.). Обычай нине мы должны перенести на почву созидания национальной культуры, ее структурирования.

Г.В. Если рассуждать о большой любви к родине, градациях любви, то сейчас мы видим реальный патриотизм, например, в выступлениях М.С.Горбачева, неустанно и страстно повторяющего, что у каждого народа есть свои корни, свои традиции, обычаи. Как же без них — разве это может помешать делу социализма! Другое дело, если противопоставлять, или замкнуться, а кто же собирается это делать. Если довести до логического конца мысль людей, которых очень пугает страстная, пламенная любовь к своему народу, своей культуре, то надо «интернационалистами» называть людей, которые совершенно равнодушны к своему народу и его духовному наследию. О делах своих не совсем удобно говорить, но мне очень много давали мои аспиранты почти двадцати национальностей. И по составу они интернациональны, общение с ними обогащало мое представление о духовных ценностях и моего собственного народа. Я смотрел их глазами, сравнивал, сопоставлял... Если бы моя любовь к народу передалась им, чтобы они также полюбили свой народ..

Здесь, как раз происходит оплодотворение интернационализма на новой основе. Естественное, а не на словах. Сильвия Капутикян, одна из любимых поэтесс твоего отца, которую он переводил на чувашский, хорошо назвала лжеинтернационалистов «идеологами без идеалов». Это они представляют интернационализм без действия, только на словах,

то есть профанируют само понятие. А дело где, дело? Надо же ведь что-то делать во имя народа. Есть у нас один товарищ, известный «идеолог» в республике. Всю жизнь он провел «в борьбе с национализмом». Я не знаю, каков результат, а что он сделал реально для интернационализма — это никому не известно. Одна «борьба» — в кавычках, естественно.

Ведь мы говорим, что главное действующее лицо это народ и задействовать эту силу можно только посредством демократии. Мы говорим о здравом смысле народа в общественном мнении. В здравом смысле (как и в народной педагогике), конечно, много неакадемического, неэкспериментального, неглубокого даже, может быть, подхода к истине. Здравый смысл! Но тот же здравый смысл может быть и великим!

Если говорить об отношении к родной культуре и особенно решающему ее элементу языку, я убежденно считаю, что в условиях пренебрежения, самого малейшего пренебрежения, родным языком не может быть никакой демократии, никакого гуманизма, никакой автономии. Это все только болтовня. Какая может быть политическая автономия, если нет самого минимального — уважения к языку народа. Если это реальная государственность, стало быть родной язык должен быть задействован на уровне языка государственного. В конституции Абхазии есть особая статья, где записано, что абхазский язык наряду с грузинским является государственным. И всеми силами государственные, партийные и общественные органы стараются утвердить это развитие, применение и употребление абхазского языка без всякого ограничения.

Другое дело, что у нас слабо развито общественное мнение, как ты говоришь. Так ведь его надо создавать! А наша интеллигенция (в первую очередь литературная) не могла это сделать в условиях недемократической ситуации, когда все решалось волонтаристски. Думаю, что пример здесь должны подать прежде всего сами руководители. Руководитель любого ранга должен говорить с народом на его языке, не пользуясь родным языком в общении с ним остается чужд народу. Может ли быть он духовным, нравственным и политическим лидером родного народа? Мне кажется, что лучшим свидетельством перестройки, показателем возвращения на подлинный ленинский путь будет и отношение к языку народа.

Хочу подчеркнуть, что люди, отказываясь от родного языка, от отчей культуры, дошли до отказа от гуманистических, общечеловеческих традиций. Оказывается, теряя национальное, теряешь самые элементарные, самые необходимые человеческие свойства и качества.

А.Х. Не кажется ли Вам, Геннадий Никандрович, что современная профессиональная педагогика это как бы дерево без корней, ибо она оторвана от народной почвы? Она решает (или пытается решать) частные вопросы, так как излишне специализирована. И потому-то задача воспитания целостного человека, соответствующего народным идеалам о добре и прекрасном, о его трудовом и умственном развитии, не является в ней центральной. Сумма неких знаний и методических приемов их передачи вот та «скромная» роль, которую отводит себе педагогическая наука. Думаю, что эта скромность сама по себе не может вызвать особого энтузиазма. И кроме того она чрезвычайно заформализована: методички, пособия, инструкции. А личность учителя на втором плане, если он совсем не исчезает за сеткой параграфов и частоколом предписаний. Вы считаете одной из ключевых проблем этнопедагогики идею совершенства человеческой личности и ее реализации в системе народного воспитания (три добра: добрая мысль, доброе слово, добрый характер; семь заповедей; КĂМĂЛ...) Насколько приложимы эти традиционные чувашские понятия к современности?

Г.В. Требование формирования целостной личности выступает в народной педагогике как положение, в соответствии с которым следовало организовать воспитание подрастающего поколения. Воспитание каких именно качеств, по чувашским представлениям, должно обеспечить целостность личности? Формирование КĂМĂЛ — вот что чувашки во все времена считали главным и основным показателем воспитанности человека...

Слово КĂМĂЛ до настоящего времени дышит какой-то загадочностью. В 17-томном словаре чувашского языка Н.И.Ашмарина это слово переведено следующим образом: «КĂМĂЛ (комол, кымыл) — сердце (в переносном смысле), средоточие человеческих чувствований...» Там же разобрано и обобщено свыше десяти значений самого этого слова, да еще — свыше восьмидесяти значений его в различных сочета-

ниях. КЌМЌЛ и связанные с ним качества человека распространяются на все стороны формирования личности за исключением, может быть, физического состояния.

В Афинах, как известно, сложное дело воспитания имело высшую покровительницу в лице особой богини Пэдии, статуя которой красовалась в изящном пантеоне Эллады. Воспитание детей и у чуваш считалось делом божественным, у них функции покровителя воспитания выполнял Пихамбар, «раздающий людям добрые качества и сообщающий йомзям (чувашским шаманам-прорицателям, целителям) пророческие видения».

В КЌМЌЛе находят отражение ощущения, воображение, чувства, воля, характер, нравственные качества, одним словом, весь духовный облик человека как результат умственного, эстетического, трудового и, прежде всего, нравственного воспитания. Потому-то КЌМЌЛ дает полную или почти полную характеристику личности. Это же понятие используется тогда, когда идет речь об утрате патриотического чувства. «Отвернул свой КЌМЌЛ (душу) от родного народа» — это до сих пор воспринимается как страшное проклятие. Каждый человек должен нести индивидуальную ответственность за свою преданность родному народу, и в случае полного осознания человеком своего патриотического долга перед народом его чувство любви к народу ничто и никто не сможет поколебать.

Убежден, что мы должны вернуться на новом этапе к народной педагогике. В деле юного воспитания роль народной этики безусловно велика. По-моему, это никогда не устареет. Это истины на все времена. Надо всеми силами и средствами пропагандировать (с учетом современного уровня знаний, конечно) идею «суммарного, совокупного совершенства членов рода».

Чувашская национальная система воспитания также реализовывалась через «семь благословений» (*сичё пил*). «Семь благ, семь добродетелей» это своего рода этический завет, кодекс, завещанный нам нашими предками. В своем «Духовном завещании чувашскому народу» наш патриарх, великий просветитель Иван Яковлевич Яковлев глубоко философски истолковал эти народные заповеди. В них воплощен идеал совершенной личности, это сама чувашская духовность. В

условиях перестройки, революционных преобразований в политической, культурной и духовной атмосфере нашего общества я бы на первое место из этих заветов поставил бы такой: «В единстве — сила». Это не значит, что следует игнорировать другие заветы (трудолюбие, честность, правдивость, скромность и т.д.), но успех перестройки в сфере национальной культуры и просвещения именно требует объединения усилий.

А.Х. В Вашем очерке «Душа Сеспеля» я нашел такие слова: «Вместе, вместе, вместе... Единство мысли, мечты и душевного порыва... Не уходит ли это единство самым глубоким корнем в народную душу? Дай силу... Кто же даст ее? Только общее дело. Помощь друг другу. Как делом, так и словом». В реальности, в своих будничных дрызгах многие еще очень далеки от этого идеала, думают больше о благе для себя, чем об общем деле культуры. Писательская и художественная интеллигенция разобщены, старшее и младшее поколение словно говорят на разных языках, они не слышат друг друга. С другой стороны, отдельные живые голоса (которые есть!) не имеют широкого общественного резонанса. То есть пока мы еще очень и очень далеки от желанного единения... Как же нам вернуться к программе чувашских «семи благословений», о которых Вы так проникновенно пишете в книге «Этнопедагогика чувашского народа», не является ли это миражем, несбыточной мечтой? Как нам обрести искомое единство слова и дела во имя родного народа?

Г.В. Так сумел же И.Я.Яковлев реализовать (пусть частично) этот этический кодекс, эту программу «семи благословений» в Симбирской чувашской школе, он первым внес четкость в толкование этой народной программы и смог осуществить на ее основе единство умственного, нравственного и трудового воспитания своих питомцев. Не случайно в «яковлевском гнезде» выросла целая Плеяда писателей, поэтов, композиторов, собирателей фольклора, лингвистов и т.д. В их творчестве, в их оригинальных произведениях и переводах окончательно сформировался и был отшлифован чувашский литературный язык, они, сохранив лучшие черты народа, сумму духовных ценностей, и синтезировав их с мировым художественным опытом, смогли поднять чувашскую литературу на качественно новый уровень. И поэтому я еще раз повторяю: «Вперед — к Яковлеву!» Конечно, один

человек не может в себя вобрать все необходимые народу совершенства. Но Яковлев это и великая личность, и само воплощение народности. Разве не современно, не актуально его понимание патриотизма: «Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу; служить великому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших». Любовь к родной Чувашии И.Я.Яковлев рассматривал в непрерывной связи с любовью к России: «Верьте в Россию, любите ее и она будет вам матерью». В «Духовном завещании чувашскому народу», откуда привожу эти строки, да и во всей деятельности И.Я.Яковлева, завязан сложный диалектический узел трех основных идей: идеи христианского просвещения, идеи сближения с Россией, посредством участия в русском (то есть общероссийском) деле и идеи родного языка. И до сих пор мы ломаем голову над этим узлом в идейно-теоретическом осмыслении яковлевского наследия. А наиболее крупные наши поэты достигали своего рода предела, масштаба мысли, так или иначе пытаюсь самим Словом, в пространстве поэтического — разрешить это диалектическое «сцепление». Мне, например, видится такая «нравственно-российски-чувашская» линия в нашей поэзии: Сеспель — Хузангай — Митта — Айги. Последний (пишущий и на чувашском, и на русском) совершенно по-особому представляет понятие «русского», или России Среднего Поволжья, которая отлична от понятия «общерусского». Может быть, наиболее пронзительны эти мысли Айги в стихотворениях из его цикла «ПОЛЕ-РОССИЯ»: «а родину любить — *меня* не видеть /заговорилось вдруг/ и ожил более *страны* /сырой — в провалах: плач душевный —» («ПОЛЕ-РОССИЯ: ПРОЩАНИЕ»).

А.Х. В романе-размышлении «Созвездия Земли» Вы приводите и комментируете одну из основополагающих заповедей чувашской духовной культуры — это культ предков, культ почитания старших (как живых, так и умерших, что представляет собой своеобразное выражение веры в бессмертие, точнее говоря, отрицание самой идеи смерти). Позволю себе напомнить это место: «Нет старых — нет порядка. Старый

человек стоит четырех молодых. Кто не почитает старость, не любит и молодость. Ум народа — в стариках, сила народа — в молодых. Культ живых старцев вырос из культа мертвых предков. Из религиозного поклонения им, из светлой памяти о них. Это культ прошлого. Того доброго, что было в прошлом. Это — призыв не быть Иванами, не помнящими родства. Это — признание закономерной любви к родной истории. И поиск истоков человеческого достоинства и национальной гордости. Без него нет ни человека, ни народа...».

Наше нынешнее отношение к наследию (ведь уважение и почитание старых это как бы эталон, на котором проверяется это отношение) желает оставлять лучшего. Это касается и традиций народной педагогики, и философского наследия патриарха нации, или как Вы говорите, национального гения, И.Я.Яковлева, которого мы только-только начинаем издавать, и памятников чувашской словесности, и собственно литературы. Живем сиюминутной пользой, не чувствуя своих корней. Мы подгоняем наследие «под себя», приглаживаем противоречия, оставляем «белые пятна» в истории народа и истории литературы особенно периода конца XIX—начала XX вв., периода 20—30-х годов. У нас выработана весьма поверхностная схема историко-литературного процесса (она в общих чертах сложилась еще в 50-е годы не без влияния теории вульгарного социологизма 20—30-х годов) и до сих пор мы ориентируемся на нее. И потому-то Ваш призыв: «Вперед — к Яковлеву!» в 1971 году на научной конференции, посвященной 130-летию новой чувашской письменности, создателем которой он был, был встречен в штыки, на Вас посыпались идеологические обвинения, Вам было приписано обостренное восприятие национально-культурного строительства в республике, в Ваших трудах стали отыскивать «восхваление чувашского народа», «идеализацию народных традиций» и т.д.

Г.В. К сожалению, наши научные и литературные споры очень часто приводили к утрате чувства меры и пристегиванию политических ярлыков. Нет, мы не искали совместно истину, не хотели осмыслить наследие народа и творчество его лучших представителей во всей идейной сложности и философской глубине. Если оппонент не имеет логики, не имеет весомых аргументов, он начинает оперировать политическими обвине-

ниями. У нас слишком много псевдоинтеллигентов, присосавшихся к здоровому телу нации, которые превыше всего ставят эгоистические интересы. В случае со мной не было объективности, это была не идейная борьба. Я сказал тогда: «Но придут другие люди...» Такие выражения для моих оппонентов были неприемлемы. Они же страшно, как и всякая бюрократическая каста, боятся за свое место. Им легче, когда ничего не делается. Это спокойнее и безопаснее. И такое время настало. Пришло время демократизации и гласности.

А.Х. Мне очень нравятся Ваши слова, которые перекликаются со словами П.Я.Чаадаева о «блаженном патриотизме лени»: «...Бездумную любовь народ считает ненадежной. Любовь к родине может и быть трудной. Пусть эта любовь будет честной и сознательной, действенной. Пусть знает человек, за что любит. Чем лучше и больше будет знать, тем глубже будет и любовь.

Пусть каждый любит родину не только сердцем, но и умной головой, мозолистыми руками».

Известно, что для Вас, Геннадий Николаевич, период 1971—1977 годов был периодом, действительно, трудной любви к родине. Ваши книги подвергались нападкам со стороны критиков-ортодоксов, выступавших якобы под знаменем интернационального. Вам пришлось оставить должность проректора Чувашского пединститута и, в конце концов покинуть Чебоксары. Не желая бередить Ваши чувства, все же осмелюсь спросить, как Вы оцениваете эти годы сейчас?

Г.В. Ну, что сказать об этом времени. Да, мне пришлось уехать, поменять место жительства. Но родина это не только географическая точка на земле, это духовное понятие. И она всегда с тобой, как отец-мать. Я счастлив, что мое нынешнее дело связывает меня с делом просвещения в республике. Участвую практически во всех мероприятиях, часто бываю в сельских школах, выступаю перед учителями.

Ведь я же пытался утверждать принцип единства, объединения усилий, о чем мы говорили выше. Мне кажется, что я нашел основу единства в самом народе, не навязывая ему ничего извне. В его трудовой, нравственной, эстетической энергии. Ведь она должна постоянно аккумулироваться — значит, нам опять нужна народная педагогика. Как поется в народной песне: «Жить нам вместе до самой смерти!» Ты,

конечно помнишь тоску и печаль И.Я.Яковлева, когда он писал Н.И.Ильминскому о том, что чувашаи не дружны между собой, зависть и взаимная вражда распространены между ними... Подчас это имеет самую ничтожную подоплеку. В то же время примерно лет через десять он ставил в пример татар: «Энергичный предприимчивый народ, народ помнящий о своем славном историческом прошлом...» Яковлев, безусловно многое объединил. Мы тоже, как и марийцы — луговые и горные, могли разойтись. А он объединил верховых и низовых чувашей. Он же завещал нам: «Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей...» Мы очень мало сделали — по сравнению с Яковлевым — по объединению наших творческих усилий на принципиальной основе. Вина падает на многих: и на руководителей высшего ранга, и на руководителей творческих организаций. Ведь надо быть принципиальным в поддержке истинно талантливого, в создании ауры уважения вокруг имен достойных как в литературе, так и в искусстве.

Думаю, что положение должно измениться. Сама атмосфера — творческая, демократизированная — должна дать плоды. Само состояние литературы и искусства, в конце концов, должно вызывать беспокойство. Мы же видим, как идут дела. Более или менее удовлетворительно только ведь в одной области — в области графики и живописи. Чувашская духовная культура в целом находится в острокритическом положении. Проза, чего уж скрывать, примитивна, читать нечего. Как настоящую литературу за последнее время прочитал Чиндыкова Бориса, его книгу «Месяц ноябрь» (*Чук уйӓхӗ*), с постоянным интересом читаю Уяра.

Но в основном потоке — искажение реальности, исторических фактов... Наша историческая романистика пытается возместить отсутствие науки истории, мы же народ без историков фактически. Разве можно всерьез относиться к историку, который всю свою жизнь положил на доказательства неспособности своего народа к самостоятельному историческому творчеству! Это народ, создавший одно из первых самостоятельных государств — Волжскую Булгарию — в Восточной Европе.

Нужно взаимное уважение друг друга. Наша беда и трагедия в том, что вырываются, используя положение, не

особенно одаренные люди и объявляют борьбу талантливым людям. Нации всегда нужны идеалы-образцы. Мне кажется, что сами чувашские традиции очень много могли бы дать в деле сплочения. Вот, ты говоришь **нине**. Конечно в этом слове очень широкий смысл. Это, между прочим, и зов **нине** твоего отца. Он же имеет универсальное значение. Это не только дом строить, это и крик души. Его это тоже очень тревожило. Отсутствие единства, дружбы. У некоторых народов нет этой проблемы. У якутов, например. **Нине** это один аспект. Другой — это уважение старших. Народ старше нас всех и надо быть преданным ему. Это не отрицает, конечно, самостоятельности мысли.

Мы плохо занимаемся воспитанием творческой интеллигенции. Они с малых лет приучены к группировкам. А группы-то мелкие, ничтожные, не по творческим пристрастиям. Скорее, на меркантильной, бытовой основе. Одного «топят», другого — печатают.

Мне кажется, что совмещение народных традиций с условиями современной общественной жизни много могло бы дать.

Нынешнее состояние нашей литературы и искусства — все это результат общественного нездоровья предшествующего периода. «Моя история», приведшая к «московской ссылке» тоже, к сожалению, вписывается в это время. А так, скажу тебе, Агнер, надежд немного, потому что нет крупных фигур. Они были в прошлом: Шелеби, Тхти, Шубуссинни, Сеспель, Хузангай, Митта, Талвир. Были ли они только одиночками? Наверное, нет. Мы еще долго будем возвращаться к ним, осмыслять опыт их жизни, трагические превратности истории. Время потрясения и покаяния для нас еще не настало.

А.Х. В последнее время многие представители общественности в республике (учителя, интеллигенция, рабочие и колхозники) говорят о проявлении неуважения к родному языку (особенно это заметно в условиях города), о том, что общественные функции чувашского языка сужаются, чувашская художественная литература не находит своего читателя. Невольно задумываешься о причинах сложившейся ситуации. Не взвалили ли мы слишком большую ношу на учителей родного языка и литературы, тем более, что современная чуваш-

ская школа лишь на своей начальной ступени является собственно национальной, ведь после четвертого класса родной язык является только предметом изучения, а не средством обучения. Элементарные основы фундаментальных наук (даже истории, которой принадлежит ведущая роль в воспитании чувства активного патриотизма) ученик получает уже не на чувашском языке. До 1960 года чувашская школа была хотя бы неполной средней (до 8-го класса). Возможен ли возврат к этой старой, но, на мой взгляд, более рациональной системе? Мы даже не обсуждаем подобные проблемы, не инициируем процессы реализации чувашского языка и тем самым загоняем родной язык, а вместе с ним и национальную культуру (ЛОГОС-ГОЛОС) на периферию общественной жизни.

Г.В. Вот я вспоминаю то время, когда я работал в Чебоксарской 6-й школе (она была тогда чувашской). Я провел эксперимент (хоти, может быть, и не совсем чистый) в том классе, где был классным руководителем. Я продолжал использовать старый учебник по математике, то есть до 6-го класса преподавал этот предмет по-чувашски (а это было уже после того, как было принято решение о переходе преподавания всех предметов в 5-10 классах средней школы на русском языке), а геометрию вел там же на русском языке. И у меня получились очень хорошие результаты, на основе такого математического двуязычия. Вообще, многие предметы для чувашских детей перестали играть собственно воспитательно-познавательную функцию, они превратились в прикладные, практические курсы русского языка. Ни истории толком не знают, ни ботаники, ни зоологии, ни географии.

Я говорил незадолго до его смерти с 1-ым секретарем Якутского обкома партии Гаврилой Иосифовичем Чиряевым, так он подтвердил (сам бывший учитель, это дело хорошо знал), что гуманитарные дисциплины, общественные предметы в Саха до 8 класса ведут на родном языке, чтобы максимально использовать потенциальные воспитательные возможности этих предметов, способствовать росту национального самосознания. Нужно не просто вы зубривать, заучивать механически русские фразы. Русским в любом случае владеть будут, а воспитательный эффект ничтожный. Наверное, можно было бы согласиться с преподаванием технических, естественных дисциплин на русском языке.

А теперь хочу сказать по поводу возможности возврата к прежней системе. Обращусь к автобиографическому опыту. Чувашский язык, конечно же, никогда никому не мешал. За счет одного языка овладеть другим можно лениво, не работая. Мое поколение хорошо знает русский. Хотя мы очень серьезно изучали чувашский язык и все предметы на чувашском до 8-го класса И очень серьезно относились к родной литературе, и объем часов был больше. У директоров школ не было никаких сомнений в важности этих предметов. Были серьезные экзамены на аттестат зрелости. Кроме того, чувашским у нас овладевали эвакуированные, люди разных национальностей. У них даже мысли не возникало, что можно игнорировать язык коренной национальности. Учились дочь венгерского революционера Илиана, Вениамин Медвецкий, другие. Они охотно и быстро усваивали чувашский. Лет через тридцать я встречался с Медвецким, заведующим кафедрой Эстонского института усовершенствования учителей, вспоминали школу и говорили об этом на чувашском языке.

Не было борьбы языков, не было сопротивления. Все было естественно и просто. Люди уважали друг друга, учителя родного и русского. Я помню вечера, целиком посвященные чувашской литературе, но проводимые на русском языке. То есть, здесь как бы происходил перевод мыслей и чувств из сферы родного языка в сферу русского и нашей учительнице казалось, что это помогает развитию творческих начал. В этом была своя логика и правда. И в той общественной ситуации, сразу после войны — патриотизм, уважение к памяти тех ста тысяч уроженцев Чувашии, которые отдали жизнь за Родину... А родной язык это, наверное, первая принадлежность родины и если твой язык начинают оскорблять, унижать, ты, наверное, теряешь родину, уважение к самому себе перед лицом ушедших (*ваттисем умёнче*).

Конечно, возврат должен произойти. Для начала надо все общественные, гуманитарные и биологические дисциплины перевести на родной язык. Или во всяком случае иметь все учебники на двух языках. Пусть по крайней мере будет выбор. Родной язык — это тоже большая политика! Знание русского, иностранного языка это благо, но незнание родного языка это стыд. Языки не мешают друг другу.

Мне кажется, что в нашей школе должен углубленно изучаться чувашский фольклор. Это все же лучше, чем изучать бездарных писателей. Литература до сих пор преподается слабо. Я же знаю ситуацию, часто бываю в сельских и городских школах. Конечно, есть республики, где ситуация еще хуже. Но в то же время есть Татария и Башкирия, где обучение всем предметам на родном языке происходит до 10-го класса, а в Тыве и Саха-Якутии — до 8-го... И именно применительно к этим республикам мы можем говорить о национально-русском двуязычии (пусть в социалистическом понимании), а у нас русско-чувашское полуязычие. Это мы наблюдаем и в связи с введением изучения чувашского языка в городских школах. Здесь дела не обстоят благополучно, надо прямо сказать об этом.

А.Х. В «Этнопедагогике чувашского народа» Вы пишете о том, что образ Солнца в чувашских народных представлениях «выступает эталоном нравственной чистоты и благородства, материнская забота — то же, что солнечное тепло и солнечный свет... Можно даже говорить о своеобразной педагогике солнца...» Не могли бы Вы пояснить этот прекрасный образ сейчас, дать его расширенное толкование, потому что, как мне кажется, за этим образом стоит очень и очень многое. Это, действительно один из устойчиво повторяющихся символов чувашской народной словесности, начиная с Сеспеля, он встречается и в стихах многих чувашских поэтов... Недаром одна из Ваших книг называется «Дуб и солнце» (*Юманна Хёвел*). Не будучи специалистом в области педагогики, тем не менее для себя лично я так сформулировал Вашу концепцию: от традиций чувашской народной системы воспитания целостной личности (так сказать, от естественной, природной педагогики), через опыт великих учителей — Коменского, Руссо, Ушинского, Толстого, Яковлева, осознавая общность опыта педагогических культур самых разных этносов, Вы приходите к общечеловеческому — к «педагогике Солнца». Когда-то Вы писали: «Можно предвидеть появление на определенной ступени развития этнопедагогике в высшей степени интересного исследования — «Педагогике Солнца». И в это исследование Вами уже вписаны первые главы. За эти двадцать с лишним лет приблизились ли мы к этой цели, не растеряли ли солнечного тепла?

Г.В. Эта идея «педагогике солнца», конечно, независимо от моей воли где-то оплодотворялась идеями утопистов («Город Солнца» Томмазо Кампанеллы). Не хотелось бы, однако, чтобы эта идея оставалась только утопической. Солнце... Сколько о нем у всех народов песен, загадок, пословиц, сказок! Сколько с ним связано обычаев и обрядов! Человек использовал его и в умственном, и в нравственном, и в эстетическом воспитании, не говоря уже о трудовом и физическом. Чуваши говорят: «Дарующая свет всей вселенной Мать света — Солнце...» Настолько очевидно признание чувашами, как и многими другими народами, великого значения солнца в жизни людей и в самом существовании природы, что они очеловечивали солнце и приписывали ему даже высокие моральные качества. Так красота внешняя перерастала постепенно в красоту внутреннюю, прекрасное в природе — в прекрасное в человеке, солнечная красота — в человеческую; так воедино сливалась красота формы с красотой содержания, красота физическая переходила в красоту ума, сердца и поведения в результате чего «под руководством» солнца объединялись в единый процесс формирования личности все стороны воспитания. Солнце называется как нечто высшее, идеальное во многих изречениях-идиомах и даже в клятвах: «Есть солнце, не вру!».

В непосредственной связи с использованием солнца в воспитании находится и речитатив купающихся чувашских детей шести-семи лет. Озябшие во время купания дети весьма дружно обращались к солнцу, скрывавшемуся за тучей, искренне веря в то, что оно услышит их песенку:

Глянь, солнце, глянь, солнце,
Утонул ведь твой ребенок,
Вытащи его своей золотой кочергой
Одень в рубашку — кумач,
Медом с калачом покорми!

Постоянная ссылка взрослых на солнце в воспитании детей, частые обращения к его «примеру», к «авторитету» оставляли в сознании детей настолько глубокий след, что они постепенно становились «детьми солнца». Это, в свою очередь накладывало большую ответственность на них за свое поведение и поэтому уже свидетельствовало о вполне опре-

деленных результатах воспитания с участием такого «педагога», как солнце. А движение вперед, приблизились ли мы к реализации этой идеи? Наверное не было приближения. Какое может быть приближение — ведь многое зависит от общественной обстановки, от общественных условий. Когда мы стоим на одном месте, дремлем, о каком солнце может быть речь, его и не видно. Застой есть застой! Общественная ситуация не благоприятствовала реализации «педагогика солнца», хотя я очень люблю саму идею. Мне кажется, что все можно здесь объединить, под этим флагом: и эстетику, и этику, и цель и содержание. Вплоть до здоровья нравственного и физического. Мы утверждаем Образ Солнца как эталон, но, конечно же, солнце как идеал встречается у писателей, поэтов, мыслителей разных народов. Начиная с Иванова и Сеспеля, он встречается в стихах многих чувашских поэтов. Этот образ к ним приходил и зажигал их.

Действительно, солнце это источник жизни, но не только в физическом смысле. Здесь единство сторон, понятие это выступает объединяющим началом. Концепция эта все же, что и говорить, созидательная, очень созидательная. Материала в нашей словесности и культуре на «солнечную тему» очень много, но надо повернуть его лицом к современности. Светлые надежды, светлые мечты — это все солнечно...

1988, февраль

КАК ВАЖНО БЫТЬ ЧУВАШОМ

В «МК» от 11 августа опубликованы два письма Народного поэта Чувашии Семена Васильевича Эльгера, проникнутые болью за незавидное положение родного языка в республике в начале 60-х годов. Они раскрывают подоплеку той нездоровой компании, которая была развернута вокруг имени уважаемого патриарха чувашской литературы. В 1961 году с высокой трибуны было заявлено, «хотя нездоровые проявления националистического толка носят единичный характер, мы не можем не реагировать на них. Такие проявления имеют место среди отдельной политически незрелой части чувашских писателей. Об этом свидетельствует недавнее письмо народного поэта Чувашии — члена партии т. Эльгера С.В....» Какова же была реакция? Об этом красноречиво рассказывается во 2-м письме Семена Васильевича.

Что же мы имеем сейчас, каков статус родного чувашского языка в республике, есть ли ощутимые результаты «в деле поднятия культуры чувашского народа» по прошествии четверти с лишним века? Много любопытного на этот счет можно узнать из материалов дискуссии, которую ведет «Советская Чувашия» и открытую острой статьей Бориса Чиндыкова «Двуязычие и национальный вопрос» (19 июня 1988 г.). К сожалению, реальное положение вещей почти не изменилось в лучшую сторону. Как некое выдающееся достижение преподносится то, что с 1933 года в райцентровских, поселковых и городских школах восстановлено преподавание чувашского языка и теперь скрупулезно подсчитываем (вплоть до единиц!) сколько учеников нерусской национальности изучают язык коренного населения республики.

И все же правильно восклицает профессор М.Федотов: «Пусть Министерство просвещения не убаюкивает нас цифрами...» (См. его статью в «МК» от 7 июля 1998 г.) Дело это архитрудное и оно может быть успешным только при радикальном изменении отношения партийных и советских руководителей к вопросу о реализации чувашским языком социальных функций на современном этапе его развития (Призыв С.Эльгера о том, что «В СВОЕЙ, ЧУВАШСКОЙ АССР ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК ДОЛЖЕН ЗАНЯТЬ ПОДОБАЮЩЕЕ ЕМУ ПОЧЕТНОЕ МЕСТО», остается в силе и сейчас). Самоотверженные усилия учителя, работающего в чувашских классах подобных школ, должны быть поддержаны Минпросом, творческими союзами и творческой интеллигенцией в целом, чувашским студенчеством.

Престиж родного языка зависит от соотношения чувашского и русского языков в условиях республики, иначе говоря, увязан с так называемым двуязычием. Совсем недавно проблема двуязычия считалась сугубо академической и наши доморожденные социолингвисты, не утруждая себя проведением конкретных исследований, решали ее исходя, в основном, из догматических теоретических установок, выведенных в застойной атмосфере брежневщины. (В качестве исключения я могу назвать лишь статью И.А.Андреева 1970 г. и главу в только что изданной монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (М., 1988). Весьма негусто!).

Вот что писал в свое время профессор М.М.Михайлов, наш ведущий «теоретик» двуязычия, который обосновывал в своих трудах концепцию своеобразного ассимилирующего интернационализма: «Советская форма двуязычия ведет не к смене одного языка другим, а к небывалому расцвету, дальнейшему развитию языков всех народов СССР. Здесь наблюдается такая закономерность: чем шире распространяется среди иного народа двуязычие, чем глубже проникает русский язык в его повседневный быт, тем разностороннее делается общественная функция национального языка» («Двуязычие: принципы и проблемы». Чебоксары, 1969). Парадоксальная, если не сказать больше, закономерность! Как только не изошлись наши схоласты доказать недоказуемое: чтоб и волки были сыты, и овцы целы! Прогрессивной тенденцией развития национального языка, которая ведет к его «всесто-

ронному развитию», «небывалому расцвету», считалась только такая, когда происходит интенсивное сближение с русским языком (при этом полностью игнорировался процесс дестабилизации грамматики, орфографии и орфоэпии национального языка, не использовались его внутренние ресурсы для обогащения словарного состава).

А общая перспектива развития чувашского народа виделась в таком свете: «...Как социалистическая нация, чувашский этнос имеет безграничную перспективу для своего развития: продолжается совершенствование чувашского литературного языка, расцветает чувашская национальная культура, обогащаясь лучшими общесоюзными интернациональными традициями, достижениями культуры всех народов СССР» («Народы Поволжья и Приуралья» М., 1985). Но в реальной языковой и национальной политике акцент всегда почему-то делался на безграничном уважении по отношению к «старшему брату», и все мероприятия были направлены только на то, чтобы как-то не ущемить права и без того «великого, могучего» русского языка, а также чтобы максимально ускорить процесс «дальнейшего стирания различий между нациями и народностями».

Особое распространение эти «формулы» получили у нас в годы застоя (а у нас он начался чуть ли не с середины 60-х годов, если не раньше). Они были окружены трескучей риторикой, сопровождалась шумной пропагандой и усиленно насаждались как обязательные идеологические установки для партийного руководства союзных и автономных республик, областей, округов. Башкирский поэт и публицист Айдар Халим верно оценил причины и следствия подобного лакировочного подхода к сложной реальности этноязыковых отношений: «Централизованный сверху донизу идеологический аппарат, возглавлявшийся долгие года М.А.Сусловым, не занимаясь творческой и углубленной разработкой кардинальных проблем теории и практики интернационального воспитания, из политической плоскости переводил эти проблемы в плоскость насаждения единопольчия на базе господствующего языка. Ленинское учение о межнациональных отношениях догматически превращали в перечень схоластических, мертвых постулатов, и потому воспитание в духе дружбы народов не

становилось научно обоснованной частью общепартийной работы» («Дружба народов», 1988, № 6).

И всегда находились, к сожалению, языковеды и историки, которые услужливо подводили «научную базу» под эти плохо скрываемые перспективы нивелирования и даже обречения на заведомое прозябание языков и культур малых (по численности) наций. Вполне нормальными считались утверждения, что «этническая ассимиляция и тем более этническая консолидация не противоречат интересам народов, если они происходят естественным путем, без принуждения, отвечают исторически сложившимся социально-экономическим условиям их развития» (М.М.Михайлов «Двужычие (Принципы и проблемы)». Чебоксары, 1969). Или: «Однако языковая ассимиляция не ведет к утрате этнического самосознания, так как родной язык является хотя и важной, но не единственной характеристикой этноса» («Народы Поволжья и Приуралья». М., 1985).

Надо признать, что общественное мнение в вопросе о реальном статусе чувашского языка в условиях национальной государственности — автономии было дезавуировано, и Борис Чиндыков абсолютно прав в своем призыве «возродить революционные традиции 20-х годов». В частности, он напоминает о задачах по реализации чувашского языка и коренизации аппарата, которые были ключевыми для национальной политики автономий Поволжья и Урала в 20-е годы и тем самым явились первыми практическими шагами по осуществлению ленинских принципов автономизации. Напрасно усматривает профессор М.М.Михайлов «националистический дух» в этих решениях, вступив в дискуссию статьей «К спорам о двужычии» («Советская Чувашия», 12 июля 1988 г.). Кстати сказать, никаких новых аргументов по сравнению со своей книжкой 20-летней давности, которую я уже цитировал, он здесь, по сути, не предлагает.

Противники культурно-национального возрождения чувашского народа, начатого великим старцем И.Я.Яковлевым и подарившего своим соплеменникам Книгу в широком смысле (от Букваря до Библии) существовали и до революции. Были они и среди интеллигенции. После Октября «нигилисты» чувашского же происхождения, в основном, встречались среди тех работников, кого мы сейчас называем

поборниками командно-административной системы управления. И Чувашская парторганизация, патриотическая интеллигенция вела борьбу против «великодержавнического сопротивления в вопросах языка и коренизации аппарата» (как впрочем и против «местного национализма»).

В любопытной книге «Советская Чувашия. Национально-культурное строительство» (М., Соцэкгиз, 1933) об этом живучем типе «дореволюционного русификатора» писалось так: «...Это они выступают против развития советской национальной культуры (школы, языка, печати, литературы и т.д.), которая, по их мнению, является ничем иным, как «национализмом». Выступая против ленинского национально-культурного строительства рука об руку с великорусскими шовинистами, маскируясь под «сверхинтернационалистов», «нигилисты» выдвигают теории неверия в творческие способности трудящихся мелких народностей и «услужливо» рекомендуют как можно скорее «приобщиться к культуре русского пролетариата, усвоить язык пролетарской революции» (т.е. русский язык) как «интернациональный язык». Но нормальный процесс национально-культурного строительства в Чувашии, достигший своего апогея к началу 30-х годов, был смят волной сталинских репрессий и не без помощи местных бюрократических кадров. В резолюции «О межнациональных отношениях», принятой XIX-й Всесоюзной партконференцией, прямо говорится о том, что «динамизм, присущий начальному этапу формирования многонационального государства Советов, был существенно утрачен и подорван отходом от ленинских принципов национальной политики, нарушениями законности в период культа личности, идеологией и психологией застоя». Оппоненты Б.Чиндыкова (в первую очередь А.Е.Горшков и М.М.Михайлов) упорно обходят этот аспект национального вопроса, по их мнению, двуязычие у нас развивалось нормально, в силу объективных закономерностей и никаких нарушений и деформаций в сфере межнациональных отношений у нас не было и нет.

Наши «ученые мужи» годами вдальбивали в головы интеллигенции, студентов, учащихся и вообще чувашского населения тезисы о том, что советское двуязычие — самое лучшее в мире, что и позволяло медленно, но систематично сводить на нет чувство национального самосознания (это

заметно по ряду выступлений в «Советской Чувашии»). Теперь приходится доказывать иному чувашу, зачем нужен родной язык, ведь для него он стал символом ограниченности, заботности и ненужности, и он, выходя в большой мир, поскорее хочет избавиться от «чувашского комплекса», побыстрее самодассимилироваться. Обыватель всегда хочет жить тихо и незаметно. Так что надо говорить не об «исторически сложившихся социально-экономических условиях», а об искусственно создаваемых барьерах на пути самостоятельного и свободного развития чувашского языка. И это при том, что Чувашская Республика в известной мере уникальна среди автономий: в составе всех жителей республики доля коренного населения — чувашей достигает 68,4% (по данным переписи 1979 г.).

Где же они, эти торжественно провозглашавшиеся «восторженное развитие и небывалый расцвет» языков? Эти лучезарно-парадные, ритуально магические формулы были приемами лакировки сложной, полной глубинного драматизма этноязыковой ситуации и сейчас не могут восприниматься иначе как насмешка над национальным самосознанием. Вместо того, чтобы изучать реальные процессы, развивать конкретную социолингвистику, действительно способствовать динамизму развития родного языка, мы довольствовались тем, что заранее отвели ему место на периферии, в обиходно-бытовой сфере, для обслуживания сугубо «домашних» нужд. И все проблемы якобы отпали сами собой. При этом официально провозглашается с трибуны 8-го Пленума Чувашского обкома КПСС, что «областная партийная организация должна считать своим долгом и дальше активно приобщать подрастающие поколения к русскому языку, добровольно избранному советскими народами языком межнационального общения». При этом ни слова о том, что должна сделать областная партийная организация в отношении родного языка. Значит, «большая забота об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни» (цитирую резолюцию «О межнациональных отношениях») никак не касается наших партийных органов и парторганизации в целом (Вероятно, у наших партийных руководителей уже в крови наследственный страх перед обвинениями в «местном национализме» и поэтому они не берут на себя смелость выступить с какими-либо инициативами в этой области).

Как справедливо пишет Мати Хинт, «интернационализм на практике истолковывают и как переход нерусских народов нашей страны на русский язык (следствие этого, к сожалению, — сужение сферы применения ими своего языка и отход от национальных традиций...) Двужычие в условиях сужения сферы родного языка не способствует развитию культур «малых народов» («Двужычие и интернационализм», «Дружба народов», №5, 1988).

Во имя такого «интернационализма» закрывались чувашские школы за пределами республики, чувашский язык в средней школе был низведен до изучаемого предмета, вместо того, чтобы быть средством формирования творческого мышления учащихся. Чувашская комсомолка была лишена газеты на родном языке, сокращали количество названий издаваемых чувашских книг. По сравнению с 20—30-ми годами практически перестали употреблять чувашский язык в административно-хозяйственных органах и советских учреждениях. Вывели чувашский язык за двери вузов, техникумов, ПТУ и даже там, где как будто должны готовиться кадры национальной творческой интеллигенции родной язык не преподается (худграф и музфак Чувашского пединститута, художественное училище). Да и то сказать: по данным 1970 года среди городского населения в таких группах интеллигенции как административная, производственная, научная и массовая — всюду преобладало некоренное население. И только в составе художественной интеллигенции преобладали чуваша по происхождению. (К сожалению, не приходилось встречаться в литературе с новейшими данными, ведь эти сведения полузакрытого характера, как и другая статистическая цифирь). Но последние (художники, музыканты, архитекторы) очень часто не знают чувашского языка. Что они могут дать национальному искусству, когда не владеют самым тонким инструментом познания души народа?

Когда мы говорим сейчас о необходимости повышения престижа чувашского языка, то это национализм? Или все же патриотизм, желание следовать естественному чувству долга перед нашими отцами, которые много сделали для развития родного языка, национального искусства и литературы? Пора разобраться в соотношении понятий **национализма, национального самосознания и чувства национальной**

гордости. Крупнейший деятель чувашской культуры 20—30-х годов Метри Юман писал в 1921 году: «...Несмотря на невероятно тяжелые исторические условия, народ все же сохранил свой язык, быт, сберег национальные предания и оставил нам в наследство любовь к родному, уважение к национальному прошлому и наградил нас зачатками национального самосознания...» Что же мы так бездумно губим, топчем эти зачатки? Если национальное самосознание будет расти и укрепляться (что закономерно), то в этом и будет основа для подлинного интернационализма. Но воспитание чувства национальной гордости нуждается в особом внимании, ведь эта черта так и не стала одной из черт национального характера в силу многовекового униженного состояния чувашского народа. А посмотрите на кавказских горцев, тюрков Средней Азии, крымских татар, калмыков, бурят и других! У нас же оно наоборот, тщательно вытраивалось даже элементарное самоуважение к себе, как представителям одной из древнейших тюркских народностей, сумевшей создать на территории Восточной Европы одно из первых государственных образований — Волжскую Булгарию. В современном многоликом мире, в многонациональном нашем государстве, перед лицом представителей других народов важно осознать себя не безродным, одномерным и комплексующим на национальной почве индивидумом, а **важно осознать себя чувашом. ВАЖНО БЫТЬ ЧУВАШОМ.** И хорошо, что в условиях демократизации и гласности мы говорим об этом открыто.

Надо также сказать о том, что идеологи «сверхинтернационализма» и блюстители искаженных, деформированных принципов национальной политики конца 30-х годов возродились у нас всегда. И они-то тормозили (и тормозят) все предложения, которые были направлены на пробуждение национальной творческой инициативы самих масс во все последующие годы (вплоть до самого последнего времени) и наклеивали ярлыки на одиночек-пассионариев (в 30-е — на Митту, в 60-е — Эльгера, в 70-е — Г.Н. Волкова, сейчас — на некоторых молодых). Именно нежелание решать конкретные вопросы, связанные с расширением общественных функций родного языка и сквозило, например, в выступлении на апрельском семинаре творческой интеллигенции заведомо науки и учебных заведений обкома КПСС Г.Н.Плечова,

где упорно отстаивался тезис о приоритете русского языка, говорилось, что наблюдаются попытки противопоставить чувашский и русский языки у некоторой части творческой интеллигенции (как видим формулировки остаются почти одними и теми же, что в ситуации с Эльгером, что сейчас), оправдываясь переход преподавания основных предметов на русском языке в национальной (?) школе, начиная с 5-го класса.

Профессиональный лингвист А. Горшков на страницах «Советской Чувашии» деланно восклицает: «Не будет преувеличением, если сказать, что у нас почти отсутствует национальная научная терминология. В чем же дело? А в том, что мало издается на чувашском языке научно-популярной литературы» (11 августа 1988 г.). Так, если даже основы наук не изучаются в объеме средней школы на родном языке (кроме грамматики, начатков литературоведения), то зачем вообще нужна такая терминология и зачем издавать научно-популярную литературу на чувашском? Начальное звено уже пропущено! Ведь познание ребенка-подростка-юноши направлено на весь мир — с его природным строением, животными и растениями, на космическое пространство, на человеческий организм, историю человеческого рода в целом и чувашской нации в частности, на современную технику, и процесс первичного познания должен осуществляться на доступном и понятном языке.

Тысячу раз прав С. Эльгер: «Родное слово всегда ложится к самому сердцу...» А школу средней ступени взяли и лишили родного языка! Боюсь, что в этой области все уже потеряно безвозвратно и восстановить уже невозможно. А такая практика, по сути дела, подрубает самые корни национальной культуры — не только в плане эрозии почвы, на которой должны произрастать кадры национальной творческой интеллигенции, но и в плане эрозии нравственной больших масс населения уже не только городского, но и сельского — в их отчуждении от национального. Эта практика исподволь внушает мысль о бесперспективности и никчемности чувашского языка. Никто не отрицает значимости знания русского языка (в современных условиях это было бы просто абсурдно), но нам бы в первую очередь подумать о насущных нуждах чувашского языка и культуры и пока еще не совсем поздно содействовать инициативам в этой сфере.

Двуязычие это крайне важный аспект национального вопроса, который существовал и будет существовать пока сохраняются нации, а до «всемирного лобызания народов», как выразился в выступлении по ЦТ Валентин Распутин, еще очень и очень далеко. Но выбор языка важен не сам по себе, а потому что он определяет культурные мотивации человека. У нас по всей России принята единая, общая система культуры, просвещения, образования, реализации родного языка. И у всех народов — с разным историческим опытом и неодинаковой внутренней этноязыковой ситуацией — функционируют одни и те же механизмы, общественные и культурные учреждения одного типа. Эта унифицированная и жестко централизованная модель не срабатывает, по моему мнению, в наших условиях и ведет лишь к обезличиванию национальных культур. Также нарушено органичное единство культуры, восходящей к народным корням. Она раздроблена, развивается случайно и хаотично, с трудом выживая под мощным нивелирующим давлением «центра» и местной бюрократии. Нужно отношение к родному языку связать с делом просвещения, образования, подготовки кадров национальной творческой интеллигенции.

Конечно, есть проблема чувашей, проживающих за пределами республики, которые не имеют доступа к национальной культуре и большей частью у них нет даже школ на родном языке, словно они существуют в дояковлевское время. По отношению к ним вполне применим принцип культурно-национальной автономии, возврат к которому, естественно, с новым осмыслением (от административно-территориального принципа решения национального вопроса) обосновывает доктор экономических наук Г.Х.Попов («Знамя», 1988, № I). Ведь сейчас «выброс» одаренных людей оттуда (даже просто абитуриентов на чувашское отделение нашего университета) мизерен. Национальная культура и язык не могут быть подвластны ведомственным барьерам и фиктивным территориальным границам.

Взять сферу воспитания и проблему национальной школы (в настоящем ее понимании). У чувашей, как и у других наций, есть свои традиции этнопедагогики, иначе говоря народного воспитания и обучения, свой гуманитарный образ мира. Своя структура духовного. И эта сумма духовных цен-

ностей нации бережно передавалась от одного поколения к другому, откладывалась в генофонде и не опереться на этот потенциал было бы просто неразумно. Г.Н.Волков разработал глубокую и очень продуктивную концепцию чувашской этнопедагогике, которая вбирая в себя совокупность нравственных императивов нации, вполне могла бы стать базой для подлинной чувашской школы. И такая школа воспитывала бы и чувство национального самосознания, и чувство истинного интернационализма, потому что она шла бы от жизни, а не забивала бы детские головки грудой разрозненных и отвлеченных понятий, умозрительными схемами.

Нам нужна собственная целостная и динамичная модель чувашской культуры, которая связывала бы воедино гуманитарные науки, школу, просвещение, национальное искусство и литературу, средства массовой коммуникации и в которой главенствующее место занимал бы родной язык (ибо это центральный нерв всей культуры!). Патриоты-одиночки не могут изменить ситуацию, побороть структуру местного бюрократизма в культурной сфере при пассивной безынициативности снизу. В рамках этой модели будем решать свои наболевшие проблемы. Ее целевое назначение ни в коей мере не отрицает интернационалистского пафоса, ибо «интернационализм означает взаимное общение целостных культур суверенных в правовом отношении народов» (Мати Хинт).

1988, сентябрь

«СЕЙЧАС ВРЕМЯ ЧЕРНОВОЙ РАБОТЫ...»*

— Вы в сравнительно молодом возрасте сделали карьеру как ученый и педагог, как литературный критик, являетесь членом Союза писателей СССР. И вдруг — переход на политическое поприще. Так сказать, все пришлось начинать с нуля. С чем это связано?

— Я не хотел бы считать себя политиком, но пришлось окунуться и в эту сферу жизни.

Для меня самого в этом есть нечто иррациональное. Не знаю, почему так получилось. По складу характера, мне казалось, что я не подхожу для такого рода деятельности. Ведь политик это человек действия (и его слово тоже должно быть действием). А это означает приложение усилий, причем в самых разных направлениях. Так душа бессмысленно растрачивает себя. Порой кажется, что все это бесполезно. Но иногда удается добиваться кое-каких результатов. «Закон о языках в Чувашской ССР» — со скрипом, но все же начинает реализовываться. Что-то начинает меняться и в психологии самих людей. «*Чăваш текех мĕскĕн мар...*» Ничего не изменится в нашей жизни, если по-прежнему будем ощущать себя рабами.

И все же я вспоминаю постоянно слова великой книги: «Недеяние всегда приносит спокойствие... ДАО постоянно осуществляет недеяние...» Когда-нибудь все вернется на свои места и душа успокоится, не вечно же нам дергаться.

— После августовского путча и в Чăваш Ен обстановка, кажется, меняется к лучшему. Однако, согласитесь, наша республика сравнительно все еще консервативна. Я имею в

---

*Советская Чувашия. 1991, 18 октября.

виду не только руководящие органы, с которыми, вообщем-то, все ясно. Так что же надо делать, чтобы мы встряхнулись наконец, чтобы потянулись если и не за цивилизованными странами, то хотя бы за москвичами и петербуржцами?

— События августа это как летняя гроза, кратковременная и очищающая. Очищение началось, но процесс будет идти долго. Сейчас мы присутствуем только при его начале. Мы же «больное» общество и вот начинаем выздоравливать. Но «болезнь» наша слишком затяжная и тяжелая. И на чудесное исцеление рассчитывать не приходится. И Ельцин нас не спасет, каждый должен сам себе помочь. И не нужно нам тянуться за Москвой и Питером. Может быть, и столичным жителям не грех кое-чему поучиться у нас. По крайней мере, у нас меньше демагогии и суеты. Чуваши — немногословный народ, но в работе, в «черной» работе, мало кому уступят.

А сейчас такое время — время «черновой» работы. Плюс здравый смысл, которого тоже не занимать, хотя бы, чувашу-земледельцу.

Я не согласен с расхожим мнением, которое часто муссируется «демократами», что Чувашия это оплот консерватизма и т.д. Наш консерватизм, особенно среди простых людей, может быть близок к консерватизму английского толка. Хотя простых людей и не бывает.

— Кстати, о национальных интересах. Если они на самом деле существенны, то, видимо, должны отражаться в деятельности каких-то партий, союзов, движений. Однако, насколько известно, у нас только ЧАП (Партия чувашского национального возрождения. — Ред.) является сугубо национальной партией. Да и она, кажется, не пустила корней среди чувашского населения. Будучи одним из идейных отцов и организаторов ЧАП, чем вы можете объяснить ее слабость?

— ЧАП не опережает ход событий и не забегает вперед. И это хорошо. Но когда нужно, слово родной партии звучит. Как, например, это было 23—25 октября прошлого года во время принятия Декларации о суверенитете, Закона о языках в Республике Чăваш Ен. Это была серьезная политическая акция. А «чувашская идея», само понимание необратимости процесса национального возрождения постепенно найдет своих сторонников. И здесь не нужно спешить. Следовать естественному порядку.

Мне, вообще, кажется, что среди чувашей не должно быть крупных политических партий или массовых движений. Другой темперамент. Существует и проявляет себя определенная обособленность личности чуваша. Так сказать, себе на уме. Может быть, основу нашего менталитета составляет чувашский индивидуализм особого рода? Как говорит молодой эстетик Якку Юри, мы, чуваша, естественно и изначально экзистенциалисты, остро ощущаем пограничные ситуации. У нас каждый чуваш и к ТУРА (Богу) обращается скорее индивидуально, чем в коллективной молитве. И, тем не менее, я глубоко убежден, что каждый умный чуваш разделяет идеи ЧАП. По крайней мере, он выступает их сторонником. А оформление членства это, как говорится, дело техники. Придет время (*мехел ситсен*) и встанет в ряды ЧАП.

С другой стороны, личности чуваша, вероятно, не хватает энергетического потенциала европейского склада. Мы — слишком бываем порой сентиментальны. Отсюда — созерцательность, некая пассивность и вечное ожидание лучших времен (...)

**«Я ОЩУЩАЮ, ОЩУЩАЮ,
ОЩУЩАЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ...»***

(текст-диалог с латышским поэтом
Улдисом Берзиньшем)

А.Х. В «Эпифаниях» Зиедонис говорит: «Я был красивой сверкающей бутылкой, и меня оклеили этикетками...»¹ Верно, этикеток к творчеству Иманта Зиедониса приклеено немало: он и генератор идей, и современный мифотворец, и крайний парадоксалист, и радетель всего семейного и народного, и ниспровергатель, бунтарь против Бога и Черта... Он ведущий латышский публицист-«деревенщик» и изысканный эстет в поэзии, мэтр латышской философской лирики. Что можем мы добавить к этому внушительному перечню?

У.Б. Иногда удается определить какую-то главную эмоцию или черту характера, которая, может быть, и дает импульс всему творчеству художника... Вспомни: «И мир словно зеленая рыба плывет через мою сетчатку...»

Четверть века проработав в поэзии, Зиедонис дает очередной книге стихов название, отражающее изумление лирического героя: «Вот как»... «Вот, карандашит (меня?) вот, снова столит. Вот слово само себе цепи кует». Удивление, этот важнейший творческий импульс, «столит, «тетрадит» героя, оно даже велит букве «i» открыть свой единственный черный любопытный глаз. У польской поэтессы Виславы Шимборской есть стихотворение «Вот так умора!», где некое

---

* «Es jutu, jutu, jutu šo zemi...» //»Literatura un Maksla». 1987 gada, 27 mart .

¹ Кроме оговоренных случаев, цитаты даны в подстрочном переводе.

абсолютное «кибернетическое» начало Вселенной дает следующую оценку сыну человеческому: «Для настолько ничтожного подвида кристаллов — он довольно-таки изумлен». Окажется, способность изумляться — существенная «космическая категория», это привилегия кристаллов (то есть идеальных мыслящих структур) — уметь по-настоящему удивляться!

«Дальний лай собак по ночам напоминает тюльпаны...» Я верю, что тут не желание удивить, а собственное удивление. «Разве не пахнут капли дождя и лужи — разве не пахнут они семьей и народом, человеческой жизнью?». Дождь — есть, лужи — есть! Ну и ну — и надо же такому случиться: мы есть! Этот мир — есть!

От вечного изумления художника рукой подать до «вечного бунта», до постоянной привычки, утвердив, отрицать и утверждать отрицанием собственного отрицания... Восстать в самом начале творческого пути против самодовольного покоя и косности (и нашей, и своей) и через полтора десятилетия восстать против (и своей, и нашей) бездумной самоуспокоенности, против самоцельного бега, против такого «прогресса», который игнорирует ценности тысячелетней аграрной истории Европы, чтобы вскоре восстать против косной иерархии этих ценностей и заставить элегический полевой валун (а он старший брат нашей крестьянской цивилизации) ожить, подняться на собственных крыльях в небо, свить гнездо и вывести птенцов. Восстать против «опредмечивающих» тенденций новой поэзии, вопреки ей «жечь глаголом», вкусы просвещенных Элюаром и Элиотом задевать явной беллетристичностью — и вырваться из этих пределов тяжелым прозаизмом или варваризмом, а позже — каким-нибудь сравнением или образом на грани громоздкости. Вот отрывок из «Поэмы о молоке»:

А молоко,
эту давным-давно записанную ленту,
(магнитофонную — У.Б.),
эту разорванную и разодранную ленту
от всех собрать по кусочку...

Или, два десятилетия работая в поэзии, уже владея несколькими «неповторимыми» манерами письма, пойти в

ученики к молодому тогда модернисту Янису Рокпелнису... Но пора и мне клеить этикетку на сверкающее стекло его поэзии... Зиедонис — прежде всего певец работы, идеолог работы, да и сам неутомимый, даже фанатичный работник. Литературный критик А.Кубулия пишет: «Актуализация духовной стороны жизненного лада, проецированной именно на прозаическую «черную» работу, — вот момент, которому легкокрылый эlegantный летун, ветроустый вешун Зиедонис посвящает уже многие годы, почти всю свою творческую жизнь; и поэтому люди пишут ему, просят помочь, надеются на него».

В стихотворении твоей землячки, чувашской поэтессы Любви Марьяновой героиня сажает березу, сажает липу, вот у нее уже и роща, и липняк; соединяет их символическая «тропинка счастья»... Латышский поэт Имант Зиедонис сам ездит сажать деревья, за последние десять лет он посадил в разных местах республики, наверное, не одну сотню берез, лип, елей, верб, дубов. То, что он любит это делать, отразилось и в стихах, и в книге «Эпифаний»: посадил куст ревеня посреди асфальта меж двух белых лилий, сидит под широкими прохладными листьями... Вскопал гостиную, посадил черемуху из народной песни... Посадить деревце — маленькие подобие мирового дерева — это ведь и глубоко символический акт в культуре любого народа-земледельца!

А.Х. С моего берега, с берега Волги отчетливо видна высокая фигура латышского поэта—пахаря, сеятеля. Уже в первый приезд в Латвию пришлось слышать и читать об организованной поэтом «Группе по освобождению вековых деревьев» (переводчик И.Дмитриев говорит, что по-латышски это название звучит куда естественнее). Группа, уже десять лет ведущая борьбу за восстановление традиционного пейзажа памятных мест Латвии, где родились и жили писатели, да и просто красивых уголков, за защиту вековых дубов от «дружбы» ольшаника и действий мелиораторов, кажется мне своеобразной «школой энтузиазма», репетицией будущей главной работы... А главная работа какая? Беру из папки подстрочник: «Землю! Землю, латыш, надо заполнить, иначе она зарастет сорняком...» Не дать утонуть в сорняке «крестьянской Атлантиде», чтобы аграрная история Латвии третьего тысячелетия стала осознанным продолжением первого и второго... Эта

борьба за многовековую основу латышского национального лада — земледелие, начатая книгой о Курземе и продолжаемая в новой публицистической книге «Все-таки», сродни борьбе русских «деревенщиков» за достоинство русского, российского земледельца...

Во всем, что делает Зиедонис, несмотря на его многоликость и «уникальный мозаичный облик» (Я.Петерс), можно ощутить единство линии, «направление воли». Его поиск «волевой линии земли» приводит к краеугольным понятиям. Я бы определил их так: народ—семья—дети. С точки зрения своей философии активного действия поэт утверждает такой треугольник: «..Идеал, Среда, Труд Человека... Идея в Среде без Человека Труда не реализуется. Среда и Труд без Идеи — нелепость, хаос, халтура. Труд и Идея без Среды, без Своих, без Общества — это как бы отпечатанная, но не закреплённая фотография, она проступит и тут же побуреет, нечем ее закрепить, удержать. Так что останется вот это самое, что содержит в себе три принципа и умеет вокруг них объединить своих» («Все-таки»). «О б ъ е д и н и т ь с в о и х» — это замечательно. А сами принципы вполне совместимы с вышеприведенной триадой. Разве дети — это не идеал, семья — не та среда, в которой они растут, а народ — не вечный труженик? Наверное, я невольно следую здесь за Зиедонисом, который любит четко выделять понятийные сцепления, уровни, принципы... Во всем пространстве латышского он ищет основополагающую структуру, чтобы духовные ценности каждого человека стали общим достоянием нации.

И вот он неустанно проповедует этический кодекс латышского народа, сохраняемый в дайнах, цитирует их в лирических стихах («Братец, пой, и я откликнусь, будем петь в лицо друг другу»), комментирует в поэмах, «привязывает» к реалиям современной деревни. Наконец, составляет и издает антологию народной песни «Труд великий ты вершила» (Рига. Изд-во «Лиесма», 1985): попытка еще раз актуализировать ценности этих неписаных скрижалей, еще раз обратить внимание на то, что объединяет своих. Поэт, чьи слова порой обжигают холодом одиночества и гордого самопознания, перелистывает вместе со всеми народную книгу.

Зиедонис славит семью, как опорную ячейку структуры... «Семьи — как длинные лодки в лагунах вечности...»

Во вселенском котле, что кипит
и вздыхает,
выдувая в пространство пылинки и споры,
семья моя, род мой —
точка опоры.

Перевод Л.Азаровой.

И чему же, как не хлебу и молоку, быть символом единства семьи? Вот члены ее, все близкие собрались за столом вечером накануне Лиго — праздника Иванова дня, собрались и молчат, потому что «тишина над столом — наша сила, мы держим мысль и стремимся понять без слов, что мы значим друг для друга» («Поэма о хлебе», перевод Л.Азаровой). Поэмы о молоке и хлебе составляют вместе как бы семейную книгу!

И для детей — будущего нации — нужно написать книгу. И не одну. Зиедонис продумывает всю систему детской словесности в Латвии, чтобы в ней было место и неожиданному чуду, и постепенному приобщению ребячьего ума и чувства к структуре национального опыта. Поэт берется за нелегкий жанр — детскую авторскую сказку. Готовит специальные детские издания дайн... А самые первые зерна, наверное, брошены в «Азбуке поэтических начал», определяющей ключевые понятия и природы, и этики.

Я вспоминаю маленьких героев книги «Все-таки» Агрите и Ринальда, которые помогают своей маме ухаживать за коровушками (по-латышски не обойтись без уменьшительного суффикса...). Дальше цитирую по интервью народного поэта газете «Литература ун Максла»: «Задуманный мною Центр по изучению детской культуры будет. Созданы два периодических издания — «Невиданный боб» для детей и сборник статей «Падомс» («Совет»? «Сбереженное» — по-латышски слово многозначно) — о делах детской культуры. Хозяйствами республики уже учреждены две премии по детской литературе — премия, носящая имя героя известной детской книги Пастариня (рыболовецкий колхоз «Банга»), и премия Ояра Вацietиса (агрофирма «Адажи»). При Обществе культурных связей с зарубежными странами организована ассоциация активистов по вопросам детской культуры. Выйдет в нескольких томах систематическая «Детская энциклопедия». Нужно

добиваться, чтобы вышла многотомная антология, вроде собрания сочинений всей латышской детской литературы — от народной песни до наших дней..»

Надеюсь, что все эти сокровища дойдут до Агрите и Ринальда, помогут им закрепиться на земле, как на «острове доверия».

У.Б. Когда вышла по-латышски поэма «Курземите»? В 1970 году, а в журнале еще раньше. Так вот, семидесятый год... Экологические, социальные, психологические проблемы, о которых сейчас столько пишут, тогда уже беспокоили поэта. Он не верил, как некоторые, что выручит закон больших чисел, сгладит «отдельные упущения», что-де кривая вывезет... Ну, а что делать? Да, наверное, со временем жизнь всех научит, повернется так, чтобы выгодно стало делать все «по-настоящему», на совесть, чтобы выгодно стало, к примеру, не воровать... Но, пока придет это время, непоправимый урон понесет этика народа! Понимаешь, для Зиедониса (как и для русских «деревенщиков», и для Гранта Матевосяна, и для Акрама Айлисли) тут не столько социальная проблема, сколько этическая. Человек там только и начинается, где он творец, а не «творимый», «ведомый» все тем же «большим числом»... Вспомни цитированное уже интервью Зиедониса, где он говорит и об энтузиазме: «Я понимаю энтузиазм только как этическую силу, как благородную «одержимость». Это творящая и ведущая категория... Энтузиазм тянет вперед — он уравнивает не только вялых и ленивых, но и его — нормального гражданина».

В бою против грозной реальности «социального отчуждения» поэт требует добросовестности от «нормального гражданина», а кое от кого ожидает и большего — ожидает вспышки энергии... На что опирается, на что надеется поэт-моралист? Зиедонис не наивен (и в высоком искусстве может крыться верный расчет!), Зиедонис, как и современные русские писатели-моралисты, делает ставку на заряд национальной духовности, на этический потенциал латышского фольклора, всей культуры, истории народа. Ну, а как относились к работе наши деды? Из «Все-таки»: «У деда было три брата, на всех одна пара сапог, столько лет они своим хлебом барону набивали брюхо — а поле не запустили». Из «Эпифаний»: «Наденьте белую рубашку и копайте землю». Земля

— средство производства, но она и невеста, а потом — жена пахаря. Труд не только средство, но и цель. В латышских дайнах работу не делают, ж и в у т работу. Как вдох — выдох: работа — суббота, работа — суббота...

А.Х. А ведь эта «белая рубашка» ритуальна для многих народов-оратаев, и для чувашей тоже. Как и праздник суббота, как и освящение самой работы. Зиедонис наступает на изживший себя плоский прагматизм; в его стихах призыв к некоей внутренней «иерархии себя», к самоуважению. И.Дмитриев перевел на чувашский такую латышскую дайну:

... Бог вошел в комнату,
Спрашивает, кто хозяин дома?
Тот хозяин дома,
Кто сидит во главе стола,
Кто сидит во главе стола
В белой льняной рубашке.

У.Б. Очень кстати: текст Зиедониса, философия Зиедониса прекрасно «аккумулируют» смысл дайны. Будь хозяином своего стола, своего дома, своего поля, своей страны! В «Курземите», во «Все-таки» поэт ищет хозяев, пишет хозяев — председателя колхоза, директора совхоза, садовника-селекционера, старую мать с хутора «Яунзежи» с ее дневником — летописью их рода, да и старую Сашечку Микельсон, деятельную хозяйку сельского кладбища: «Все деревья здесь на моем веку выросли, здесь ужасно быстро все растет. Такую тую вы нигде в Латвии не увидите. И таких живых могил».

Надо найти «светозарных, зимостойких людей». Хозяевами делает нас сила — моральная, материальная, даже и физическая; надо обследовать запасы человеческой силы. Она, по космологии Зиедониса, в «годовых кольцах» народного ствола. Она, словно пряжа, наматывается на некое духовное, историческое «мотовило» светозарными, зимостойкими поколениями — или же разматывается, тратится расслабленными, вялыми, сбитыми с толку поколениями. Где искать силу, когда на каждом шагу встречаешь прямо-таки обнаглевшую от безнаказанности слабость? Быть может, надежда Зиедониса, как и многих сейчас, на периферию? По-моему, его идея и шире, и реалистичнее: разглядеть и утвердить общие нравственные ценности и «периферии», и «центров», отво-

евать центр, производство, план, завод, хозрасчет, контору, науку, наконец, у процессов отчуждения, у плоского утилитаризма. Вот рецепт из книги «Все-таки»: «...давать центру (тут — в буквальном смысле — колхозному, совхозному центру, — У.Б.) обрастать прошлым (старая архитектура, дома, дворцы) и будущим (современные производственные здания), образуя естественное, единое историческое целое». По мысли Зиедониса, самое в нашей жизни прочное — «старое», прошедшее испытание «новым». Вот что пишет он об отношении к латышским хуторам, устоявшим в исторических и хозяйственных переменмах (читай: и ко многим армянским, азербайджанским, дагестанским, грузинским высокогорным селам и деревням России и Украины, объявленным «неперспективными», и к эстонский рыболовецкий бригаде на маленьком островке Монзумского архипелага, и небольшим сельским школам в любой республике...). Поэт возмущается: «Как можно обречь на гибель жизнеспособный организм! Усадьбы — ведь это же как люди! Можно программировать уход бездетных пенсионеров, но нельзя программировать уход из сегодняшней жизни общности, перенесшей все исторические невзгоды, ставшей историей, которая уже доказала, пройдя через все фильтрации, отвечающие каким-то истинам или хотя бы положениям, претендующим на истину, доказала свою способность выстоять, свое общественное здоровье»... Это не сантимент, не пассивный жест, нет — уходящему надо дать возможность достойно уйти, а вот «выстоявшее» — как раз источник нашей настоящей и будущей силы. В то же время Зиедонис — за крупное общественное производство, за агрофирмы, за эволюцию. Да, но смысл эволюции в преемственности: чтобы нам быть «узнанными» еще и через тысячу лет!

А.Х. Когда я читаю деревенскую публицистику Зиедониса — ставшие в Латвии бестселлерами «Курземите» и «Все-таки», — я испытываю добрую зависть к вам, латышам. У вас нашелся поэт, который спустился с метафизических высот слова в глубь деревенской жизни. В какой-то период поэт почувствовал недостаточность своего слова, потому что оно не имело прямого выхода к реальности. Да, оно задевало струну в сердце человека, но звук ее был слишком тонок и невнятен. И вот этот бросок. Как заклинание Зиедонис повто-

ряет: «Я ощущаю, ощущаю, ощущаю эту землю. И надо писать сейчас же, пока она не перестала мною ощущаться». Противоречий он видит немало: исчезла одухотворенность физического труда; небрежение своим прошлым свидетельствует о скудности исторической памяти; рост хозяйства прогнозируется с размахом, а культура застревает на танцульках и дальше никак не двигается... Это лишь некоторые примеры из «Курземите». Их можно выписывать страницами...

Пытаюсь продлить мысль Зиедониса за пределы Курземе и Латвии: только ли Белов и Залыгин в ответе за природу, за культурные традиции русского Севера, Сибири — или и ты, молодой агроном, учитель, директор лесхоза? Что делаешь ты, инженер-бурят, вернувшийся после учебы в Ленинграде или Новосибирске, для того, чтобы бурятская национальная духовность, тысячелетиями складывавшееся мировосприятие твоего народа стало понятным и близким всем, кто приехал в Сибирь, чтобы работать вместе с тобой, вырастить детей, которые будут жить бок о бок с твоими? И соотношу с нашей чувашской ситуацией... Где же наши пахари от культуры? Где наши улыпы (богатыри)? Наверное, пребывают в сказочном безвременном сне, и некому их разбудить. А ведь и наши родичи там, на деревне... И разве не щемит наши сердца, когда возвращаемся туда? Исходя из чувашского опыта (и, несколько шире, некоторого знания литературных и культурных процессов Урало-Поволжья), я с сожалением констатирую, что у нашего народа нет сейчас деятеля, чье слово было бы действительно, возбуждало бы волны общественного мнения. Да нет, пожалуй, и почвы, на которой такая личность могла бы подняться, слишком пренебрежительно относились мы к проблемам нашей культуры в течение последних десяти—пятнадцати лет. В 20-х—30-х годах нашего столетия на всплеске национального самосознания в Урало-Поволжье появились такие поборники народного духа: революционер, поэт-пророк Мишши Сеспель — у чувашей, просветитель, поэт, организатор удмуртской культуры и литературы Кузешбай Герд, Такташ и Туфан в татарской литературе, продолжившие дело Тукая, сгоревшего от внутреннего огня. Они действительно стояли у истоков своих литератур, способствовали их становлению, они оставили глубокий след в памяти народной.

Подобных деятелей — его, зиедонисовского склада — и по Союзу, пожалуй, немного. Пальцев на руках хватит, чтобы пересчитать. В книге «Все-таки», развивая важные идеи об интернациональном с о - ч у в с т в о в а н и и (и далее, интернациональном д е й с т в о в а н и и, которое должно стать нормой) в реализации общекультурного дела, латышский поэт называет среди своих единомышленников Зальги́на и Айтматова, Белова и Иона Друцэ, Распутина... Хочу напомнить такие его слова: «...уже появились опасения. Более того — целая «литература опасения» — о духовном самосохранении, страхе перед духовным оскудением. Появился страх: нельзя жить без духовных воспоминаний, без мудрости мифов и легенд, без святости памяти о местном... Для духовности необходимо сохранение памяти поколений».

Мы, чувашаи, только начинаем серьезно задумываться об этом. А ситуация наша гораздо драматичней, чем у латышей. Речь идет о снижении престижа родного языка в общественных сферах, в школе и быту. Язык — нерв всей национальной культуры. У нас же практически отсутствует действенная пропаганда родного языка, нет продуманной системы воспитания на основе народных традиций. А что же интеллигенция? Пора писателю войти в школьный класс, стать соавтором учебника, хватит художникам и драматургам производить вторичную продукцию, лишь слегка окрашенную чувашским колоритом. Сейчас уже мало композитору только брать у народа мелодии и «возвращать» в слегка аранжированной форме. Надо собирать народ на нима — всечувашскую толоку. Где подвижники, думающие о культуре народа, а не только о своем ломте каравая?

Но вернемся к поэзии Зиедониса, к ее корням в истории латышской литературы. И первым здесь должно быть названо имя Яна Райниса. Размышляя о героях его пьес, о прочтении его драматургии в контексте сегодняшнего дня, Имант Зиедонис пишет: «Райнис создавал острова. Потенциальные сгустки энергии. Облака предощущений, рассеянных в обществе. Несформированные мысли. Предполагаемые модели. Острова доверия. Он подбрасывал нам эти модели, подбрасывал намеренно, пропагандируя. Идеи эти носятся в воздухе, и вокруг нас возникает идейно насыщенное пространство, и плотность его все увеличивается. Райнис создавал

предпосылки материализации идей». Емкая характеристика определенного типа творческой личности, не правда ли? Мне представляется, что она в полной мере приложима и к самому Зиедонису. Личность, которая постоянно тревожит социум, нарушает привычный ход вещей, аккумулирует общественную энергию, необходима любой национальной культуре.

У.Б. Не совсем согласен, что Зиедонисом — общественным деятелем движут прежде всего «предполагаемые модели», существующие в поэзии Райниса. И даже не думаю, чтобы после Райниса осталось какое-то особое «идейно-насыщенное пространство». Райнис поэт-символист, совсем в духе своего времени, отнюдь не предвосхитивший дальнейшее развитие искусства и человеческого общества... А в поэзии вообще ведь имеешь дело с художественным, а не философским откровением... «Плюс» и «минус», «да» и «нет» — часто их можно менять местами без ущерба для художественной концепции. У Зиедониса такие высказанные «открытым текстом» положения, как «выхода нет изнутри — есть выход только вовнутрь» или «нейтрального яблока — попросту не бывает» — это «фактура», материал для строительства стихов, или нечто вроде цитаты из ненаписанного кем-то трактата... А собственно художественная концепция автора — в том, как он с подобным материалом обращается, откуда его отбирает...

А.Х. Это верно не всегда, не для каждого поэта. Во всяком случае, для раннего (и не только раннего) Зиедониса главное — мысль высказать, поделиться сомнениями: «Страшна эта пропасть меж «да» и «нет» (...). Во имя чего я явился на белый свет?» (Перевод М.Еремина). Отсюда и пристрастие к оксюмору. С одной стороны, «камнесобранность», с другой, ветер-оборотень, «тоньше таволги».

У.Б. Ну, хорошо. Латышские критики и эссеисты иногда ищут в творчестве Райниса особые философские глубины, надлитературные, сакральные уровни, недоступные глазу профана. Сейчас создается комментаторская традиция к творчеству Зиедониса, его лирике и поэмам... Поэт и критик Освальд Кравалис написал о Зиедонисе немало страниц блестящей эссеистики, и о его концепциях мы уже спорили. Возьмем еще один фрагмент. Вот предложенное Кравалисом толкование образа Черта.

Критик утверждает, что для Зиедониса интеллектуальная специализация — бесконечное «дробление» науки и наших представлений о Вселенной — это и есть Черт, который подкупает человека, предложив ему могущество, а взамен отбирает у него внутреннюю гармонию, а значит, и самую возможность полноценного существования. А это в конце концов обесмысливает силу, которую будто бы обрел человек, подвергшись узкой специализации; противоположная, позитивная проекция (а следовательно, общественная необходимость) — План. По Кравалису, Черта нельзя просто обойти, игнорировать, приходится впустить его в себя, познать и преодолеть, что будто бы составляет одну из линий внутреннего развития лирического героя. Но стоп! Дальше я не согласен следовать за своим умнейшим Вергилием. Потому что у поэта все проще: « И впереди меня, и в темноте глубокой и густой. Черт шел смеясь — мой черный отец». И слава черту — здесь воплощена не какая-нибудь символическая схема, а отражена подсознательная пугливая тяга к темноте, к изначальности, то есть «не сотворенному» еще свету... Идея — поэтическая, а не философская!

А.Х. Давай не углубляться в эти архетипы из области фаустовианы. И все же не могу согласиться с твоим отрицанием всего рационального в поэзии. Слово имеет право на всего человека — и на его подкорку, и на сознание. В народной песне, на фоне древних мифологических представлений, идет вполне рациональное освоение действительности. А перед поэтами всегда открыты две возможности: или творить слово, или творить мысль... Чувашский поэт Мишши Сеспель в 1921 году увидел пламенеющие дали прекрасного (и — страшного!) мира, мира Нового Дня. Ему казалось, что лучи Нового Дня сжигают, убивают его изможденную болезнью плоть... Стихи 1921 года, словесное колдовство, похожее на заговор чувашского языческого жреца — йомася, от ритуальных заклинаний у Сеспеля повтор синтаксических конструкций, нагнетание однотипных морфем и фонем в определенных местах текста. Это, несомненно, великая поэзия, которая не упорядочивает, не рационализирует, но свидетельствует об одной из вспышек Истины... И такая поэзия всегда идет через боль (которая также является предощущением света). А поэт-философ Райнис, наоборот, ищет, объясняет, называет по

имени мир — Истину. И мы читаем, пусть кто-то и в переводе, и видим, что это тоже великая поэзия.

У.Б. Или прежде всего великая мысль? Высокая этика? И у раннего Зиедониса тяга к «резонированию», эмоциональным — да, но не обоснованным в языке рассуждениям. Вот выбираю текст, далекий от стилистики Райниса, но близкий своей «неязыковостью»:

Я творец, меня слушаются
Вода и воздух, и разрушительное пламя!
Называй этой прозой, (а) я в этом слышу
Песнь юности.

«В химической лаборатории» (1959)

Парадокс, накал, «мерцают атомы», но взволнованность автора не задевает более глубокие слои языка, мысль — от мысли, а не от языка! Это райнисовская линия латышской поэзии... Да, великий Райнис, подолгу сидевший над старыми словарями, создавший сам десятки новых латышских слов, сумевший на сто лет вперед заготовить запасы стилистического «сырья» для доброй половины латышских поэтов, не мыслит словом! Мыслит мыслью! А само слово у него на трехстепенных должностях... Слово Райниса — двухмерное слово страстной ораторской речи. Совсем иная чаковско-адамсоновская линия латышской поэзии. Пусть у Чака нет особого словотворческого запала — самое обыденное слово выходит из его уст «трехмерным», получает семантическую глубину; Чак — волшебник.

Когда проснулся волшебник в Зиедонисе? Только в самом конце шестидесятых годов. Тогда умозрительные «Эпифании» вобрали в себя всю его страсть к рассуждениям, а смелая публицистическая «Курземите» отчасти «разгрузила» темперамент поэта. И вот стих, расковавшись, уже искал иное русло: в сборниках «Как свеча горит» (1971), «Во тьме, ко мне благосклонной» (1979), «Вот как» (1981) он полон спонтанности и словесной игры, игры равноценных вариантов поэтического смысла:

Между прочим, среди других (народов)
в мире
мы народ, который засияет.
Вот как солнце льет и льет (свой свет)

на пашни, леса и (девичьи) косы.
И над хоккейными площадками,
магазинами, волжским вином
снова ребенок рождается над ними —
лоб словно у (профессора) Эндзелина.
Вот Ояр Вацietис родился (новый? но,
может быть, мы все еще
свидетели рождения поэта полвека
назад? — У.Б.)

Костер посреди сырых щепок.
Вот, как ему не спится — все
(что находится вокруг? — но
на самом деле горит он сам —
человек-костер. — У.Б.)

словно медогонка брызгает.
Вот, и на звездах записано
то же, что на просторных полях:
Нужно искать то белое серебро,

которое дрожит

тут же, внутри нас самих:

вот и он: тот, кто без (всякой) крови
поубивал господ и драконов.

Один из нас брат: третий из троих.

Единственный, которым (нам суждено)

сиять.

(1978)

«Третий брат» в народной поэзии, Иванушка-дурачок, фольклорный «идеалист» — на него и наша надежда... Впрямь агитационное стихотворение! Зиедонис агитировал за энтузиаста, как сейчас, почти через десять лет, он агитирует в газетном интервью. Но мысль тут подчинена слову!

А.Х. С другой стороны, закономерно, что именно в промежулке между «Курземите» и «Все-таки» написаны «Поэма о молоке» и «Колос-двойчатка» («Поэма о хлебе»). В поэмах эпическое вырастает на почве мифа. В первой — это миф о матери, или, скорее, о множестве матерей всего живого (Мать Яниса, Мать Пчел, Мать Леса, Мать Земная — удивительно близко это чувство чувашскому языческому мироощущению, где каждое явление природы, не говоря уж о существах, окружено сонмом родичей!), миф о молоке опять же как символу всего живого и основе семьи, о младенцах, которые чисты, потому что у них молоко на губах не обсохло. Обычно острый, жесткий и даже колючий в лирике и «Эпифаниях», поэт воспекает округлое, мягкое, материнское.

Все это — песнь, она неизмерима,
молитва предков, в ней о наших душах,
урок мудрейший:
кормит мать дитя
свое, она покормит и чужое,
и хватит молока.
А для Земли
и возвращенье молока, и воскресение —
спасение.

Перевод Л.Азаровой.

«Поэма о хлебе» — как бы комментарий к латышским дайнам, поэтическая реконструкция мифа о Юмисе — божестве плодородия, «ведающем» урожаем, и его олицетворении — колосе-двойчатке. Но поэт держит речь не только о хлебе насущном, который даждь нам днесь, а и о пище духовной («Дух и совесть твоя — эта серая рожь»). И когда Зиедонис говорит «Пора братья за плуг и пахать», то в первую очередь воспринимаешь эти слова как призыв возделывать почву культуры. Если есть пахари по совести — значит, дело народное поставлено верно, оно пойдет Путем Зерна.

В обеих поэмах нет действия как такового, нет и героев — в них ключевые слова-сгустки предстают *sub specie aeternitatis*, под знаком вечности, как и должно быть в мифе. Ибо речь идет не о преходящем, но об основах основ, о том, что пребудет вовеки. Это существенный вклад латышского поэта в развитие жанра, и думаю, что обе поэмы еще будут предметом пристального анализа в современной критике. И здесь интересны не только латышские истоки («мифологические» ключи к прочтению), но и интернациональный контекст. Из «Поэмы о молоке»:

... Есть в мире круг, круговорот —
он вечен:
все странствия описывают круг,
чтоб вновь к истоку, к матери вернуться.

Перевод Л.Азаровой.

Из «Поэмы о хлебе»:

У поля ржаного лицо спокойно:
его измерение — Вечность.

Перевод Л.Азаровой.

Мифологическую матрицу, которую извлек Зиедонис (опираясь на дайны), на мой взгляд, удивительно дополняет эпос сегодняшнего дня — Курземе и Видземе (Мадлиены). Если в поэмах он как бы врезает в сознание читателя категорические императивы, достигая отточенной афористичности свободного стиха, то в прозе дает спектр аналитических срезов деревенского житья-бытья, пишет людей, которые высказывают свои мнения, спорят, раскрывают душу (автор, сдерживая лирический порыв, уступает им право голоса). И я не вижу оснований проводить, как ты, резкую грань между поэзией и публицистикой Зиедониса, создавать две его биографии: жизнеописание общественного деятеля и драму поэта-лирика. Зиедонис, как и мифологический культурный герой, всегда историчен. С прутиком в руке он отыскивает источники воли, энергии и энтузиазма. Ради будущего.

У.Б. Ты говоришь, эти поэмы — вклад в развитие жанра. Но если это не поэмы вовсе — райнисовская философская драма, освободившаяся от драматических «единств», протянувшаяся магнитофонной записью молочной ленты, зерновой желтой дорожкой — сюда из тысячелетий старины? Во всяком случае, система абстрактных понятий выстраивается тут в доспехах завораживающей райнисовской стилистики. Прозаический сказ сменяется проповедью, гимном, молитвословием... А если это ораторская проза «Книги притчей», только метрически переведенная в сферу силлаботоники? Концептуальная импровизация Зиедониса, правда, более изощрённая, чем в философских драмах Райниса или его сборнике «Конец и начало», ведь у Зиедониса за спиной и собственный опыт — от «Эпифаний», и опыт всей латышской поэзии XX века... Но все-таки где грань между поэзией — и великолепным слогом некоторых философов?

А.Х. О чем свидетельствует неизменная популярность дидактической литературы во все века? Может быть, это одно из свойств народов-земледельцев, которые все копаются, копаются в своей земелюшке и потому так уважительно воспринимают «учительное» слово от «ученого» человека. У нас, у чувашей, интеллигентами и были учителя, священники, старцы... И латыши — народ-оратай. Не здесь ли одна из причин огромного влияния и Зиедониса, и Райниса?

У.Б. Я тоже поддаюсь очарованию некоторых мест в поэмах Зиедониса, особенно в «Поэме о хлебе». Но я не могу скрыть свою приверженность стихии языка, сокрытому в языке чуду, от которого занимается дыхание, чуду, которому всю жизнь служил Чак, например, или — Паунд, Элиот, Пастернак, Мандельштам, но от которого с легкостью готова отказаться мысль философа, заинтересованная совсем в ином результате.

А.Х. Не каждый ведь ждет от поэта языкового бунта-протеста или погружения в глубинную семантику языка. «Поэма о молоке» — дидактическое произведение уже по своим литературно-историческим корням, она относится к древнейшей традиции, у истоков которой — «Труды и дни» Гесиода, может быть, «Времена года» Донелайтиса. Кстати, «Песнь о белом молоке», написанная чувашским крестьянским поэтом-примитивистом Антуном Мучи и подробно рассказывающая о разных сторонах молочного хозяйства, — прямая предшественница «Поэмы» Зиедониса на предыдущем, так сказать, «витке спирали».

Мне кажется, Улдис, что твое поколение — сейчас, в середине 80-х — несколько отчужденно воспринимает поэзию Зиедониса, его парадоксальные «ходы», внешнюю эксцентрику поведения лирического героя. Да и самой гордыне, высокой позиции поэта-избранника вы бы скорее предпочли антиромантического героя, сниженность образа, его потенциальное многообразие. Все-таки Зиедонис из шестидесятых годов. А для меня «шестидесятники» (по крайней мере, лидеры русской поэзии — имена известны) — это слишком явный эгоцентризм, попытка эпатажа, рекламная броскость метафорики, синтетические красители и так далее. Словом, вторичный авангард. Что-то из этих веяний ощущаю и в стихе Зиедониса, хотя, может быть, я и не прав... Дихотомия «поэта» и «толпы», блеск и мозаичность образа, который дробится, рассыпается в многократных зеркальных отражениях. Холодные зазеркальные пространства ..

В то время как есть скромная черновая работа на ниве культуры, есть деятели-«кроты», прорывающие ходы на большой глубине культурного слоя. Так, например, работает наш Геннадий Айги, переводя на чувашский французских, польских и венгерских поэтов, пропагандируя чувашскую поэ-

зию за рубежом, центростремительно воздействуя и на более молодых. Сам он всегда в тени, но влияние его кропотливой работы мы только сейчас начинаем осмысливать в полной мере. Делать свое дело, но без аффектации. Гореть внутренним огнем. Хотя Айги — тоже «шестидесятник», в его поэзии как на русском, так и на чувашском языках не слышны веяние тех времен и тех ярких дебютов. Он сознательно отталкивается от этого направления.

Напротив, Зиедониса, как героя из мифа, обуревают гордыня, он возносится ввысь, возмущает спокойствие... Но есть и служение, которое не предполагает сиюминутной пользы. Оно изначально чисто и бескорыстно. При отсутствии резонанса и развитого общественного мнения в нашей чувашской ситуации именно такое «бесполезное», то есть без особой надежды на скорую отдачу, служение остается уделом интеллигента перед лицом национальной культуры. По крайней мере, так было, и лишь недавно забрезжил свет надежды.

У слова и деяний Зиедониса, насколько я могу судить, всегда огромный резонанс. Многократное эхо в Латвии (что особенно важно!) и всесоюзный отзвук. Но внутреннее напряжение поэта — особенно явственно это выступает в «Эпифаниях» и стихах последнего времени — не спадает. Боль остается... И она толкает поэта вовне.

У.Б. В Латвии история шестидесятых годов еще не закончена. Постарели, отошли, ушли многие «шестидесятники», но те, кто остался, как правило, сохранили свои нравственные и творческие, профессиональные позиции. И чаще слышишь от молодых слова, исполненные некоторой «ностальгией» или даже зависти в отношении эгоцентризма и эпатажа поколений шестидесятых...

Да, образ Зиедониса для многих разделен на «поэта» и «деятеля», что не мешает ему самому оставаться внутренне единым. Иногда в стихах герой Зиедониса переживает ту драму, которая приводит поэта к общественной деятельности: занятиям публицистикой, агитацией, борьбе за высокие удои и многодетные семьи. Всем известно, что не должно быть эгоцентристом, эгоистом, каждый эгоист это знает и вынужден считаться с правилами, таиться. Зиедонис восстает и против этой спасительной, даже «воспитательной» лжи — он портретирует своего лирического героя («себя») эгоистом... В

стихах найдется место и капризу — в общественной же деятельности важен результат, народ. Народы. И поэт Зиедонис ставит под сомнение, оспаривает, «снижает» себя — деятеля, пишет «позы», обнажает (бунтуя против самого себя?) внутренние пружины, движущие Зиедонисом — общественным деятелем. Дидактизм поэта искуплен горькой автоиронией (чуждой, кстати, поэзии его учителя Райниса)... Появляется образ поэта-шута и становится двойником поэта-пророка, поэта-учителя:

Нет, не сержусь, а только стыжусь
и скучаю. Лежит Шут, упав
с колокольни — мертв! — на жестком
камне улицы,
но смеется! — с орденом на заду.

Или в другом стихотворения из той же книги «Вот как»:

Как глупо — вот снова слезы падают.
Словно бобы, словно горох падают
из стручка.
Нет, я не трус. Может статься, я шут.

Скучны, в конце концов, просветители, учителя, мэтры искусств в своей заданности, вечной правоте, в сознании собственного величия. Зиедонис-шут развенчивает Зиедониса-нравоучителя — мне, читателю, уже не скучно!

А хватило бы у него силы на, как ты говоришь, «бесплезное служение»? Думаю, да. Или скажу более осторожно: сейчас уже да.

Шубашкар—Рига.

ПЛАЧ ПО ГЕРОЮ

(текст-полилог о спектакле Душанбинского
молодежного экспериментального театра
АХОРУН «Юсуф, потерянный вернется в Ханаан»)

«... О, Отец! Я видел одиннадцать звезд,
Солнце и Луну, склонившимися передо мной».
Коран, Сура Юсуф.

Иосиф Дмитриев: Спектакль необычный, спектакль-реквием, плач по герою...

В этом спектакле меня заинтересовал театрально-игровой язык, состоящий как бы из двух компонентов — музыки стиха и пластики. Все остальное (то есть «материал» игрового языка) — свет, костюмы, ритм, который задается ударными, тоже имеет свой смысл. Это знаки, по которым можно прочесть многое. Желание, идею режиссера и актеров. Эклектика костюмов разных эпох и разных социальных слоев. Шинель, джинсы, таджикские халаты, кожаные куртки. Вместо головных уборов в обрядовых сценах иногда используется просто кусок полотенца, мешковины. Костюмы подчеркнуто ахроничны и этим как бы подчеркивается, что проблема, поставленная в спектакле, вечная. Спектакль адресован всем, каждому зрителю, независимо от возраста, профессии и т.д. Интересно использован общий нейтральный свет, свет свечей.

И слова, музыка слов, разложенная режиссером по всем регистрам, всем голосовым возможностям актеров, от сдавленного шепота до крика. В слове — боль, крик души. Голос у актеров поставлен прекрасно и они чувствуют очень хорошо ритм. И второе — это движение как отдельных исполнителей,

так и общие массовые сцены. Тайный смысл хлопков наверху, внизу, раскачивание тел из стороны в стороны. Юсуф декламирует и одновременно осуществляет вращение. Само движение резко акцентирует чтение стиха. Сама пластика, тем не менее, могла бы быть и богаче.

Удивительно взаимодействие человека с верхом (Богом) и низом. В этом спектакле главное, что человек, живущий на земле не должен забывать о небе, о том, что существует Бог... И сам театр называется АХОРУН — место богов. Обращаясь к зрителю, в Шубашкаре, в Душанбе, где угодно, театр этим спектаклем говорит и предполагает поиск смысла жизни, считая, что каждый сидящий в зале тоже озабочен этим поиском Бога в себе. Мне кажется, что в этом заключается главный пафос и главная идея театра.

Современный театр это театр режиссера. Т.е. режиссер «играет» музыкой стиха, его мелодией. Пластикой, движением, жестами, костюмом, светом, различными атрибутами. Очень простая сценография задает на сцене вертикаль, и на вершине ее, в конце спектакля очутился Юсуф, которого распяли. Спектакль о призвании поэта. Режиссер «играет» всеми компонентами, все становится материалом. Здесь есть поэтический персонаж, потому не нужна психологическая разработка образа. Пользуясь притчей Фаррух Касим выявляет такую модель действительности, духовного состояния. И надо сопоставить ее с духовной атмосферой, которая существует в зале. Театр поставил перед зрителем вопрос: владеет ли зрительный зал той духовной лексикой, которой владеет театр? Душа, свет, Бог, вообще человеческий дух, поэзия, красота, любовь. Верит ли зритель в необходимость существования таких понятий в современной жизни. И здесь есть глубокий провал зрительного зала перед этой духовной задачей. Мне кажется, что, по крайней мере, половина зрительного зала не поняла театр.

Агнер Хузангай: Когда мы говорим об этом театре, то надо коснуться тех пластов, которые лежат в основе этого спектакля. Коснуться традиций иранской культуры. Есть особое отношение к поэтическому слову на Востоке, в культурах ближневосточного региона. Это спектакль декламационного типа, на первом месте выступает Слово. Но оно как бы переводится на другие языки (жеста, например), или усиливается

сценическим движением, хореографией. Вялая, затянутая 1-ая часть спектакля и более экспрессивная — 2-ая.

Темы спектакля, а их несколько, достаточно просты. Их можно понять и без синхронного перевода. Одна из них — человек (Юсуф) выделяется среди других и его окружает зависть, являющаяся естественной почвой для ненависти. Это приводит к мукам, унижению Юсуфа, и его, в конце концов, распинают.

Вторая тема это тема любви, любовь Юсуфа и Зулейхи. А остальное нам, вероятно, малопонятно и малодоступно. Ибо спектакль выстроен на поэтических текстах поэтов-суфиев — Руми, Хафиза, Аттора, Джами. В этих текстах есть особая система иносказаний, упрощенно говоря, все стихи свидетельствуют о пути души к Богу (или возможных контактов с Ним), но об этом говорится косвенно, через особый образный строй. Есть такие избранные, как Юсуф, которым открывается этот путь к Богу, а окружению — его братьям — это недоступно. И как обычно (в наши дни тоже) это избранное лицо подвергается унижениям, оскорблениям.

Спектакль выстроен также на особой системе повторов, как это и должно быть в поэтическом языке. Одна и та же фраза повторяется соло и хором, она (фраза) перетекает в сценическое движение, фразы «цепляются» друг за друга. Все подчинено особому прихотливому ритму декламации стиха. В момент декламации сами актеры впадают в состояние близкое к экстатическому (**зикр**). Эти экстатические — коллективные или индивидуальные — вспышки определяют рисунок спектакля. А в ближневосточной традиции, особенно в суфийской поэзии, поэт никогда не был просто поэтом. Это лицо близкое к пророку (или просто пророк), имеющее особые отношения с высшими силами.

Все это есть в этом спектакле. А мы, наверное, в своем невежестве пребывая, можем понять и по крайней мере ощутить сердцем основные темы: любовь, ненависть, зависть, унижение Юсуфа, скорбь отца, тоску Зулейхи, его возлюбленной. Это все мы можем понять, но сам язык выражения требует особой подготовки. Сам Язык выводит на эти темы и в данном спектакле они могут выражаться только на этом языке.

Борис Чиндыков: Хотя спектакль непривычен, в то же

время все близко и знакомо. Когда сталкиваешься с истинным произведением искусства, то о народе узнаешь больше, чем из иных толстых книг. И даже не «о народе», а сам народ познаешь через этот текст. Например, прочитав роман Сальмана Рушди «Стыд», постигаешь Пакистан. Вот посмотрев и этот спектакль, у тебя возникает ощущение, что близко знаешь таджиков. А у меня в памяти еще возникли обрывочные фрагменты видеофильма о душанбинских событиях 88-го года, то, что было прочитано в прессе по этому поводу. Т.е. вечное «Юсуфа, потерянного...» смешивалось с горячим дыханием сегодняшнего дня.

Когда смотришь этот спектакль, то еще раз осознаешь, что у всех народов одинаковая судьба и что они одинаково неприязненно относятся к своим «избранным» личностям. То, что называется: «нет пророка в своем отечестве...» Такова уж участь наша и таков миропорядок.

И еще. Сам этот спектакль театра АХОРУН, наверное, все же не вызвал всеобщего массового ажиотажа среди широкого таджикского зрителя, хотя он получил престижные премии ряда фестивалей. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, дело обстоит именно так. Это старая проблема взаимоотношения искусства и действительности. Искусство само по себе, а есть народ, живущий своей жизнью. Но к этому надо притерпеться. А с другой стороны, в спектакле как раз может и сказалась душа народа. Хотя спектакль пессимистичен. Возвращаясь к политике, хочу заметить, что он невольно наводит на мысль, что такая империя как Союз ССР, непременно, развалится...

Иосиф Дмитриев. Я не согласен с оценкой спектакля, как пессимистического. Да, в нем показана трагедийная судьба поэта. Но всем строем, актеры всем своим пафосом доказывают, что нужна борьба, нужны Юсуфы, нужно, чтобы человек был полон, целен. Чтобы человек думал о верхе, о высшем, а не был только рабочим скотом. И раз этот спектакль появился в Таджикистане, то он, вероятно, появился именно из ощущения трагедии самого народа. Если нет у этого спектакля массового зрителя, и не все понимают это глубоко поэтичное, образное трагедийное действо, то я думаю, что это вполне возможно. Люди, которые потеряли ощущение Высшего, «усеченные» люди просто не поймут спектакль.

Агнер Хузангай: В нашей сегодняшней ненормальной жизни, наверное, трудно воспринимается сюжет, когда человек хочет вырваться из некоего земного круга, круга чисто материальных забот. А человек прорывается наверх, как говорит Иосиф, или к Богу. Спектакль именно об этом, и называется он именно «Юсуф, потерянный вернется в Ханаан». И предполагается, что возвращение будет. А пророк, Мессия должен всегда возвращаться, чтобы напоминать человеку о его высоком предназначении. Юсуф вернется к нам...

Иосиф Дмитриев: Юсуф как бы уходит. Вот распятый на колесе. Гаснет свет. Он исчезает. Но он вернется как дух в этот мир.

Агнер Хузангай: Я бы хотел добавить, что унижения, муки и в конечном итоге смерть Юсуфа с обыденной точки зрения, конечно, трагедия. Но если даже погибает тело, то душа остается. И завещает оставшимся «любить друг друга!»

Борис Чиндыков: Хочется выразить радость от соприкосновения с высоким искусством таджикского театра. И я надеюсь, что наш чувашский театр тоже приблизится к подлинной игре, исполненной духовного поиска и также станет «прибежищем Богов».

В наше время о Духе надо говорить современным языком, а не языком архаики.

1991, сентябрь

МОЙ ТИХИЙ ЧАС

...Вместе с сыном летим из Улан-Удэ в Москву. В одном самолете с делегацией ВС Бурятии, которая спешит на подписание Союзного договора. С аэропорта на Казанский вокзал, с трудом садимся на свой поезд. Вздох облегчения — домой!

Утром 19-го августа, пока в полном неведении, в Чебоксарах. Моросит дождик. Добрались до дома и не можем открыть дверь.

Выхожу на улицу и встречаю археолога Бориса Каховского, от которого впервые услышал о ГКЧП. Я ему: «Какой путч, брось, в квартиру попасть не могу!» Потом «вычислил» и брякнул: «...если и путч, то на неделю».

Тихий теплый дождь... Съездил за ключом, вошли в квартиру. Послушал по радио заявления от имени ГКЧП, музыку. Нашел Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». Прочитал его два раза, убедился, что все происходящее липа. Позвонил в Президиум ВС. После этого все и началось.

Мои политические действия конца августа — всего сентября 91-го года в связи с событиями 19—21 августа. С группой народных депутатов ЧССР стал настаивать на созыве Президиума с тем, чтобы он выработал официальную политическую оценку происшедшего. Вместо этого в Доме Советов прошла серия аппаратных и номенклатурных совещаний разного уровня и непонятного статуса. Впрочем, обо всем этом можно прочесть в подшивках газет за прошлый год, в докладе, который от имени депутатской комиссии мне пришлось делать на 6-й внеочередной сессии ВС ЧССР (см. «СЧ», 1991, 3 сентября).

Вообще писать мемуары о своем более чем скромном «участии» в «августовской революции» мне кажется странным занятием, ибо это не является какой-то точкой отсчета собственно для Чувашской Республики. Ну, поменялись некоторые лица на верхнем этаже республиканской власти, но потолок их притязаний и неспособность к принятию самостоятельных решений остались прежними. Средства массовой информации стали более свободными, но до подлинной свободы слова еще далеко. Ушла компартия, и теперь она пытается возродиться в виде глухой оппозиции правящему режиму.

Возвращаясь к тем дням... Кроме некоторого оживления отдельных групп, политических партий, нервной дрожи компартхозноменклатуры, правоохранительных органов, растерянности СМИ **ничего особенного** в те три дня в республике и в Чебоксарах не произошло. Наша власть как была нерешительной, половинчатой, несамостоятельной, такой она себя в основном и проявила. Газеты, радио и ТВ на тот момент — марионетки в руках той же власти. МВД, КГБ, более или менее владея информацией, были осторожны, выжидательны. Да и то, ведь по своей подчиненности они не республиканского статуса.

Народ, по пушкинскому определению в трагедии «Борис Годунов», **безмолвствовал**. Это можно истолковать двояко. С одной стороны, это показывает степень отчуждения между народом и властью, причиной чему неразвитость демократических начал в общественной жизни, отсутствие гражданского общества. С другой — в этом можно видеть здравый смысл чувашского народа, который вообще уже не ждет чего-либо хорошего от любой власти и живет своей потайной жизнью.

Наверное, можно сожалеть, что не сбывся мой наивный прогноз относительно недельного срока путча. Не сомневаюсь, что этого времени было бы достаточно для того, чтобы номенклатура на уровне республики, районов, ведомств и отдельных предприятий определилась в позициях, раскрыла свои карты. Стало бы ясно, «кто есть ху?», как бессмертно изрек в поступчевские дни М.С.Горбачев. И процесс очищения был бы глубже и существеннее. Этого, к сожалению, не произошло.

Год спустя я бы оценил те августовские дни словами мятежного Ницше: «Свобода», — ревете вы всего охотнее;

но я разучился верить в «великие» события, как скоро вокруг них много рева и дыма. (...) Величайшие события — это не наши наиболее шумные, но наши наиболее тихие часы» [«Так говорил Заратустра»].

Я отчетливо осознаю, что после августа имело место одно историческое событие — перестала существовать советская империя — Советский Союз, но не следует забывать, что и Россия в ее нынешних очертаниях не стала по мановению волшебной палочки федерацией, построенной на демократических принципах, ей еще долго придется изживать имперское прошлое, и поэтому проблемы национально-освободительного движения сейчас перешли на внутренний уровень РФ. Месяц-два после августа—91 я еще ощущал некое поле свободы действий, возможность работать на опережение хода событий, а не идти вечно на их поводу, но потом «все встало на свои места», и эти мечты развеялись как дым. Провозгласив себя правопреемницей Союза, Россия и в национальной политике продолжает тот же принцип: «divide et impera».

Хочу закончить эти разрозненные суждения замечательным стихотворением Ивана Ахметьева:

Погружаясь в воспоминания
я вижу
как много было
необыкновенного
значительного
далеко превосходящего
скромные масштабы
моей личности

1992, август

О ЕДИНСТВЕ И РАЗНООБРАЗИИ ТЮРКСКОГО МИРА

Но вверху Небо (Тенгри) тюрков и священная Земля (Йер) и Вода (Су) тюрков так сказали:
«Да не погибнет... народ тюркский, народом и останется.

Большая надпись в честь Кюль-Тегина,
731 г.н.э.

Современный тюркский мир (Türk Dünyası) поражает своей протяженностью в пространстве, единством, сохранившимся несмотря на все исторические катаклизмы, которые пришлось пережить тюркам во времени, разнообразием политических устремлений и культурным своеобразием. Выйдя из центрально-азиатского «котла» — своей алтайской прародины, на протяжении веков двигаясь на запад в составе гуннских племен, монгольского похода Чингисхана, собственно тюркских миграций, сформировавшись как отдельные народы в средне- и новотюркский периоды (с XIII по XIX вв.) и обретая свою «Новую родину» в самых разных местах Евразии, испытав и смену религий, и влияние других неродственных языков и культур, и смену политического строя в тех государственных образованиях, куда им приходилось входить, а также обретая и теряя свою собственную государственность, тюрки сохранили свое лицо, свой образ мира и, в значительной мере, языковую общность и близость культурных традиций.

Это свидетельствует о том, что тюрки имеют большой потенциал жизненной энергии и в самых неблагоприятных условиях сохраняли силу духовного сопротивления. Нынешняя геополитическая ситуация, когда карта мира меняется на наших глазах, заставляет нас вспомнить об общетюркских

ценностях и одновременно реалистично подойти к конкретным условиям, возможностям и целям социально-экономического, политического и национального развития каждого тюркского народа в пределах границ тюркского мира. При этом система глобальных координат типа: Восток-Запад или Север-Юг, может оказаться, на мой взгляд, не совсем адекватной для построения модели процессов тюркского возрождения, консолидации и обретения нового единства, особенно, если иметь в виду постсоветское (посткоммунистическое) пространство — РФ, СНГ. Нужна более мелкая сетка координат, которая позволит учесть особенность положения отдельного тюркского этноса. Ниже я пытаюсь изложить самые предварительные подходы к этой сложной теме.

Очевидно, что внутренние проблемы, которые пытаются решать каждый тюркский народ в последние 4—5 лет, тесно связаны с историческим прошлым данного народа и одновременно определяются социально-демографической характеристикой, экономическим положением, политической температурой региона и иными параметрами. Историческое прошлое включает в себя особенности этно- и топонеза народа, степень осознания своей истории, наличие или отсутствие древней письменной традиции. В этом отношении в советский период тюркской истории была проделана «большая» работа по стиранию исторической памяти, проводившаяся дважды реформа письменности привела к разрыву историко-культурной традиции, историческая наука не давала знания реальной истории народов и писалась только с точки зрения одного, преобладающего в количественном отношении, русского этноса, иными словами, была фальсифицирована. Тем не менее созидание «новой исторической общности» — советского народа — потерпело сокрушительный крах, что и явилось основной причиной распада Советского Союза.

Из социально-демографических факторов одним из влиятельных является наличие русского (русскоязычного) населения как в новых независимых тюркских государствах, так и тем более в республиках в составе РФ. В основной своей массе, вероятно, они не имеют намерения и желания быть гражданами иностранного государства. Этому сопротивляется их менталитет, их привычная психология играть роль «стар-

шего брата», их дискомфорт при проведении языковой политики, направленной на укрепление позиций и расширение общественных функций того или иного тюркского языка, их незнание культуры, обычаев того народа, среди которого они живут. Ожидать от них поддержки «казахского», «татарского», «хакасского», «чувашского» патриотизма приходится с большим трудом. Пережитки советского имперского прошлого в сознании людей будут давать еще о себе знать. Должна пройти естественная смена поколений, чтобы ситуация в этом отношении улучшилась.

Положительной социально-демографической характеристикой тюркской части бывшего Советского Союза является устойчивая тенденция повышения рождаемости, вызвавшая сильный прирост коренного населения, особенно в среднеазиатских тюркских республиках и в Казахстане.

Другим важным фактором является дисперсное расселение ряда тюркских этносов, проживающих в разных национально-государственных и административно-территориальных образованиях (ногаи, караимы, шорцы). При том, что они не имеют собственной автономии хотя бы в форме национального района или области. Такие народы, соответственно, практически не имеют представительства в органах государственной власти и управления любого уровня и не могут защищать свои национально-культурные интересы, реализуя хотя бы в минимальной форме свое неотъемлемое право на самоопределение. Для некоторых тюркских народов процесс создания (воссоздания) национально-государственной или административно-территориальной автономии сопровождается сложным, даже драматичным, процессом возвращения на свою историческую родину (крымские татары, турки-месхи).

Ряд тюркских народов имеет значительную по численности национальную диаспору. Проблема тюркской диаспоры имеет два разных измерения. С одной стороны, имеются турки на территории Российской Федерации, имеющие соплеменников, проживающих за пределами своих республик, в основном на территории же РФ среди русскоязычного населения. Здесь можно назвать татар, чуваш, башкир. Сюда же можно отнести и проблемы тюрков из СНГ, проживающих в РФ. Это казахи, узбеки, туркмены, кыргызы, азербайджанцы, которые в количественном отношении представляют собой

немалую часть российского населения. Одним словом, существуют проблемы, если так можно сказать, российских тюрков. Другие народы имеют значительную диаспору в дальнем зарубежье. Большею частью эта диаспора проживает в государствах, граничащих с «тюркским миром» (Китай, Монголия, Иран, Афганистан, Ирак, Болгария). Это уйгуры (Восточный Туркестан — Синьцзян), тувинцы, азербайджанцы, казахи, узбеки, туркмены, кыргызы, салары, татары, турки. В последнее время центры тюркских диаспор возникают и в Западной Европе (в основном турецкие) и в США (турецкие, татарские, уйгурские). В общетюркском движении у зарубежной диаспоры, безусловно, есть свой голос и опыт сотрудничества с различными международными неправительственными организациями.

Экономический кризис, конечно же, поразил и все тюркские народы. Деформированная советская экономика, которая развивалась в рамках так называемого единого народнохозяйственного комплекса СССР, никогда не была направлена на удовлетворение нужд людей, а была, как известно, в значительной степени подчинена интересам военно-промышленного комплекса, и ее приоритетом было поддержание статуса страны как сверхдержавы. При этом переход к нормальной рыночной экономике сопровождается в регионах крайне негативными социальными последствиями. В тюркских регионах к этому еще и прибавляется то обстоятельство, что преобладающую часть хозяйственной номенклатуры и управленцев составляют не национальные кадры, в то время как рабочая сила — это в основном коренное население. В процессе приватизации поэтому социальное и имущественное расслоение имеет тенденцию проходить и по национальному признаку.

К этому следует прибавить и то, что многие тюркские народы, проживая на территориях с огромными природными богатствами и сырьевыми ресурсами, не являются хозяевами на собственной земле и вынуждены работать на потребу прежде союзного, ныне — российского «центра». Наиболее ярким примером, вероятно, здесь является Республика Саха (Якутия), хотя здесь в последнее время реализован ряд инициатив, укрепляющих основу экономического суверенитета республики и позволяющих вести самостоятельную внешне-экономическую деятельность.

Экологическая безопасность тюркских регионов и охрана естественной среды обитания оставляют желать много лучшего. Этот фактор уже в совокупности с другими социально-экономическими факторами ведет к уменьшению естественного прироста населения и повышению уровня смертности. Так, в Чувашской Республике в 1992 году по сравнению с 1991 г. прирост населения уменьшился в 2 раза, при этом смертность возросла на 5,3%.

Политическая ситуация у разных тюркских народов также складывается неодинаковым образом. Это зависит от целого комплекса причин. После распада СССР в августе 1991 года возникло еще 5 независимых тюркских государств, которые хотя и входят в СНГ, но уже получили международное признание. Бывшие автономные республики — субъекты РФ (за исключением Республики Татарстан) с разной степенью активности ведут борьбу за провозглашенный ими суверенитет, стремясь укрепить его за счет разграничения между федеральной, республиканской и муниципальной ответственностью, за счет увеличения нормативов отчислений от федеральных налогов в свой бюджет, укрепляя свою законодательную базу, в том числе путем ускоренной разработки и принятия собственных Конституций. Надо сказать, что часто декларируемый федеральными властями в качестве одной из основ будущего конституционного устройства РФ принцип федерализма, несмотря на подписанный Федеративный договор, не определяет пока характера взаимоотношений с субъектами.

Такие «новые» тюркские республики юга Сибири, как Республика Горный Алтай и Республика Хакасия, пока еще только нарабатывают опыт в становлении своей государственности. В особой ситуации находятся гагаузы внутри Республики Молдова.

Кавказские тюркские народы, находясь в непосредственной близости от самых горячих точек на территории бывшего Союза ССР (война Абхазии и Грузии, карабахский конфликт, осетино-ингушское противостояние, борьба Чечни за свою независимость), естественно испытывают все последствия общекавказской нестабильности.

Внутреннюю политическую ситуацию также определяет наличие тех или иных политических сил (партий, движений,

национальных фронтов), которые так или иначе выражают самосознание народа и его волю. Хотя, конечно же, о реальной, сложившейся многопартийности в тюркских обществах говорить не приходится. Вызывает некоторое беспокойство и оживление неокommунистического движения, манипулирующего на трудностях нынешнего социально-экономического кризиса и чувстве ностальгии по прошлым временам, которое сохранилось у значительной части населения. Невысокий уровень политической культуры оппонентов, отсутствие демократических традиций и по-настоящему независимых средств массовой информации — все это общие признаки постсоветского общества, которые не миновали и тюрков. Сами системы политической власти в тюркских республиках находятся еще в процессе становления и не подтверждены во многих случаях такими формами народного волеизъявления, как референдум, или действительно свободными демократическими выборами органов представительной и исполнительной власти. Да и то сказать, тюркские политики новой генерации сами только-только формируются в стычках, дискуссиях и перипетиях сегодняшнего смутного времени.

На общетюркских форумах, в том числе и на конгрессах (курултаях) Ассамблеи тюркских народов часто провозглашается идея тюркского единства, которая восходит к политической философии тюркизма, активно разрабатываемой в 20-е годы Зия Гекалпом, Юсуфом Акчурой и Измаилом Гаспрали. Последнему также принадлежит известный лозунг «*Dilde, Fikirde, İste — birlik!*» — «*Шухайра, Саймахра, Еҗре — нёрлэх!*». Этот лозунг хорошо отражает этнокультурную основу тюркской общности. И тем не менее пока следует констатировать, что тюркские народы, находясь в одном этническом поле, представляют собой особый суперэтнос с целостной, но мозаичной структурой (в терминах Л.Н.Гумилева).

С учетом разных параметров можно выделить такие элементы структуры тюркского мира, как центр и периферия. Турецкая Республика выступает как экономический и политический центр для тюркских народов, стремясь налаживать связи с ними и ведя активную внешнеполитическую деятельность.

В исторической перспективе, с опорой на национально-культурную и религиозную традиции, можно выделить

мусульманский центр (Средняя Азия?), древнотюркский (тенгрианский) центр, объединяющий тюрков южной Сибири — шорцев, алтайцев, хакасов, тофаларов и отчасти саха (якутов). У последних наблюдается своеобразное сочетание православия с сильной шаманистической традицией. Периферией по отношению к Тенгри выступают тыва — буддисты, продолжающие древнюю уйгурскую традицию.

Достаточно легко выделяются среди тюрков православные окраины — гагаузы, чувашаи, урумы и те же саха.

Само собой разумеется, что мусульманская цивилизация пустила наиболее глубокие корни в морали, менталитете и духовной культуре большей части тюркских народов.

В особое положение ставит караимов их иудаистское вероисповедание, так или иначе связанное с хазарской традицией.

Сохранность исторической памяти и степень осознания общетюркских ценностей тоже неодинакова у разных тюркских народов.

То есть огромная протяженность современного тюркского мира отчасти преодолевается этнокультурной традицией, которая может и должна возродиться.

Важнейшим средством общетюркского единства мог бы выступать и единый язык межнационального общения. Существует проект конструирования так называемого средне-тюркского языка (*Urta Türk*). Но такой язык, скорее всего, может быть создан лишь на огузokyпчакской основе, и он действительно объединит среднеазиатских и кавказских тюрков, гагаузов, татар, башкир. Но при этом отпадут чувашаи и южносибирские тюркские народы, а также саха. Более реалистичным представляется переход на унифицированный алфавит на основе латиницы.

Представляется также очень актуальным начало работы по созданию единого культурно-информационного пространства тюркских народов.

Словом, Ассамблее тюркских народов, предстоит многое сделать, чтобы консолидация и солидарность тюркских народов были реализованы, как в экономическом и политическом, так и культурологическом аспектах.

1993, сентябрь

УРОК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОДНОГО КРАЯ ДЛЯ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ ЧР

Именем отцов

То, что происходит сейчас в связи с выборами Президента ЧР, реформой представительных органов власти и выборами в Федеральное Собрание, отчетливо напоминает ситуацию конца XIX—начала XX-го веков, когда «чувашская идея» в ее политическом, экономическом, правовом и культурном аспектах активно обсуждалась общественностью. Но эти уроки недавнего прошлого надо бы держать в памяти и кандидатам в Президенты ЧР. Мы строим не на пустом месте. Наши «отцы» проливали кровь за национально-государственное строительство. Они выстрадали эту идею. Я вышел на этот путь с «именем отцов», помня их вклад «чувашское дело». Этот выбор я уже сделал давно, 8—9 лет назад, и убеждениям своим в этом плане не изменял. Так же, как и мой отец о свое время, я получил ярлык националиста. И этим горжусь.

...Идея борьбы за национальное освобождение, которой с середины XIX века все более проникалась интеллигенция, ее претензии на самостоятельную роль в деле культурного просвещения народа, наконец, возможность культурно-национальной автономии — все это важные вехи становления чувашского национального самосознания. Период от революции 1905 года до Октября, по Юману, — это целая эпоха национально-освободительной борьбы в чувашской истории: «... Знаменательность и характерность этой борьбы заключается в большей определенности ее социально-политической программы и, главное, в ясно и отчетливо выраженной идее

общенационального объединения чувашей в целях свержения национального гнета и завоевания свободы для беспрепятственного культурно-хозяйственного строительства соответственно заложенным в народе силам и возможностям». Тогда горячо обсуждались проекты будущего национально-государственного устройства Чувашского края.

Мучительно зарождалась Чувашская автономия (в июне 1920 года сначала как область), в течение целых пяти лет становилась на ноги, пока не была преобразована в автономную республику в 1925 году, и тогда прошла трещина по распластавшемуся телу нации: чувашские башкирские, самарские, симбирские, а также чувашское население Татарии, живущие в пограничных и соседних районах, не говоря уж о более отдаленных местах, остались за пределами республики. До начала 30-х это не сказывалось на единой системе кровообращения в сферах языка, культуры и народного образования и «запредельные» чувашские пользовались всеми правами культурно-национальной автономии, но потом наша чувсоцгосударственность стала порождать бюрократический аппарат, а он в свою очередь оброс инструкциями, постановлениями, псевдозаконами и в первую очередь стал активно зарабатывать лояльность у «центра», вытравливая «местный» национализм и всякое инакомыслие. Тут уж никак не проходили идеи о духовном единении нации, о консолидации национально-культурных интересов, они прямо квалифицировались по разным пунктам печально знаменитой 58-й статьи. Тем более, что первоначально «чувашская идея» в смысле «олицетворения общенациональной воли в решении всех вопросов, в том числе и политических», родилась уже летом 1917 года в Чувашском национальном обществе, где тон задавали социалисты-революционеры. Позднее, в 1918 году, идея политического самоопределения чувашей объединила тех же эсеров, крестьянские союзы, радикально настроенную интеллигенцию из числа учительства и духовенства. Как это часто бывает в истории, идея была чиста, возвышена и имела основой право нации на самоопределение, но ее фактическая материализация оказалась груба, безжалостна и ополчена.

Идеологию советского тоталитаризма никогда не интересовали ни положение того или иного народа, ни права

личности любого социального статуса. В рамках национальных автономий за советское время выросло не одно поколение послушных исполнителей, которое никогда не ломало голову над «чувашиской идеей» и ему не приходилось заниматься самостоятельной законотворческой и политической деятельностью. Жаль, что к выборам Президента Чувашской Республики мы подошли без политиков, экономистов и идеологов, способных хотя бы членораздельно изложить общенациональную идею, государственную философию ЧР перед избирателями. Настоящих идеологов и политиков мы сможем найти, к сожалению, только в прошлом: это наши поэты-классики: Кесьтентин Иванов, Сеспель, Эльгер, Митта, эсеры Алнонов, Метри Юман, Комиссаров-Вандер, Хури и др., деятельность которых приходится на период с 1905 по 1920 гг., просветителей 2-й половины XIX века, которые мучительно искали место для чувашской самости в рамках христианской идеи.

В этом наша беда и наша боль.

О культуре как условии экономического и политического выживания родной республики

В 1918 году просветитель, культуролог Г.И.Комиссаров-Вандер выпустил замечательный общественно-политический трактат под названием «Может ли иметь будущее чувашский народ?» (Этот трактат перепечатан в «молодежном» десятом номере журнала «Ялав» за 1988 год). Перепечатка вполне своевременная и сейчас, думаю, можно было бы положительно ответить на этот вопрос при следующих условиях: 1) развертывается «снизу» широкое общественно-политическое движение в поддержку демократических начал государственного устройства, выступающее за возрождение чувашского языка и культуры (оно не отрицает развития культур других народов, проживающих на территории Чувашии, — русского, татарского, мордовского...); 2) на арену выходит новое поколение политиков, экономистов, управленцев, юристов, для которых понятия культуры и духовности не являются пустым звуком (ведь культура — это по сути информация наивысшего качества), и эти молодые чувашские радикалы

активно защищают экономическую самостоятельность и экологическую безопасность Чувашской Республики, ее национально-культурные интересы; 3) Президент и его «команда» формируют новую политическую философию ЧР вокруг ключевого понятия «суверенитет», а граждане республики консолидируются на решении общих республиканских задач, находясь в едином культурном пространстве.

Земля обетованная

В отличие от некоторых кандидатов, которые выдвигают тезис о «родной Чувашии как о маленькой Японии», я бы скорее принял концепцию «Чувашского Израиля». Чувашская Республика как земля обетованная для всей чувашской нации, привлекает материальные и интеллектуальные ресурсы чувашской диаспоры, и как единственное национально-государственное образование чувашского народа оказывает и сама помощь в реализации национально-культурных мероприятий, в подготовке кадров, в создании культурно-информационных связей. Чувашиам некуда отделяться, находясь вблизи сердца России. Крепя устои «своей» государственности, отстаивая свой суверенитет, мы не имеем права забывать о том, что более половины нации живет за пределами республики. Как же задействовать этот национальный и духовный потенциал? Должен быть правовой механизм консолидации нации, должны быть созданы особого рода структуры, пронизывающие национально-государственные образования, которые сшиты лоскутами на российских просторах, и работающие во имя национального возрождения. Возрождения не только в культурно-гуманистическом, но и социально-экономическом плане. И уже исходя из развития своей национальной идеи, народ сам бы свободно определял свой статус, национальный и государственный суверенитет. Это в полной мере соответствует международным документам в области прав и основных свобод человека, которые с 1966 года подписывал и ратифицировал бывший Союз ССР (включая Итоговый документ Венской встречи стран СБСЕ, январь 1989 г.).

О свете в конце туннеля

«Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу», — изрек великий Данте Алигьери в «Аду», первой кантике «Божественной комедии». С какого времени мы, все наше общество, очутились во мраке, сказать трудно, но осознавать это все беспощадней мы стали сравнительно недавно. Осознав, начинаем наощупь искать путь и в этом поиске будем помнить о Свете.

Свет может быть слаб, еле-еле доступен зрению, но он есть. И важно это знать, независимо от того, извлекается ли какая-то польза от тайного нашего знания. Глаза, способные видеть Свет, любую реальность — политическую, экономическую, бытовую — воспримут ясно и безошибочно.

Дж. Аллен, умница из американских умниц, определил, что «на метафизических пределах мира мы встречаем не Бога, а самих себя...» Да, мы теряем себя, свое национальное самосознание, веру. Находясь на пределе, не будем все же поддаваться личностному, этническому или религиозному отчаянию. Мы можем все это преодолеть. Если будем помнить о свободе Духа.

Вопреки всем и вся я выбираю Свет.

1993, декабрь

ВЛАСТЬ И ИСТИНА

«...более нежный, хрупкий, надломленный, но полный надежд, которым еще нет названия, полный новых желаний, и стремлений с их приливами и отливами...»

Ф.Ницше,
«По ту сторону добра и зла».

Декабрь — не самое лучшее время для проведения выборов. Рано смеркается. Едва кандидат в депутаты или Президенты успеет провести 2—3 встречи в одной деревне, в другой, и уж нет солнца. Темно. Потом едешь в машине. Тянутся поля. Редкие огни по сторонам. Коммунисты были умнее, и когда они были руководящей силой советского общества, то, как правило, выборы народных депутатов проходили по весне. Зима (мифологически «смерть природы») уже прошла, и народ пробуждался к новой жизни, с надеждой смотрел в будущее. А оно, как известно, было тогда «светлым».

Мы утратили перспективу на будущее. И, конечно же, не заикаемся о свете. Нация, которая не имеет проекта на будущее, обречена. «По-настоящему существенная сила, побуждающая и питающая процесс, есть всегда национальная догма, возбуждающий проект совместной жизни...», — писал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет.

Впрочем, рамки будущего российских народов как будто определены Конституцией РФ, всенародно одобренной 12 декабря. Это одобрение арифметически выразилось в 32 млн. с лишним голосов «за» (при общем количестве избирателей 106 млн. чел., 58 млн. участия). Но и этот минимальный положительный результат достигнут, на мой взгляд, в результате

поддержки проекта Конституции самим маэстро Жириновским. Он, маг и волшебник, вытащил Основной Закон за уши из демократического болота и полного равнодушия обывателей к «историческому документу». Сыграли свою роль и «продвинутые технологии» набирания и подсчета необходимого количества голосов избирателей.

Выпало на нашу долю такое время. Иначе как «историческим промежутком» его не назовешь. Наступают (уже наступили!) сумерки Российской империи. Успех ЛДПР — это тоже серьезный симптом социальной болезни русского (российского) общества. И, к сожалению, он тоже свидетельствует о наступлении тьмы. Необходимо констатировать, что вирус жириновскиус проник и на чувашскую землю. Более 11% электората получила ЛДПР в Чувашской Республике.

Перечитывая знаменитое сочинение Платона — диалог «Государство», я сразу нашел образ, который точно выражает состояние общества и затмение, опустившееся на часть граждан нашей республики. Мы все — узники в пещере. Мы видим только то, что перед нашими глазами. Мы сидим спиной к выходу и не видим света, исходящего от огня, который горит далеко в вышине. Мы видим только отбрасываемые огнем на стену пещеры тени от самих себя и от предметов, которые несут люди, проходящие по дороге над пещерой. Как же возможно освобождение узников, и нужен ли чувашам Свет свободы — вот вопросы, на которые я бы попытался ответить, применяя некоторые идеи Платона к нынешним реалиям. Естественно, это будет сугубо абстрактное рассуждение о власти и истине и т.д.

Узники в пещере за действительность принимают тени. Иного им видеть не дано. «Совки» уже давно привыкли жить в темноте под названием ГУЛАГ, лишь бы получить вовремя свою пайку.

Но принесли ли российские «демократы», которые, как остроумно заметил один из публицистов, управляют страной под псевдонимом «Ельцин», экономическую, политическую и духовную свободу народам и отдельным личностям? Падает ли на них самих хотя бы далекий отблеск света, горящего в вышине?...

Я бы дал ответ отрицательный...

Вся социально-экономическая политика российского

центра последних двух лет последовательно и целенаправленно вела к устранению высших целей государственного общественного и, следовательно, уничтожению духовности. Результат налицо, и выборы 12 декабря отчасти обнажили суть отрицательного типа государственного устройства, в котором мы пребываем. В эшелонах власти, как на федеральном, так и республиканском уровнях, вместо единомыслия — раздор, «партия войны» Жириновского по итогам выборов уверенно занимает 1-е место. Республикам вместо суверенитета, т. е. права самим свободно определять модель экономического развития и тип политической системы, свое культурное развитие, грубо навязана жесткая схема унитарного авторитарного российского государства (согласно Конституции РФ), которое только по недоразумению называется «федерацией».

Власть стала весьма ходовым товаром в условиях рыночной экономики. Нынешние устремления к власти, хотя и прикрываются блестящей мишурой предвыборных программ, мало что имеют общего с национальными интересами Чувашской Республики как целого. Очевидны индивидуальные интересы и сугубо корыстные цели, которые, впрочем, декларируются вполне откровенно.

Труд обесценен, производство невыгодно. Личность дичает в условиях социального бесправия, национального нигилизма и культурной деградации. Творческая интеллигенция озабочена проблемами выживания или же тем, кому и как выгоднее продаться. Вспоминаю известный в свое время фильм Анджея Вайды «Все на продажу».

Мы живем на дне пещеры в миру суетных, мельтешащих явлений и воюем из-за каких-то теней. В темнице — теснота, и поэтому мы раздражительны, нет возможности избежать касания тел, и мы слипаемся в плотную однородную массу. Для массы не существует понятия свободы и поэтому она вполне естественно качнулась в сторону фашиствующего кликуши Жириновского.

Если эти мотивы определяют поведение и действие большинства наших граждан (вряд ли кто может сомневаться, что это действительно так), то мы живем в условиях извращенного государственного устройства. Платон определял четыре отрицательных типа государства. Это: 1) тимократия (власть честолюбцев); 2) олигархия (господство немногих над боль-

шинством); 3) демократия (формально это власть и правление свободных граждан общества, а в наших условиях это социальное расслоение общества, появление богатых и бедных; озлобление последних и неприятие ими такого государственного строя. По мнению Платона, это общая черта всех государств отрицательного типа); 4) тирания (власть одного над всеми). Нынешняя российская государственность, пожалуй, содержит в себе элементы всех четырех названных типов. И постепенно все более склоняется к наихудшей форме отклонения от совершенного государственного строя — к тирании.

Если политическая арена стала рынком власти, то и наибольший успех будут иметь политики, которые угождают большинству (толпе), а не те, кто исходит из необходимости направлять целое, развивать чувашскую государственность и вообще высказывает какие-то идеи. Согласно Платону, идея справедливости, идея блага для всех граждан, а не какого-то отдельного слоя, является основополагающим принципом разумного государства.

Платон, первый из мыслителей, связал понятия «власти» и «истины». Он считал, что власть, безусловно, должна быть отдана философам, именно они являются «друзьями и сородичами истины, справедливости, мужества и рассудительности». Они должны пройти школу воспитания и выдерживать необходимые испытания. Философы научаются умению видеть благо и совершать к нему восхождение, но потом они будут должны вновь спуститься к узникам в пещеру «и худо ли бедно ли, разделить с ними труды их и почести». И только потом настанет «пора привести (их) к окончательной цели: заставить их устремить ввысь свой духовный взор и взглянуть на то самое, что всему дает свет, а увидев благо само по себе, взять его за образец и упорядочить, и государство, и частных лиц, а также самих себя — каждого в свой черед на весь остаток своей жизни».

Издержки нынешней российской демократии привели к тому, что около власти появилось много случайных людей, стремящихся урвать свой кусок от пирога. Этим людей выбрасывает из себя толпа, подобно грязной пене, исторгнутой из тела демоса, и этих «демократов», конечно же, и рядом не поставишь с истинными философами Платона.

В «Законах» великий идеалист очень жестко высказывается на этот счет: «...невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, хотя, как говорят, им многое и невдомек; как людям разумным, им надо поручать управление... Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. К ней причастен тот, кто живет сообразно с разумом, а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот».

И еще одно я усвоил очень крепко. В нашей родной республике, оказывается, **очень трудно быть чувашом**. Почти невозможно быть искренним чувашом-политиком и в то же время можно быть чувашом-крестьянином, чувашом-рабочим, жителем засыпушек и общаг. Полагаю, что это несправедливо, и мы не являемся народом, обреченным на неволю и на то, чтобы вечно оставаться узниками пещеры. Но для этого нужно проснуться и начать свой путь восхождения к Свету. И этот путь начинается с выбора достойных, мужественных, правдивых правителей, которые способны управлять государством «наяву», а не «во сне».

Что же есть истина? Что же есть власть? Ответы известны. Власть не может строиться на лжи, ее необходимым обоснованием является истина, которая открыта всему сущему, самой жизни. **Истина есть Свет**. Мы должны найти в самих себе свет и не выронить из ладоней свечи.

Относя себя нескромно к людям, вкусившим меда философии, я извлек такой урок для себя из чтения «Государства» Платона:

«Все вошедшие в число этих немногих, отведав философии, узнали, какое это сладостное и блаженное состояние; они довольно видели безумие большинства, а также и то, что в государственных делах никто не совершает, можно сказать, ничто здравого и что там не найти себе союзника, чтобы с ним вместе прийти на помощь правому делу и уцелеть, — напротив, если человек, словно очутившись среди зверей, не пожелает сообща с ними творить несправедли-

вость, ему не под силу будет управиться одному со всеми дикими своими противниками, и, прежде чем он успеет принести пользу государству, или своим друзьям, он погибнет без пользы и для себя, и для других. Учтя все это, он сохраняет спокойствие и делает свое дело, словно укрывшись за стеной в непогоду. Видя, что все остальные преисполнились беззакония, он доволен, если проживет здешнюю жизнь чистым от неправды и нечестивых дел...»

Почтенно умолкаю после слов великого Учителя.

1993, декабрь

ПРАВО НА ИСТОРИЮ

«Вы должны отвоевать право вашей нации на историю. Тот, кто обладает собственной историей, имеет явное преимущество».

Рейн Таагепера (Ээсти).

На протяжении последних 7—8 лет Россия мучительно пытается обрести свое место в современном мире и внятно сформулировать нечто вроде общей «российской (русской) идеи» в аспекте будущности и перспектив данного государственного образования. В условиях нынешнего экономического и финансового кризиса имперские амбиции или попытки эвокации призрака Российской империи в странном сочетании полумонархического и полусоветского начал, тщетные усилия по формированию единой «российской нации» и представлению России как особого типа цивилизации (самобытный общеевразийский культурно-исторический тип), видимо, исчерпали себя. Осознание себя «россиянами» как единым народом (аналог мифической общности «советского народа») не вошло в плоть полиэтнического, поликультурного общества. Да, Россия является значительной частью евразийского пространства (хотя и не заполняет его целиком), но, слава Богу, мы, утратив «советскую промежуточную идентичность», не хотим «неоимперской российской идентификации». Многие российские народы прошли **свой исторический путь** и были в разные периоды своей истории ее субъектами на самом переднем крае. Наши народы входили и входят в тюркскую, финно-угорскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, абхазо-адыгейскую, вайнахскую, палеоазиатскую и иные общности, а если взять наш регион Урало-

Поволжья, то населяющие его коренные народы — коми, удмурты, мари, мокша, эрзя, башкиры, татары и чувашаи — примерно на протяжении полутора тысяч лет н.э. вели свой поиск цивилизационных ориентаций, своего цивилизационного статуса вдоль оси «Юг-Север». Сейчас, когда мы открываемся для большого мира и открыты всем ветрам «глобализации», вопрос о правосубъектности российских народов, их цивилизационной идентификации является одним из актуальнейших. Пройдя трудные времена в прошлом, являемся ли мы народами, вошедшими в историю, или же мы лишь безуспешно стучались в ее дверь? Те же историки и политологи, которые рассматривают историю России лишь под знаком русского вопроса (русской национальной цели, доктрины, русской идеи как основы евразийского союза народов России), порой отказывают нам в **праве на собственную историю** или, еще жестче, считают нас народами, которым нет места в истории. То есть воскрешается ветхое имперское определение «иностранцы». Оно в свою очередь восходит к печально известной формуле министра просвещения, графа Уварова: «Самодержавие, православие, народность...». Нынешняя неоимперская либеральная идеология само федеративное устройство государства зачастую трактует как противостояние «России» и «иностранцев», «центра» и национально-государственных образований (суверенных республик).

В конце XX-го века и в канун нового 3-го тысячелетия основным противоречием в социально-экономическом, политическом и культурном развитии народов становится противоречие между «всемирностью» (мондиализмом) и «локальностью». Да, мир становится все более единым, мы все хотим воспринимать общечеловеческие ценности, получать информацию, и в то же время каждый народ имеет право на самоопределение, хочет сохранить свое лицо, свой язык и самобытную культуру. Народ укоренен на своей земле, он имеет свое прошлое, переживает настоящее (в российских условиях настоящее время мы по праву можем назвать смутным постсоветским «промежутком» времени) и хочет сохраниться со своим национальным призванием в будущем. Это и есть **«единый жизненный поток» истории** каждого народа, когда он получал с разных сторон — от природы или человеческого

окружения, от великих империй или мировых религий — **В ы з о в ы** своему существованию и ему приходилось искать и находить адекватные **О т в е т ы**.

Обратимся же к чувашскому опыту прохождения исторического пути. Мы не можем здесь предлагать конкретную аргументацию и детали (существует ряд исследований по проблеме чувашского этногенеза), нас более интересует сама философия чувашской истории как целостности исторического процесса, те моменты исторического времени, когда чувашский этнос соприкасался с универсумом и подключался к универсальным цивилизациям, мы хотели бы знать, оставляли ли те культурно-исторические **В ы з о в ы**, которые получил чувашский народ на своем историческом пути, след в его национальном самосознании. Отрадно отметить, что в духе цивилизационного подхода появились в недавнее время и публикации чувашских исследователей (В.Родионов, Ю.Артемьев, Ю.Яковлев).

Важным событием в истории каждого народа является момент **обретения им своей родины** (венг. Nonfoglalás). В первые века нашей эры вместе с волной гуннских кочевых орд, в «эпоху Великого переселения народов», наши предки *огуры-оногуры*, отделившись от общетюркского союза племен, пройдя через Среднюю Азию, пережив распад гуннской империи Аттилы (уже на территории Восточной Европы), в степях Северного Кавказа и Причерноморья объединяются и формируют государственное образование Великая Булгария во главе с ханом Кубратом (IV—VII вв. н.э.). Тем самым завершается алтайская, прототюркская, огуры-оногурская **предыстория** (отчасти гипотетическая!) чувашского этноса, полная нашествий, захватов, набегов, войн, и на арену истории он выходит под именем **булгары**. Булгарский локус — Bulgaria Magna — между Доном и Кубанью стал первой обретенной исторической родиной для чувашей в пределах их **реальной истории**. В этот древний период нашей истории произошел момент вторичной этнической самоидентификации булгаро-чуваш в окружении родственных хазар, «гуннов», а также греков-византийцев, алан, восточных славян и кавказских народов. На протяжении всего предысторического развития жизненным пространством наших предков была евразийская степь, которая простиралась от берегов

священного Байкала до Дуная. С точки зрения чувашского этно- и топонимеза первая историческая родина находилась на полюсе «ЮГ».

В южнобулгарском ареале в VI—VII вв. и позднее происходил сложный и противоречивый процесс религиозного брожения. До племен булгарского круга христианство дошло примерно в это же время, и хотя они, вероятно, по-прежнему поклонялись древнетюркскому Тенгри-хану, Кубрат имел византийский титул патрикия. Есть даже свидетельства о переводе на гуннский (?) язык Священного Писания. После распада Великой Булгарии орда булгар, возглавляемая ханом Аспарухом, сыном Кубрата, откочевала на Дунай и в 681 г. основала государство Дунайской Болгарии. Позже при хане Борисе I в 865 г. дунайские болгары принимают христианство по восточному обряду, в 880 г. болгарская церковь была объявлена автокефальной.

Правители Хазарского каганата, потомки древнетюркского рода Ашина, сначала также внедряли единый культ бога неба — Тенгри, но в 730 г. каган Булан принял иудейскую религию. В конце VIII в.—начале IX в. каган Обадия провел религиозную реформу и официально принял иудаизм в качестве государственной религии. К этим фактам можно прибавить и языковые заимствования из восточно-иранских языков более раннего времени.

То есть булгаро-чувашский этнос уже в период нахождения на полюсе «ЮГ» испытал определенное культурное влияние со стороны универсальных государств (империй того времени) — Византии, Ирана, Арабского халифата — и **получил два религиозных Вызова**. В одном случае это привело к гибели Хазарского каганата, наряду с другими причинами, во втором случае — дунайские болгары, наши сородичи, сыграли значительную роль в создании и развитии старославянской письменности, старославянского языка и литературы на нем, забыв при этом свой тюркский язык и тенгрианство.

В конце VII—начале VIII вв. белые («серебряные») болгары в поиске «новых оснований (земель)» совершают **исход с Юга**, переходят границу между **Степью** и **Лесом** и делают мощный бросок на **Север**. В Волжско-Камском междуречье чувашаи обрели свою вторую историческую родину — государство Волжской Булгарии (VIII—IX вв.). Для финно-

угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья (коми, удмурты, мари, мокша и эрзя) это был своего рода **южный болгаро-тюркский Вызов**, и в то же время Волжская Булгария выступила ареалообразующим и этноконсолидирующим фактором в регионе. После официального принятия правителем Волжской Булгарии, элтебером Алмушем, сыном Шилки, ислама в 922 г., развития товарно-хозяйственных связей между Югом и Севером через посредство болгар, введения нового политико-административного управления, в Урало-Поволжском регионе активно протекает процесс финноугорско-тюркского этнокультурного взаимодействия. Регион становится феноменом экономическим, историческим, этнокультурным, а также отчасти языковым союзом. Хотя вряд ли можно говорить об Урало-Поволжье как об «очаге волжско-булгарской цивилизации» (такой вывод делает видный башкирский этнолог Р.Г.Кузеев), скорее всего, речь могла бы идти о сильной волжско-булгарской культурной традиции с разновременными влияниями, заимствованиями в языках, народной музыке (северная пентатоника), элементах одежды, типах жилищ и хозяйственных построек, мировоззрения и религиозных верованиях, антропонимии и топонимии, обрядовой системе и народных празднествах. Единое местопребывание (Л.Н.Гумилев) привело к своеобразному сродству основных этносов и их языков, появлению общих элементов в духовной и материальной культуре, формированию схожего — бережного — отношения к природной среде и образа жизни.

Волжская Булгария, хотя и была по существу полиэтническим образованием, выступала как самый северный форпост ислама в геополитике того времени, но ее население соприкасалось и с восточнославянским этнокультурным миром, и с огромным пространством кыпчакской Степи (Дешт-и-Кыпчак).

Татаро-монгольское нашествие начала XIII века привело к разгрому Булгарского государства и вызвало мощный приток кыпчаков-тюрков в Урало-Поволжский регион. Это был **монгольско-кыпчакский Вызов** восточным финским народам и чувашам, которых объединяли общие языческие традиции и, как северные лесные народы, они противостояли энергетическому выбросу южной Степи. Территории оби-

тания этносов региона оказались в пределах Золотой Орды, но окончательные их границы определялись уже после ее распада, когда в середине XV в. образовалось Казанское ханство, которое распространило свое влияние на значительный ареал Среднего Поволжья и Приуралья. Это был уже **татарско-кыпчакский Вызов** этносам. В целом в течение XIII—XV вв. кыпчакский фактор усилил влияние универсальной исламской цивилизации в Урало-Поволжском регионе, что оставило заметный след в традиционной культуре восточных финно-угров (удмурты, мари, мокша и эрзя) и чувашей, культурной лексике их языков (не говоря уже о собственно татарах и башкирах).

Таким образом, в результате сложного многовекового взаимодействия к середине XVI в. образовался **симбиоз** финно-угорского, булгаро-чувашского, кыпчакско-татарского и башкирского компонентов как этнокультурной основы региона в целом, но так и неродившаяся отдельная «цивилизация» была поглощена в результате имперской экспансии Московии на восток с целью взятия Казани, когда Среднее Поволжье и Приуралье были присоединены (аннексированы). **Московитско-русский исторический Вызов** коренным этносам региона путем насильственной христианизации, искоренения традиционного религиозного мировоззрения и обеспечивающего его обрядового цикла, изменений в основах жизнеустройства — принес с собой иные цивилизационные ориентиры, а также определил некоторые особенности общественного поведения «московитских новоподданных». Уже привычный культурный плюрализм, когда, например, «чуваша оказались наиболее бикультуральным этносом: сохраняя архаичный тюркский язык, они в то же время развивали культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира» (Р.Г.Кузеев, В.А.Иванов), в данной ситуации обернулся тем, что народы формально принимали «новые» ценности, но сохраняли и оберегали от «чужаков» свое духовное начало для внутреннего потребления (двоеверие на начальном этапе с позднейшим переходом к полумирской культуре XVIII—XIX вв., если брать процесс христианизации). Двоемыслие порождало и двойной стандарт социального и языкового поведения (*тáвaнпaлa тáвaн кaлaснá чух сичé ютáн мéн ёс пур?*»), отчуждение от администрации,

власти в целом. Правда, следует признать, что во второй половине XIX в. в условиях Российской империи насильственный религиозно-политический Вызов трансформировался в **религиозно-просветительский** (система просвещения Ильминского — Яковлева с использованием родного языка), что вызвало так или иначе пробуждение национального самосознания в начале XX века, появление первого поколения собственно национальной интеллигенции. Именно тогда народы Урало-Поволжья (как, впрочем, и повсеместно по России) стали осмысливать самих себя, свое право на самоопределение, свою историческую культурную идейную традицию как нечто отличное от российской имперской идеологии. В 1906—1917 гг. это осмысление происходило одновременно с политической практикой социалистов-революционеров (эсеров), чьи сторонники выступали также и лидерами чувашского национального движения. Но уже после Октябрьской революции зарождающаяся национально-демократическая идеология получила **коммунистически-большевистский Вызов**, который, начиная с 1929 г. (коллективизация) и особенно в 1938—1939 гг. и далее трансформировался в **тоталитарно-сталинский Вызов**. Это был чисто политический Вызов, который, подавляя все так называемые буржуазные свободы, установил диктатуру пролетариата и торжество социдеологии, искоренил инакомыслие и какое-либо проявление религиозной мысли, провозгласил единую культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме и т.д. Хотя в первое десятилетие советской власти многие народы получили свою куцую государственность в виде автономий, и начался процесс национально-государственного, культурного и языкового строительства. И все же конечной целью общего советского Вызова было формирование одномерного, неразмышляющего, рабски покорного **советского человека** (Homo Sovieticus). Национальное самосознание, бурно выражавшее себя с начала XX века до начала 30-х годов, искоренялось как «буржуазный национализм», была репрессирована значительная часть национальной интеллигенции — национальный вопрос в стране, как утверждали, был решен раз и навсегда. Советская империя за 80 с небольшим лет, естественно, не могла породить какой-то особый тип цивилизации (хотя это утверждение является спорным, так как многие атрибуты

цивилизации здесь налицо (даже по А.Дж.Тойнби): «все-ленская церковь» (марксистско-ленинское учение и компартия), особый язык — новояз, особая система понятий, ценностей, стереотипов, наследование предшествующему обществу — Российской империи, противостояние Западу, претензии на всемирность), власть скорее была озабочена массовым интернациональным воспитанием трудящихся. В результате на уровне «коллективного бессознательного» у советских народов образовалось причудливое смешение элементов национального и советских стереотипов. Эта взрывчатая смесь, может быть, и была основной движущей силой тех процессов демократизации советского общества, которые имели место в конце 80-х годов. Монополия коммунистической идеологии пошатнулась, публичная жизнь и средства массовой информации стали более открытыми, демократичными, и национальная проблематика вышла на первый план. Спящий советский Вавилон пробудился от летаргического сна...

С 1992 года и по сей день чувашский народ, наши соседи по Урало-Поволжью, да и все коренные российские народы получают последний по времени — **либеральный, псевдодемократический, по сути, неоимперский Вызов**. За этот промежуток, весьма короткий с точки зрения большого исторического Времени, были дискредитированы основные принципы и понятия демократии, такие, как свободные выборы, парламентаризм, права человека, право народов на самоопределение, свобода слова, свободная рыночная экономика. Ушли из актуальной государственной практики принципы федерализма, культурное пространство забито продукцией западной (?) масскультуры в худшем ее проявлении. Какая-либо общероссийская цивилизационная идея в ходе всех так называемых реформ, несмотря на все потуги новоиспеченных реформаторов, ни в сфере экономики, ни в сфере политики, ни в собственно культуре так и не родилась. Глобальные и геополитические процессы, происходящие повсюду в мире, поставили перед Россией в целом тотальный **Вызов**. В качестве ответа высказываются суждения, что «Россия — самостоятельная цивилизация, это особый тип цивилизации» (академики Н.Н.Моисеев, А.С.Панарин, Л.И.Абалкин и др.), предлагают, апеллируя к историческому опыту, возродить

«евразийскую идею», или так называемый «североевразийский проект» для России.

И все же исторический опыт многих российских народов говорит том, что здесь не может быть единого решения. Кардинальное отличие поволжско-уральской культурно-исторической традиции от российской цивилизации (даже в ее евразийской интерпретации) состоит в том, что она ориентирована не на Время, а на Пространство. Российский мессианиззм всегда уповал либо на царство небесное (христианство), либо провозглашал коммунизм светлым будущим всего человечества, сейчас мечтают о наступлении эры процветающего общества, к которому якобы ведут «наши реформы» и слепое следование западной (атлантической) модели. Наши же народы, коренные этносы Урало-Поволжского региона, привязаны к своей исторической родине (этнической территории), мы локализованы в пространстве, которое осваивали и сберегали в течение многих веков. Русскому же народу выпала миссия присоединения новых земель, ему пришлось нести бремя российской имперской государственности, выступать в качестве государствообразующего этноса — и в результате мы имеем уникальную ситуацию: русские присутствуют везде — в СНГ, России, Балтии, но у них нет конкретного топоса, нет своей территории и определенного цивилизационного статуса. Потому-то российское огромное пространство плохо обухожено, оно структурно неорганизовано. На это накладывается немощь федеральных органов власти и управления, не до конца выстроенная модель федеративных отношений.

Но локализованность, укорененность не означают, что наши народы должны замкнуться и изолироваться от «шума и ярости» большого Мира. Не забывая о корнях своей культуры, сохраняя то знание, которое мы получили на протяжении своего исторического пути от универсальных обществ (цивилизаций), мы можем и должны усваивать новые «цивилизационные универсалии». «В наш век главным в создании общества является осмысление себя как части более широкого универсума...» (А.Дж. Тойнби). Но в этот Универсум ведут разные пути. Наши соседи — мари, коми, удмурты, мокша, эрзя — активно общаются в рамках «финно-угорского мира» (благо опорой ему служат три независимых государства —

Венгрия, Суоми, Ээсти), мы, чуваши, вместе с другими российскими тюрками уже неплохо ориентируемся в большом тюркском мире (*büyük türk dünyası*). Чувашский народ, разбросанный по краям и весям страны, это тоже особый мир (*чӳваш тӳнчи*), единство которого мы стали осознавать в самое последнее время. Урало-Поволжье как наше местопребывание — это важное связующее звено в системе координат «север» — «юг», «запад» — «восток». Стержнем философии чувашской истории не может быть только идеология выживания и сохранения (это дело музейщиков), приоритетными как в философии истории, так и в новой политической философии (см. также нашу публикацию «Народы и власть» — «Советская Чувашия» от 15 сентября 1995 г.) для чувашского самосознания должны быть идея национального развития, обретение своего цивилизационного статуса в Универсуме, механизмы нашего вхождения в глобальный процесс социокультурной и экономической модернизации.

Меняется мир, меняется и наше мировосприятие, образ жизни... Мы заслужили право на историю, так войдем же в новое тысячелетие чувашами.

1998, ноябрь

БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Нынешние размышления о культуре, социокультурной ситуации, национальных языках и перспективах их развития невольно тянут за собой не менее сложные вопросы. Изменилась ли система ценностей и идеалов после распада Союза ССР? Каково мироощущение творцов культуры, каким идеалам они присягают сейчас? В каком контексте мы можем осмыслить свою чувашскую культуру — мировом, СНГ, российском или ином? Как может интеллигенция повлиять на те процессы, которым являемся свидетелями, каков может быть теперь стиль межнационального общения?

Не так просто найти ответы на эти вопросы.

Однако даже беглый взгляд назад, в наше прошлое, заставляет задуматься о тех ориентирах, которые позволят организовать «новое» чувашское культурное пространство. Исследователи-культурологи отмечают своеобразный чувашский бикультурализм: тюркский корень в этно- и глоттогенезе и сильный финно-угорский субстрат. Можно также утверждать и некоторую загадочную двуликость чувашской культуры в обратной исторической перспективе.

С одной стороны, она повернута лицом на Юго-Восток (или, точнее будет сказать, примыкает к тюркскому миру). С другой, опыт просветительства второй половины XIX века приобщал нашу интеллигенцию к христианской традиции и, хотелось бы сказать, к Европе, но последнее было бы неточным. Оказавшись в сфере влияния восточного (русского) православия, чувашское общество не смогло воспринять собственно европейской христианской (и культурной) традиции с ее неотъемлемыми демократическими «спутниками» —

свободой слова, парламентаризмом, здоровым европейским национализмом, правами человека и свободолобивым индивидуализмом. Напротив, в России, как известно, возобладала деспотия полуазиатского характера, время от времени подпитываемая идеями христианского мессианизма с попытками объявить Москву третьим Римом. А иногда, наоборот, с предельной изоляцией от внешнего мира.

Сейчас мы должны диалектически осмыслить эту ситуацию, эту двойственность, чтобы пробудиться от затянувшейся морально-этической спячки. (Никак не могу уйти от излюбленного жаргона «националистов»: пробуждение, возрождение...)

В свое время, в 1985 году, в начале дискуссии о новых тенденциях молодой чувашской литературы, было сказано о «среднеевропейских стандартах культуры». Кем же мы должны стать сейчас? Новоявленными паневропейцами, заново, с листа, открывая для себя Европу? Или же «тюркофилами», пытаясь определить место чувашской культурной самобытности в рамках общетюркского движения?

Думаю, что мы можем и поддерживать диалог с тюркскими нашими братьями, финно-угорскими соседями, и иметь активный культурно-информационный обмен с европейским сообществом. Это одно из условий саморазвития культуры. Она может и должна быть в диалоге, в противоречии, она может быть полицентрична.

Чтобы более объективно осмыслить ситуацию сего дня, вероятно, будет полезно вернуться в пору своего рода национального романтизма, который мы переживали с друзьями, коллегами 7—8 лет тому назад, когда проводились различного рода «круглые столы», дискуссии и обсуждения на эти темы (в том числе и в гостеприимной «ДН»). Тогда действительно, помимо официальной «дружбы народов», начало складываться на основе новых мотивов общения и обсуждения проблем самоосознания и самочувствия национальной культуры, статуса родного языка и поэтического Слова в структуре советского Руссоца другое понимание солидарности, подобие некоего /интер/национального братства (как бы это громко ни звучало). «Иных уж нет, а те далече». Их нет, потому что не знаешь, где они

сейчас, как, например, грузинский поэт Рене Каландиа, живший в Сухуми. Услышишь по радио «Свобода» мельком об узбеке Мухаммаде Солихе, который, пройдя через горнило движения «Бирлик», национальной партии «Эрк», выборные президентские баталии в Узбекистане, сначала по политическим мотивам эмигрировал в Турцию, а в настоящее время обитает в Германии. Получишь раз в год открытку от латышского поэта и переводчика Улдиса Берзиньша — в последний раз из Амстердама, где он толмачил на латышский ветхозаветные тексты. Молчат Сигитас Гяда из Вильнюса, Гюзель Елемова из Горного Алтая. А где волоколучистая болгаро-хорватка Дубравка Угрешич? Марийские, татарские, удмуртские, эрзянские друзья совсем рядом, но и с ними видишься все реже.

Прежде мы собирались на Raina dzeja Dienas (Дни поэзии Райниса) в Риге, или творческие семинары в Пицунде, в ноябре на Сеспевском форуме в Шубашкаре (Чебоксарах). Иногда сталкивались в Москве, на пороге той же «ДН». Были взаимные переводы, отклики на публикации, что не давало тебе дремать. Ты понимал, что должен быть в с о с т о я н и и п р о б у ж д е н и я. Начиная подходить к новому пониманию патриотизма («внутреннего национализма»), мы одновременно открывались для мира и самоопределялись в нем. И даже самоутверждались в том, еще советском, мире через эту личную активно-творческую дружбу и солидарность. В этом общении мы также открывали для себя собственные потерянные ценности, обретали новую «память» и другой контекст для откровенного, взаимоуважительного обмена чувствами и мыслями. И, может, самым важным оказалось то, что мы стали дышать воздухом свободы. Девиз «За вашу и нашу свободу!» становился реальным, наполнялся конкретным смыслом и требовал прямых действий, в которых и пришлось чуть позже принимать участие. Нельзя было у к л о н и т ь с я.

И все же я знаю, я ощущаю, что, несмотря на происки судьбы, которая разбросала нас по разным краям и весям, отделила границами и таможнями, в глубине наше общение продолжается...

После событий-встреч, после романтического искушения наступает п о р а т и ш и н ы. Как писал Геннадий Айги:

«СОБЫТИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЧАСЫ — ТИШИНЫ» («ДЛЯ ДЫХАНИЯ»).

Пройдя — каждый индивидуально — по различным ступеням внутренних социально-экономических и этнополитических ситуаций, через смену парадигм власти, мы приобрели какой-то опыт духовного сопротивления уже и в этот так называемый постсоветский период и вышли, пожалуй, на уровень осознания новых ценностей. О них еще не приходилось говорить, не приходилось обсуждать эту тему, но проговаривать «п р о с е б я» — такое бывало часто.

Когда нужно было, приходилось становиться «националистом» (в том смысле, как это сказано выше) во имя культуры и языка, и тогда ты слышал обвинения во всех грехах и твой личный расхожий имидж воспринимался многими как угроза (его кто-то хотел сделать таким, а под рукой были стереотипы тогдашней советской прессы о «прибалтах», Нагорном Карабахе, пантюркизме, о пугающем призраке суверенитета и т.д.). Тем не менее во всех отношениях участие в национальном движении и организации разных общественных объединений национально-демократического толка было полезной школой. В сумерках империи люди проявлялись, как на экране, со своими чертами характера, сильными и слабыми сторонами. «Старый» чувашский патриотизм в рамках общности советских народов уходил, на свет рождался «и н о й» патриотизм (может быть, это было иное чувство и сознание, но я затрудняюсь дать этому умонастроению точную дефиницию и имя). Шел трудный и отчасти болезненный процесс «обретения новой родины» (именно таким термином, только одним словом *honfoglalás* обозначают венгры соответствующий поворот исторического развития).

Пожалуй, свои «действия» мы начали с того, что учили власть говорить с чувашским народом на родном языке. Правда, надо отметить, что государственные чиновники оказались не очень способными учениками. Затем мы потратили года два, чтобы выбивать по букве из аббревиатуры ЧАССР (Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика). Получилась просто ЧР (Чувашская Республика). Власти также приходилось «давать» уроки национальной

истории и культуры и растолковывать статьи базовых документов («твердых источников», как выражаются правоведам-международникам) международного права (в том, что затрагивает право народов на самоопределение). К сожалению, и здесь власть не проявила особого прилежания.

Один из важнейших вопросов, как воспринимают друг друга «власть» и «культура», входят ли они в одну парадигму? Попытаюсь пунктиром обозначить свои ощущения, свой опыт работы в качестве председателя Постоянной комиссии Верховного Совета Чувашской Республики по культуре, развитию языка и межнациональных отношений в 1990—1994 гг., участия в конференциях, симпозиумах, семинарах, совещаниях по межнациональной и региональной проблематике самого разного уровня.

В условиях аномии (по Э.Дюркгейму) российского общества, то есть когда отсутствуют твердые жизненные цели, нормы и образцы поведения, утрачены старые ценности и идеалы, а новые еще не сформировались, когда вспыхивают пожары межнациональных конфликтов в разных местах постимперского пространства, понятие **к у л ь т у р ы** обретает особую значимость.

Но ее местопребывание в социальной структуре и идеологии общества в целом, ее функции, иерархия ценностей внутри самой себя, формы ее воплощения претерпели значительные метаморфозы с начала перестройки.

Исчезло понятие единства советской многонациональной культуры, что вполне естественно после того, как благополучно распалась «новая историческая общность советских людей», а мы более или менее успешно выкарабкались из-под обломков Пизанской башни коммунистической идеологии. Мы пережили процесс «возрождения», становления и развития отдельных, как бы самостоятельных, национально-культурных идеологий. На этом пути были как некоторые обретения, так и потери.

К числу обретений можно было бы отнести:

а) новое осмысление культурно-исторического контекста;

б) новые культурные ориентации (плюрализм культурного развития);

в) попытку соизмерить уровень национально-культурного самосознания с общечеловеческими ценностями.

Потери также очевидны:

а) исчезло понятие наднациональной (интернациональной или космополитической) общности.

б) произошло сужение культурного пространства,

в) затруднен диалог разных национальных культур, который в рамках советской общности все же имел место,

г) материальное обеспечение культурной деятельности и инициатив все более затруднительно.

На примере чувашской культурной ситуации (и не только!) можно отметить и внутренние негативные моменты. Все больше распространяется смешение «высокой» и «низкой» культур — как результат разрушения иерархии ценностей внутри национальной культуры. Культура становится «легкой», самодеятельной, а деятели культуры не проходят трудной шлифовки в рамках чувашской традиции, фундаментального гуманитарного и филологического образования.

Эволюция национально-освободительных процессов, происходивших на протяжении последних десяти лет, показывает наличие определенных закономерностей. Если вначале на первый план выступают языковые и национально-культурные возрожденческие проблемы, то в дальнейшем их неразрешенность обязывает «лидеров» (идеологов) национальных движений, представителей интеллигенции выставлять требования изменения статуса национально-государственного образования, так как ощущается недостаточность существующих политических форм защиты национальных культур, выдвигаются модели нового государственного устройства России как асимметричной федерации, как иного распределения полномочий между центром и суверенными республиками, иными субъектами федерации и др. В этом сказывается «критическая связь политики и культуры» (согласно теории национализма Э.Геллнера).

Неэффективность федеральной национальной и региональной политики (или ее отсутствие), при том, что существуют государственные структуры, специально предназначенные для этого, остро ставит вопрос об отношении «власти» и «культуры». Культура, язык и образование, а также наука не стали предметом заботы нынешней власти (национальные

культуры, напротив, стали ее обузой), что является причиной социальной напряженности, ведет к углублению общего кризиса постсоветского общества и становится почвой для открытых и латентных конфликтов между народами и федеральными органами государственной власти и управления.

То, что называется «межнациональными конфликтами», есть следствие демонтажа имперского устройства государства, когда взамен так и не была реализована модель подлинных федеративных отношений (особенно в условиях дисперсного расселения некоторых народов — татар, чувашей, мари, бурят, эрзя, мокшан и др.).

Если понимать культуру как стиль поведения и общения власть предержащих с российским социумом, состоящим из разных народов с разными национальными и языковыми традициями, то можно со всей определенностью сказать, что они находятся в разных измерениях.

Каковы правители, такова и политика. Политика национальная, культурная, в сфере образования. Нынешнее состояние власти и политики в российском обществе можно было бы определить словами М.Вебера (написанными, конечно, в другое время, но попадающими в самую точку): «...нет более пагубного искажения политической силы, чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. «Политик одной только власти», культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит, в пустоту и бессмысленность» («Политика как призвание и профессия»). Если к этому еще добавить, что власть в ее нынешнем обличье не «любит усматривать истину», не исходит из «идеи блага», не дружна и «со справедливостью, мужеством и рассудительностью» и не сродни им, не обладает «прирожденной тонкостью ума», то картина представляется весьма неприглядной. Напомню, что все перечисленные выше качества в их положительном проявлении должны быть присущи правителям-философам, которые (и только они!) имеют право на власть, как это гениально описал в своей утопии «Государство» великий Учитель Платон. Там же он особо подчеркнул, что государство, в котором главное сводится к матери-

альным заботам и стимулам, — это отрицательный тип государства.

...Грустно жить в «отрицательном государстве» (начинаешь сам себя ощущать некоей отрицательной величиной), но кто скажет, что это не так. Ведь налицо, что «воздействия», «действия» этой власти действительно «уходят в пустоту и бессмысленность». Не говоря уже о бахвальстве выскочек, их самодовольстве, жизни во лжи и культе власти.

Всплыла в сознании строка поэта, но открыл номер «ЛГ» (от 2.08.95), и там в двух различных материалах то же самое: «...власть отвратительна, как руки брадобрея». Вот уж поистине разящая метафора, как определение на злобу дня.

Когда-то я писал, что у каждого народа есть своя «тяжба о России». Нужно пройти и через эту тяжбу, но это не означает, что мы будем бесконечно предъявлять друг другу свиток взаимных обид. Порой мне представляется, что Россия — это какое-то странное призрачное пространство. 12 июня отмечается, например, как День независимости России. Независимости от кого? От чего? Что, Балтия, Белоруссия, Закавказье, Молдова, Средняя Азия и Украина были агрессорами, покорителями российских земель? Может быть, это вообще не государство (хотя в нем как будто есть Конституция, Президент, законодательная и исполнительная власти, суд)? Считая Чеченскую Республику Ичкерия часть своей территории, республикой в своем составе, федеральная власть гусеницами танков, бомбардировками, артобстрелами уничтожает города и села на этой земле, народ, живущий там. Власть с присущим ей бесстыдством и цинизмом показала, какую федерацию она будет строить и какую национальную политику проводить. Через кровь, гибель тысяч и тысяч людей, отбрасывая все нормы международного права и морали и используя свой главный аргумент — насилие.

Одной из причин происходящих о российском социуме — порой трагических, порой несуразных — событий является то, что сама Россия никак не может отрешиться от своего имперского прошлого. Призрачные орлы империи машут своими крылами за спинами нынешних правителей.

Но есть народы, населяющие это «пространство. И это не призраки, а субъекты истории со своими правами и свободами. Их целеполагающие принципы просты и, в общих чертах, одинаковы: люди хотят достойно жить, честно трудиться, растить и воспитывать детей, хотят покоя, хотят видеть вокруг себя обычную, хорошую жизнь, с надеждой смотреть в будущее. И каждый народ имеет чувство собственного достоинства, которое выражается в культуре, языке, искусстве. Все это определяет уровень национального самосознания и самочувствия.

Кто-то из нынешних чувашских политиков (кажется, это был Президент Николай Федоров) не так давно заявил, что Ельцин «начал чувствовать Чувашию...». Сомневаюсь, чтобы это было действительно так и чтобы федеральная власть всерьез интересовалась такими материями. Самочувствием народов политические деятели из Садового кольца начинают «интересоваться» только в канун тех или иных выборов. Зато активный интерес проявляется со стороны «новорожденных» политологов, экспертов, геополитиков и т. д. Сейчас появилось много такого рода «специалистов по международным отношениям», которые наезжают и к нам, в Чувашскую Республику, чтобы, выражаясь на их сленге, отследить ситуацию. Одним из образчиков подобного «отслеживания» националистов можно считатьopus В.Р.Филиппова «Этнополитическая ситуация в Чувашии (1988—1993)» (М., 1994), изданный в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» под грифом Института этнологии и антропологии РАН. В этой, если так можно выразиться, аналитической записке, сделана попытка проследить развитие чувашского национального движения, но при этом передернуты факты, превратно толкуются позиции лидеров, очевидно незнание хода событий и этнополитических реалий общественной жизни в республике того периода. В.Р.Филиппов, к сожалению, так и не смог увидеть настоящих проблем, которые возникли перед чувашами как в самой республике, так и за ее пределами после распада СССР и провозглашения независимости РФ на пути «обретения новой родины». Между тем именно тогда в рамках таких национально-общественных объединений, как Партия чувашского национального возрождения (ЧАП) и Чувашский нацио-

нальный конгресс (ЧНК), шла трудная работа по определению «чувашской идеи» в политическом, правовом и культурном аспектах (с опорой на опыт чувашских социал-революционеров начала XX века). Вообще, эта «записка» по выборке информации и характерным стиливым приемам напоминает жанр послания, адресованного компетентным органам, а никак не объективное исследование.

Я хотел бы сделать для концовки remake одного давнего стихотворения Тадеуша Ружевича:

... все-таки есть поэты
значит все-таки есть поэзия
есть молодые поэты
как это ошеломляюще
необыкновенно

(«Непрекращающееся зрелище»,
перевод В.Бурича)

но боюсь, что такого восклицания у меня не получится...

В постсоветском пространстве изменилось и самоощущение литераторов. Стало легче и свободнее дышать, писать и говорить, но стало трудно жить. Чувашские писатели, и прежде не бывшие на авансцене общественной (публичной) жизни, чужающиеся политики как черта, после 1991 года и вовсе оказались (за редкими исключениями) на обочине. В самой литературе каких-то новых тем, мотивов, пожалуй, не появилось. Более активно развивались о к о л ь н ы е жанры (около поэзии, около прозы, около драмы): песенные тексты, публицистика, эссе, очерк, памфлет, полу-драма и т.д. Продолжали издаваться традиционные журналы чувашской литературы «Ялав» («Знамя») и «Таван Атӑл» («Родная Волга»), органы официального Союза писателей Чувашии. Появились альтернативные СП (аббревиатуру можно читать и как «совместное предприятие», и как «семейное предприятие», например М.Юхмы). Появились и сугубо частные, альтернативные издания. Ярким примером является молодежная газета «Аван-и» (издатель Борис Чиндыков). Группа «Аван-и» попыталась делать д р у г у ю чувашскую словесность. И это ей удавалось, пока газету не задушил г-н Рынок.

Публикации «Аван-и» были пестры и мозаичны. Чувашская эстрада, психология и поведение чувашских сельских и городских маргиналов, умеренный национализм, попытка говорить с молодежью о серьезных вещах — экономике, бизнесе, политике, культуре — на ее же языке, новый фотопортрет, внедрение эротического направления в литературе, раздвижение границ жанров за счет обращения к бытовой мистике, фантастике, сфере подсознательного (молодой прозаик В.Степанов). При этом Б.Чиндыков стремился держать уровень планки и смог впрыснуть некую эпатазирующую новизну в свою газету. Одновременно в чувашскую молодежную субкультуру новые ценности и имена-символы. В целом «Аван-и» выступала по отношению к прежнему понятию «творчество молодых» как своего рода м е т а - т е к с т, ироничный, провоцирующий, чуть циничный, но благодаря своей откровенной (царапающей душу) манере выражаться помогающий молодым избавляться от коросты лжи.

Лет семь-восемь с начала перестройки существовала все же какая-никакая литературно-художественная среда, в которой происходили интересные культурные акции. Но эта среда сначала распалась на мелкие кружки (по 2—3 человека), а затем и вовсе остались «одиночки». Они п р о с т о живут, но не стоят в очередях, чтобы издаться, выползти на театральную сцену, выступить на ТВ, радио, не расталкивают других локтями. Они не «дети тишины» (Л.Аннинский) и не «поколение зарытых заживо» (О.Седакова), хотя эти дефиниции приблизительно соответствуют их состоянию. Как в свое время писал немецкий критик Курт Хохов в «Нейе цюрхер цайтунг» об Айги: «... наступил ужасающий период ожиданий нового за языковыми решетками, ожидания движения «крота». Чувашские литераторы 30—40 лет (по крайней мере, лучшие из них) и превратились сейчас, на мой взгляд, в таких «кратов». Они роют свои ходы, которые нам пока неведомы, но они делают нечто свое, и н о е. Конечно, это трудное испытание. Чиндыков сотоварищи, не объединяясь формально, близко ощущают друг друга и не желают растворяться в общей разжиженной усредненной среде, где, к сожалению, утрачено ощущение иерархии ценностей.

Есть и другие. Также «восьмидесятники», но они предпочли блеск лжи, им нужны шоу, презентации несос-

тоявшихся книг (поэтические вечера-презентации В.Тургая и А.Смолина как попытка self-making — «самим себя создать»), стать популярными, пробиться в ряд... Что стоит за этой мишурой? Распространяется «попсовая» версификация, творцам которой жизненно необходимы блеск софитов, застолья, лесть поклонников. Главное — «засветиться», мельтешить и т.д.

Таким образом, вырисовываются два типа творческого поведения в литературном процессе. Если первые — меланхоличны и спокойны, то вторые — суетливы и постоянно возбуждены.

Выдающийся чувашский филолог Николай Ашмарин более ста лет тому назад писал в работе «Очерк народной поэзии у чуваш», что «чуваш не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до истинно гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубиться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает, неизвестное будущее часто заставляет его призадумываться...». Это очень проницательная и глубокая характеристика доминанты национального характера, и, пожалуй, она соответствует нынешнему самоощущению литераторов (шире — «работающих» в современной чувашской культуре) первого типа. Этой доминанте следуют (наследуют) поэты Эйзин, Дмитриев (Трер), Яккузень, Любовь Мартянова, Пегиль, Марина Карягина, композиторы-певцы Казаков и Романов, прозаик Тарасов, драматург Чиндыков. У них есть терпение, они способны «стеречь» свою мысль. «Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, — благо» («Дхаммапада», III 35).

Нет и не может быть простых и правильных ответов на все вопросы. Те слова, который были сказаны и те действия, которые были осуществлены, не дали пока ожидаемых результатов. Семь лет тому назад мое рассуждение называлось «Полупессимистический прогноз» («ДН», 1989, № 6). Но сейчас, как ни странно, я настроен более оптимистично, хотя и более сдержанно.

В эти лихие годы мы не потеряли себя перед лицом э т о й власти, мы научились говорить ей «нет» и действовать вопреки ее амбициям, мы не изменили свободе и своим

убеждениям ради материального благополучия и должностей. И я убежден, что если мы сойдемся где-нибудь, то с полуслова продолжим тот давний разговор. Будут снова смешиваться языки и наречия. Я знаю, что прежнее братское чувство осталось в каждом из нас. Неожиданное подтверждение этому я нашел в стихотворении Юриса Кунноса. В нем я услышал отзвук тех бесед, но сам звук не исчез, не пропал бесследно, и струна сердца по сей день резонирует с ним.

(...)
четырёхскатные крыши Пьебалги только
щепа поменьше
пропали муромские леса Мещера
Берендеево царство
али там по-чухонски говаривал кто
глубоко по размытым балкам мельчает
струя
под кипящим солнцем под холстиной небес
забытое языческое слово

будь по-твоему
исчезнут последние идолы в черемухах
черемисов
украшенные шоколадной фольгой
и лентами школьниц
и обживатель чувашских небес теряет
дар речи
В восторге от великой реки не поймет
где граница

может нету ее
убегает на север манящий волчий след
где шаманы камлают под мухомор
где снега
всего прозрачнее и белее /.../
(«Смешение языков»,
перевод С. Морейно)

Чудь, меря, весь и многие другие народы пропали, исчезли в омуте истории, и забывается (но и заново вспоминается) то старое лесное Слово, отцветает черемуха в Марий Эл. Да, действительно мы теряем дар родной речи (но зерна, упавшие в землю, еще дадут всходы). Течет большая вода, склоняется к северу сердце...

И мы снова — тюрки и финно-угры Урало-Поволжья, жители Срединной земли — протянем одну руку в сторону

Балтии, другую — в сторону Кавказа, обратим взор на Алтай, Бурятию, Тыву и Хакасию. Мы шли «своим путем», но наши тропы пересекутся в скором будущем. Диалог языков, культур будет продолжен... Мы имеем мужество быть, не изменяя любви к своему народу, /интер/национальному братству.

1996, февраль

КНИГА ПИГАМБАРА (или какое наследие мы имеем?)

Пире пӑхан Пихампар,
Ху йыттуна хӑвах чар...

Существует известная чувашская пословица «*чӑваш кӗнекине ёне синӗ*» (чувашскую книгу корова съела). Почему чувашаи полагали, что такое доброе и кроткое домашнее животное могло совершить такой акт вандализма объяснить трудно. Может быть, это была какая-то кара за совершенный нашими предками тяжкий грех, хотя уже в 520 г. у наших предков савиров (< гуннов) появилось Священное Писание (или фрагменты этого текста) на родном языке, начертанное согдийско-манихейскими письменами. Так что понятие о грехе (хотя бы в византийско-христианском толковании) они уже, вероятно, имели. Можно считать это сообщение о первой проточувашской книге, сохраненное сирийской хроникой Захария Ритора мифом, но пословица сама являясь миниатюрным текстом есть важное свидетельство, не лишенное к тому же эстетических достоинств (акцентирование имени *чӑваш* и изысканный ассонанс: *ё-и-е*).

Была ли у чуваш литература в древности, в средние века и каковы были формы ее выражения, жанры, стили и методы это вопрос для спекуляций ученых литературоведов, которые волнуют меня меньше всего. Одно бесспорно, чувашаи всегда высказывались и, следовательно, порождали бесчисленное количество «текстов как *высказываний*» (М.Бахтин). Записывались ли они, или же передавались устным путем, сохранялись иным способом в памяти народной, были ли у них авторы или нет, но они образовывали открытое мно-

жество текстов, которые и составляют единую Чувашскую Книгу («корпус, текстовое тело» — Р.Барт). Это **тело** не может быть уничтожено по определению, потому что погибая в какой-то части, оно возрождается вновь на уровне внеличностной традиции, архетипов, общенациональной топики. Эта Книга содержит в себе **все** тексты, когда-либо созданные на чувашском (и не только) языке, отражающие чувашский образ мира, взгляд и жест чуваша, его медитации о жизни и о себе. Чувашская Книга это суть *выразительное и говорящее* бытие (М.Бахтин). Чувашское слово, рождаясь в недрах этого бытия, каким-то образом записывается на страницах этой Книги, но только в том случае если поэт способен прислушаться к «гулу» самого Языка, «коллективного бессознательного» чувашского истока. Так как именно **Пигамбар** давал новорожденному разум, жизненную силу и добрую душу (а все это мы можем почерпнуть и усвоить из нашего историко-культурного пратекста), то единую Чувашскую Книгу можно назвать просто Книгой Пигамбара.

Опираясь на недавние разыскания наших историков и филологов, мы постараемся обрисовать хотя бы некоторые контуры содержания этой Книги для того, чтобы сориентироваться в хронотопологии чувашских словесных текстов (высказываний). Мы не будем ставить вопрос о том, что есть литература? Но и границы собственно литературы при таком интертекстуальном подходе, может быть, станут более отчетливыми*.

***

Историческое сознание (память) и наше отношение к наследию это важный вектор в структуре мегатекста всей чувашской литературы. («Под *литературой* я понимаю не совокупность и не последовательность тех или иных произведений и даже не определенный вид деятельности или предмет преподавания, но сложный граф, образованный следами известного типа практики — практики письма (...) Я с равным правом могу сказать: литература, письмо или текст» — Р. Барт).

---

* Часть нижеследующих соображений были опубликованы мной в журнале «Вопросы литературы» (1985, № 3, № 9; 1986, № 1; 1989, № 10).

Книга В.Д.Димитриева «Чувашские исторические предания. Часть 1 — О жизни и борьбе народа с древних времен до середины XVI века» (1983) привлекает наше внимание к одному, еще не очень осмысленному типу исторических текстов (источников) — народному преданию. Автор давно интересуется проблемами чувашского этно- и топонимизма, интересы его простираются от прабулгарского периода до новобулгарского (собственно чувашского), иначе говоря, от периода древности, когда азиатские предки чувашей входили в состав империи Хунну (III в. до н.э. — I в. н.э.) до периода позднего феодализма (XVIII в.). Для трудов историка характерно пристальное внимание к свидетельствам старых письменных источников, выяснение их достоверности, уточнение реального значения тех этнических и исторических терминов, которые употреблялись в них.

Устная традиция в виде разнообразных фольклорных жанров (исторические предания о событиях и лицах, а также частично легендарные и сказочные предания, мифы, топонимические легенды) представляют собой как бы живую память народа, которая хранит «места», знаки пройденного им пути в истории, и потому предания это весьма плотная субстанция письма на страницах Книги Пигамбара. Мы можем извлечь оттуда некое подобие народной **философии истории**, ибо несмотря на то, что предки чувашей знали руническую письменность, а в X—XIII вв. использовали арабскую графику, вплоть до создания новочувашской письменности социально-психологические установки, взгляды и настроения масс (**хура халӑх**) не получали непосредственного выражения в практиках письма. Кроме того и сами рунические памятники протобулгар, и арабграфичные на территории Волжской Булгарии были фрагментарны и содержали скупую (пунктирную) историческую информацию. «Молчащее большинство», по выражению французского историка Марка Блока, чувашского средневекового общества не имело другого средства самовыражения и самоосознания кроме устной молвы. Но событийно и содержательно нашему народу «было о чем поведать потомкам». У чувашей всегда выделялись особо одаренные, уважаемые старцы (*ваттисем*), которые владели ведическим сказом.

Наиболее древний слой преданий представляют собой, очевидно, легенды о великанах-Ульпах, о прародителях чу-

ваш, а также об исходе наших предков с Юга — территории *Bulgaria Magna* — первой обретенной родины в Европе. Организуя моментом во многих преданиях этого типа выступает мотив переселения за каким-либо животным (волком, оленем, быком, лошадью и т.д.), которое являлось тотемом племени. Подобные легенды относятся к Хуннской эпохе расселения отдельных тюркских племен, встречаются они также в повествованиях о заселении дунайских земель булгарами под предводительством хана Аспаруха в VII в. Историческое сознание, как раньше, так и поныне, тесно переплетается с мифологическим. Бросок на Север, исход с благодатного юга в междуречье Волги и Камы (2-й этап обретения родины), в частности, нередко объясняется тем, что чувашаи некогда утратили идеальное состояние (в мировой истории аналогией может быть исход евреев из Египта под руководством Моисея, правда, совсем из иных соображений), когда жизнь была мирной, естественной и простой. «Золотой век» это часто встречающаяся точка отсчета мифологического времени. Любопытны и отголоски прометеевского мифа, встречающиеся в чувашском фольклоре. На месте Зевса здесь выступает бог-громовержец Аслади, а Прометея — Улып, который, нарушив отцовскую заповедь, начал чинить людям зло, за что и был прикован цепями к скале. Легенда привязывает этот сюжет также к Кавказу и может быть рассмотрена как древняя трансформация так называемого основного индоевропейского мифа в гунно-булгарской среде.

Героическую эпоху в истории булгаро-чуваш представляют легенды об Адал-батыре, Темене, Марки-ульпе. Это герои-воители, защитники булгарских городов Сувара, Пюлера, Булгара в войнах против внешних врагов. Иногда они же представляют высшую инстанцию, наказывая неправедных правителей государства. Во многих топонимических преданиях упоминаются имена мифических основателей той или иной деревни (Четай, Айдар, Чинкей, Пичура и другие), бывших в то же время своего рода национальными культурными героями. Они первые начали разводить скот, заниматься земледелием, бортничеством, первыми изучили ремесла, а потом уж обучили всему этому и людей. «Период существования Булгарского государства отложился в памяти народа как время национальной независимости...», — отмечает В.Д.Димитриев.

Ряд интересных преданий отражают борьбу, которую вели болгары против монголо-татарского ига в XIII—XIV вв., а позднее чуваши против казанских ханов. В них мы прочитываем реальные события того времени: завоевание и полон Волжской Булгарии, разорение ее городов Батыем и полководцем Субэдеем, походы Тамерлана, основание Казани в 1370 г., заселение чувашами центральных и северных районов современной территории Чувашии. Поражение болгар-чувашей нередко воплощается в сказочном мотиве превращения правителя и его семейства в лебедей или орлов после взятия того или иного города, которые затем улетают далеко-далеко. Многие предания повествуют о времени основания чувашских селений. Чувашаи укоренились на «новой земле», обрели свою новую — третью по счету — родину. В этот период происходит формирование современного чувашского этноса в результате ассимиляции болгаро-чувашами финно-угорского населения.

В целом время, отраженное в этих преданиях, может быть названо **трагической эпохой**. Ее породили, конечно, конкретные геополитические причины. Но народ не был сломлен и даже после аннексии родины (**Сёр-Шыв**) Московией, всегда помнил имена своих героев Ахпълата, Чурибатыра, Алик-батыра и других, которые выступали против чужеземной тирании и являлись обобщенными образами народной борьбы чувашей за свою независимость и человеческое достоинство.

Народ — владетель Книги Пигамбара через предание оценивал большие события прошлого, фиксировал настоящее и подготавливал свой проект на будущее.

***

Книга «Революциченхи чăваш литератури. Текстсем» (1984) — результат долгих и кропотливых изысканий и текстологической работы среди архивных и рукописных материалов, среди редких старопечатных изданий, которые были проведены А.В.Вазаном и Г.Ф.Юмартом, а также В.Г. Родионовым. С выходом этой книги наше представление о временных и пространственных координатах чувашской литера-

туры, об авторах, являвшихся первопроходцами в этой духовной сфере, существенно расширяется и углубляется. (В 1988, 2001 гг. был издан 2-й том (в 2 кн.) «Революичченхи чăваш литератури», те же авторы в 1989 г. с таким же названием опубликовали теоретическую монографию).

Тексты болгарского (VIII—XIII вв.), периода Золотой Орды и Казанского ханства (XIV—XVI вв.), периода колонизации Чувашского края Московией (XVI—XVIII вв.) опять возвращают нас, в основном, к событиям героической и трагической эпох чувашской истории и именно тогда в чувашском мегатексте при сохранении естественного, отприродного и семейно-родового мировидения (следовать ДАО — Пути мироздания) происходит своего рода «западно-восточный синтез» и потому эту часть корпуса текстов можно рассматривать как некое подобие *West-Öslicher Divan* («Так лучше быть на полдороге — На Западе и на Востоке!» — J.W.Goethe).

Фрагменты сочинений известных арабских путешественников Ахмада ибн Фадлана (X в.) и Абу Хамида аль-Гарнати (XII в.), повествующие о быте, культуре и обычаях болгар, конечно же, являются памятниками арабской географической литературы. В то же время это ценнейшие источники для изучения средневековья чувашской истории и потому введение этих авторов, а также образцов болгарских эпитафий XIII—XIV вв. («кладбищенской поэзии» по выражению С.Е.Малова) в контекст развития собственно чувашской литературы подтверждает значимость для нас мусульманской культурной традиции.

Зарождение чувашской новописьменной литературы как бы происходило на фоне живой и сильной фольклорной традиции. Поэтому образцы чувашского стихотворчества в жанре торжественной оды (сочиненные по случаю приезда Екатерины Второй в Казань и по иным поводам — конец XVIII в.), хвалебная ода «Сон» Никиты Бичурина (о. Иакинфа) хронологически недалеко отстоят от «песен» Хведи (род. в 1810 г.) и Ягура (1830 г.), представляющих собой вольную интерпретацию мотивов чувашской народной лирики (лет эдак через 150 этот опыт повторит Геннадий Айги в книге «Поклон — Пению» — сто вариаций на темы народных песен Поволжья). Такие явления сосуществовали и действительно дополняли друг друга. В корпус (тело) текстов

чувашской словесности входила и система фольклорных жанров, которые выполняли функции литературы, хотя и не следует забывать об известном противостоянии фольклора и литературы, как различных мировоззрений. Впрочем, и для древнерусской литературы отмечалось, что «если система жанров фольклора была цельной и законченной, была способна в какой-то мере удовлетворять потребности народа, в массе своей неграмотного, то система жанров литературы древней Руси была неполной. Она не могла существовать самостоятельно и удовлетворять все потребности общества в словесном искусстве. Система литературных жанров до о л н я л а с ь фольклором» (Д.С.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С.69). Эта ситуация в развитии чувашской литературы сохраняется на протяжении XVIII—XIX вв.

Тексты миссионеров, просвещенных людей Ермея Романского (род. в 1741 г.), Спиридона Михайлова (1821—1861), Н.И.Золотницкого (1829—1880) занимают достойное место в Книге Пигамбара. На примере этих первых опытов практики письма видно, как нелегко проходило становление литературного сознания, какими трудными были попытки самовыразиться в письменном слове. При сложном соотношении литературных и внелитературных явлений в рамках чувашской словесности собственно литература тесно соприкасается с деловой и бытовой письменностью. Литературные жанры еще только складываются, кристаллизация их не завершилась. И потому, в одних случаях, авторы тяготеют к этнографизму (М.Дмитриев, М.Петров, Гр.Тимофеев, Н.Охотников), в других, изображенная сценка, не пройдя через художественную типизацию, не становится в полной мере фактом литературным и остается на бытовом уровне. Ярким примером этой борьбы за жанр и стиль, то есть за самодостаточное и завершенное изображение, является проза Игнатия Иванова (1848—1885). Его рассказы предельно конкретны, вплоть до упоминания названия деревни и имени человека, о котором идет речь. Здесь наглядно видно, как *сказ* (устное, непридуманное слово) начинает превращаться в *рассказ*, в особый литературный жанр. Характеры героев еще недостаточно психологически разработаны, их поступки не всегда мотивированы и в то же время каждая рассказанная история имеет

свою мораль, которая завершает повествование, или выносятся в заглавие.

Наивный морализм характерен и для произведений «большой» прозы чувашского XIX в. Повесть «Богатство» Ивана Юркина (1863—1943) представляет собой своеобразную семейную хронику, в которой события и персонажи оцениваются во внутреннем монологе старухи Праски. Деньги, алчность это погибель констатирует автор и усиливает эту аксиому трагической развязкой — гибнут хранительница очага Праски и ее старшая дочь. Повесть Николая Кедрова (1874—19?) «Отца-мать почитай, самому благом обернется...» имеет своим пре-текстом шекспировского «Короля Лира». Героиня повести Осипа Романова (1874—19?) Ануш тоже проходит через мытарства... Назидание, дидактизм, чувствительное морализаторство были близки мягкой и нежной душе чуваша. Чувашская проза тяготела к старинному и наивному жанру жития с характерной для него поляризацией добра и зла.

В роде поэтическом хочется особо отметить два шедевра. Это стихотворение «Чăваш эпёр полтăмър...» Максима Федорова (серед. XIX в.) и балладу «Чухăн сын пурăнăçĕ — хирти мулкач пурăнăçĕ» Кергури Филиппова (ум. В 1914 г.). По точной передаче чувашского стоического пессимизма, мастерскому владению стихом и экспрессией языка они близки знаменитому «Арсури» Михаила Федорова (1848—1904). Чувашская лирика конца XIX в. в ее философски-религиозном и интимном проявлениях представлена творчеством братьев Якку (1874—1938) и Хведера (1876—1932) Турханов. Интертекстуально, побудительным импульсом была для них русская поэтическая классика (Жуковский, Пушкин, Кольцов, Лермонтов, Некрасов).

Особое влияние на развитие литературного процесса и становление жанров чувашской словесности оказало создание новочувашской письменности и начало обучения в школах на чувашском языке. Патриархом чувашской культуры, «Отцом нации» можно считать просветителя Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930). Сам литературный язык, который окончательно сформировался в Симбирской чувашской учительской школе во 2-й половине XIX в. и «смог свободно воспроизводить христианскую мысль, привнесенную чувашам в формах славянского языка и русской речи, в духе собст-

венного гения и соответственно своим традициям» (М.П. Петров-Тинехпи), воспринимался как национальная символическая ценность. С языком связывались перспективы национально-культурного возрождения в целом, хотя ретроспективно можно оценивать деятельность И.Я.Яковлева как религиозно-просветительский Вызов Пигамбару. «И.Я. по его миросозерцанию хотелось дать чувашскому народу переведенную на настоящий народный и общепонятный, стандартизированный чувашский язык Библию (...) История европейских культурных народов в новое время всегда начиналась с полного или частичного перевода этого исторического памятника человеческого творчества. К 1911 г. ему удалось выпустить (...) Новый Завет, Псалтырь, часть Пророков и других книг Вехого Завета, всего около 2/3 полного собрания библейских книг» (Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930. Чебоксары, 1948. С.94,97). Его сравнивали со святыми Кириллом и Мефодием, Лютером, можно было добавить и святого Стефания Пермского (XIV в.). Тексты Священного Писания — плод коллективного творчества переводчиков людей-подвижников, «птенцов яковлевского гнезда» — вошли в известной мере в содержание Книги Пигамбара (см. впрочем ниже).

...Многообразие жанров и стилей, интертекстов и прототекстов чувашской дореволюционной литературы показывают, что развитие литературного процесса шло в новое время ускоренно и интенсивно. Этому способствовала письменность, распространение идей христианского просветительства в среде чувашской «интеллигенции», освоение мировой и русской классики (пре-текстов) отчасти путем переводов, отчасти путем переработки в своем художественном сознании сюжетов, архетипов и топики. Самосознание народа начинает выражаться в собственно литературе (произведениях-текстах). Появляются отдельные авторы, которые, конечно же, не сознавали себя литераторами, но были «пишущими» (в смысле Р.Барта).

И все же два гениальных чувашских поэта — Кесьтентин Иванов (1890—1915) и Сеспель Мишши (1899—1922), которые с полным сознанием своей миссии расписались в Книге Пигамбара, появляются на белый свет лишь в самом конце XIX в., на его изломе.

К.Иванов как бы **з а к р ы в а е т** своим творчеством дореволюционный период чувашской словесности. Его поэтика классична, традиционна по отношению к выразительным средствам и в то же время менее личностна. Тяготея к эпическому освоению реальности, поэт по сути не обращается к лирическому самовыражению.

И напротив, поэзия М.Сеспеля представляет собой глубоко личностное, субъективное преодоление словесного материала (бунт против власти Языка, самому стать его Владетелем). Ему удалось обновить и топику, и произвести переворот в стихосложении (силлабика > силлабо-тоника), чеканно сформулировать своего рода экзистенциальное кредо новой чувашской лирики. Творчество М.Сеспеля **о т к р ы в а е т** новый период развития чувашской литературы.

Они воплощают два, до определенной степени, противоположных полюса словесного искусства. С нашей точки зрения, Иванов является «классическим поэтом», а Сеспель — это «поэт-романтик» (О противопоставлении двух типов поэтического творчества в этом плане см.: В.М.Жирмунский. О поэзии классической и романтической // Его же. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С.134-137). Именно для К.Иванова характерно: «...консервативное, во всяком случае бережное отношение поэта к художественной традиции в области поэтического языка и стиля: в классическом произведении традиция предстает перед нами не разрушенной, а по-новому углубленной» (там же, с.135). Мы уже отметили 100-летие обоих поэтов. Но их тексты требуют нового прочтения и провоцируют все новые осмысления на основе восстанавливаемого историко-культурного контекста, вовлечения интертекстов и охвата всего Текста Пигамбара с позиций герменевтики, философии языка, семиотики, лингвистического психоанализа, деконструкции и т.д.

Книга Пигамбара (как тело Текста) продвигалась через разные историко-культурные традиции (пре-тексты) или же старые и новые «языки культуры». В какой-то степени мы можем их реконструировать, вслушаться в этот хор голосов-логов и что существенно, мы должны сейчас осознавать единовременность всех этих текстов. Книга, как живое целое, которая содержит в себе **все** тексты, когда-либо созданные,

произнесенные и написанные. Но «языки культуры» должны быть подвергнуты процедуре (обряду) очищения.

Первая традиция это наша звучащая (устная) словесность (сейчас она уже стала письменной, ибо фольклорный язык мы учим по записям, публикациям в книгах, хрестоматиях, сводах и т.д.). С фольклором мы обошлись не лучшим образом, начиная с 30-х годов мы его успешно «распродавали», как бы нарочито подчеркивая национальное своеобразие чувашской литературы (чувашская экзотика на продажу). Наверное, это было закономерно, но очень часто фольклором и в музыке, и в театре, и собственно в литературе маскировалась немощь индивидуальных творческих усилий и насаждалась (весьма успешно!) псевдонародность в искусстве и литературе. Это был ходовой «товар». Фольклор лакировали, смывали «грязь», чтобы придать ему товарный вид. Вынимали его основу — религиозно-пантеистическое миро-созерцание и оставляли только оболочку. Этот не аутентичный фольклор, в самом облегченном и поверхностном его понимании, влечет к себе отдельных авторов и по сей день. И в то же время фольклоризм сочетался с примитивным представлением реальности вообще в соответствии с канонами официальной лжеэстетики 30—50-х годов, с явной вторичностью тематики, художественных приемов, выхолащанностью языка.

Второе это мусульманско-булгарский пласт традиции. Можно сказать, что «булгарским пирогом» кормились также и татары, и башкиры, заметный след булгары оставили в языке и культуре поволжско-уральских финно-угров — мари, мокшан, эрзян, коми, удмуртов, бесермян. И, тем не менее, есть прямая языковая и этнокультурная преемственность между среднебулгарским состоянием XIII—XIV вв. и чувашским (новобулгарским). Многие наши боги имеют переосмысленные мусульманские наименования, сам чувашский монотеизм, может быть, сформировался под влиянием ислама (Д.Месарош). Булгаро-мусульманское, общетюркское и исконно чувашское (семейно-родовое) смешивались и чтобы читать этот «язык культуры» надо выходить на арабское и иранское универсальные общества.

В качестве третьей составляющей нашего наследия я бы назвал традицию христианского просвещения. С XVI в., в

первоначальный период колонизации Чувашского края со стороны Московии, процесс христианизации осуществлялся насильственным путем. Но затем с начала XIX в., когда христианское вероучение стало реализовываться на родном языке, то складывается своего рода язычески-христианский синкретизм, который подпитывал чувашскую дореволюционную словесность. И в тоже время надо подчеркнуть, что мы не попали под власть языка чувашских переводов текстов Священного Писания и он остался лишь на уровне некоего христианского диалекта общечувашского сложного и многомерного **койнэ**. Наша культура и основа ее — Книга Пигамбара имеют за собой более глубокую, двухтысячелетнюю традицию болгаро-чувашской истории. Для усиления власти Языка и его кодификации это было важно, но, к счастью, мало затронуло чувашский образ мира. Яковлев сотоварищи внес в единую Чувашскую Книгу необходимый «прибавочный элемент» — диалектическое зерно противоречия. И потому нам еще предстоит серьезные и глубокие штудии того, что было привнесено христианством в чувашское национальное сознание. Что такое наше национальное своеобразие и этническая идентичность? Что имело духовное преимущество и повлияло на развитие словесности, семантических потенций самого языка: христианство или старая чувашская вера (чӑн чӑваш тӑнӑ)? Обрела ли благодаря христианскому «языку культуры» чувашская литература более открытый характер, подошла ли к осознанию ценности личности и общечеловеческих идеалов? Думаю, что аналогичные проблемы стоят и перед интерпретаторами текстов марийской, мордовской, удмуртской и коми литератур, которые также не миновали опыта христианского просвещения.

Книга Пигамбара это великая народная книга и в ее корпус войдет, вероятно, немного текстов чувашских писателей XX-го века. Что-то может вписаться в контекст новой литературы — интертекстуальной словесности — поверх границ «методов», жанров и стилей и какие-то имена в ней останутся. И Пигамбар понесет эту Книгу дальше, в неведомое будущее. Он вынес ее с Юго-Востока (да и сам родом оттуда), бережно доставил ее на Север и ее страницы всегда будут листать ветры истории. Да и сам он «запрягает ветер, носясь по Пустоте» (подобно Ле-цзы). Единая Чувашская

Книга (мегатекст всей чувашской литературы) близка и нашим соседям финно-уграм, и бывшим соседям по Кавказу, Центральной Азии. Мы можем понять и оценить обособленное религиозное чувство, «заботу» и «страх», пограничные ситуации европейца с его экзистенциальной философией. Наша литература не является ни восточной, ни западной. (Впрочем, проблема «Восток-Запад» давно уже не существует в едином пространстве — *urbi et orbi* — всемирной литературы). Книга Пигамбара есть мандала, открытая на все стороны света, в ней сходятся векторы силы и нежности, этики и эстетики, жизненной энергии и добра, «девственных действий» всех живших, живущих чувашей и тех, кто будет жить. Туда нисходит Дух (**Чăваш Шульăшĕ**) и со страниц ее рассеивается в пустотах мира, залетает в души людские, приводит их в трепет, который гармоничен с музыкой сфер.

2001, июнь

II. МЕТАТЕКСТЫ

Для того, чтобы понять эти философы, нельзя ни на миг забывать, что это — философы чуждого опыта (...) от глубочайшей древности до сегодняшнего дня философия слова и лингвистическое слово зиждутся на специфическом ощущении чуждого, иноязычного слова и на тех задачах, которые ставит именно чуждое слово сознанию — разгадать и научить разгаданному.

*М.Бахтин,
«Марксизм и философия языка» (1929).*

О НИЦШЕ

Фридрих Ницше (1844—1900) — немецкий философ-идеалист, профессор филологии в Базеле (Швейцария, 1869—1878). Взгляды Ницше сложились в период перехода капитализма в стадию империализма и являются реакцией буржуазной идеологии на обострение классовых противоречий. Его мировоззрение проникнуто ненавистью к «духу революции» и к народным массам.

Философский словарь. Москва, 1975.

***

Вспомним о том сыне и внуке протестантских священников, в котором романтизм девятнадцатого века преодолел сам себя, о том человеке, чья жертвенная смерть во имя мысли положила начало ранее невысказанному, новому, — О Фридрихе Ницше (...) В двадцать лет я постиг относительно «имморализма» этого великого моралиста...

Томас Манн.

***

7 афоризмов Ницше из посмертно опубликованного сочинения «Воля к власти» (1906)

Человек, как он д о л ж е н быть, — это звучит для нас столь же нелепо, как «дерево, как оно должно быть».

Мы видим, к чему сводится жизнь в обществе: каждый отдельный индивид приносится в жертву и служит орудием. Пройдите по улице, и вы увидите только «рабов». Куда? Зачем?

Центр тяжести лежал для каждой души в ней самой: спасение или осуждение! Спасение в е ч н о й души! Самая крайняя форма с о с р е д о т о ч е н и я на с е б е...

Между тем: действительный героизм заключается не в том, чтобы бороться, а в том, чтобы под знаменем самопожертвования, преданности, бескорыстия, в о в с е н е б о р о т ь с я...

Буддийская черта, стремление в ничто.

В глубине сердца не знать, где исход? П у с т о т а.

Музыка есть п о с т е п е н н о е стихание звука.

В д у х о в н о м м и р е н е т у н и ч т о ж е н и я...

***

Должен сказать, что никто и ничто не помогало мне понять, что мне «нужно», что мне «делать», пока я не познакомился в 1956 году с трудами Ницше. (В первую очередь, меня поразило «открытие», что человек — это дух, а дух — свобода, — что эти понятия тавтологичны). Дальнейшие поиски «существенного» вели к Паскалю, а еще позже — к Кьеркегору.

Геннадий Айги.

1986

ГОРСТЬ КАМЕШКОВ НА МОГИЛУ ПОЭТА
Алексей Аттил. Гармония. Стихи. Чебоксары,
1985 (на чувашском языке).

Пожалуй, как никто другой из поэтов своего поколения А.Аттил обладал пронзительным ощущением новизны, свежести происходившего в мире и в нем самом лирического **со-бытия**. Очевидно, это возможно лишь в том случае, если душа поэта остается по-детски чистой и прозрачной, и каждый миг вызывает в ней ответный порыв. В поэзии А.Аттила я ощущаю это созвучие души и окружающего мира. Даже если этот мир на так ласков и приветлив. Даже если боль щемит левую сторону груди...

Со свистом проносится мгновение подобно напеву ветра.
И в нас не утихают стенания ангелов.

Мелодия подобно свету струится и блестит.

Звенит, журчит как ручеек.

Каков ее язык — то богу лишь известно...

Одно лишь можно высказать: поет.

Ветвь в инее сверкает чудным светом,

Иль солнце одиноко смотрит в мир —

душа приемлет все и отвечает,

и бьется сердце — на разрыв аорты!

(Здесь и далее подстрочный перевод мой. — А.Х.)

Читая Аттила, видишь, что дело не в том, **где** происходит лирическое событие — в деревне, в городе — у него все это как-то смещено, важно, что это событие проявляется **в мире**. Это говорит также и об определяющем для его стихов стремлении «дойти до самой сути». Поэтому его поэзия лишена внешних чувашских реалий, он как бы понимал, что

дело поэта заключается не только в показе сугубо чувашского. Есть уровень подлинного искусства, когда речь идет о самом существенном, порою трагическом содержании жизни, и блеск позолоты не должен заслонять «истины сердца».

Для чувашской поэзии конца 60—начала 70-х годов такая постановка поэтической задачи, вообще, не была чуждой и отвечала некоторым глубинным тенденциям развития, вызревающим подспудно под шелухой пустопорожней риторики и дешевой распродажи «чувашской экзотики». Тогда сверстники А.Аттила пытались разными путями расширить выразительные возможности чувашского стиха, «застолбить» новые поэтические территории. Но, тем не менее, поэт оставался одиноким и в своем поколении, потому что его поиски касались именно структуры содержания стиха и менее его формальных сторон.

Мир красочен трехцветно:
зима — белая, лето — зеленое, осень — желта.
В ночи душу взбадривает еще один цвет —
звездное пламя.
Душа свободна на два цвета:
черно-белая магия.
Впереди —
листья летят,
падает снег,
отрываются листки календаря.
Позади остаются
вещи, которые я смастерил,
понятия, которым я дал имя,
и смотрят с тоской.

(Подстрочный перевод).

В своей «лирической метеорологии» (любимый сезон — весна, когда оживают, начинают бродить тайные силы после долгого сна: природа воскресает!) чувашский поэт является достаточно стойким и верным последователем Пастернака (вслед за Г.Айги). Потому что пастернаковские приемы смещения всего и вся, его метонимичность, трудно были представимы на чувашской почве. Но оказывается это возможно и остается органичным. А.Аттил, пожалуй, использует более крупные мазки, не прорисовывает деталей в своих пейзажах-настроениях, но на холсте также проглядывает **лицо поэта**, только оно не покрыто слезами восторга и умиления

(как часто в пастернаковской лирике), а взгляд — скорее пристальный, в упор разглядывающий предметы, с оттенком неизбежной горечи. И очень часто — ответ метафизического неба на всем происходящем.

Поэзия А.Аттила лишена нарочитости и не может быть сведена к голым тезисам, потому что содержание отдельного стихотворения возникает, как правило, в свободной импровизации, в порыве. Естественность фразеологии, конкретная образность и подлинность стихового выражения являются вкладом поэта в развитие чувашского поэтического языка этого периода. Он смог затронуть своего рода «запретные» темы: одиночество поэта на миру, будничные трагизм реальности, необратимость времени, муки творчества и непризнанность.

В то же время мы не найдем в его стихах никаких жалоб или сетований, касающихся собственного положения (в отличие от сборников его сверстников, куда более удачливых в достижении благ и признания). А.Аттил стойко и мужественно переживал удары судьбы, слепоту чувашских литературных мэтров и критиков и не обивал пороги редакций и издательств. Его шероховатые стихи резко отличались от «срединной журнальной поэзии» с ее гладкописью. Лишь посмертно была опубликована часть его наследия. Вышла книга стихов «Гармония» (1985). Кажется, что эти стихи написаны сейчас — так щемяще-остро звучит голос поэта. Стоит подумать об издании в ближайшем будущем всего Аттила. Кроме оригинальных стихов в книгу должны войти и его переводы из Рильке, Пастернака, Тютчева, Фета и др., а также письма поэта, которые содержат очень важные суждения о путях развития чувашского стиха и искусства, о предназначении поэта...

Люди,
ваше счастье —
ему лучшая награда.
Если его душа и поет,
то только из-за нежелания скрывать
истину сердца.

1987

«БЕЛАЯ МЫСЛЬ — О ДРУЗЬЯХ...»

Ренат Харис. Русские ворота. Стихи и поэма.

Перевод с татарского Вадима Кузнецова.

Москва, 1977.

От стиха требуют мысли. Гамма зыбких ощущений, абрис чувства должны облечь плотью и кровью жесткую конструкцию мысли. Чувашский поэт Васильей Митта говорил: «... в цельнолитом стихе есть звук металла».

Свежий ветер 60-х годов принес в татарскую поэзию порыв поиска, новизну ритмики, остроту переживания рождения мысли. Поэзия Хариса берет свое начало там, в том времени. С этим поколением связывается продолжение интеллектуального начала в татарской поэзии, говорится о «конкретной философичности» стиха отдельных его представителей.

Чем в этом контексте интересна поэзия Рената Хариса?

Возьмем традиционное «восточное» сравнение мысли со стрелой. В творчестве Рената Хариса мысль в своем полете соединяет два полюса. На одном, значимость народного опыта, народного мировосприятия. Это даже видно по тем цветовым эпитетам, которые так часто встречаются в ткани стиха. Они не являются украшением, т.е. чем-то эстетически самодовлеющим, — нет, цвет, как и в фольклоре, осмыслен этически.

Все связано одной судьбой
Одной зеленою цепочкой.
Тяну я к солнцу за собой
Набухшую дождями почку.

«Зеленая цепочка» — это знак связи всего естества с самим собой и, наконец, с человеком.

Это уже другой полюс тяготения мысли. Ее острие ранит сердце человеческое. Стихотворение Рената Хариса часто осуществляется так: плавное, песенное развитие образа, который ширится, ширится и уже включает в себя все, что может охватить внутренний взор, а затем резко, пронзительно — укол, щемящая боль в груди:

Горечь родного ветра
Щиплет глаза еще.
Отчизна — до каждого метра —
Вмещается в сердце еще.

Вот в каком пространстве рождается поэзия. Тонкая струна стиха и широта степи, время, протекающее в лирическом герое, и как мера часов, дней, лет — шум волжских волн, рост молодой травы, рождение дитя.

Уже в первом прочтении обращаешь внимание на то, что стихи книги «дышат добротой соучастия». Особенно там, где речь обращена на женское «ты» («Эбэк», «Танцует татарочка», «Если поймаю я белое облако...»). Интонация — мягкая, ласковая; где-то в глубине перевода угадывается татарский звук: согласие гласных и еще звенящая в воздухе мелодия, ведомая сазом.

Когда правильно понято время, то не нужно никуда спешить, суетиться, мельтешить в сумятице хлопот и впечатлений. Поэтому хотя поэт, по собственному признанию, «стоит в середине земли и песни, в середине судьбы своей», он спокойно оглядывается назад, смотрит с надеждой на завтрашний день, зорко вглядывается в подробности текущего мира. Он видит «дерево — реку, нацеленную в облака!», успевает заметить и улыбку девушки, губы которой «подобны лодке, чуть скользящей по глади вод».

Поэт — в пути. Может быть, образ современной татарской поэзии так целостен и органичен в своем живом воплощении в силу того, что восхождение по этому пути не является лишь экспедицией за все новыми, и все более изощренными раздражениями органов чувств. Это путь к себе, который в последнее время — не только для Рената Хариса, но, например, и для более молодых Мударриса Аглямова,

Зульфата Маликова — идет через современное озвучивание вечного народного безымянного слова к низкому поклону святыням, духовным ценностям, накопленным в пластах времени. Это как-бы остановка в нелегком пути — напиться из родника! перевести дух. Остановка такого рода является иногда лишь пределом сильного и быстрого движения.

Аналогичные тенденции можно обнаружить и у соседей по Волге — в молодой чувашской поэзии.

В поэме «Мулланур» смерть героя гражданской войны Мулланура Вахитова, событие решительное и трагическое, является для поэта тем, что невозможно принять, с чем нельзя согласиться. — «Кто видел Мулланура в смертельный миг?» Человеческая жажда жизни тревожит разум, в душе — а через душу и в самой природе («всколыхнулась кожа Земли») — отменяется непреложность факта: все новое спешит на помощь герою. Поэма — о непрерывности памяти.

Через «русские ворота» поэзия Рената Хариса выходит за околицу родного языка. Здесь его ждут новые дружеские встречи. Ведь поэт сам сказал: «белая мысль — о друзьях...»

1978

МАРИЙСКИЙ ТРИПТИХ '84

1

Анатолий Тимиркаев. Родные звезды. Стихи. Перевод Сергея Каширина. Йошкар-Ола, 1984.

«Родные звезды» — так называется новая книга молодого поэта Анатолия Тимиркаева. Первая его книга на русском языке. Она словно зеркало отражает и факты его личной биографии, и становление его лирического героя. Такое, вероятно, бывает только в период поэтической юности.

Действительно, читая «Родные звезды», видишь, что каждое событие, задевшее душу, выливается в поэтические строчки. Можно знакомиться с биографией поэта по его стихам. Вот он вернулся в родную деревню *Шоръял*, где «тугие травы долу клонит игривый ветер голубой», вот идет третий трудовой семестр на марийской целине его студенческих лет. Проводы в армию, сама служба в Забайкалье, ночной дозор и «как черноглазая бурятка в свое седло садится ночь». Ударный ритм монтажа газопровода. Трудовые будни в заводской толчее, во время хлебной страды. Перефразируя слова самого поэта, можно сказать, что он знает запах металла и вкус ржи. Все это дает поэзии А.Тимиркаева крепкую жизненную основу. И потому его восприятие жизни конкретно и определено, а все происходящее видится в свете дня.

Лугам — траву,
Садам — цветенье,
Лесам — листья зеленой новь.
А мне для песен —
Вдохновенье.

А мне для радости —
Любовь.

По-своему видит А.Тимиркаев красоту родного края. Он прочитывает книгу природы, распахнутую перед нами, по-народному, внимательно прислушиваясь к ее голосам. Марийский язык, как известно, богат звукоподражательными словами, в которых ощущается особое трепетное отношение к разным природным явлениям. Свой разговор у леса, ручья, ветра и камышей. Надо уметь понимать этот язык, через который дает о себе знать сама душа природы. У Тимиркаева природа одушевлена, он входит, например, в лес не как посторонний, чужой человек и поэтому сначала должен его поприветствовать: «*Салам, чодра!*» Задумывается поэт и над исконной образностью родного языка, почему, например, детская коляска называется телегой души (*чон орва*), а гречиха — черной пшеницей (*шемшыдан*).

Увидеть в привычном, обыденном нечто новое, необычное — это одна из задач поэта. Чтобы не быть голословным, приведу всего четыре строчки, где дана полная картина утра:

Когда восток окрасится багрово,
И соловей затихнет у реки,
На луг туман приляжет, как корова,
И молока напьются васильки.

Взгляд А.Тимиркаева зорек и внимателен. Порой неожиданными бывают его сравнения — метафоры. Дороги, бегущие в поле, — словно вены на руках у мамы. Цветущая гречиха напоминает поэту полотенце, которым прикрыта стопка блинов. Весенний луг надел новенькую зеленую кепку. Эти образные находки, которых немало у молодого поэта, останавливают внимание. В них есть незатасканность, свежесть впечатления. И чувствуется национальная основа этих образных сравнений.

Сергею Каширину, переводчику книги «Родные звезды», в целом, удался перевод стихов А.Тимиркаева. Порой ощущается некоторая неровность его слога, но и в ней, думается, проявляется лишь неприглаженность чувств лирического героя, ведущего свою речь эмоционально, с перебивами.

Слишком много всего накопилось в душе, слишком о многом хочется побыстрее, сию минуту рассказать.

Мне кажется, что конкретная биографичность этой книги иногда оборачивается и своими минусами. Все же поэт не должен только быстро и сиюминутно реагировать на все события, которые с ним происходят. Должно осуществляться возвышение над буднями, нельзя довольствоваться только запасом непосредственных впечатлений. Поэт может и оторваться ненадолго от земной почвы, чтобы взглянуть на землю с высоты птичьего полета. Иначе смысл стихотворения сведется лишь к поводу для его написания, что, в конечном итоге, приводит к поверхностному скольжению по жизненным вопросам. Рано или поздно перед поэтом встает проблема нравственного обеспечения своего слова. Право на честную песню нужно выстрадать. Думаю, что А.Тимиркаев и сам хорошо осознает ответственность поэтического слова. Об этом свидетельствуют такие стихотворения, как «Пути-дороги», «Круговорот», «Слава», «Путеводная звезда», «Мое поколение». В них поэт серьезно задумывается о своем самоопределении, он не хочет идти к своей цели окольными тропинками, а выбирает прямой путь.

Жизнь — дерзание.
Веря в победу,
Все — в движении вечном.
В пути.
Реки — к морю.
Растения — к свету.
Люди — к счастью...
Иди!..

2

Альбертина Иванова. Короткое лето. Стихи и поэма. Перевод Александра Боброва. Москва, 1984.

В последнее время в поволжско-уральском регионе все ярче и чаще стали звучать женские голоса в поэзии. Обретают известность башкирские поэтессы Аниса Тагирова и Гульфия Юнусова, часто упоминается имя чувашки Раисы Сарби, задумчиво ведет свою мелодию удмуртка Татьяна Чернова. В этом ряду имен мне видится и имя марийской поэтессы Альбертины Ивановой.

«Женская» поэзия в нашем представлении всегда имеет свою особенность, свою потаенность. Ее, как правило, отличают мягкость, интимность восприятия явлений природы, окружающей людей, жизни вообще. В этом ее прелесть и, может быть, слабость. В пределах этой заповедной тематики женщинам-поэтессам, пожалуй, труднее проявить свою индивидуальность, выработать личный взгляд на мир.

Поэзия Альбертины ясна и прозрачна, как утренний свет. Мотивы ее творчества просты и непритязательны, и они находят свое выражение в ровном и спокойном слоге. Горечь разлук, соль жизненных неудач у марийской поэтессы как бы выпадают в осадок и потому поверхность ее лирических стихотворений остается незамутненной, чистой.

Улыбнись,
Когда в окошко ветер
Постучит,
Спугнув твой сон к утру.
Распахни
Окошко на рассвете —
Это я озябла не ветру.
И к тебе стремится моя мысль.

Первые уроки воспитания чувств марийская поэтесса получила в родном *Юледуре*, где «речка Лаж на ясной зорьке синее лентой для волос», а в «Немде по волне по синей плывет и кружится журавлиное перо». Там приоткрылась душа для прекрасного, там вынашивались заветные мечты. И потому лирическая героиня А.Ивановой мыслями постоянно стремится туда, в родное село, она проверяет свой нынешний, городской опыт тем изначальным ощущением добра и просветленности:

Молоко в ведре забилось,
Пена, как душа, чиста.
Здесь я дома.
Позабылась
Городская суета.

Скромный неприметный родничок поблизости села воспринимается ею «как будто пульс родной земли». Не всегда лежит дорога к родимому дому, но неизбывен золотой запас воспоминаний.

Поэма «Свет рябины» повествует о деятельности сестры С.М.Кирова — Е.М.Костриковой, которая, будучи сосланной

в Юледур, стала сеять разумное, доброе, вечное в этом глухом и отдаленном уголке марийской стороны. Свет рябины — это осколок огня, который был зажжен подобными подвижницами в душной тьме российских провинций, и одновременно это знак-оберег, знак малой родины, примета ее неброской красоты для лирической героини, живущей нынешними жесткими ритмами, но хранящей в душе отсвет рябинового костра. Она воспринимает предстоящий ей путь как продолжение того начала. Так через личные воспоминания, через память односельчан Альбертина извлекает для себя нравственный урок и познает движение истории.

Чувство любви с его приливами и отливами, первые радости и заботы материнства, милые сердцу пейзажи с тонкими и внимательно подмеченными подробностями — вот круг основных мотивов, который вырисовывается после прочтения «Короткого лета». Много это или мало? Как еще писала полущутя, полусерьезно Анна Ахматова: «Я научила женщин говорить, О боже, как их замолчать заставить...» Привлекают чистота тона и искренность переживания в поэзии А.Ивановой. Нет фальши. Нет излишней экзальтации в подаче своего внутреннего мира. Оставаясь, как и подобает, по-народному немногословной, она умело использует сдержанный намек и недосказанность. В этом очерченном кругу складывается внутренний сюжет ее лирики.

А.Бобров, переводчик «Короткого лета», неплохо знающий поэзию региона, проникся атмосферой именно этой книги. Ему удалась передача акварельной прозрачности этюдов с натуры, беглость в прорисовке перебоев чувств. Однако несколько приглушенно в стилистике перевода прозвучала близость марийской поэтессы к народному мировосприятию. Местами ощущается некоторая смазанность отдельных пассажей, которые не очень-то вяжутся с общим строем книги. Например, такие строки: «Все, что за дымкой лет, — счастливо вспоминай, чему названья нет — свободно называй».

... На исходе короткого лета, когда по полдня стрекочет мелкий дождик, а потом вдруг пробиваются сквозь строй деревьев косые лучи солнца, в пестром желто-зеленом шелесте берез вдруг полыхнет неярким пламенем костер рябины. Так и по стихам Альбертины проходит сполох живого чувства.

Василий Ререж-Горохов. Братья. Стихи. Перевод
Я.Козловского. Йошкар-Ола, 1983.

Искренен, прям и простодушен характер лирического героя, который открываем мы, читая стихи марийского поэта Василия Рережа-Горохова. Истоки его поэзии очевидны и чисты, как те негромко журчащие ручьи на лугах, берущие начало от сокрытых в лесных чащах родников.

Нити конец — есть начало клубка,
Речка рождается из родника.
А про Ререж,
Если хочешь ты знать,
Я постараюсь тебе рассказать.

Отчизна начинается с *Рережа*, «деревни в тринадцать дворов», где «во ржи песня перепелиная», где все было: «первый шаг, слово, строка». К этому месту на земле суждено возвращаться поэту всегда. Возвращаться в яви, а также — сердцем, памятью, потому что судьба, в представлении самого автора, может быть уподоблена речному потоку. В частом уподоблении сущего течению реки, в приверженности к мотиву дороги, пути, т.е. по сути тоже иной разновидности движения есть нечто от гераклитовской диалектики («Все течет...»).

Речное русло — как артерия.
И к морю вольно от истока
Течет, как древнее поверие,
Стремнина отчего потока.

«Отчий поток» — это опыт наших предков, потому что ничто и никто не уходит бесследно, «погибшие вдруг воскресали. И мерцали, как звезды во мгле». Глядя в грядущее, мы должны сохранять память и о прошлом, о корнях своих родовых.

Василий Ререж — поэт того поколения в марийской поэзии, на которое повлияло творчество поэта Валентина Колумба, обновившего изобразительные средства марийского стиха, давшего новый ритм его дыханию. Послеколумбовское поколение, конечно, не могло пройти мимо его опыта. В том числе и Василий Ререж-Горохов.

Поэт тяготеет к краткой, лирико-философской миниатюре. Непосредственно увиденная картина, мимолетное ощущение толкают его на размышление, выводят к общезначимым понятиям. Обычно Регежу бывает достаточно для этого восьми строк. Естественно, этот жанр требует от поэта максимальной суггестивности содержания, изящности выражения, точного выбора и расстановки слов. Малейшее отклонение ведет либо к банальности мысли, либо к стертому, смазанному впечатлению. Восьмистишия Регежа, как правило, удачно избегают этих крайностей. Они, может быть, не столь глубокомысленны, но их «наив», опирающийся на народные поверия, приметы и речения, по-своему представляет нам поэта и находится в полном соответствии с чертами его характера.

Иногда Василий Регеж может быть обескураживающе прост в своих стихах. Даже, хочется сказать, простоват. Это, конечно, не та «неслыханная простота», куда хочется «впасть, как в ересь». Это простота первоначального, по-своему свежего взгляда на мир. Пока все еще ясно в этом подлунном мире, потому что строится он, как это ни банально, на все том же чувстве любви. Подобно тому как матица — несущая опора кровли марийской избы — *пёртти* (стихотворение «Матица»), так и любовь — основа дома. А мы добавим, это то, без чего не может состояться ни один поэт.

Чувство любви присутствует в поэзии Василия Регежа. Любви к дому, любви к Отчизне, которая воплощается в традиционных для марийской словесности образах леса, реки, звезд. Любви к своему времени, которое должно вписаться в большое Время. А чтобы это произошло, для этого и нам нужно приложить свои усилия.

Порой излишне рассудительным может показаться стих поэта. Он, пожалуй, излишне шепетилен и, будучи скромным по натуре, избегает яркого, целенаправленного слова. Его лирика как бы не имеет своего адресата, ей не хватает сильно выраженного индивидуального рисунка. Сама тяга к афористичности говорит о некоторой приглушенности личных моментов за счет преобладания всеобщих сентенций и рассуждений. Сам поэт сознает это, говоря: «На многое поэт имеет право: Вот брошена метафора в набег. И белый снег запылял кроваво, И холодеет кровь, как будто снег». Но

вот это право поэта на метафору, яркую образность пока лишь заявлено в этих строках (и то они скорее являются исключением), а не реализовано на практике. Напомню, что именно этим был силен Колумб (60-е годы), а введение свежих тропов по-новому заставило воспринять традиционные образы в его поэзии. Они заиграли иными оттенками смыслов.

Известному переводчику Якову Козловскому оказалась близка лаконичная манера выражения марийского поэта, да и голос Регожа не потерялся в русских переложениях. Мастер перевода избежал соблазна наложить горско-кавказскую окраску на восьмистишия поэта, как в свое время, переводя чувашского поэта Михаила Юхму, он обрядил его в папаху и бурку. В книге «Братья» Марий Эл — марийский край — остался марийским и чувствуется особость «сгиба ума, образа взгляда на вещи».

«ПОЛУПЬЯНЫЙ ДАОС...»

Александр Еременко. Стихи//День поэзии 1980. М., «Советский писатель», 1980. — Стихи// День поэзии 1983. М., «Советский писатель», 1983. — Стихи и переводы//«Дружба народов», 1984, №1.

Имя поэта Александра Еременко все чаще всплывает на бурных и не очень бурных стремнинах последних поэтических дискуссий. Вот и искушенная читательница А.Чеботарева, утверждая «необходимость каких-то новых, специальных приемов (при истолковании, в частности, современной поэзии. — А.Х.), может быть, это, к примеру, лингвистический анализ, получающий сейчас все большее распространение, фиксирующий смысловые и выразительные возможности слова...» («ЛО», 1983, № 10), приводит «бьющую наповал» строфу из его стиха:

Когда наугад расщепляется код,
как сдвоившись над моментальным проходом,
мучительно гений плывет над народом
к табличке с мигающей надписью «вход!»

И добавляет: «Непросто истолковать его строки!» Действительно, на первый взгляд, стихи А.Еременко поражают. Или, по крайней мере, задевают, заставляют обратить на себя внимание, потому что резко отличны от усредненной, поэтической массы. Здесь есть за что зацепиться и на чем споткнуться. Смешение слов разных стилистических пластов. Сниженная бытовая лексика в окружении астральных образов. Полужаргон футболистов и некая теорема Виета. Технические термины звякают на ветвях «густых металлургических лесов». Резкие эпатурующие тропы: «Природа спит, как длинный-длинный пас...», «и в белой душе расцветает диод», «и словно

в помойную яму в цветной телевизор глядит».

Обычно стихи А.Еременко проходят по разряду ироничной, несерьезной поэзии. Недаром в последнем «Дне поэзии» он и помещен в привычное для себя, но и, вероятно, поднадоевшее место. Иногда в связи с его стихами вспоминают имя Северянина, можно было бы добавить сюда «неудачника Бенедиктова», а из более близких источников Заболоцкого периода «Столбцов», обериутов. И все же стихи Еременко не сопоставимы пока ни с одним из вышеупомянутых поэтов или направлением, а ближе всего к нему самому оказывается — таки его современник, поздний эпигон разных — в том числе и бенедиктовской — традиций — Андрей Вознесенский. Но случай с Еременко — особый случай. Его поэзия пародийными элементами отнюдь не исчерпывается. Если это и пародия, то особого рода, потому что она направлена на самого себя, на Еременко же.

Я добрый, красивый, хороший
и мудрый, как будто змея.
Я женщину в небо подбросил
и женщина стала моя.

Ближе всего к поэзии А.Еременко подходит тыняновское определение пародии: «Остается еще один тип пародии, который уместно назвать иронической: это буквальная механизация какого-либо произведения или рода произведения, обнажение самого механизма его...» Такого рода механизации подвергается, например, композиция сонета («Сонет без рифм», «В лесу осеннем зимний лес увяз...»). До абсурда он доводит перечисление предметов — один из приемов поэтики, характерный для Пастернака: «Ах, между гипер- и бореем, ах, между кошкой и собакой, Как между ютом или баком, как между ямбом и хореем». Пастернаковская же смена бытового, домашнего далеким, космическим планом выворачивается наизнанку в стихотворениях Еременко: «Ты в иное вошел измеренье, только грязные ноги не вытер». Вообще, все природное, естественное А.Еременко сознательно и намеренно механизировывает. Его «густая ласточка» летает «по возмутительной кривой в глуши коленчатого вала». Осыпается схема леса. В нем «два ряда отшпампованных елок». Застыл «электролит плотных вечеров». Туман — «корпускулярный». И несмотря на это ощущаешь особую зоркость взгляда поэта. Когда он говорит про черемуху «большая и белая, как водо-

род», то это безошибочное попадание в цель. Что это? Хищный взор василиска, омертвляющий все живое, трепетное, теплое и который не может обойтись без эпатажа? Или все это не просто поза, а серьезно, «всамделишно»?

На фоне преобладания в текущем поэтическом потоке рубцовско-соколовских интонаций, помноженных на классическую гладкость и накатанность, стихи Еременко выглядят неординарными, шероховатыми. Как мне кажется, в его поэзии, а также, частично, в стихах Ивана Жданова, А.Парщикова, которых уже поспешили окрестить новой школой метафористов, наблюдается своего рода попытка возвратиться к способам общения с аудиторией, с читателем, бывшим характерными для периода бума «эстрадной» поэзии. Завлечь, зазвать, ошеломить, бросить яркую тряпку. Прямой путь возврата закрыт. И потому он осуществляется, так сказать, негативно, через ироническую пародию.

И дело до драки доходит,
когда через несколько лет
меня вспоминают в народе
и спорят, как я был одет.

Все это довольно весело, коли не было бы так грустно... И всеу упомянутый народ, и мучительный полет гения над (?1) народом — все это свидетельство муки самоутверждения, желания пробиться к «входу».

Александр Еременко **вошел** в сегодняшний поток. Что же дальше?

В ряде его текстов возникает тема полета. Конечно же, такое освященное традицией состояние — полетное состояние души — у него описывается низким слогом и сводится к простому, бесцельному и бессмысленному перемещению в пространстве: «Чтоб каждый, кто летает и летит, по воздуху вот этому летая, летел бы дальше, сколько ему влезет...». Критика, по выражению В.Шкловского, «делает поэтический ветер, который держит на себе тонкую паутину полета поэта». Поэтический ветер для А.Еременко уже отчасти создали, но куда же он полетит на иронической автопародии, как автопилоте, «без руля и без ветрил?»..

1984

ПОСАДИВШИЙ ДЕРЕВО

Владимир Романов. Гуслей звонкая струна. Перевод с удмуртского. Москва, 1985.

... Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Н. Заболоцкий.

В наше время, когда по выражению А. Межирова, «некоторые способные лирики в собственных стихотворениях сложней самих себя», особым доверием проникаешься к таким поэтическим книгам, где выражено простое незаемное чувство любви к «местам памяти», неброским приметам малой родины, где подробности обыкновенной жизни, оседая в ткани стиха, придают ему особую зримость и достоверность.

Вот и Владимир Романов бесхитростно, не мудрствуя лукаво, складывает сюжет своей книги. «Поводы» для написания стихотворений заведомо традиционны: родная деревня, образы отца и матери, сельских стариков, проводы в армию, летняя страда, родной пейзаж, отчий порог и убегающая от него вдаль дорога. В кругу близкого, привычного с детских лет. Или такие вот микросюжеты: размышление над пожелтевшим листом газеты с хроникой предвоенных предгрозовых лет, или старым дневником с неровными прыгающими строчками, созерцание цветка, травинки на цветущем лугу.

Пожалуй, характерными для поэта являются следующие строки:

Сам я тоже родился в лесу,
Я в себе его шелест несу.
Небо — крыша моя, синий цвет.
Как родник, я пробился на свет.

А пробился — иди да иди:
Ведь всегда горизонт впереди.

(Пер. Г.Пагирева)

Незамысловатая мысль — лирический герой уподобляет себя скромному роднику, затаившемуся в глубине леса, и выражает надежду, что будет вечно идти к убегающему горизонту. Здесь есть чувство сопричастности живому естеству. В книге много таких стихотворений, где поэт «отрабатывает» это чувство. «Колокольчик последней сон-травы», «Радуги», «На упругих ветвях, как младенца, качая...», «О веселие наших лугов...», «Язык пчел», «Снегири прилетели» и другие. В этих стихах есть своя прелесть и она сохраняется в переводе (хотя, пожалуй, стилистически они неоднородны: и «древо, звенящее бронзой» В.Алейникова не очень согласуется с сентиментальной «белой березонькой» из перевода Г.Пагирева, а «расскажи свои приветы-вести» или «приворотную найду, Буду, буду дорога» и другие полустилизованные под народное обороты из переводов И.Слепнева с междустрочной психологической «начинкой» Б.Романова: «Но не понять тоску ромашек Своей тоской живущим нам»). (Естественно, что я могу судить лишь об общем качестве стиха в переводе и потому оставляю вопрос о смысловой эквивалентности русских переложений на долю удмуртских коллег).

Да, это по-своему прелестные картинки времен года, родные пейзажи, согретые авторским отношением, хотя мне они и представляются излишне умилительно-созерцательными. Думаю, что в оригинале их чистота и прозрачность, переходы цветовых оттенков тоньше и свежее, ощущения проникновеннее. И все же... в этих стихах при всем их притягательном «наиве» сказывается отсутствие новизны поэтического содержания. Так и хочется задать давний вопрос Б.Пастернака: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

В то же время я должен признать, что многие стихотворения могут быть совсем иначе прочитаны при взгляде **изнутри**. У Владимира Романова за внешне простыми строчками угадывается подтекст, по-народному тихое и спокойное почитание природы. Я бы не сказал, что поэт нарочито «выставляет» мотивы и образы удмуртской народной словесности. Крупицы народного мирозерцания впитаны с мате-

ринским молоком, они растворены в обжигающей родниковой водице... и это не могло не сказаться в слове поэта. Так, я уверен, что совсем не случайны столь частые поминания деревьев (например, березы, ели). Ведь деревья были родовыми покровителями удмуртов и еще не так давно (сто лет для исторической памяти народа недолгий срок!) восклицали: «Сойди благосклонно, о Инву, на березовые ветви!» Особым почетом окружалась береза, божество-покровительница юных девушек, готовящихся к замужеству. Если в этом контексте прочитать стихотворение «Весна мгновеньем унеслась...», где речь идет о заневестившейся девушке и никак не могущей найти своего счастья, то такие строчки как: «Вот землянику собирают за Нылгою (название реки — А.Х.). Подруги прежние все замужем давно...» (Перевод В.Алейникова) обретут особый смысл. Это не просто сбор ягоды. О сборе земляники упоминается и в свадебной песне подружек невесты (по крайней мере, так у чувашей). Земляника — *хурйӑн сырли* «березовая ягода», в ней возрождается сила чадородия. Береза-родильница через землю, растекаясь березовым соком, выходит в светлый мир ягодой-земляничкой, которая способствует превращению девушки в женщину-мать. (Другая возможная метафорическая ассоциация, что это капли крови после потери девственности). Конечно, здесь, как и в других случаях, мы видим только слабый отголосок подобных мифологических представлений и поэт бессознательно воспроизводит яркое детское впечатление от начальной летней поры, когда «рдеет алым платком земляника». И все же такая возможность прочтения стихотворения с учетом обратной перспективы фольклорного контекста существует.

И потому-то символом родного, отчего дома становятся «пылающие калиновые костры», к которым тянется душа, оторванная от дома. А «деревья сажающий — строит мост в будущие года». Деревья оберегают и волшебный родник («Недописанный сонет»), и, хочется верить, родник самой поэзии.

Лирика Владимира Романова сугубо земная, «романтического» неба с его звездами за единственным исключением («Покачнувшимся звездам внимая...») я не встретил в книге. Поэт живо интересуется заботами односельчан, он знает цену нового хлеба, любит речные просторы Дора-родины. Сильно,

эмоционально звучит небольшой цикл стихотворений «Дороги светлой ты мне пожелал...» (в лапидарном переводе О.Хлебникова), где выражено чувство признательности, боли утраты, неизбытности памяти по отношению к старшему другу, пронзительному удмуртскому лирику Флору Васильеву.

Мне кажется, что развивая психологическую сторону, усиливая повествовательное начало путем отбора емких жизненных деталей, именно выстраивая **сюжет своего пути** в целом, удмуртский поэт сможет выйти на большую глубину и преодолеть заметную пока статичную созерцательность, когда стихи остаются порою лишь эскизами, зарисовками с натуры. Не слишком ли размерен ритм его поэтического дыхания? Настоящий лирик, каковым и является Владимир Романов, не может не испытывать жажды по судьбе. (Правда, судьба с(за)вершается и помимо нашего желания).

Над книгой «Гуслей звонкая струна» потрудились немало переводчиков. Тем не менее, удалось избежать стилевой эклектики — каждый находил что-то свое в поэзии В.Романова, но сердцевина слова поэта, его образный ряд прочитываются.

1986

ТРУДНАЯ БОРОЗДА

...В одном из стихотворений, написанных в последние годы жизни, как бы в предчувствии трагического и неизбежного события, чувашский поэт Алексей Воробьев с тревогой спрашивал себя:

Чем стану я,
Забыв мирское имя,
Когда у вас земля меня отнимет?
Водой иль камнем?
Облаком иль пылью?
Комком земли иль колоском пшеницы?
Ах, если бы душа имела крылья,
Я пролетел бы в небо вольной птицей!

(Перевод Э.Балашова)

Так со всей определенностью, строго и взыскательно, поставлена поэтом в его зрелом творчестве проблема смысла и предела человеческого существования. Вопрос не новый, из рода вечных головоломок, брошенных человеку на испытание. Но каждое поколение и каждый человек не минуют его, решают для себя заново, впервые. В то же время Алексей Воробьев всегда был отзывчив именно на земную, сиюминутную красоту.

В восприятии поэта вопрос о личном бессмертии присутствует слитно с другими, более конкретными, злободневными, например, с темой войны, с чувством ответственности перед близкими и потому он не превращается в отвлеченную этическую задачу. Поэт обращает острие прежде всего на самого себя: что я должен сделать на этой земле?

Свою работу в поэзии он любил сравнивать с делом земледельца. Образы пахаря, сеятеля одни из традиционных в этом плане, но А.Воробьев по праву личного опыта и судьбы осмыслил их индивидуально, лично. Он мечтает о том, чтобы зерно с его ладони легло во «всенародный посев», становление любви он уподобляет медленному, терпеливому росту ржи на внешних полях, стихотворение это словно *сёмел*, который жнец ставит из снопов после долгого дня жатвы. Поэтому веришь его негромкому глуховатому голосу, когда он признается:

Мне другая по плечу работа —
Сеять зерна слов в душе людской.
Не прошу ни славы, ни почета.
Как солдат, прошусь в последний бой.

(Пер. Э.Балашова)

То, что поэт душой и сердцем находится в кругу крестьянских забот и радостей сразу бросается в глаза. И критики были довольно единодушны: «певец полей», поэт сугубо крестьянской тематики, хорошо знающий по собственному многолетнему трудовому опыту жизнь деревни. «От его стихов веет сердечностью и непосредственностью, даже как бы простодушием, но каким-то особенным, умным, возбуждающим любовь к жизни и прекрасному в ней. Несомненно, прелесть его стихов в их удивительно вещной образности, какую мыслит человек, живущий в обнимку с природой» (А.Макаров, «ДН», 1967, № 5). Все это, конечно, верно. Но мне хочется подчеркнуть то, что Алексеем Воробьевым был совершен за сравнительно недолгое время его творчества и трудный путь восхождения к неоднозначному пониманию духовного мира современника. Многие из его стихотворений есть результат осмысления другого опыта, вынесенного с кровавой жатвы войны. Опаленный огнем сталинградского сражения, где А.Воробьев был ранен, хлебнув изрядно из чаши горестей и испытаний, поэт не мог не выразить это в стихе. Здесь и выношенные, выстраданные мысли, тяжесть слова и личная боль. Эти стихи бросают особый — по контрасту — ответ на его светлую и мажорную «сельскую» лирику. Для позднего Воробьева вообще характерны, как было сказано выше, сосредоточенность на нравственных проблемах и гжучий, лич-

ный интерес в их разрешении. При этом его стихи так же как и раньше погружены в густую образность с крестьянской «подкладкой», тон так же задумчив, видение поэта глубоко народно.

Его поэзию заинтересованно переводили. Вышли на русском такие книги: «Свет зари» (1973), «Ветла» (1974), «Колодцы» (1978), «Ветер с Волги» (1985). Лирика Воробьева, его поэмы это значительное явление современной чувашской поэзии.

Поэту удалось найти по-своему органичное равновесие между субъективным чувством и фактической стороной изображаемого. Его личные признания сдержаны и немногословны. Скупость много видевшего и умудренного жизнью человека. Зато Воробьев по-язычески щедр в описании родного ландшафта («Разъято небо журавлиным клином...», «Что такое молодость?», «Скорей художник...», «Месяц Сентябрь», «Старые ветлы» и др. Яркий, красочный мир открывается перед нами. Все словно залито солнечным светом, распахнуты дали и горизонты и в то же время не теряется ржаной колосок под ногами. Природа, омытая прозрачным летним дождем, дышит, живет. Он с волнением и доброй улыбкой наблюдает за смущенными женихом и невестой на чувашской свадьбе. Человек на земле красив своим трудом. Многие стихотворения А.Воробьева словно строки гимна труду крестьянина. Ведь в этой «черной» работе, в ее тысячелетнем согласии с переменами, которые происходят в самой природе, таится изначальная связь человека и всего естества. Следуя традиции народного понимания природы как одушевленного начала, поэт видит в ней не только ее поверхность, но глубинную суть.

Средь широкого поля стоят
Дуб могучий
И яблонька дикая в белом.
И пока догорает закат,
Мое сердце близ них погрузить захотело.

Тянут руки они и манят
Подойти к ним, призывно шумящим,
Поближе.
Я смотрю на деревья и вижу:
Дуб могучий — отец мой,
А яблонька — мать.

(Пер. Э.Балашова)

Короткая и не для себя прожитая жизнь родителей не может исчезнуть бесследно — во всяком случае, во внутреннем мире поэта она перевоплощается в живую плоть природы. В тексте оригинала, который представляет собой вариацию народной песни *Уй варринче лаштра юман* о возможности отождествления деревьев и дорогих образов сказано очень сдержанно, в виде скрытого намека. Все интимное у Воробьева приглушается, стремится укрыться в не прямой речи, или же окрашено часто легкой улыбкой. И потому лишние образные ходы в переводе данного стихотворения никак не могут считаться исходящими из того «зерна», которое содержит оригинал. Там вообще, например, нет ничего подобного такой строчке: «И мечты их, как ветры, летят...» Или еще: «В этих далях, неброских на взгляд, Жизнь прошла их, как будто весна прошумела». Это все клише из общего фонда «лирических» строк — в них нет ничего относящегося к конкретной ситуации этого стихотворения.

В некоторых других переводах это желание досказать за автора приводит к другой стилистике и, соответственно, другой интерпретации текста. Вот стихотворение «В лесу, после бури». Лес еще дышит жаром недавней схватки. Одна деталь: «Уж не славит высокие ели звонкая птичья песнь», — говорит автор. Переводчик придает этой детали псевдовозвышенный оттенок: «И смолкли пернатых песни Во славу вершин небесных». После замены елей на «небесные вершины» стихотворение легко отрывается от земной почвы и поэтому уже не удивляет появление в следующей строфе «праха весенней грезы» (рифма грезы-слезы, освященная более чем вековой традицией, выступает как дополнительный аргумент).

Как несомненно удачные можно отметить переводы В.Кострова, которому удалось ухватить народный дух оригинала и найти русские соответствия находкам А.Воробьева при обыгрывании чисто национальных речений, образов и реалий. В переводах В.Кострова («Уводит парень девушку», «Петухи», «На свадьбе» и др.) русская песенная интонация органично легла на тщательно воссозданные пластику чувашского быта и метафорический строй стиха.

Поэмы А.Воробьева это все вещи, написанные на одном дыхании. Лирическая поэма — неопределенный, зыбкий жанр.

Я не случайно сказал на одном дыхании — здесь мера дыхания определяет длину текста, который относительно мал. Но несмотря на это, в них чувствуется полнота изображения чувашской действительности. Это достигается использованием емких, сквозных символов. Триптих поэм добротен и ярко переведен В.Кочетковым.

Ветла — один из любимых образов поэта, воплощающий неистребимый, упрямый дух чувашского народа, который во всех перипетиях истории сохранил свое лицо, культуру и самобытность. В одноименной поэме это символ, свидетель чувашской истории — от времен пугачевского бунта до наших дней.

Одна из тем, проходящая красной нитью через творчество Алексея Воробьева это отношение к наследию, к народным традициям. Взволнованно, с пафосом он ведет в поэме речь о «корневом родстве», о богатстве родного языка, еще не используемом нами в полной мере. Ветла это, одновременно, и дерево поэзии, и собственное творчество, и неотъемлемая часть пейзажа чувашской деревни. Пусть я умру, говорит поэт, но на земле останется часть меня самого — шумящее зеленой кроной дерево:

Пусть оно скажет миру,
что я всем сердцем любил
народ, отчий кров,
что я был чувашом.

(Подстрочный перевод)

Я привожу текст подстрочника, так как в этом месте переводчик далеко ушел от текста. Этой строфе оригинала в переводе должна соответствовать, вероятно, такая:

Я славил
Новых будней власть.
Я пел о чуваше.
Хочу,
Чтоб песнь моя пришлась
Народу по душе.

Возможность перевоплощения является важным мотивом в размышлении А.Воробьева о человеке на земле. Если человек — будь он пахарем, поэтом или солдатом — сумел

прожить свою жизнь не вхолостую, то он оставляет за собой после смерти какой-то след, как бы материальный слепок своей души. Доброе дело, доброе чувство и доброе слово — все это залог того, что эта жизнь не будет предана забвению («В поле», «Дядюшка Пракуш»). Даже жестокое пламя военного пожара не может прервать родовой нити. Поэтическое воплощение этого мотива у Воробьева явно опирается на глубинные слои народного мировосприятия.

Поэма «Кибенек» посвящена, если так можно выразиться, реальному бессмертию человеческих деяний. Интересно, что в ее переводе имеются отдельные фрагменты содержательно близкие лирике позднего Заболоцкого. Отмечу лишь один парафраз знаменитых строк: «Не позволяй душе лениться! Чтoб в ступе воду не толочь, Душа обязана трудиться И день и ночь, и день и ночь!». В переводе В.Кочеткова:

Пусть знают руки
Тяжкую усталость,
И пусть душа
Не ленится вовек,
Чтоб людям
Имя доброе осталось.
Чтоб о тебе сказали:
«Человек!»

Это отталкивание от Заболоцкого представляется не случайным. Внимательный читатель может обнаружить перекличку некоторых мотивов чувашского и русского поэтов при всей их несхожести. Если, например, у Воробьева размышление о бессмертии, мотивы перевоплощения идут от «почвы», народного, естественного понимания «жизни-смерти», то у Заболоцкого, его поэтическое осмысление этих же концептов опосредовано опытом культуры и осуществляется в рамках размытого литературного жанра — натур-философской элегии.

В поэме «Цивильский мост» есть и реальный мост, что «строень Казанскую Управой в девятьсот...(не разобрать) году» на мужичьих поту и крови, и есть мост судьбы народной. В поэме автор вспоминает свою юность, опаленную военным пламенем, когда и фронт, и тыл были неразрывно связаны — тем же самым мостом. Мост символизирует и «связь времен»:

И недаром
Связью жизни вечной,
Крепкой связью
Видится он мне.
День вчерашний —
Где-то там, в заречье,
Нынешний —
На этой стороне.

Нужно подчеркнуть, что и сам Алексей Воробьев был как бы мостом между поколениями — «классиками» и молодыми чувашскими поэтами. Этим определяется его своеобразное положение в современной чувашской поэзии. С одной стороны, поэт-фронтовик, «почвенник», до боли знающий послевоенную нужду деревни, с серьезным, крепким отношением к поэтическому слову. С другой, взлет его творчества пришелся на конец 60-х, когда в чувашскую поэзию вошла «новая волна», и Воробьев вместе с молодыми активно участвует в обновлении выразительных средств стиха, настойчиво ищет свежие краски. Влияние Воробьева можно ощутить в горячих метафорах Н.Теветкеля, в лиро-эпическом жанре использование образов-символов, на которых держится остов всей вещи, получило интересное развитие в поэмах В.Эндипа.

Путь Воробьева в чувашской словесности не был легким и накатанным. При жизни он издал небольшие, но весомые книги. Его большие книги на чувашском и лучшие переводные вышли уже потом... Сам поэт однажды сравнил себя с рабочей лошадью, которая медленно, но верно, надеясь лишь на самое себя, тащит нелегкий воз в гору. И, напротив, он порой задавался вопросом: «Что нужно стиху? Крылатая мысль. Дай ей крылатое чувство. И стих поднимает душу — ввысь, А это и есть искусство...» Да, Воробьев считал поэзию труднейшим делом и его стихи были действительно «плотными», почти без пустопорожных словес, но он мог достигать и полетного состояния души.

Ключом к его поэзии можно было бы считать такие строки: «Сверкает золотом в его руке зерно, Но в землю черную оно упасть должно» (В.Ходасевич).

Виктор Кочетков, хорошо знавший Алексея Воробьева в жизни, писал: «Он был высок ростом, с простым крестьянским лицом, на котором живо посверкивали усталые, вни-

матерные глаза. Говорил он мало. Он больше любил слушать собеседника. Всякий раз, когда я встречался с этим молчаливым, сосредоточенным человеком, я обращал внимание на его крупные, узловатые, рабочие руки».

Лучшие стихи Алексея Воробьева и сейчас создают ощущение его живого присутствия рядом с нами.

И звезда, как женщина приходит
К холмику, роняет искры слез.
Слепо шарят в темном небосводе
Ветви безутешные берез.

Но сквозь смерть и сквозь печаль потери
Светит Путь и звездные сердца
Он зовет — навек ему поверить
И пройти — без страха, до конца.

(Пер.А.Медведева)

1979, 1986

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

письмо другу-поэту

Дорогой Мухаммад! Самое начало лета для меня ознаменовалось тем, что на мой письменный стол легла твоя небольшая книжка «Луна в колодце». Первая твоя книга на русском языке. И она стала для меня спутником почти каждого вечера, собеседником в те часы, когда солнце уже уходит за горизонт, а дом медленно затихает...

Чтение твоих стихов требует тишины, они так ревнивы, что поглощают целиком и хотят всей полноты внимания.

День — исписанный лист.
Пусть.
Ночь — сожженные стихи.
Пусть.
Но нет имени Смерть.
Есть лишь Жизнь.
Жизнь яростных мыслей.
Века прожигает наш зрачок
Круглый угольный пласт Мечты.

Вот так, на небольшой площади стихотворения ты резко, контрастно сталкиваешь высокие понятия жизни и смерти, творчества и мечты, вечности и мгновения. Ты любишь писать о ночи. По крайней мере, время многих твоих стихотворений приходится на тот час, когда предметы еле-еле различимы и лишь луна стертой монетой поблескивает на густом бархатном небе. Ты можешь дать и другие атрибуты типичного «восточного» пейзажа: чинара или ива, склоненная над водоемом, шелест листьев, мотылек, трель соловья. Словом, это опять тишина, которая, как мне кажется,

является для тебя знаком чистого и совершенного поэтического состояния. Не всегда оно достижимо, но стремление к нему делает по-особому напряженным и прерывистым твой слог. Ты многое отсекаешь, оставляешь за строго очерченными пределами своего стиха — твой словарь лаконичен, но слова крепко сцеплены друг с другом и смыслом, и звучанием. Ты явно избегаешь внешней экзотичности в своих метафорах, но внутренне ты все же подключен к определенной традиции. Это традиция мощной восточной поэзии. А если это общее место несколько конкретизировать, то следует назвать здесь такие памятники, созданные на твоей родине, земле Хорезма, как «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни, «Дивани Хикмет» («Собрание мудрости») Ходжи Ахмада Ясави и великий свод поэм гениального Алишера Навои. Это твоя античность, то, что не может не присутствовать незримо в тебе, в поэзии твоих сверстников. Этот духовный свет преодолевает толщи веков, отделяющих наше сегодня, твой ликующий и залитый расплавленным слитком солнца каменный град — *Тошканд* — от их времени, времени подвижников и провидцев во имя языка, во имя нетленного слова.

У тебя есть одно любопытное, ироническое стихотворение об Ахмаде Ясави, где ты пишешь, что если бы он оказался в нашем времени, то ему бы пришлось оставить свое подземелье. Получил бы он от исполкома комнату или однокомнатную квартиру, как поэт. Но принимал бы он к себе не досужих посетителей, а только пришельцев с другой планеты. Эта лукавая притча о предназначении поэта, которому нужно только небо «сильное: синее!» и шорох звезд на нем, хотя и «от них дует...» Поэт в твоём понимании (а посылка эта в исходной своей точке романтична) есть избранник, он ждет вестей не откуда-нибудь, а только с высот: «Увидел в небе лицо поэм, Не зацелованное никем Это была луна». Мотив избранничества поэта не так часто встречается в современной поэзии. Сейчас быт заметно потеснил бытие и заурядный облик поэта более привычен нам, он мельтешит на страницах книг. Но накалом эмоции и парадоксальностью выражения мысли ты упорно стремишься преодолеть быт.

Истоки твоего творчества, конечно, не только в восточном мировосприятии. Ты ощущаешь силовое поле совре-

менности в контексте единства национальных литератур. Недаром тебя потянуло к Иманту Зиедонису, книгу «Эпифаний» которого ты перевел на узбекский. Кстати, наша первая встреча и произошла на латышской земле. И впервые я твои стихи услышал на латышском языке в переводах нашего общего друга Улдиса Берзиньша, поэта, переводчика с тюркских языков, когда во время «Дней поэзии Райниса» в 1982 году мы вместе совершали поездку по Елгавскому району, выступали в «солнечном» зале районного Дома культуры. Стоял сентябрь и было много яблок, улыбок, дружеских объятий. Такие встречи не забываются, они делятся в памяти. И поэтому твоя нынешняя книга «Луна в колодце» для меня является как бы продолжением начатого тогда разговора с тобой.

Для тебя, как и твоих сверстников, одним из выразительных средств в сфере поэзии стал свободный стих — узбекский *сарбазд*. «Точность видения, точность слова, точная передача эмоций и мыслей, что делает стихи нередко короткими, как вздох», — подчеркивал в твоём творчестве Ахмат Агзам. С этим нельзя не согласиться. Твой верлибр неожиданен, твои стихи в прозе несут в себе заряд «равномерного и тихого подвига сердца». Ты соединяешь слова противоположные по значению в пределах одной строки, не боишься через отрицание дать новое значение традиционным «восточным» реалиям. Тот же ночной пейзаж у тебя преобразуется, получая другой смысл: «Ивы может и не быть, Луна вовсе не обязательна. Хватит с тебя и того, что есть: Ночь»; «Ночь ни о чем... И любит тебя кто-то еще».

Твои метафоры — твой взгляд в мир. Например, ты уподобляешь муравья, застигнутого ливнем, Людвигу ван Бетховену, грозящему кулаком необъятному темному небу. Дорога кончается грустными глазами любимой. Течение времени измеряется теми образами, которые отражаются в глазах рыб, выпрыгивающих из воды.

Я давно думал о тех трудностях, которые подстерегают переводчиков, обращающихся к переводу национальных вариантов свободного стиха. Ведь они так разнятся между собой, да и нет спасительных побрякушек-рифм. Верлибр широко утвердился не только в Эстонии, Латвии, но и потеснил традиционный аруз в Средней Азии, интересно

используется свободный стих молодым поколением поэтов в татарской и чувашской поэзиях в Среднем Поволжье. Виктор Соснора, переводя твои стихи, близко подошел к логике твоей мысли, определяющей саму композицию отдельного стихотворения, но он почти не воспроизвел мелос стиха, его звучание, мерную слоговую поступь твоих строк.

«Луна в колодце» до определенной степени отражает содержание твоих четырех книг на родном узбекском языке, но она стала каким-то переломным моментом в твоём поэтическом развитии. В своем письме ты мне пишешь: «Раньше мне казалось, что я слышу музыку в метафоре, то есть в самой мысли. Например: «Август. Месяц, который никому не причиняет боли». Я в этой нескладной строке слышал музыку. Теперь, наоборот, я ищу мысль в четко разделенных слогах — свободу в несвободе. Я сейчас рифмую. Как угорелый. В рифмах что-то кроется. Суверенность рифмы. Скажу точнее: сонет — 14 строк. Эти 14 строк и есть мысль».

Итак, все возвращается на круги своя. От верлибра к сонету, от белого стиха к рифме. Я думаю, что это действительно даст возможность содержательные формы восточной поэзии, которые немислимы без рифмы, соединить с теми поисками в направлении европейских форм, которые ты использовал прежде. Пусть это будет синтезом на новой основе. В стихотворении, которое просто называется «Стихотворение», ты сам пишешь:

Это — колодец тайн.
Я сам попытаюсь достигнуть дна
Своего слова...

Слово, которое должно дойти до самой сердцевины души, двунаправленно — оно стремится к высоте, но в нем хранится и глубина мысли, чувства, переживания.

Мухаммад! Твои стихи не просты, они порой избыточно метафоричны, но читая их и снова возвращаясь к ним мысленно, я всегда чувствовал, что это — от сердца. Как ты сам пишешь, они рождаются тогда, когда все возвращается домой: свет — лицу, слезы — сухим глазам, радость — журавль издалека, в душу входит боль... («Возвращение»). Все дома и только тогда приходит стих. Как единственная возможность установить связь с миром, с людьми вокруг.

В воздухе — протянутая ладонь,
Открытая, жаждущая.
Протяните руку навстречу...

В одном из сонетов ты ставишь вопрос перед поэтом, как ты опишешь последний лист, еще не сорванный ветром с черной ветви голого дерева? То есть, как писать, когда остается что-то одно, последнее, как найти для этого слова? И это извечный долг поэта — поиск слова, которое должно воплотить запах, цвет, звук этого мира. И тогда камень обнаружит скрытое в нем тепло, а дерево запоет о небе, о солнце, о долгой дороге сквозь время.

1986

БУДЕСЛАВЛЬ ВЕЛИМИРА

Имя русского поэта Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885—1922) окутывает слоистый дым легенд. Так было при жизни поэта, когда он был ведущим участником литературного течения футуристов (или по определению самого Хлебникова, *будетлян*), был странной блуждающей звездой на небе российской поэзии и провозглашал себя то Председателем Земного Шара, то «одиноким лицедеем», а то мудрецом Зангези или сравнивал себя с «бабочкой, зелетевшей в комнату человеческой жизни...» Родившийся в калмыцкой степи, некоторое время учившийся в Казани (где он особенно увлекался орнитологией и математикой), он на всю свою непродолжительную жизнь сохранил любовь к Волге и волжским просторам, которые были хранилищем древних периодов истории многих и многих народов — гуннов, скифов-сарматов, болгар — предков чувашей, финно-угров, хазар, славян, половцев, кыпчаков и т.д. Хлебникова всегда отмечал пристальный интерес к этике и эпике, истории, а кроме того **«число»** это один из ключевых образов «Лобачевского слова», создателя своеобразного учения о числовых законах времени, давшего математические выкладки к изучению закономерностей всемирной истории. В его поэзии постоянно ощущается глубинный пульс хроноса, его приливы и отливы, которые определяют исторические пути народов и лепят облик эпох. В «Досках Судьбы» (1922) и других произведениях он прочерчивает «судьбы отдельных народов, озаренные кострами времени в 3¹¹ дней». Несмотря на всемирность хлебниковского «числовластия» («Дать очерк жизни человечества на Земном шаре не краской слов, а строгим

резцом уравнений — вот моя задача»), его одинаковую отзывчивость к культурам многих народов, бороздивших Евразию, все же Волга (*Итиль, Рав, Йул, Амӓл*) остается в его стихах одним из любимейших образов. С другой стороны, именно здесь ему открывается мир птиц и насекомых, трав и растений. Текущее состояние живого царства занимает важное место в его язычески-мифологических поэмах («Шаман и Венера», «Дети Выдры», «Лесная дева»). В первую очередь Хлебников — поэт-волжанин, и по рождению, и по маршрутам своих скитаний.

Литературный дебют поэта приходится уже на петербургский период его жизни, когда в 1908 году в первом сборнике «Садок судей» публикуются его пьесы «Маркиза Дезес» и «Железный Конь». В 1912 году он принимает участие в написании знаменитого манифеста будетлян (группы кубофутуристов) «Пощечина общественному вкусу», в работе над которым также принимали участие В.Маяковский, Д.Бурлюк и А.Крученых. Хлебникову принадлежит, в частности, строчка, которую часто цитировал в своих ранних статьях Маяковский: «Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования».

Особенно много пишет поэт в пореволюционные годы. Чувство эпического, понимание революционизирующего исторического процесса как прорыва в новое состояние мира, как гигантского катаклизма (ср. название одного из произведений — «Взлом Вселенной») диктуют Хлебникову строки его поэм «Ночь в окопе», «Ночной обыск», «Ладомир», «Труба Гуль-Муллы». В отличие от гротескового видения, присущего ему в некоторых прежних вещах, где он решительно выступает против урбанизма и «мира машин» («...нас просят тщетно: мир верни, где нет винта и шестерни»), поэт начинает прозревать новое мироустройство и оно представляется ему синтезом вдохновенного труда, мирового разума (ноосферы) и биосферы.

Его гибкий и абсолютно свободный поэтический язык сочетался с пытливым и строгим естественнонаучным взглядом на мир. «Поэзия близка к науке по методам — этому учит Хлебников. Она должна быть раскрыта, как наука, навстречу «явлениям...» — писал Ю.Тынянов. В это время Хлебников особо задумывается о миссии поэта («Царапина по

небу», «Зангези»), который должен осуществить **«прорыв в языки»** и выступить творцом объединяющего всех **«звездного языка»**. Язык поэзии Хлебникова и все его творчество в этом отношении развивались от первоначального «самовитого слова вне быта и жизненных польз» через «славянское чистое начало в его золотой липости» к «единому разговору смертных» — м и р о в о м у языку. Недаром Маяковский называл Хлебникова «Колумбом новых поэтических материков, ныне заселенных и возделываемых нами». Но как раз языко-творчество и словотворчество поэта вызывали большое недоумение и непонимание.

Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

Хлебников знал, предчувствовал свою судьбу и свое одиночество, но в то же время он был твердо убежден в необходимости обновления самого строя поэтического языка.

Поверхностная критика, оценивая творческий путь поэта, колебалась в пределах таких негативных определений: «словесный жонглер», «алхимик слова», «шаман-заумник», «поэт для поэтов», «псевдогений», «словесная лаборатория». В то время как еще в 1928 году Юрий Тынянов писал: «Русская поэзия и литература хочет увидеть **Хлебникова**. Почему? Потому что выяснилось одно «и», гораздо большего размера: «современная поэзия и Хлебников — и назревает другое «и»: «современная литература и Хлебников». Слова видного литературоведа и критика оказались очень проницательными. Поэзия Хлебникова выходит к широкому кругу читателей, ее влияние ощутимо в русской поэзии на протяжении всего XX столетия. Недаром один из современных критиков не так давно писал: «Имя Хлебникова неизменно возникает рядом с именами Маяковского, Асеева, Пастернака, Заболоцкого, Мартынова, Слуцкого, Сосноры... Он возвышается над ними огромной загадочной тенью».

Характерно и то, что в мнениях поэтов-современников отразилось более точное и проникновенное по сравнению с критической братией понимание роли «освободителя слова» в литературном процессе. На первом месте здесь стоит, конечно, по праву точка зрения Маяковского, неизменно при-

знававшего «тихую гениальность» Хлебникова. В 1922 году в статье-некрологе поэт-трибун дал такую высокую и ответственную оценку пионеру бюджетлянства: «Во имя сохранения правильной литературной перспективы считаю долгом черным по белому напечатать от своего имени и, не сомневаюсь, от имени моих друзей, поэтов Асеева, Бурлюка, Крученых, Каменского, Пастернака, что считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе».

Современное велимироведение делает свои успехи и надо думать, что пристальное и глубокое прочтение всего написанного поэтом будет способствовать освоению Хлебникова в контексте современной поэтической ситуации. Отклики на поэзию В.Хлебникова в современной художественной и научно-популярной литературе все умножаются. Если даже взять только стихотворения, посвященные самому поэту, то можно было бы составить прекрасный венок из самых блистательных имен их авторов. Его чеканные строчки расхватываются на эпиграфы и цитаты, становятся расхожими афоризмами. Поэзия Хлебникова была открыта шуму времени и общественным мнениям, и потому она влечет к себе не только дотошных ученых-филологов, но и биолога, философа, архитектора, математика, кибернетика и т.д. Характерно в этой связи мнение О.Мандельштама: «...Каждая его строчка начало новой поэмы. Через каждые десять стихов афористическое изречение, ищущее камня или медной доски, на которой оно могло бы успокоиться. Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский требник-образник, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень».

Поэтическое предвидение поэта, вводившее его в такие сферы, как соотношение понятий времени и пространства, культуры Востока и Запада, проекты будущих городов, теория пульсирующей Вселенной, роль телевидения в системе массовых коммуникаций (которое поэт называл *тенекнигой* или *тенеписьменами*), математические законы истории, выход в космическое пространство, реализация проекта международного языка и многие другие, позволяет считать Хлебникова одним из немногих поэтов-энциклопедистов XX века. В его поэтическом эпосе объединяются разные культуры и народы, мифы и миры. Многие темы сейчас только ставятся, но вне

всякого сомнения, изучение Хлебникова в соотношении с творчеством его современников, а также на фоне предшественников (вплоть до «Слова о полку Игореве») дает много для постижения, как собственно литературного развития, так и имеет широчайший научно-культурологический контекст.

В связи с чувашской поэзией можно пока отметить лишь следующее. Психологически близким по внутреннему состоянию, а также по пониманию пророческой миссии поэта, который призван своим словом «скрепить» все три лика времени — прошлое, настоящее и будущее — оказывается единственный наш Сеспель Мишши. Есть и непосредственные свидетельства (устное сообщение Наума Урхи) о том, что Сеспель был знаком с произведениями Хлебникова. Определенная смысловая и стилистическая близость может быть прослежена, например, при сравнении текста Велимира «Детуся! Если устали глаза быть широкими...» и русских стихотворений, писем М.Сеспеля, адресатом которых была его возлюбленная А.Червякова. Характерно, что «огненный ангел чувашской поэзии», также как и его старший брат-будетлянин, стремился прежде всего развить творческую энергию языка, понимая последний как орудие образной мысли и жизнетворческой деятельности, как огонь-глагол. Думаю, что чувашский поэт подписался бы обеими руками под такими словами Хлебникова: «...одна из тайн творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь...»

Подспудное и серьезное влечение к поэзии Хлебникова, к его идее соединения звездного языка с обыденным (отнюдь не на уровне внешних стилизаций) ощутимо в стихотворениях Геннадия Айги.

Велимир Хлебников был поэтом, всецело преданным идее будущего. Круг его творений — космос Хлебникова как нечто единое целое — объединяет именно **«зрение будущего»**. И потому его творчество может быть названо *б у д е с л а в л е м* (один из авторских неологизмов), то есть *зоем* (эхом) и *славобой* (поэзией) грядущего. Велимир, как поэт-будетлянин, открывал новые миры для всех, считая себя «стрелочником... у встречных путей Прошлого и Будущего».

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ НЕОБЯЗАТЕЛЬНОГО
Б.Я.Шидфар. Абу-ль-Аля аль-Маарри. М.,
«Наука. 1985. — 216 стр.

Еще в 1923 году академик И.Ю.Крачковский, ведущий отечественный арабист, писал об Абу-ль-Аля аль-Маарри, как о «может быть единственном среди арабов поэте, который заслуживает внимания в мировом масштабе». И тут же ученый оговаривался, что «в творчестве Абу-ль-Аля мыслитель часто находит себе больше пищи, чем эстетик или историк поэзии. Все же анализ его и с этой стороны представил бы благородную задачу».

В книге, вышедшей в серии «Писатели и ученые Востока», раскрывается жизненный путь и, пожалуй, впервые в полном объеме анализируется творческое наследие средневекового поэта-мыслителя, занимающего уникальное место в развитии арабской словесности, которая составляет неотъемлемую часть мусульманской культуры и цивилизации. Жизненная судьба и творчество Абу-ль-Аля аль-Маарри (983—1057) вписываются как раз в период расцвета этой культуры на Ближнем и Среднем Востоке, что называют иногда «Восточным Ренессансом». Автор строит свое повествование на многочисленных свидетельствах арабских средневековых биографов, хронистов, сочинений богословов и филологов, которые содержат, с одной стороны, факты биографии Абу-ль-Аля в их реальной или легендарной форме, с другой, высказывают свои мнения *pro et contra* относительно поэтического дара «пленника двойной тюрьмы» (слепоты и уединения от мира), вольнодумства мировосприятия, его суждений о праведности и пороках мира, об истинной вере т.д. Спор вокруг

Абу-ль-Аля аль-Маарри, выстрадавшего к концу своей жизни глубокую и законченную систему взглядов, которую можно определить как философский пессимизм, был начат его современниками и продолжается по настоящее время.

Биография аль-Маарри не богата внешними событиями: слепота в результате заболевания оспой, рано проявившееся поэтическое дарование, учеба у известных грамматиков, стилистов и правоведов, поездка в Багдад для знакомства с представителями тамошней литературной школы, пользовавшейся высоким авторитетом, и, наконец, добровольное «заточение» поэта в родном городе Мааррат ан-Нуман, где он прожил до конца дней своих, окруженный учениками и занятый работой над грамматическими трактатами, морализаторскими и философскими сочинениями, составлением комментариев (*шархов*) к стихам любимых им поэтов, а также сочинением собственно поэтических произведений и посланий, которым сам автор не придавал особенно большого значения. Абу-ль-Аля уже при жизни обретает широкую известность вплоть до окраин мусульманской ойкумены как знаток грамматических тонкостей и лексического богатства арабского языка, правил стихосложения и риторики. О «мудреце из Маарры», его необыкновенной памяти и учености, праведном образе жизни складываются легенды, к нему стекаются ученики.

И, тем не менее, в большом времени (по выражению М.М.Бахтина), «жизнь в веках» ему обеспечили книга стихов «Искры огнива», огромный поэтический цикл «Обязательность необязательного», собрание афористических изречений «Разделы и цели» и знаменитые «Послание о прощении», «Послание об ангелах». В этих сочинениях аль-Маарри сумел под покровом филологической учености (например, в «Обязательности необязательного» все стихи расположены по строго алфавитному порядку рифм с употреблением всех согласных и гласных, причем рифмуются не только последние слоги стиха, но и предпоследние и даже третьи от конца), что было обязательной и важнейшей характеристикой собственно литературного текста с точки зрения канонической средневековой арабской словесности и неременным условием приятия его аудиторией, провести свой скептический взгляд на мир и человека в нем, выразить свое отношение к

несовершенству человека, подвергнуть тонокому пародическому остранению основные ценностные ориентации правоверного мусульманина.

Б.Я.Шидфар детально анализирует структуру и содержание всех вышеназванных произведений, прослеживает эволюцию взглядов Абу-ль-Аля, который неоднократно декларировал, что «со слов поэта должен быть совлечен покров лжи» и сам стремился к нагой простоте стиха. Надо отметить, что все переводы прозаических и стихотворных фрагментов выполнены самим автором и они являются неплохими иллюстрациями к основному тексту.

Негативный пафос и «поношение брэнного мира» неизбежно вели аль-Маарри к глубокому пессимизму, однако, единственной отрадой поэта-любомудра оставался «чистый источник света» — разум. Если какая-то сторона сущего не выдерживает «испытания разумом», то она должна быть отвергнута. Свободная игра ума, потаенная искра иронии, глубина философских прозрений и их изящное аллегорическое воплощение характерны для стиля Абу-ль-Аля. Многие из его излюбленных образов восходят к кругу представлений мусульманского неоплатонизма. Разум человека неотделим от его души, для которой пребывание в теле является «скитанием на чужбине» и она, являясь частицей «чистой субстанции», должна совершить путь «восхождения к своей родине» после разрушения своей брэнной оболочки. То есть, смерть по убеждению поэта может пониматься как радость освобождения души от телесной «грязи». Но и здесь скорее ставятся вопросы, чем даются истины в конечной инстанции. Что есть жизнь и смерть, вечны ли сущий мир, земля, солнце, звезды?

Таким образом, в книге Б.Я.Шидфар отчасти решается задача, поставленная еще И.Ю.Крачковским. И все же нельзя не пожалеть о том, что на примере творчества Абу-ль-Аля аль-Маарри не ставятся такие темы как границы самой словесности, образ жизни средневекового литератора, не вписывающегося в строгий канон традиции. Схоласт-грамматик, ритор, стиховед, дотошный филолог и смелый мыслитель, поэт на века — как все это совмещается в одной личности? По сути дела Б.Я.Шидфар упрощенно трактует противоречия в мировоззрении аль-Маарри, между тем реконструкция стиля

мышления и стиля его жизненного поведения представляется в данном случае чрезвычайно заманчивой и увлекательной задачей. Она позволила бы объяснить этот внутренний огонь и необычайно ярко выраженный исповедальный лиризм Абуль-Аля, столь нетипичные для его современников-литераторов, остававшихся в пределах нормативных тем и вариаций и нанизывающих бесконечные «фигуры красноречия». Личностное у аль-Маарри позволило ему преодолеть статику традиции и воплотить свои взгляды в отточенной прозе и блестящей стиховой форме.

1986

НА ЯЗЫКЕ ДАНТЕ И ПЕТРАРКИ*

23-й выпуск «Трудов по иранистике, урало-алтаистике и кавказологии Венецианского университета», открывающий новую серию «Поэзия народов Поволжья», вышел из печати в римском издательстве «Скалия». Он представляет собой «Чувашскую антологию», которая составлена известным чувашским поэтом Геннадием Айги. Все поэтические и сопроводительные тексты, комментарии, биографические справки, вошедшие в состав книги, переведены на итальянский язык профессором Венецианского университета, крупным ориенталистом Джанроберто Скарчия и специалистом по русистике Алессандрой Тревизан. Общая редакция издания была осуществлена Джанроберто Скарчия.

«Чувашская антология» дает своеобразное представление об историческом развитии чувашской поэзии (и, шире, словесности) и является результатом многолетнего кропотливого труда, проделанного составителем. Г.Айги поставил своей целью путем подбора наиболее характерных мифологических текстов, образцов разных фольклорных жанров, а также широкого показа творчества отдельных поэтов создать и даже в известной степени реконструировать целостный образ чувашского народа, его мировоззрения, духовной культуры и литературы. Иначе говоря, вернуть народу «Чувашскую Книгу», которую, как гласит пословица, во время оно корова съела (*Чăваш кĕнекине ёне сине*).

---

* «I canti dei popoli del Volga». I. Gennadij Ajgi. Antologia ciuvascia. Edizione italiana a cura di Gianroberto Scarcia e Alessandra Trevisan. Arti Grafiche Scalia Editrice, Roma, 1986. — 288 p. («Quaderni di Iranistica, Uralo-Altaistica e Caucasologia dell' Università degli Studi di Venezia», 23).

В кратком предисловии к итальянскому изданию составитель пишет: «...я должен сказать, что в настоящем случае мы **получаем** гораздо больше, чем отдаем, ибо выход этого итальянского перевода, безусловно имеет неопределимо огромное значение для всей чувашской культуры. Когда-то я в моих чувашских стихах... писал: «Вспоминаю Слово Благословения, — будто прислушиваюсь к дантовской речи». Чудесной волею судеб первый выход чувашской антологии (представляющий вообще **первый выход чувашской литературы на европейскую арену**) состоится на родине Данте. Это огромная честь для народа, к которому я принадлежу...» (С. 8).

Г.Айги написана и большая вводная статья «О чувашах, их культуре и поэзии» (С. 9—41), в которой излагаются основные сведения из истории чувашского народа начиная с древнейших времен (современное расселение чувашей на территории нашей страны, этапы становления письменности и духовной культуры, традиционные народные представления о природе, мироздании в целом, социально-общинных отношениях и т.д.). Используя труды чувашских историков, этнографов, языковедов, составитель дает сжатую сумму необходимых предварительных данных, без которых было бы затруднительным восприятие и понимание публикуемых текстов.

Это своего рода введение в контекст чувашской культуры, показанной в ее историческом становлении.

Особое внимание, и это вполне объяснимо, уделяется личности и деятельности великого просветителя чувашского народа И.Я.Яковлева (1848—1930). Им была основана Симбирская чувашская школа, создана новочувашская письменность, заложены основы чувашского литературного языка. Одно из первых поколений чувашской интеллигенции — Симбирская Плеяда самых разносторонних талантов — вышло из стен яковлевской школы. И.Я.Яковлев широко развернул издание книг на чувашском языке. Начинал он со знаменитого букваря 1872 года, в 1908 году было осуществлено издание «Сказок и преданий чуваш» — первой антологии чувашской литературы (кстати, репродукция обложки этого издания открывает и настоящую итальянскую антологию). Своих учеников он вовлекает в переводческую деятельность. Симбирская школа стала подлинной колыбелью **новой** чувашской

литературы, музыки, живописи, всего комплекса гуманитарных наук...

Во вводной части кратко характеризуются почти все крупнейшие деятели чувашского просвещения и культуры (Никита Бичурин, Н.И.Золотницкий, В.К.Магницкий, Г.И.Комиссаров-Вандер, Н.И.Ашмарин, В.Г.Егоров и др.). В своих трудах им удалось осмыслить на уровне науки своего времени и сохранить чувашское духовное наследие и тем самым как бы синтезировать народное, естественное мировосприятие с кругом представлений «просвещенного» мира.

Естественно, Г.Айги особо прослеживает развитие чувашской поэзии, начиная с народного стиха устной словесности до творчества таких поэтов дореволюционного периода, как М.Федоров, К.Иванов, Н.Шубоссинни, чувашских советских поэтов М.Сеспеля, С.Эльгера, П.Хузангая, В.Митты, Я.Ухсая. Емко и поэтически выразительно обрисованы эти виднейшие представители «поколения отцов» в чувашской литературе.

«Чувашская антология» на итальянском языке во многих отношениях не похожа на обычные собрания поэтических текстов. Композиционно в своем основном корпусе она состоит из трех частей: «Тексты, связанные с древней языческой мифологией чуваш», «Песни и «речи», «Авторские тексты (со второй половины XVIII века—по XX век)».

Антология как бы воссоздает нравственно-этический облик чувашского народа. Так, в первой части очерчивается круг жизни, проходимый человеком с момента рождения («Обращение повитухи к ребенку после его омовения» — этот текст помещен в самом начале), его житейские заботы и испытания — вплоть до последнего прощания с этим миром («Разговор покойника с главой кладбища Эсрелем»). Здесь собраны самые архаические тексты (молитвословия, заклинания, заговоры), которые являлись необходимой частью культово-обрядовых действий. Они отражают, с одной стороны, цикл общественных, родовых, а также семейных праздников; с другой — имеют прямое отношение к тщательно регламентированной системе пантеизма и культу предков. Образ Земли (мать-земля), слияние социального микрокосма и природного макрокосма лежат в основе принципов, которые организуют эти тексты. Ключ к основному коду чуваш-

ского народного мировоззрения лежит именно здесь, и потому закономерно, что составитель выделил их в особый раздел.

«Песни и «речи» объединяют различные жанры чувашской народной лирики (гостевые, свадебные, рекрутские и исторические песни), некоторые образцы словесности речитативно-декламационного характера. По содержанию они очень разнообразны. В них воплотился неписанный кодекс чувашской этики: почитание старших, олицетворение природы, исторические события, сохранившиеся в памяти народной, гостеприимство, завет молодым, целомудрие во всем, что касается сферы интимных переживаний, горечь разлуки с родными, когда забирали в солдаты или приходилось искать свое счастье на чужбине, надежда на лучшую долю. Словом, мы находим здесь всю гамму чувств и настроений, которые в целом составляют особый «склад души и образ взгляда на вещи», из которых и формируется национальный характер.

Г.Айги, отбирая тексты для первых двух частей антологии, проделал огромную по объему работу (вместе с Г.Ф.Юмартом). Весь доступный круг источников и публикаций был тщательно просмотрен и проштудирован. Народная словесность неисчерпаема, многие материалы еще до сих пор неизвестны широкому кругу читателей. Надо особо подчеркнуть, что составитель, представляя чувашскую народную словесность, отнюдь не соблазняется экзотикой, яркой «импрессионистичностью» фольклора, он стремится нащупать глубинный стержень — самый нерв чувашской культуры. Поэтому мы находим в антологии и хрестоматийные народные песни, и тексты, которые, взятые по отдельности, могут показаться не столь выразительными, «приглушенными», но в своей совокупности составляют всю сумму духовных ценностей. Каждый из них драгоценной крупницей обогащает целое — образ народа.

Это корневое чувство народности пронизывает все без исключения тексты, вошедшие в состав «Чувашской антологии». Отсюда ее цельность, композиционная четкость. К сожалению, в рецензии невозможно привести хотя бы в отрывках даже некоторые образцы, в которых так открыто и простодушно выражается чувство благодарности чуваша ко всему живущему, его трепетное восприятие природного начала, его отзывчивость на доброту, но несколько строк из

этого неписаного этического кодекса (в интерпретации известного чувашского педагога Г.Н.Волкова), вслед за Г.Айги, мне все же хотелось бы процитировать:

На добрую улыбку ответь
красивой песней,
Услышал пословицу —
расскажи в ответ сказку.
На пожатие руки ответь
крепким объятьем,
Угостили молоком — пригласи
всю семью на новый мед...

(Подстрочный перевод)

Фольклорные произведения, вошедшие в «Чувашскую антологию», хотя они и невелики по объему, являются, образно выражаясь, именно «медом» чувашской поэзии.

Авторские тексты составляют примерно половину всей книги. Среди стихотворений третьей части мы находим произведения семидесяти поэтов как дореволюционного, так и советского периодов. Публикуемые тексты сопровождаются краткими биографическими сведениями об авторах.

XVIII век представлен лишь двумя образцами: это анонимное сочинение в честь императрицы Екатерины II по случаю ее приезда в Казань и отрывок из оды «Сон» всемирно известного китаиста, великого сына чувашского народа Никиты Бичурина (о. Иакинфа). На протяжении XIX века происходит постепенный переход от безличного фольклорного поэтического выражения к индивидуальному авторскому. Именно в это время — ближе к середине столетия — появляются первые авторы в настоящем смысле этого слова. И хотя наследие некоторых из них в количественном отношении невелико, но фиксация (письменная!) материала и творческие установки авторов уже были качественно иными, чем у безымянных *юрсты* (народных «певцов», исполнителей). Их наивные порой стихи уже свидетельствовали о новой ступени развития поэзии, — возникает понятие осознанного авторства.

В этой части «Чувашской антологии» представлены такие уже характерные индивидуально и в то же время продолжающие принципы народного мироощущения поэты дореволюционного периода, как Хведи Чуваш, М.Федоров, Ягур,

К.Филиппов, братья Турханы, Т.Кириллов, А.Мучи, К.Кореньков и др. По своему содержанию и жанрово-формальным признакам их стихотворения должны быть отнесены к лирическому роду. Но эта лирика лишь отчасти появилась под влиянием книжной словесности. Готовые литературные формы были как бы заполнены чистосердечными, светлыми ощущениями чуваша-земледельца, его чувством сродненности с окружающей природой. Эти первые попытки поэтического самовыражения своей непосредственностью, наивностью, искренними и скромными формами воплощения близки, пожалуй, течению примитивизма в живописи, они не могут не вызвать некоторого умиления. Но есть в них глубина чувства и потаенная грусть. Все эти авторы еще не покинули круг традиционных народных представлений о добром и злом началах в природе, о прекрасном. Они находятся **внутри** этого круга.

И конечно же, вершиной этого периода развития чувашской поэзии явилось творчество Кесьтентина Иванова. В антологии оно представлено главами из наиболее совершенного его творения — поэмы «Нарспи» и балладой «Железная мялка». К.Иванов был звездой первой величины в Симбирской Плеяде учеников И.Я.Яковлева. Он и такие его современники, как Н.Шубоссинни, М.Трубина, Хв.Павлов, Н.Шелеби, И.Тхти, воплощая в своих произведениях и жизненном поведении лучшие черты народа, смогли поднять чувашское поэтическое слово на новый уровень.

Чувашская поэзия советского периода закономерно открывается именем М.Сеспеля. Приведем слова Г.Айги из вводной статьи, которыми он характеризует «самого паразитического чувашского поэта»: «Огромное значение имела для Сеспеля революция 1917 года. «Моя революция», — мог бы сказать о ней чувашский поэт словами Маяковского. С революцией поэт связывал надежду на преобразование всей жизни чувашского народа, на «воскрешение» родного языка...» (С. 34). 22-летний поэт-революционер, поэт «стальной веры», определил цели и устремления для многих своих наследников — их творческий путь является ярким тому подтверждением. Глубокая, искренняя лирика П.Хузангая и В. Митты, интимные миниатюры И.Ивника, Н.Янгаса, М.Ястрана, яркие, порой экспрессивные образцы чувашской поэ-

зии 20—30-х годов, мощное эпическое дыхание произведений С.Эльгера и Я.Ухсяя, размашистая поступь стиха С.Шавлы, лучшие произведения поэтов «среднего» поколения и поколения «сорокалетних» (составитель сознательно ограничил основной корпус «Чувашской антологии» авторами, родившимися до 1941 года, то есть теми поэтами, чье творчество уже обрело четкие, определенные контуры), — все многообразие авторских позиций, стилевых установок и красок чувашской советской поэзии представлено на страницах этого издания.

В качестве приложения к основному корпусу антологии помещена статья Г.Айги «О современном состоянии чувашской поэзии», где анализируются творческие поиски самых молодых поэтов и намечены основные тенденции развития чувашской поэзии 70—80-х годов. Своеобразным «венцом» антологии является второе приложение — «Посвящения в прозе». Здесь мы находим ряд прозаических текстов, которые дополняют существенными штрихами уже сложившийся в восприятии читателя облик народа. Издание включает в себя и ряд иллюстраций, связанных со становлением духовной культуры чувашей, этнографические снимки, репродукции работ чувашского художника А.Миттова из цикла «Чувашская старина», фотографии И.Я.Яковлева, воспитанников его школы, известных деятелей чувашской литературы.

Естественно, что в творчестве каждого поэта, представленного в «Чувашской антологии», так или иначе переплетается личное, национальное и общечеловеческое. Еще раз хочу подчеркнуть, что Г.Айги в своем отборе авторских текстов делает акцент на народном, национальном. Каждый поэт в своей творческой практике по-своему, индивидуально преломляет этот уровень национальной нормы. Мы видим, что чувашская народная словесность представляет собой корневую систему национального опыта. Но если чувашская поэзия дореволюционного периода вырастает непосредственно на этой почве, то начиная с М.Сеспеля на первый план постепенно выходит личностное начало и взаимодействие с другими литературными традициями. Но, конечно, существовала и преемственность поэтической традиции. Именно это единство, непрерывность линии развития чувашского поэтического слова были, как мне кажется, определяющим

моментом для Г.Айги при окончательном решении о включении или невключении того или иного стихотворения в антологию. И эти единство нельзя не ощутить. Практически здесь не забыто ни одно сколько-нибудь значительное имя в истории чувашской поэзии. Определяя одну из целей издания, которая обусловила и выбор публикуемых произведений, составитель пишет, что это «попытка передать... хоть что-нибудь от того **круга света**, который в данном случае, — духовно-нравственный облик чувашского народа, таинственно мерцающий за всеми текстами этого сборника» (С. 26).

Надо подчеркнуть и то обстоятельство, что «Чувашская антология» готовилась под эгидой и по плану ЮНЕСКО (предполагается ее издание на французском и английском языках), то есть специально для европейского читателя. Г.Айги приложил много усилий для пропаганды чувашской поэзии за рубежом, и этот труд, бесспорно, увенчался успехом. По материалам антологии были отдельные публикации в периодике на английском, французском, венгерском, польском и сербохорватском языках. Рецензент, конечно, не может предугадать восприятие и оценку этого издания в Италии. Но то, что составитель в этой антологии смог заставить зазвучать и потаенный тембр народной поэзии, и голоса отдельных чувашских поэтов, — в этом нет никакого сомнения.

Уместно привести здесь слова Джанроберто Скарчия из его вступления к «Чувашской антологии». Отмечая, что советские ученые все более успешно и с углубленным вниманием стремятся показать «место рождения» разных национальных культур, он пишет: «Для нас, ориенталистов, важнее всего обновленная констатация этой постоянной драгоценной черты советского востоковедения в литературном воплощении, — в первую очередь, то его качество, которое не питается внешним или внутренним высокомерием... Россия, в этом ее проявлении, — явление более сложное, интересное и полиморфное, чем это мы признавали или хотели признать... Предлагаемая антология — плод особой «методологии души», проявляющейся, как мы видим из нижеследующих текстов, и на уровне эстетическом, и мы надеемся, что таких явлений будет больше — в самом ближайшем будущем» (С. 5—6).

Полиграфическое исполнение издания, осуществленное «Arti Grafiche Scalia Editrice», во всех отношениях безупречно.

И еще раз вспомним пламенные слова М.Сеспеля: «...ныне услышат чувашскую песню; чувашский стих, чувашское слово станут волнами Волги, шумом лесов, струнами кэсле... Будет время! Настанет время!» Сейчас, когда появилось первое издание чувашской поэтической антологии в Европе, на родине Данте и Петрарки, можно сказать, что эти пророческие слова, сказанные в 1922 году, сбылись.

1986

ЗИГЗАГИ «САМОБЫТНОЙ МЫСЛИ»

В библиотеке журнала «Молодая гвардия» (№37, 1988 г.) вышла книжка Екатерины Марковой под названием «Вестники». В ней содержится много любопытного касательно позиции молодой критики в условиях гласности и демократизации, в процессе перестройки. Кто же эти вестники и что за весть они несут? Без ложной скромности, «временами мужским, властно-требовательным голосом» (как пишет в своем предисловии небезызвестный Вячеслав Горбачев) вестниками Е.Маркова выставляет себя и своих единомышленников: **«И вот скоро и нам, подобно старшим коллегам, предстоит нести с Куликова поля в качестве Вестников вещие слова боевой правды** (здесь и далее подчеркнуто Е.Марковой. — А. Х.).

Само же содержание этой «благой вести» сводится к безудержному, порой, доходящему до экстатического кампания, восхвалению мессианского предназначения русского народа. **«Весть духовного прозрения с поля Куликова стала совестью, объединяющей сакральной вестью не только для русского народа, но и для многих многих народов Поволжья, нашедших в русском народе своего мессию-освободителя, свою нравственную опору и духовный щит от растворения в темном ордынском море.** (...) Я сама принадлежу к одному из малых народов нашего братства (чувашскому — А. Х.) и мне, может быть, от этого даже яснее (?) представляется связь времен и решающее звено в этой связи, принадлежащее Куликову полю и русской литературной критике как «партии народа» (Ю.Селезнев), под знаменем Куликова поля воспитавшей народы России для революции и создания объединенной державы свободы и братства».

А я-то наивно полагал, что первое в мире социалистическое государство сложилось все же не под знаком Куликова поля, а в результате подъема национально-освободительного движения, распространения просветительских идей среди инородцев в первой половине XIX века, открытия школ с преподаванием на родном языке, что привело к росту национального самосознания, вследствие нарастания революционного движения в годы первой 1905 года, Февральской и Октябрьской революций (и народы России воспитала для революции все же не русская литературная критика, как бы ни были выдающимися ее представители, ибо их сочинения были просто недоступны народной массе вследствие незнания ею русского языка). А после 1917 года это государство соиздалось последовательной реализацией принципов ленинской национальной политики, права наций на самоопределение. Наверное, все же именно тогда были заложены основы и национальной государственности в виде союзных республик и автономий, начался динамичный процесс национально-культурного строительства. Правда, в середине 30-х все открывшиеся перспективы национального развития были смяты волной сталинских репрессий, был опустошен генофонд нации путем уничтожения кадров национальной интеллигенции и активной части других социальных слоев. Справедливо заметил Сергей Баруздин в своем выступлении на мартовском пленуме правления СП СССР прошлого года, что «тогда родилось странное понятие «старший брат» и в пропаганде, и, увы, что самое печальное, в нашей литературе», что «дружба народов предполагает не дружбу всех вокруг одного народа, а равное уважение к каждому, как бы ни был он велик или мал». Особенно сильно в 30-е годы пострадали малые нации, в частности Урала и Поволжья. Само определение нашего Союза, «как апофеоза свободы и братства» это сталинский миф. Особенно это ясно сейчас, когда начинаем распутывать сложные узлы межнациональных отношений, начинаем осмыслять те горькие плоды, к которым привела бездумная политика ассимиляции с отдаванием приоритета «великому, могучему русскому языку». Так что столь дорогая автору «сакральная идея Куликова поля, как поля евразийского объединения», вряд ли может сработать в современных условиях. Да и что бы она означала, например,

для более чем 40 миллионов тюркских народов, проживающих в Советском Союзе?

У Е.Марковой происходят странные aberrации с исторической памятью, хотя она постоянно апеллирует к чувству верности ей. Она пишет: «У нас в Чувашии тоже есть люди, которые, справедливо помня, что наши предки волжские болгары, искони занимали среднее течение великой русской реки (это естественная гордость!), вдруг начинают неумно бахвалиться, что вот если бы часть болгар во главе с ханом Аспарухом не откочевала на Дунай (нынешняя Болгария), то те, что остались с ханом Сувазом («Чувашом» в другой транскрипции), то мы бы тогда... Словом, неизвестно, кто бы тогда задавал тон в Евразии (все это, конечно, звучит, может быть, и лестно для моего чувашского уха, но ей богу, постоянно общаясь с историками, языковедами, этнографами, литераторами, даже чувашскими «национал-радикалами», ни разу не слышал подобной версии! Что ж, из Москвы, вероятно, виднее! — А.Х.). И забывают эти радетели древности, что на Куликовом-то поле основной ударной силой были русские полки и что просто не было бы, может быть, вообще сейчас чувашей, если бы русский щит тогда не выдержал исторического удара темных кочевых сил. Вот тогда бы и не надо было выяснять этим радетелям древности, древнее мы русских или моложе». Конечно, не имеет смысла квитаться ратными доблестями наших предков, но и не следует забывать и о том, что за 150 с лишним лет до Куликова поля поволжские болгары-чуваши трижды (1223, 1229, 1232 гг.) отражали наступления татаро-монгол, и именно они приняли на себя первые, самые страшные удары войска Бату (Батя).

Е.Маркова сотоварищи не прочь предстать наследниками этого новоявленного мифа о Куликовом поле в своей интерпретации с одной стороны, с другой — «достойно несущими знамя гражданственности и народности». И потому эта книжка не просто эссе, полемические заметки, литературные мечтания, она претендует быть манифестом критиков, которые ничтоже сумняшеся считают себя не больше, не меньше, как «партией народа». Отсюда постоянный упор на местоимение «мы», составление обойм своих писателей и критиков (почвенников), отсюда велеречивость и клику-

шество как неотъемлемые черты авторского стиля, подчеркивание миссии «старшего брата» и судорожный поиск популистских, шовинистических символов. Самобытных мыслей, выраженных столь же затейливо и горячо, помимо тех ключевых, что были названы выше, у автора с избытком. В частности, выпады против мифологического реализма европейского и латиноамериканского образца, авангардизма в целом, пресловутой амбивалентности и т. д. В общем, они были известны разрозненно по публикациям критиков известной («молодогвардейско-нашсовременниковской») обоймы, но с таким концентрированным их выражением, с обилием ключевых цитат из работ предшественников и соратников по шедшим во время оно критическим баталиям мне приходится сталкиваться впервые. В этом смысле, чтение «Вестников» весьма поучительно. И занимательно.

Е.Марковой не откажешь в напористости, в неожиданности зигзагов ее «самобытной мысли» и все же, несмотря на самые восторженные дифирамбы, расточаемые ею своему поколению, думается, что сегодняшний день востребует молодого критика иного склада ума. Критика с четкой общественной позицией, со строгим эстетическим вкусом и чувством меры.

1989

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ: ОБРАЗ РОССИИ

В конце прошлого века Владимиру Соловьеву, владельцу дум, творцу «некоего лучащегося лика и облика как самораскрытия Софии Премудрости Божией, центрального символа эпохи» (С.С.Аверинцев), был приписан, в частности, взгляд, что народы Российской империи должны читать Пушкина «не на русском языке, а на языках чувашском, мордовском, калмыцком и т.д.». Разъясняя свою позицию по поводу политики русификации, философ написал небольшое письмо (оно сейчас перепечатано в 1-м № «Нового мира» за этот год среди других статей и писем Вл. Соловьева и этой публикацией открыта новая рубрика журнала «Из истории русской общественной мысли», которую ведет вышеупомянутый просвещеннейший интеллигент-гуманитарий наших дней).

Сейчас у нас этот вопрос скорее возникает в другой плоскости, а нужно ли вообще переводить Пушкина на чувашский язык (настолько мы продвинулись в процессе денационализации)? И то — читает ли кто сейчас всего Пушкина на русском?

Соловьев ясно и со всей определенностью писал, что всякий русский желает, чтобы «все читали Пушкина и других наших великих писателей на русском языке» и «чтобы никто не мешал насильно какому бы то ни было народу нашей империи читать и всероссийских и местных писателей на своем родном языке. Эти два желания не только не исключают друг друга, но теснейшим образом между собой связаны, — второе есть только необходимое условие для серьезного исполнения первого. (...) Принуждение к русскому языку может

производить только отвращение от него, нежелание и неспособность выходить в пользовании им за пределы принудительных требований». Не это ли мы наблюдаем воочию сейчас, когда многие чуваши, выпускники так называемой национальной школы с навязанным русским языком обучения с 4 класса, пользуются в своей разговорной речи неким «*бейсик раши*» — усеченным русским, испытывая неловкость в повседневном общении.

По Соловьеву, именно искусственное и насильственное обрусительство ведет к возникновению «чувашефильства и мордвомании с новыми национальными литературами, представители которых, по мнению местных энтузиастов, наверное, затмят Пушкина и Гоголя» (...). Но, по его глубокому убеждению, то, «что являются новые литературы: это добро, всегда извлекаемое Провидением из человеческого зла».

Естественно, я понимаю соловьевскую иронию по поводу неумеренного местного энтузиазма, который может привести (и часто приводит даже в наше время) к тупому и самодовольному бахвальству, нежеланию дать трезвую самооценку своим провинциальным «достижениям» в сфере культуры с ее примитивной идеологизацией и господством официально-догматических установок.

Тогда же мыслитель очень прозорливо утверждал, очевидно, в пике официальной политике, что невольное слияние не есть конечная цель народов России и предпочтительнее их «отчетливое, сознательное согласование». В этой же публикации мы находим фрагменты из книги Вл. Соловьева «Национальный вопрос в России». Ввиду актуальности той проблемы, которую сейчас стало принято называть «проблемой межнациональных отношений», повсеместного развития национальных движений в нашей стране, с выдвиганием Москвой тезиса «сильный центр — сильные республики», иначе говоря, при наличии самого широкого разброса мнений о диалектике общегосударственного и национального, было бы любопытно узнать мнение на этот счет «бесстрашного рыцаря христианской истины», каковым и являлся Вл. Соловьев. С одной стороны, он говорит, что «народность, или национальность, есть положительная сила, и каждый народ по особому характеру своему назначен для

особого служения». И с другой всячески предостерегает от **«отрицательного усилия национализма**. Это есть народность, отвлеченная от своих живых сил, заостренная в сознательную исключительность и этим острием обращенная ко всему другому. Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впавший в него народ, делает его врагом человечества...».

Что же, во всем этом есть определенный резон. И спасение от национализма Вл. Соловьев видит в строгом соблюдении «христианского принципа обязанности, или нравственного служения. (...) Христианство, упраздняя национализм, спасает народы... И народ, желающий во что бы то ни стало сохранить душу свою в замкнутом и исключительном национализме, потеряет ее, и только полагая всю душу свою в сверхнародное вселенское дело Христово, народ сохранит ее». Почему-то мне кажется, что такое глубоко нравственное обеспечение интернационализма гораздо более жизненно и плодотворно, и без такой духовной опоры он просто хиреет, сводясь к показушному псевдоинтернационализму по приказу сверху, который мы культивировали, скажем, в годы застоя. Может быть, подход Соловьева более соответствует тому опыту христианского просвещения, который определял чувашскую историю и культуру на протяжении XIX века и еще окончательно не угас до сих пор? И не здесь ли разрешается истинная диалектика национального и всеобщего (вселенского)?

В любом случае, когда пытаешься понять ход мысли Соловьева и приложить его понятия к нашим реалиям, то вдруг видишь их в совершенно другом свете. Это полезный урок чтения. И кроме того, как пишет тот же всеведущий С.С.Аверинцев, «обаяние всего написанного Соловьевым — в живом огне этического Эроса». Так что давайте все-таки читать настоящих русских философов — Соловьева, о.П.Флоренского, Бердяева, Лосского, Розанова, Шестова, Федорова, Леонтьева — и тогда, может быть, сам образ России для нас предстанет в его истинно гуманном значении. А возможность такая есть, ибо этот блистательный сонм имен возвращается наконец в круг чтения сегодняшнего дня после долгих лет запрета.

ПИСЬМО СИГИТАСУ

Дорогой брат! Позволь я назову тебя так в этот решительный час для твоего народа, когда сделан исторический выбор, провозглашена независимость Литвы и заложен краеугольный камень в будущее здание свободного демократического Литовского государства. Пишу тебе из Чувашского далека, когда весна природного пробуждения ласкает лицо теплыми солнечными лучами, а воскресение душ отмечено светлым праздником Воскресения Христова.

В эти дни я часто перечитывал твои стихи, думая о тебе, о «белесо-зеленой Литве». «Ведь хотел Донелайтис, чтоб дом отыскиали литвины», вот вы и отыскиали свой Дом. А мы здесь на чувашской земле вытаскиваем руки, чтобы найти наощупь и согреть ладонь брата. «Крот уходит на поиски братьев», — как ты писал. Кроты в трудную минуту должны находить друг друга. Банальная истина, что поэт зряч и провидит все, еще раз подтвердилась для меня в твоём «Страздасе», «Старой Литве», «Ночных цветах» и других стихотворениях. Уже давно ты сказал о том, что происходит сейчас: «Страздас пашет Литву — Крылья землю укрыли. ...И крыло над землею — Свет плывет по Литве — Тень крыла на траве, Даже солнце — зеленое». Разве сейчас Ландсбергис не ведет такую же глубокую борозду?

Мы осознали за последние три-четыре года (ну, и раньше, конечно, знали об этом), что живем-то не в каком-то унитарном бетонном бараке, а в кругу народов-братьев, у каждого свой стиг ума и мировзгляд, своя история. Я напоминаю себе и своим соотечественникам слова декларации принципов Заключительного акта Совещания по без-

опасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, август 1975 г.), подтвержденные в январе 1989 года в Вене о том, что «исходя из равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие».

А наше разноязычье — балтов, угро-финнов, белорусов, грузин, чувашей, караимов и т.д. — разве оно не во благо: каждый говорит с Богом на своем родном языке!

Пусть будет речь мне вновь возвращена,
И братьев участь — мной разделена,
верни мне боль, все раны — снова вскрой,
хоть мне и не пронять тебя мольбой, —
о небосвод, мой череп мне верни...

Прорицания твои, Сигитас, бывают порой страшны своей отчетливой реальностью и хотя я всею силой сердца противлюсь мысли о таком развитии событий, но чего только не было в нашей недавней истории.

Пространства будто жерла —
И снова даль мертва —
Ужели только жертва
Ты в этой тьме, Литва?

Или еще того хуже:

...Злобою налиты —
Шли и грозили.

Жгли костры,
Жевали, лаяли,
Человеков оседдали —
Когти
И клыки остры —
Взяли
И невест и пчел.
Кто живым от них ушел?

Эй, непрошеные гости,
Вы куда Литву увозите?

Что можно противопоставить такому, если вдруг **они** опять начнут действовать с позиции, право — сила. Есть мужество, стойкость духа, слово молитвы, степень света. Литовские боги да помогут вам, воители Миндаугас, Гедиминас, Витаутас Великий, хранители пламени души народной Мажвидас, Пошка, Донелайтис, Майронис, Кудирка, Видунас да будут с вами!

О боги старые! Чтобы смотреть и слушать,
Взошли на светлый, опустелый свод,
Увидят, как страдают наши души,
Из Междуречья маленький народ.

И хотя ты пишешь, что «на нашу землю ангела не шлите, ему крыла оттопчет солдатня...», я верю, что Ангел своими белыми крылами укроет Литву и разгонит тьму, а по нынешней ранней весне уж скоро и черемуха вознесет свое белое пламя в защиту озера Снайгинас, и будет так:

Я вышел — и Литву увидел.
Там птицы, женщины и ветер.

Весну Возрождения не остановить там, в сердце Литвы:

Там — народ, и вера, и свобода.

За вашу и нашу свободу!

В письме цитируется книга стихотворений и поэм «Ущербная луна, осенняя богиня» Сигитаса Гяды (Вильнюс, «Вага», 1986), поэта, члена Сейма Саюдиса.

1990

2-ОЕ ПИСЬМО СИГИТАСУ

Твоей мне розы, Боже, не хватало:
когда петля сдавила горло мне...
С.Гяда.

Поэт знает все. Это знание может быть страшным по своей сути. К сожалению. Слабо, не веря твоим пророчествам, я прочитывал **так** твои строки еще в апреле прошлого года.

Пространства будто жерла —
И снова даль мертва —
Ужели только жертва
Ты в этой тьме Литва?

Тьма это те, кто не хотел и не хочет даже сейчас понять литовца, что значит для этого народа свобода и независимость. Тьма это те, кто не хочет говорить с литовцами, живя на их земле, а взывает к военной силе, это те, кто вводит войска, это те, кто отдает им приказ «стрелять!»

Неужели поэту изначально известна бездна, самый ее край? Поэт знает... Примем это за аксиому. Подтверждение этому я нахожу в твоих стихах, Сигитас. И с другой стороны, становится аксиомой нашего тоталитарного строя (еще раз после 9-го апреля в Тбилиси, январского Баку), как трагическая закономерность, что когда убивают людей, невозможно узнать: **кто отдал приказ?** Президент не знает, министр обороны не знает... А кровь пролита. Незнание (в которое невозможно поверить) не смывает крови с высших правителей. И с исполнителей этой жестокой воли.

Дорогой брат! Знай только одно, что мы вместе с тобой скорбим по невинно убиенным, расстрелянным, раздавленным гусеницами танков.

Как же нам теперь жить? Жить в постоянном ожидании трагедий и когда это страшное наступает, писать скорбные письма и посылать бесполезные слова утешения сестрам и братьям, которые есть и в Грузии, и в Латвии, и в Молдове, и в Эстонии? И все это при том, что в «Парижской Хартии для новой Европы» от 21 ноября 1990 года записано: «...Мы вновь подтверждаем равноправие народов и их право распоряжаться своей судьбой... Мы намерены сотрудничать в деле защиты демократических институтов от действий, нарушающих независимость, суверенное равенство или территориальную целостность государств-участников. К ним относятся незаконные действия, включающие давление извне, принуждение и подрывную деятельность. ...Мы будем не только искать эффективные пути предотвращения возможных конфликтов политическими средствами, но и определять, в соответствии с международным правом, соответствующие механизмы мирного урегулирования любых споров, которые могут возникнуть». Для Литвы «соответствующим механизмом» оказались десантники с Калашниковыми в руках, для Тбилиси — саперные лопатки. Второй от конца под Хартией стоит подпись Президента Союза. Не прошло и двух месяцев, как появляются танки и БТР на площадях и улицах Вильнюса, а Президент ничего не знает... Слова Хартии обращаются в пустой звук. Как же жить?

Сигитас! Теперь уж тебе не «утешиться там, на площадном граните, где бесстыдно тлели плахи; холодны и нечисты небеса...», как ты писал в «Вильнюсской балладе». На старые плахи, на вильнюсский площадной гранит пролилась свежая кровь.

Обращать к небу молитвы. Слышит ли оно нас?

Свободу и правду в мире
Ищет — и жалуется —
От Камаей — до Сибири —
От Сибири — и до Пажайслиса.

У кола, у колодца
Бьется, колотится.
Вдруг — бежит во весь дух —
Вся Литва —

Ни крыльев — ни рук —
Бежит к простору,

А там — мертва —
Крона березы,
Свернутая голова —

Как мы отмоем небо?..

Возьми мою руку, дорогой брат, и знай, что я рядом.
И в этой нечеловеческой жизни будет нужна всем нам особая
стойкость Духа: сохраним наше «скудное свечение». Нашим
малым Светом будем ободрять друг друга.

Живем у смерти на виду
и пьем, сойдя в Господнюю долину,
был праздник, и явилась смерть...

В День Велинес — мы помянем всех.

твой Атнер Хузангай.

16-17 января 1991 г.

P.S. И вот неделю спустя трагедия — по несколько иному
сценарию — происходит в Риге. До того убили Роберта
Мурниекаса, штурмуя здание МВД омоновцы застрелили еще
5 человек. И опять оружие было пущено в ход после противо-
правных призывов местных комшовинистов к роспуску
Верховного Совета Латвии, отставке законного правитель-
ства, т.е. коммунисты выдали идеологический вексель черным
беретам на убийство. Так сбрасываются маски и обнажается
суть экстремистской комидеи...

«РОССИЯ ВСПРЯНЕТ ОТО СНА...»

Слова Пушкина, как всегда, оказались пророческими. Народы России встают с колен, оглядываются окрест и видят, что их земля — земля отцов — опустошена, обезображена, дети не понимают языка своих родителей, культура пребывает в виде экзотического атрибута и не имеет ясного будущего. Колониальный статус российских национальных республик и национальных территорий (областей, округов) перестал удовлетворять коренные народы. Если брать чисто экономический аспект, то и русская провинция (области, края) была в таком же положении. Но для нас ситуация многократно усугубляется тем, что мы существовали в условиях ущемления национальных, политических прав и языкового суверенитета народа. Потому-то народы решили наконец заявить о себе, приняв Декларации о суверенитете, повысив свой статус или проявив свое право на самоопределение в иной форме. Печать «центра», как союзного, так и российского, потом долгое время склоняла выражение «парад суверенитетов», показав нежелание хотя бы попытаться понять, что же подвигнуло народы России на все эти акции.

За последний год проблемы национально-государственного устройства России вышли на первый план, и мы вновь — после того как скрипучее колесо истории совершило 60-летний оборот — стоим, как школьники, не знающие ответа, перед чистой доской (*tabula rasa*).

«...Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно. (...) Неприкрытая

политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придинок и провокаций, прикрывающейся словесными заклинаниями о «свободе» и «равенстве» народов. Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия.

Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокаций должен быть положен конец. Огненные она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России». К сожалению, следует признать, что эти строки, взятые из Декларации прав народов России 1917 года, и сейчас звучат, как нельзя более актуально. Мало что меняется под этим Солнцем.

По моему мнению, главная точка всех нынешних споров о будущем России — это наш выбор либо в пользу (1) «единицизма» России, либо (2) понимания России, как федерации суверенных республик (государств) и национальных территорий.

В Российском парламенте, в постоянных комиссиях есть «великороссийские державники» (т.е. сторонники первой точки зрения) и «националы» (сторонники суверенитета республик). В подготовленном проекте Федеративного Договора формально признается суверенитет республик (статья 3), но по сути проводится красной нитью желание уравнивать национально-государственные образования (республики) с административно-территориальными (края, области). В статье 11 прямо говорится: «Участники Договора считают необходимым сохранить исторически сложившееся государственное единство (?) народов РСФСР...». Неужели российские законодатели настолько политически близоруки, что забыли, как было достигнуто это единство? Например, в отношении народов Северного Кавказа, коренных народов Сибири и Крайнего Севера, да и у нас в Урало-Поволжье! **Вопреки названию (Федеративный Договор), в проекте делается попытка вообще свернуть федеративные отношения.** Между тем, еще в 1-й Российской Конституции было сказано: «**Российская Советская Республика учреждается на основе свободного (!) союза свободных (!!)** наций, как федерация советских национальных республик».

...О, это сладкое слово Свобода!

ЭРОС У ПЛАТОНА

«Скажи мне, каким образом должны поступать те, кто стремится к (благу), чтобы их пыл и рвение можно было назвать любовью?»

Платон, «Пир», 206 В.

Сказать о любви нечто оригинальное, по-моему, невозможно. Как подумаешь, кто только не высказывался на эту тему из великих, то что остается на твою долю простого смертного — в скромности и почтении умолкнуть. Были и есть люди, которым самим Богом велено излагать, объяснять понятие и состояние любви. Философы, поэты, художники, музыканты...

Согласно, например, взглядам Платона любовью ведает демон Эрот, который «находится между мудростью и невежеством». И далее в диалоге «Пир» философ продолжает: «Ведь мудрость относится к числу самых прекрасных качеств. Эрот есть любовь к прекрасному; следовательно, неизбежно Эрот любит мудрость, любящий же мудрость занимает середину между мудрецами и невеждами».

Отсюда заключаем, что **любовь это есть познание**. Познание нового, неизведанного Материка-Страны. Женщина это новый континент и носит она имя Европа ли («похищение Европы»), Америка ли, Азия или Африка — все равно. А каждый влюбленный, соответственно, является Колумбом, отправляющимся в долгий и опасный путь, полный приключений. Иначе говоря, мы живем своей повседневной жизнью, не ведая о небе, о новых Странах, которые нас ожидают. И вдруг обрушивается на нас этот июльский дождь, пригоршнями рассыпает капли живительной влаги Эрот; и мы выры-

ваемся из плена обыденности, наша душа пробуждается, и мы вступаем на рискованную стезю познания (тропу любви).

Платон называет это «эротическим» восхождением. Первоначально предметом желаний является единичное и прекрасное на вид тело. Но любое тело есть лишь пустая оболочка («Увы! Недолго это тело проживет на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан» — Дхаммапада, III, 41), если оно не причастно миру истинно сущего, или «занебесным идеям». Неодухотворенное тело — жалкая и ничтожная вещь. Для истинно любящего в «эротическом» восхождении самое главное — духовная красота. И постепенно — после долгого и трудного восхождения души по ступеням эротического посвящения — открывается одержимому демоном Эроса **прекрасное в себе**, или «идея» прекрасного. Она может иметь телесное воплощение, а может и не иметь. Это уже зависит от наших творческих возможностей.

Отсюда второе наше заключение, что **любовь есть творческий акт (состояние)**. Она требует от любящих взаимного сотворчества, иначе любовь просто не состоится. В состоянии любви, если оно истинно, происходит крайняя сосредоточенность всех сил ума, воображения, памяти, воли и чувств. И тогда простой смертный начинает творить. Он сотворяет для себя и в самом себе **образ любимой**, он лелеет его в своей душе. Это то же самое отношение, чрезвычайно интимное, нежное, какое поэт имеет к своему стихотворению, художник к своему холсту, композитор к своему сочинению.

Я осмелился в меру своих способностей дать небольшой комментарий к эротической эстетике любви великого Платона. Мой практический совет влюбленным: читайте диалоги Платона, любовную лирику поэтов (надо учиться языку любви!), слушайте высокую музыку и созерцайте картины. Надо воспитывать душу, а то неожиданно подстережет вас в один из весенних дней Эрот, а душа ваша не будет готова отправиться в прекрасное странствие к неведомому континенту Любви и не сможет в полной мере насладиться ее великим таинством.

1993

ЕВРОПА + АЙХИ = BRETAGNE + ЧАВАШ ЕН*

Элитарное парижское издательство «Нуво Коммерс» издало книгу Геннадия Айги, которая вопреки издательской марке, называется «Вне — коммерции Айги». Точнее, по-русски можно было бы выразить этот смысл фразой «Айги, который не продается». Ее составил — вместе с автором — и перевел Андре Маркович, чтобы «попытаться показать широту и разнообразие такого присутствия (личности поэта)».

Здесь действительно в одном томе объединены самые разные тексты, свидетельствующие о «жизневыдерживании» (гранях экзистенции) самого поэта, о его понимании поэзии как «соучастия» и «встречи с творящей силой», о его восприятии мира, который «касается нас голыми кусками самого «чуда» — самой своей сущностью, и происходит это просто, словно кто-то кладет нам руку на плечо...» И, конечно же, в книге есть стихи Айги разных лет, включая поэму «Последний отъезд (Рауль Валленберг в Будапеште)».

«Разговор на расстоянии (ответы на вопросы друга)» — одно из самых серьезных размышлений поэта о своих многолетних изысканиях в пространстве Слова. Речь идет о важном: о нарушениях границы между явью и сном в поэзии, о поэтическом тексте как «теле», об энергии языка и страхе перед Языком, о поэзии и шаманизме, символизме и футуризме, о Тишине-и-Поэзии, о любимых поэтах, а также о том, «что значит быть поэтом сегодня?» Один из ответов на последний вопрос может быть таким: «...надо уже уметь

---

*HORS — COMMERCE AÏGUI. Textes réunis et traduit par André Markowicz. Paris. Le Nouveau Commerce, 1993. — 255 p.

«творить тишину» (...) надо в шуме мира-как-действия, уделять некоторое время «служению тишине», тогда могут возникнуть и способы ее выражения, у каждого свои».

Четыре рисунка Игоря Вулоха это тоже атмосфера сосредоточенности, покойного созерцания точек и линий, которые удерживают, сцепляют некие прорывы в неведомую Белизну.

Был знаменитый и чуткий учитель («классик») у нашего Айги, который одним своим присутствием в культурном измерении конца 50-х годов, оказал существенное влияние на его становление. Это — Борис Пастернак со своими придыхательными (или навзрыд) признаниями в любви к «сестре моей жизни»: «Мигая, моргая, но спят где-то сладко, // И фата-морганой любимая спит». Ему и поре прощания с юностью посвящено особое воспоминание.

И особый раздел — «Русский авангард». Самые из самых: Казимир Малевич, Елена Гуро, Алексей Крученых, Василиск Гнедов. Их тексты, текстологические и архивные разыскания самого Айги, его слова признательности и любви. Без их опыта преодоления служебно-«коммуникативного» слова вряд ли мы сможем адекватно понять сегодняшнего Айги.

Айги как переводчик европейской поэзии на чувашский и как составитель Антологии чувашской поэзии, которая уже переведена и переводится на многие языки, давно уже стал «знаком-индексом» панъевропейского духа в чувашской культуре. Ряд европейских премий подтверждают это, также как и Государственная Премия ЧР имени К.Иванова. Но кто знает каких усилий стоили ему эти переводы. Вот один фрагмент, «вздвог-и-крик»:

«Чăваш поэчĕсем» антологие вĕслесен: бйăх çук, шухăш — чарăнми
вĕç-хĕррисĕр, темĕнле пăшăлтату, юрă: вут... — (...)

— вут; ашалану; Кĕркури Филиппов;

Рембо!?? Мулкач пурнăçĕ... вут... —

(Ёшенĕ)

Родной чувашский исток. Это короткое эссе о духовной категории «*тăванлăх*» у Васьяля Митгы, нашего стойка, Сократа в жизни и в своих скитаниях по сталинскому ГУЛАГу. Это художник Анатолий Миттов, бывший близким другом поэта. Это стихи Алексея Аттила и Пэдера Эйзина.

С чувашским разделом, казалось бы неожиданно, а на самом деле вполне закономерно, перекликается бретонская часть. Закономерно, потому как чувашский «национализм», так и бретонский (шире — кельтский) развиваются в одной системе координат, черпают из одного чистого источника. Айги с тихим удивлением отмечает: «...переводя, с помощью самих поэтов, бретонскую поэзию, я почувствовал, что касаюсь света самых глубоких духовных ценностей этого народа, бретонцев, напомнившего мне в свою очередь песни, молитвы и жизневосприятие моих предков — обитающих на другом конце Европы». На страницах этой книги произошла эта замечательная встреча бретонской и чувашской поэзий, двух народов-европейцев, но каждый — со своей культурной традицией. Духовные стихи Дю Гверзиу «Мария Магдалина» и «Святая Бриджит», современные бретонские поэты Алан Ботрель и Гвендаль Денез. Отмечу стихотворение последнего под названием «Смерть гласного», которое представляет собой 3-х частный текст без начала и конца и, изобилуя гласными и сонорными звуками в начале (*oulabiñ ar beura re*), завершается полным исчезновением гласных (*chm rn mt*). «Не так ли умирает и угасает наш бретонский язык?» — вопрошает комментатор. Поэты, чуткие к природе Слова, всегда отмечали, что гласный (звук) — это свобода дыхания, это вольная речь. «И свобода духа», — добавлю я.

В книге также помещено много редких фотографий, семейных, портретов самого Айги, где он еще (!) держит за талию «белую даму под голубым покрывалом», то есть, сигарету. Сейчас такого фотоснимка уже не сделать ибо наш поэт бросил курить. Этот факт был сенсацией в европейском кругу поэтов сезона 1992—93 гг.

1994

ЧУВАШСКАЯ ПОЭЗИЯ НЕ СОБИРАЕТСЯ УМИРАТЬ*

Англоязычный мир имеет теперь возможность познакомиться с чувашским словом. 5 ноября 1991 года в Лондоне и Эдинбурге состоялась презентация «Антологии чувашской поэзии», изданной «Форест Букс» (Лондон — Бостон) в серии «Библиотека мировой поэзии ЮНЕСКО». На английский язык чувашские тексты перевел профессор Эдинбургского университета Питер Франс, который еще в 1989 году во время своего визита в Чăвашĕн, отметил у нас особое почитание (!) национальной литературы. Это, в частности, выразилось в том, что он... был избавлен от преклонения перед памятниками космонавтам, а возлагал цветы к монументам поэтов. Составитель «Антологии» — чувашский поэт Геннадий Айги. И вот книга в красной (малиновой) обложке с портретом невинного ангела нации Сеспеля — наконец-то! — в моих руках.

Мне приходилось в свое время писать об итальянской версии (Рим, 1986) «Чувашской антологии» («Вопросы литературы», 1986, №11) и давать общую характеристику состава, структурирующего мерцающего светоизлучения самих текстов и т.д. Айги, который уже более двадцати лет занимается этой антологией, используя свое общеевропейское реноме поэта, покоряет Европу (готовятся французское, датское, польское и шведское издания книги).

Путем строгого и тщательного отбора текстов и авторов он смог показать потаенный тембр чувашской поэзии, ее

---

* An Anthology of Chuvash poetry. Compiled and introduced by Gennady Aygi. Translated by Peter France. UNESCO /Forest Books. 1991. — 220 p.

особого рода духовный порыв (вертикаль, направленная к Богу — *Турă*). В одну линию выстраиваются наши молитвы, наговоры, обращения к богам, наши песни — от колыбельных до погребальных, стихи наших больших, средних и малых поэтов. Это все единый духовный мир (*Чăваш Тĕнчи*), в котором достойно — на своем месте — представлены боги и люди, одушевленная природа, растения, животные, чувашская этика и эстетика, единство земного и потустороннего мира, самосознание народа и индивидуальные устремления поэтов. Это наш мир, который благодаря бережному вниманию и самоотверженному труду Питера Франса стал доступен англоязычному читателю.

«Отдавая, мы получаем...». Я вспомнил эти слова из одной стихотворной молитвы святого Франциска Ассизского, когда писал предисловие в «Антологии» — так характеризовал выход чувашской литературы на европейскую арену сам Айги.

Поэзия, в несколько расширенном ее понимании, очищена, как никакой другой род литературы, от поверхностной шелухи и представляет собой сущностное начало чувашской духовности. Этим и отличается данная «Антология чувашской поэзии». И в то же время это не есть словесность умершего экзотического народа, как это представляется автору рецензии в «Независимой газете» под характерным заголовком «Немые поэты» («НГ», 5.02.1992). Поэтические достижения чувашских классиков Сеспеля, Иванова и других, замечает этот автор, «для большинства из нас невразумительны, как древняя клинопись». Такой подход возможен только для ленивого русского ума (как говорил А.С.Пушкин), который порой просто не хочет замечать духовных богатств малых народов, обитавших и обитающих ныне на унылых российских просторах. Западноевропейцы, как о том неоднократно лично свидетельствовал Г.Айги, наоборот, проявляют в последнее время особо живой интерес к языкам и национальным устремлениям малых народов европейского (и не только!) ареала.

Чувашское слово живет и будет жить. Недаром в послесловии к «Антологии», анализируя новейшие тенденции развития чувашской поэзии, составитель называет имена Любови Мартыановой, Пэдера Яккузеня, Вениамина Пегия,

Бориса Чиндыкова и других представителей новой поэтической генерации в качестве продолжателей «дела отцов», одновременно вносящих новые элементы в чувашскую полистилистику конца 80-х годов.

1992

БУКЕТ КОЛЮЧИХ ФРАЗ

В.И.Ленину — 124

У Ленина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей.

Г.Уэллс, «Россия во мгле» (1921).

Я думаю, что мы еще не успели позабыть времена «утренней зари» перестройки, когда одним из важных лозунгов был лозунг «возврата к ленинским принципам национальной политики» и «новое» политическое мышление смело взялось за национальный вопрос, справедливо полагая, что здесь «в тугой узел завязываются и экономические, и социальные, и духовные проблемы». Эти новые подходы были и названы по-новому — «гармонизацией межнациональных отношений».

Однако до подлинного понимания и переосмысления вклада В.И.Ленина в теорию нации и национальных отношений, который считался «выдающимся», а сама теория и основанная на ней партийная программа по национальному вопросу — «глубокой», «всесторонне разработанной», «последовательно интернационалистской» и т.д. — дело так и не дошло. Самого Ленина не удосужились перечитать заново. Некогда было. Поэтому возвращения так и не произошло.

Очевидно, что на то есть какая-то веская причина. Может быть, одна из них в том, что этот политический философ был слишком колюч и непримирим и никак не вписывался в гладкие речи советских вождей (идеологов) того периода. Не вписывается он и сейчас в словесную шелуху

демократов. Поэтому, есть смысл вернуться к этой теме. Пусть читатель простит мне обилие цитат, своего рода школярское начетничество. В этом я следую традиции так называемых марксистско-ленинских философов. Кроме того, я намертво усвоил со школьной скамьи, затем в вузе (грызя гранит истории КПСС, диамата, истмата, политэкономии), что надо читать первоисточники, самих «вечно живых» классиков марксизма-ленинизма. Кроме того — без всякой иронии! — ленинская мысль (и стиль) настолько импульсивна, динамична, жива, что она остра и выразительна сама по себе.

Одним из камней преткновения для современных российских демократов является признание «права наций на самоопределение». В.И. Ленин в отстаивании этого принципа был всегда тверд и последователен, начиная с проекта программы РСДРП 1902 г., полемизируя с армянскими социал-демократами, польскими социалистами, бундовцами, российскими кадетами, либералами-демократами в своих классических работах.

«...Во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века, под самоопределением наций разумеется именно политическое самоопределение, т.е. право на отделение, на образование самостоятельного национального государства (ПСС, т. 24, с. 247—248).

«Полная свобода угнетенных народностей, т.е. признание не только культурного, но и политического самоопределения их...» (ПСС, т. 10, с. 343).

«...российская социал-демократия полностью признает право каждой нации на самоопределение, на решение своей судьбы, даже на отделение от России» (ПСС, т. 23, с. 58).

И приведем еще четкую, совершенно исключаящую двусмысленные толкования, дефиницию этого принципа в работе «О праве наций на самоопределение» (1914): **«...Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства (...) Неправильно было бы под правом на самоопределение понимать что-либо иное, кроме права на отдельное государственное существование».**

Этот принцип соответственно является краеугольным в партийной программе: **«Самоопределение наций» в програм-**

ме марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства» (там же).

В.И. Ленин рассматривал право на самоопределение в достаточно широком международном контексте. Польский вопрос, защита финнов от попыток урезать их самостоятельность и права царским правительством в 1910 году, поддержка национального движения в Ирландии, украинская самостоятельность. Освобождение Балкан («Балканы — балканским народам») он сразу назвал «новой главой всемирной истории». Активные выступления в защиту прав евреев, хотя их Ленин не признавал за национальность.

Кто же должен принимать решение по самоопределению?

«Право на самоопределение... означает решение вопроса именно не центральным парламентом, а парламентом, сеймом, референдумом отделяющегося меньшинства. Когда Норвегия отделялась (в 1905 г.) от Швеции, решала это одна Норвегия (которая вдвое меньше Швеции). (...). Право на самоопределение означает такой демократический строй, в котором бы не только вообще была демократия, но специально не могло бы быть недемократического решения вопроса об отделении. Пролетариат требует демократии, исключаящей насильственное удержание одной из наций в пределах государства» («О национальной программе РСДРП», 1918).

Для В.И. Ленина «право на самоопределение» не абстрактно, а является конкретным, действующим принципом подлинной демократии.

Но Ленин не был бы Лениным, если бы он «искусно диалектически» не соединял признание полного права на самоопределение с лозунгом интернационального единства классовой борьбы рабочих («пролетарский интернационализм»), их слияния в некую мифическую интернациональную общность. В этом, как и во многом другом, он все же остался верен традиции утопического социализма, хотя сам весьма презрительно отзывался именно об утопистах. Так, он неоднократно говорил о будущем отмирании государства, упорно отстаивал принцип демократического централизма в государственном строительстве (очевидно, именно такой централизм во всех сферах жизни в

последующем и лег в основу советского тоталитарного общества), после победы большевиков в 1917 году Ленин окончательно уверовал в скорое формирование «единой международной Советской республики» («всемирной Федеративной Советской Республики»), и поэтому уже тогда он открыто говорил: «...для интернационалиста вопрос о границах государств вопрос второстепенный, если не десятистепенный...» Г.Уэллис имел все основания назвать его «кремлевским мечтателем».

И тем не менее многие его работы кажутся адресованными сегодняшнему дню, нынешней российской хаотичной действительности. Достаточно только поменять фамилии. Пуришкевича на Жириновского, Кокوشкина (конституционный демократ. — А.Х.) на какого-нибудь Астафьева или Шахрая. Прочтем, например, вот такую фразу:

«А в общероссийской политике господствуют Пуришкевичи и Кокوشкины. Их идеи царят, их травля инородцев за «сепаратизм», за мысли об отделении проповедуется и ведется в Думе, в школах, в церквях, в казармах, в сотнях и тысячах газет. Вот этот, великорусский, яд национализма отравляет всю общероссийскую политическую атмосферу. Несчастье народа, который, поработав другие народы, укрепляет реакцию во всей России» («О праве наций на самоопределение», 1914).

Была Дума в начале века, и возродилась Государственная Дума в декабре прошлого года, аки феникс, из пепла вместе с двухглавым орлом. Кажется, возрождается и великодержавный душок национализма, против которого В.И.Ленин выступал беспощадно.

«Всякий шовинизм и национализм встретит себе беспощадного врага в с.-д. фракции (социал-демократической фракции IV Государственной думы. — А.Х.), будет ли это грубый зверский правительственный национализм, давящий и душащий Финляндию, Польшу, Украину, евреев и все народности, не принадлежащие к великорусской, — будет ли это лицемерно прикрытый, утонченный национализм либералов и кадетов, готовых толковать о великодержавных задачах России и о соглашении ее с другими державами ради грабежа чужих земель» («К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации», 1912).

Так же жестко (и, может быть, более) оценивал В.И.Ленин и своих сотоварищей по партии после 1917 года (разумеется, если они давали повод к этому):

«...поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста (...) У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому на смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, это — великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас и с ним надо бороться» (ПСС, т. 38, с. 184).

Все, кто с этим соприкасался, прекрасно знают, как вязнет, глохнет, губится любая живая инициатива с мест, от субъектов РФ в коридорах российской власти, при том, что количество чиновников, снующих по этим коридорам, все увеличивается. Но они сами глухи и уже, видимо, утратили способность ощущать живое биение пульса современности, слышать голос российских народов. И вот слово В.И.Ленина на этот счет:

«...Свобода выхода из союза, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкою, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке» («К вопросу о национальностях или об «автономизации», 1922).

Мои заметки, конечно же, не ставят своей целью дать оценку личности В.И.(Ульянова)Ленина и его принципов национальной политики и не претендуют на какую-нибудь полноту. Это задача специального исследования. Я хотел просто напомнить о политическом деятеле, нашем земляке, который в полной мере осознавал значение национального вопроса для народов Евразии в XX веке, был — наконец! — причастен к становлению чувашской государственности. Некоторые процессы, национальные движения и конфликты в СНГ, РФ могли бы, вероятно, развиваться иначе, если бы не были так поспешно забыты уроки Ленина. В частности, различие между «национализмом нации угнетающей и национализмом нации угнетенной, национализмом большой нации и национализмом маленькой нации» (Ср. ситуацию: русские/остальные народы; грузины/абхазы; азербайджанцы/армяне Нагорного Карабаха и др.).

Я отчетливо понимаю, что В.И.Ленин нынче не входит в круг модных и популярных философов. И все же мы вынуждены признать его **нашим настоящим**, которое еще так и не стало **безвозвратным прошлым**. Перечитывать его полезно.

1994

В СУМЕРКАХ ИМПЕРИИ

Бердяев Н.А. Судьба России. Очерки по психологии войны и национальности. Москва, 1918. — 256 с.

Книга Н.А.Бердяева (1874—1948), русского религиозного философа, представляющего направление христианского экзистенциализма (персонализма), на первый взгляд может показаться «старой» (в ней собраны статьи, философско-публицистические эссе, написанные в годы 1-й мировой войны и после нее до революции), но пророчества оригинального мыслителя как никогда актуальны в ситуации нынешнего российского безвременья. Мы переживаем «странную» войну, которая ведется на территории Чеченской Республики — Ичкерии и где гибнут как чеченцы, так и российские солдаты (хотя это и не мировая война). Мы осмыслием процесс развития разных национализмов, мы являемся свидетелями катаклизмов, происходящих повсеместно в мире, включая Европу. Паневропейские проблемы становятся предметом обсуждения и у народов, составляющих российский социум. Как будто бы мы хотим войти в Европу, но есть и настороженность самой Европы по отношению к неизжитым амбициям русского империализма. Мы видим действие каких-то темных стихий, активно проявляющихся в российском постсоветском пространстве.

Н.А.Бердяев писал: «И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально замкнутой жизни России. (...) Сильный космический ветер колеблет все страны, народы и культуры» (С. 126).

Философ писал о преодолении «социально-политического провинциализма», в котором видел «укрывание от сложности через ограниченность» (С. 145). Разве не этим больны сегодняшние политики, предлагающие самые примитивные рецепты решения сложных социально-экономических проблем? Н.А.Бердяев, хотя и отдал в свое время дань так называемому легальному марксизму, считал, что это социальное учение, как и другие, «были лишены того сознания, что человек — космическое существо, а не обыватель поверхностной общности на поверхности земли, что он находится в общении с миром глубины и с миром высоты» (С. 147). Нам не хватает подобного «космического мироощущения», т.е. новой политической философии, которая смогла бы стать реальной и творческой исторической мыслью. Нам не хватает для этого зрелости, «дисциплины воли личной и общественной, внутренней духовной работы» (С. 229).

Отсюда, возможно, проистекают наши упрощенные представления о задачах национально-государственного строительства, о демократии, о национальном сознании и национализме, об «инстинктах славы народов и государств», о Западной Европе и, наконец, о мире в целом.

Между тем, только задавая самим себе *иной* (курсив мой. — Авт.) уровень, ставя бытие чувашского народа в перспективу общей истории (понимая его как субъект истории), можно было бы повторить вслед за Бердяевым: «Зрелое национальное сознание есть также сознание всемирно историческое. Голый и непросветленный эгоизм национализма или империализма не есть оправдание и на нем не может создаться духовное бытие народов» (С. 127). И в другом месте: «У нас не было здорового национального сознания и национального чувства, всегда был какой-то надрыв (...) необходимо внутри нашего национального самосознания произвести расчленения и очищения. Национализм утверждает духовно-биологическую основу индивидуально-исторического бытия народов, вне которой невозможно выполнение никаких миссий. Народ должен быть, должен хранить свой образ, должен развивать свою энергию, должен иметь возможность творить свои ценности» (С. 107).

Говоря сейчас о проектах программ национального возрождения, о перспективах национальной политики для рос-

сийского полиэтнического состояния, мы не можем пройти мимо русской философской мысли конца XIX-го—начала XX-го века, мимо важных рассуждений Н.А.Бердяева о «душе России», о власти пространств над русской душой («русская душа ушиблена ширию» — с. 63), о характерном именно для России трагическом столкновении культуры с «темной, в дурном смысле иррациональной, непросветленной... стихией», о противоречии между «мистикой духа» и «животной теплотой национальной плоти», о полемике «западников» и «славянофилов» в общественной мысли и т.д. Эти темы и сейчас стоят в повестке дня, хотя сейчас, возможно, мы используем другие термины и несколько иные методологические подходы, тем более, что наш автор под все подводит религиозную почву (ср. «Русский народ в массе своей ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный запал личности...» — с. 11).

От психологии русского народа, которой недостает «оформляющего и светоносящего логоса», Н.А.Бердяев переходит к рассмотрению проблемы национальности вообще с точки зрения антиномии «Восток/Запад». Наиболее важны в этом аспекте эссе «Национальность и человечество», «Национализм и мессианиззм», «Национализм и империализм», «Конец Европы», «Движение и неподвижность в жизни народов». Он обосновывает здесь понятие «творческого национального пути», которое противостоит как ложному, отщепенскому национализму, так и пустому интернационализму (С. 101).

Н.А.Бердяев писал свои статьи и эссе в свете событий 1-й мировой войны, когда рушились старые перегородки и барьеры, отделявшие народы друг от друга, иными словами, делалась новая политическая карта мира. Но этот передел мира естественно вызвал к жизни новые проблемы как перед государствами, так и перед народами. Распад Советского Союза и сообщества стран социалистического лагеря, полоса межнациональных и отчасти межрелигиозных конфликтов (Босния) в постсоветском измерении словно воспроизводят геополитическую ситуацию начала XX-го века. Напомним, что и 1-ая мировая война началась после рокового выстрела студента Г. Принципа в Сараево. И потому, когда Н.А.Бердяев

дает такую формулу исторического вызова для своего времени: «Перед Европой и перед Россией будут поставлены с небывалой остротой и конкретностью не только внешние, но и внутренние духовные вопросы о Турции и панславизме, о Палестине, об Египте, об Индии и буддизме, о Китае и панмонголизме» (С. 133), мы можем с полной уверенностью сказать, что все это вопросы и нашего времени, конца XX-го века.

К этому можно добавить, что и сами российские народы ведут свою тяжбу о России, отстаивая свое право на самоопределение, вырабатывая на собственном опыте схему подлинно федерального государства. Этот путь требует определенного мужества и чувства ответственности у общественных и политических деятелей, которые, к сожалению, всегда были в дефиците, особенно у чиновников федерального уровня. И для этого нужно жить с осознанным чувством свободы. Отметим, что в «Судьбе России» два понятия являются ключевыми. Это «свобода» и «творчество», без которых невозможно участие личности в созидании «истории, как конкретной метафизической реальности и ценности» (С. 45).

Это по-новому ставит вопрос о демократии, которая рассматривается чисто количественно, а не качественно, притязания довлеют над ответственностью, «уравнительная механика масс» преобладает над творческим духом. Нынешняя кампания по выборам в Государственную Думу РФ наглядно иллюстрирует подобное прямолинейное и упрощенное понимание демократии. Распространилось мнение, что политика — это очень простое дело, что здесь не требуется принципов. Бердяев и здесь дает точный и исчерпывающий ответ (как будто это сказано сегодня): «...нынешний исторический день в России выдвигает в политике на первый план задачи управления, организации ответственной власти, а не задачи чисто законодательного творчества и реформ (...) России более всего недостает людей с дарованием власти...»

...Смутное время, которое мы переживаем, заставляет перечитывать «старые» книги, они очищают сознание от «ложных и лживых, пустых и выветрившихся слов, формул и понятий», которые мы видим в газетах, слышим из уст кандидатов в депутаты. Уроки Бердяева полезны и в том отношении, что позволяют настроить органы чувств на вос-

приятие «напряженных национальных энергий, действующих в XIX-м и XX-м вв. наряду с энергиями космополитическими, социалистическими, гуманитарно-пацифистскими» (С. 119).

Чтобы устоять на этом «космическом ветру», нужны стойкость духа и моральный закал, нужно пройти через духовное и национальное возрождение, и все это требует внутренней «черновой» работы по самовоспитанию личности и народа.

1995

«ЧТО ПРОИЗВОДЯТ ГЛАЗА...»*

Страстная неделя в ожидании Пасхи на берегах *Атӑла* (Волги) по православному календарю будет отмечаться в воскресенье 30 апреля. Все же в эту трудную для христиан пору в Шубашкаре, столице Чувашской Республики, ощущается присутствие какого-то Света. «Куссем — суратчӑр, пачӑр вӑсем (ан илчӑр) Сутӑ (сакӑ тӑнчемӑршӑн)...» Произошло то, о чем мы не могли мечтать 3—4 года тому назад. Чувашский государственный художественный музей по инициативе Координационного центра творческой молодежи организовал экспозицию уникальной выставки Антуана Витеза. На ней представлены графика, искусство театральной режиссуры, поэтическое творчество выдающегося французского режиссера и деятеля современной культуры.

Как и почему получилась эта выставка на земле одного из древнейших тюркских народов, ведущего свое происхождение от болгар и корни которого восходят к европейским гуннам? Чуваши — один из немногих тюркских народов, который частично исповедует христианское вероучение. В определенной степени в XIX веке христианство (не православие!) для чуваш открыло перспективу для европейской ориентации развития культуры и просвещения. И если когда-то гунны стояли со своим войском у стен Парижа, то теперь — отраженным эхом через века — выставка А.Витеза открыта для взоров их потомков.

Для реализации этого проекта имелась и еще одна весьма веская причина. Дело в том, что А.Витез является

---

* que les yeux produisent — et non pas reçoivent — la lumière.

другом и братом, как сказал Мэтр в своем обращении к чувашской публике, чувашского поэта Геннадия Айги. Во время вечера-встречи, состоявшегося 27 апреля, Г.Айги передал звуковое приветствие Антуана Витеза, не смогшего быть на открытии, прозвучали его стихи на французском, чувашском и русском языках, звучала французская музыка. Г.Айги прочитал свои стихи, посвященные А.Витезу и другим деятелям французской культуры.

Экспозиция выставки получилась строгой и выдержанной в минималистском стиле, столь характерном для творчества А.Витеза. В центре выставки возвышается инсталляция из труб люминесцентного освещения — имитация Эйфелевой башни, это работа чувашского авангардиста Олега Романова, своего рода посвящение Мэтру.

73-тысячным тиражом издан «Вариант», специальное издание КЦТМ со стихами А.Витеза, его рисунками и фотографиями из сцен его спектаклей.

...На улицах Шубашкара, среди пыли и грязи этой провинциальной столицы, столь типичных и для других городов тюркско-финно-угорского Урало-Поволжья, яркими пятнами французского триколора на французском и русском языках виднеются афиши: «Антуан Витез. Театр. Поэзия. Графика. Фотография».

В год 200-летия Великой Французской революции наведен еще один мост: Франция — Чăваш Ен. Открываются границы, и даже национальные окраины постимперского российского пространства выходят на прямой контакт с Европой. Чувашская публика, которая присутствовала на вечере 27 апреля, высказала пожелание:

«Мы с огромным нетерпением ждем Вашего приезда на чувашскую землю. Мы даже лелеем мечту о спектакле в Вашей постановке на сцене нашего национального театра, Ждем Вас, Мэтр!»

1989

P.S. К сожалению, этим мечтам не было суждено осуществиться, ибо через год после чебоксарской выставки А.Витез покинул нас.

P.P.S. Пять лет спустя.

С Антуаном Витезом вошел в мою жизнь — и, надеюсь, в жизнь моих друзей — и н о й мир. Делая ту выставку, мы пережили ее внутри себя как некое важное событие. От него как бы исходило «сиянье театра», который в его же понимании скорее «дом молитвы», нежели «некий смутьян, возмутитель спокойствия».

В мимолетных встречах с ним (в присутствии Айги, в атмосфере того застойного времени) нельзя было не почувствовать в нем самом в ы с о к у ю отрешенность искусства в самых его разных проявлениях: театр, поэзия, рисунок, дружеское общение (и дружба, как известно это высокое искусство, как и, впрочем, сама жизнь) «— ainsi l'écriture, continue, compagne de la vie, plus profonde, sombre, comme la voix de l'homme dans la nuit» («La tragedie c'est l'histoire des larmes»).

...Осталось 15 рисунков, маленькие бумажные прямоугольники с хрупкими и точными линиями пера — словно открывающиеся форточки в иное пространство («Огнь», Белизна»). Храня тепло прикосновения его Руки, они остались навечно, как осколки рунической надписи на полях жизни, времени, театра и — увы! — уже истории.

И этот внимательный, обволакивающий тебя светом взгляд Мэтра. Эти глаза — воистину — никогда не умрут, как он сам завещал: «Вилмёс куşamсем тесе эп сахал мар шухайш-ланă... Ёмёрлехшён ялтăрёс ман куşamсем — вёсё-хёррисёр»// «...j'ai pensé que mes yeux ne mourront pas ... ils continueront à briller pour l'éternité».

1994

ПРОКУРАТОР ЯЗЫКА

...Есть маленький городок Лана в Северной Италии, там, где речка Вальсура впадает в реку Адидже. Рядом город Больцано, впрочем, не так далеко Венеция и Милан. Лана находится на земле Южного Тироля, который имеет определенную культурную автономию. Это итало-австрийское пограничье. Летом 90-го года именно в Лане прошли Дни чувашской культуры, посвященные 100-летию со дня рождения классика чувашской поэзии Кесъентина Иванова. В Лане и Вене вот уже пять лет действует Академия языка, которая обсуждает и анализирует проблемы общей философии языка, языка искусства и поэзии, организует акции по международному культурному обмену, занимается герменевтикой (истолкованием существенных, относительно приоритетов культуры, текстов). Академия имеет собственное издательство «edition per procura» и выпускает журнал «Der Prokurist». Именно эта Академия языка (Вена — Лана) инициировала издание 2-томника избранных сочинений Геннадия Айги, о котором пойдет речь*.

1-ый Том (объемом 300 с.) уже вышел в свет. Именно с ним сам автор, переводчик Феликс Филипп Ингольд и издатель Освальд Эггер участвовали в крупнейшей международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне в первой декаде октября.

Мне приходилось видеть и держать в руках много изданий Айги на самых разных языках, в том числе и немецко-

---

* Gennadij Ajgi. Ausgewählte Werke. Band I: Mit Gesang: zur Vollendung. Gedichte. 1995; Band II: Blätter in den Wind. Gespräche, Reden, Essays. 1998. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. edition per procura. Wien-Lana.

язычные. Эта Книга — нечто особое. Хотя поэтическое Слово Айги уже достаточно давно существует в пространстве немецкого языка (а особенно активно проявляется в последние 3—4 года), настоящая книга под названием «С ПЕНИЕМ: К ЗАВЕРШЕНИЮ» впервые представляет по-немецки все стадии творчества нашего поэта и дает наиболее цельный образ «поэтического космоса Айги, во всех его прорывах, от интимных до восходящих к небесам, которые тем не менее не упраздняют землю, поля, деревья и воды...» (Эльзбет Вольфхайм, «Нейе Цюрхер Цайтунг»).

Книга «С ПЕНИЕМ...», как произведение полиграфического искусства, поражает тем (впрочем, это закономерно, если учитывать метафизическую доминанту метапоэтики Айги), что издателю удалось достигнуть почти абсолютной белизны в художественном оформлении: белый переплет с кантом, чистейшая и девственная беленая бумага, нарушенная лишь четырьмя минималистскими рисунками Игоря Вулоха (к стихотворению «Двенадцать параллелей к Игорю Вулоху») и двумя рисунками самого поэта («Автопортрет» и линейный портрет Сна), обрамляющими программный текст «ПОЭЗИЯ — КАК — МОЛЧАНИЕ». Естественно, что и сами стихотворные строчки, даже если их воспринимать как «иероглифы бога», а слово «здесь» — как иероглиф жизни, они посягают на эту девственность-белизну. Но слова с избытком окружены провалами пустых пространств или, по выражению самого поэта:

(...) там —
убежища облаков,
и перегородки
снов бога,
и наша тишина, нарушенная
нами (...)

(«ТИШИНА»).

Открывают книгу 54 фрагмента, разрозненные записки к теме, «ПОЭЗИЯ-КАК-МОЛЧАНИЕ» (1992). Поэт не любит многоговорения («hat jemand gesagt» — «кто-то уже сказал»), умножения **вещей**, их каталогизации. Запись 13: «Есть у меня и строки, состоящие только из **двоеточия**. Это — «не-мое» молчание. «Тишина самого Мира» (по возможности, «абсолютная»)). Так сейчас Айги формулирует свою цель, свое

неприятие болтливости поэзии, и хотя восхождение к Абсолюту неимоверно трудно и чревато... но поэтическая диалектика, очевидно, заключается в том, что «— и молчание, и тишину можно **творить**: лишь — Словом».

Раздел «Чувашиана» знакомит немецкого читателя с наиболее архаичной частью «Чувашской Антологии» (составитель Г.Айги) Это молитвословия, ритуальные тексты, народные песни и изречения, которые позволяют уяснить, что представлял из себя сакральный (мифологический) Универсум согласно канонам старой чувашской веры. Сюда же примыкает небольшое собрание поэтических вариаций Г.Айги на темы чувашских и татарских народных песен под названием «ПОКЛОН — ПЕНИЮ», посвященное им дочери Веронике.

Две трети книги составляет основной корпус стихотворений (плюс небольшая поэма «ПОСЛЕДНИЙ ОТЪЕЗД (Валленберг в Будапеште: 1988)». Причем тексты расположены в обратной временной перспективе (1992/1954), сначала стихотворения последних лет, а самые ранние — в конце, что по мнению издателей дает читателю возможность проделать в некоем роде работу археолога: от современного идиолекта (нынешнего поэтического самовыражения) Айги, снимая последовательно временные слои, докопаться до самых истоков. Свои же «истоки» Айги в 50-х определял как «н а ч а л а п о л я н», иногда как «игру дочеловеческих начал», а свое внутреннее состояние: «...мне остается познать тоски». (Из)начальный период становления Айги Хунади, поэта — Того самого, может быть определен и как «о т м е ч е н н а я зима».

Переводчику Ф.Ф.Ингольду, очевидно, **было**, а немецкому читателю **будет** нелегко пройти этот поэтический маршрут, ибо Айги вот уже около 40 лет видоизменяет синтаксис, орфографию, вообще, грамматику и семантику русского языка, приспособлявая его для выражения незримых «духовных сил». Эти его повторы, возвращения к прежним состояниям, окликания «инога», со-творение пространств выявления и поддерживания родства между людьми, вопрошание Полян, Леса, Поля, Дерев — божих творений («Видимый Светится: сквозь острова // белого: в поле: все более белого» — «ПОЛЕ: ЦВЕТЕТ ЖАСМИН»).

Чтение Айги требует особых душевных усилий (как это хорошо известно нам по собственному опыту). Может быть, ощущать и постигать Айги легче на немецком, потому что *deutsche Sprache* прошел через кузницу классической философии, в нем откованы термины подлинной метафизики, в конце концов это язык Гегеля, Канта, Фихте. Немецкий философский язык от гелертерского начетничества возвысил до поэзии (поэтизировал) гениальный Ницше. Проблема языка — это самое главное в учении Мартина Хайдеггера, который также считал, что только поэт проникает в глубину языка и способен приоткрыть завесу его сущности, заставить сам язык заговорить («Поэзия есть изначальное называние бытия»).

Будем надеяться, что поэтическое Слово Айги упало на уже подготовленную и благодатную немецкую почву, тем более, что до сих пор с сожалением приходится констатировать, как в родном отечестве среди русскоязычных коллег и филологов его творчество не находит адекватного понимания. В то же время поэзия Айги естественно входит в контекст общеевропейской культуры и словесности. Не хотелось бы думать, что это является еще одним лишним доказательством российской «особости» (и добавим «диковатости»).

Во 2-м Томе Избранных сочинений предполагается публикация статей и эссе поэта о литературе, о поэтах, служивших ему духовной опорой в трудные времена, размышления о существовании и назначении поэта в этом беспокойном мире, о функции поэзии как особом виде «священнодействия» и др.

— Нет не взорвется ничто я спокойствием буду задушен:
боже какой это Бог мой спокойный
так на виду затихать! —

(С ПЕНИЕМ: К ЗАВЕРШЕНИЮ).

1995

**«ТЮРКСКОЕ ЕДИНСТВО — ЭТО НАШЕ ДЕЙСТВИЕ
СЕГОДНЯ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО...»**

(Потомки Волчицы и цивилизационный процесс)

В наших местностях волк —
самый сильный, самый красивый,
самый гордый и смелый зверь.

Федор Павлов,
композитор, «Прекрасное» (1923).

Чем ближе конец XX-го века и начало нового третьего тысячелетия нашей эры, тем пристальнее мы пытаемся осмыслить самих себя и наше место, которое мы занимаем в этом прекрасном и яростном мире, говоря словами русского писателя Андрея Платонова, или то место, на которое мы, чувашаи, можем претендовать в современном геополитическом пространстве, пользуясь жаргоном политологов.

Процесс осмысления начинается с определения некой исходной вехи (исторической даты), как начала становления национального самосознания, чувства родства (*тăванлăх*) с другими народами и общности культурной и языковой традиции. Чувашская история не начинается с 1917 г. Или с 1551 г. (колонизация Чувашского края Россией). В прошлом году мы отметили 1100-летие булгаро-чувашской государственности и 75-летие Чувашской советской автономии. Тем самым мы установили две важные точки отсчета национально-государственного строительства. Но даже ими не исчерпывается наша история. В большом Историческом Времени мы, как часть большого тюркского мира, не можем не соотносить себя с началом истории древних тюрков (тюркютов).

В феврале мне довелось принять участие в юбилейной научно-практической конференции, посвященной 1450-летию первого Тюркского Каганата. Идея проведения конференции была инициирована суверенными республиками сибирских тюрков — республиками Алтай и Тыва, Саха (Якутия), а также активно поддержана нашими соседями по Урало-Поволжью — Татарстаном и Башкортостаном. Сама конференция, в работе которой принимали участие как официальные делегации тюркских республик, так и ведущие тюркологи Москвы и С.-Петербурга, проходила в Российской Академии государственной службы при Президенте РФ. Основные хлопоты по ее организации взяло на себя Министерство по делам национальностей и региональной политике РФ.

В народной традиции чуваш, как и у других народов, вышедших из центрально-азиатского «котла» в эпоху великого переселения народов первых веков н.э., имеет особое значение культ предков, хотя сама практика составления письменных родословий, очевидно, была утрачена. Но те, кто серьезно занимается исследованием чувашско-булгаро-оногурского этно-глотно- и топогенеза, выводят наш родной язык из его тюркского корня и могут только с усмешкой воспринять поиск «славных» мифических предков на стороне. К сожалению, дилетантизм живуч и ползуч, он способен дурить головы многим, а на деле означает нежелание скрупулезно изучать источники, развитие культурной традиции и лингвистические свидетельства (надо потрудиться, чтобы изучить языки).

Есть достоверный миф о родоначалии древних тюрков. Наш выдающийся китаевед Никита Бичурин (о. Иакинф) в своем знаменитом «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851) извлекает его из китайских исторических сочинений Чжоушу и Суйшу в таком виде: «Предки тукюйского Дома обитали от западного моря на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина. В последствии сей род был разбит одним соседним владетелем и совершенно истреблен. Остался один десятилетний мальчик. Ратники, видя его малолетство, пожалели убить его: почему, отрубив у него руки и ноги, бросили его в травянистое озеро. Волчица стала

кормить его мясом. Владелец, услышав, что мальчик еще жив, вторично послал людей убить его. Посланные, увидя мальчика подле волчицы, хотели и ее убить. В это время, по китайским сказаниям, волчица эта появилась в стране на восток от западного моря, в горах лежащих от Гао-чан на северо-запад (центр Алтайских гор). В горах находится пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густой травой на несколько сот ли окружностью. Со всех четырех сторон пещеры лежат горы. Здесь укрылась волчица и родила десять сыновей, которые, пришед в возраст, переженились и все имели детей. Впоследствии каждый из них составил особливый род. В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головою — в воспоминание своего происхождения. Род его мало по малу размножился до нескольких сот семейств».

Так было обозначено начало формирования древнетюркской народности — алтайских тюрков — *тукю* (*тюркютов*) — и имело оно место в самом центре Алтайских гор и, действительно, свершилось в 545—546 гг. Здесь же обозначена связь с западными гуннами — «мистически, через посредство волчицы», как это отмечает широко известный ныне этнолог Л.Гумилев. А непосредственные предки чувашского этноса, как мы хорошо знаем, *оногуры-булгары* появились на исторической европейской арене после распада Империи гуннов, во главе которой стоял великий Аттила, «бич Божий» называли его в страхе римские легионеры.

Итак, мы берем свое историческое начало от Волка. Любопытной параллелью к этому является текст поэта-классика Кесьтентина Иванова, творческой личности, которой в самый расцвет весны Чувашского Возрождения, начавшегося во второй половине XIX столетия, было суждено наиболее полно и открыто выразить национальное художественное самосознание. Он писал: «Пращуром нашего рода был Волк. Он был некрещеным чувашом. От него осталось двое сыновей: один — Волк Иван (Кашкър Иванё), другой — Волк Кузьма (Кашкър Куҫми). Происходящих из рода Ивана называют «потомками Пърты» («Пъртта ачипчи»). (...) Моими прямыми предками по отцовской линии были: от Волка — Волк Иван, от Волка Ивана — Симун, от Симуна

— писарь Николай, от писаря Николая — богатей Вазинька, от Вазиньки — я, Кесьтюк» (1906г.).

В 545—546 гг. происходит обмен дипломатическими посольствами между империей китайцев Западной Вей и тюркютами, во главе которых стоял тогда Бумын-Каган. Собственно говоря, это было первым фактом международного признания новой этнической и государственной общности, появившейся в Центральной Азии. «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник от великой державы: скоро и наше государство возвысится» (Н.Бичурин, «Собрание сведений...»). После ряда событий, а именно — активных военных действий тюрков во имя обретения самостоятельной государственности (правда, здесь речь идет о государственности особого типа — степной империи), к 554 году формируется мощный военный и экономический потенциал тюркского государства. Военный строй и племенной строй в этом государстве соединяются в одну социально-политическую структуру. То есть это уже не был простой союз племен или хищная орда. На древнетюркском такая государственная структура называлась «эль», что соответствует латинскому «*imregium*» или славянскому «держава» (Л.Гумилев). «Вечный Эль», — говорили сами тюрки. После западного похода Истеми-Кагана, младшего брата Бумына, который вывел тюркютов к Волге, и дальнейших успешных военных и дипломатических инициатив, которые позволили соединить степь и Согдиану, Эль тюрков вплотную приблизился к границам Византийской империи около Боспора. Конец VI в. стал периодом расцвета и могущества Тюркской державы, простиравшейся от Желтого моря до Черного и вобравшей в себя всю Среднюю Азию.

Таким образом, *тюрки (тюркюты)* первого Каганата (546—658 гг.), *к'юк-тюрк* (голубые тюрки) второго Каганата (678—747 гг.), а также *уйгуры* (747—847 гг.) сумели вписаться в мировое цивилизованное пространство того времени, то есть в систему государств и, соответственно, культур Китая, Ирана, Византии и Индии. Степная тюркская культура имела, безусловно, свои древние традиции и глубокие корни (включая религию тенгрианства). Образование первого Тюркского Каганата, связавшего дальневосточную и средиземноморскую цивилизации, прежде изолированные друг от друга,

стало основой пан-евразийского симбиоза, и тюркам из рода Ашина (Волка) здесь принадлежала ведущая роль.

Исходя из этого исторического, этнокультурного и языкового наследия как восточных, так и западных тюрков, нынешнее стремление тюркских народов к укреплению и развитию тюркского единства вполне естественно и закономерно. Система тюркского единства и солидарности вовсе не несет какую-то угрозу, а наоборот, является важным фактором стабильности в современном мире, для чувашей же она открывает весьма интересные международные перспективы. И поэтому сейчас, вслед за надписью Кюльтегина (732 г.), которая содержит изложение ранней истории тюрков, мы можем только повторить: «Когда было сотворено вверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-Каган и Истеми-Каган (...) Тэнгри тюрков и священная Земля-Вода (*Сёр-Шыв*) тюрков так сказали: «Да не погибнет народ тюркский, народом пусть останется».

1996

МЕТЕОРЫ МАРИНЫ^{а,б}

Марина Карягина. Хум пашалтатӑвӗ (Шепот волн).
Художникӗ Н.Мордяков. Шупашкар: П-п «Пӑл-
хар», 1995; Хам тӗллӗн саспа тата сассӑр калаҫни
(Разговор с самой собой голосом и без голоса)//
«Тантӑш», 1996, 8№ (от 16 февраля).

Голос Марины Карягиной был слышен в чувашской поэзии последние 5—6 лет. Шел поиск чистого звука и собственных слов и, похоже, что она нашла их. Ее голос различим в невнятном бормотаньи чувашской поэзии сегодняшнего дня.

У Марины — свой язык. Пока этот **новый язык любви** называется «шепотом волны». Что ж можно и так. Нам приходится доверяться, верить тому мифу, который сам поэт творит о себе. Но с другой стороны, не следует излишне очаровываться и верить на слово. Марина хочет предстать русалкой (*вутӑш*), ворожеей (*асамҫӑ*), чаровницей и это ее естественное право. Мое право, как критика, усомниться. В том числе и в ее чарах.

Миф Марины прост и исходит из прозрачной этимологии ее личного имени.

Имя мне — пенорожденная
В блеске воды.
Друг мой, слово мое (к тебе) —
Шепот волны.

(подстрочный перевод).

Поэтесса последовательно выстраивает этот «морской миф» и написала в подтверждение несколько концептуаль-

ных вещей с морским антуражем (из циклов «Гинёспи», «Шепот волн»). Но в этом мифе самообманывается, самообольщается и сама Марина, поддаваясь напору стихии («в этот вечер меня обманула природа») и вводя в заблуждение доверчивых критиков (Юрий Яковлев уже провел «морские» параллели между знаменитым сеспелевским «Морю» и, следуя той же поверхностной логике сопоставления, тексты нашей Марины столкнул с цветаевскими. См. «Хыпар» от 8 февраля 1996 г. Я думаю, что это по меньшей мере некорректно, прежде всего, по отношению к автору пока еще первой книги стихов. Марина Цветаева — уже в истории как русской, так и мировой поэзии, хотя и в современности тоже. Ее судьба, как личная, так и поэтическая уже свершилась. Наша чувашская Марина находится лишь в некоем смутном предощущении своей участи).

Море — это только одна грань лирического «я», одна из многих стихий, которые мы встречаем в стихах Марины Карягиной. Но ее атмосфера это не погода на земле в то или иное время суток. Она не описывает состояния природы, не малюет лирических пейзажей. Марина находится **«по ту сторону горизонта ... там другая погода»**. Она четко и скрупулезно фиксирует состояния своей души, ее взлеты и падения, свои внутренние состояния. Ее лирическое «я» часто обливается слезами. Это могут быть сладкие слезы по несбывшемуся («он» не пришел), слезы истомы и страстного томления, глупые слезы после безумных ласк (*«алхасӑп сӳсӳне»*), или плач навзрыд в объятиях вечера. Фоном этим томительным «перебоям чувств» — от умирания любви до рождения новой — выступают всякие атмосферные явления. Струи дождя (Маринина страсть к дождю), снегопад, осенний промозглый туман, сверканье молнии, раскаты грома и т.д.

Неистовство стихий, среди которых явно преобладает метафизическая категория «влажных испарений и осадков», и есть животворящий исток поэзии М.Карягиной. Ее *libido* самовыражается таким образом. В то же время речь не идет о стихиях внешнего мира, а о **проявлениях** чистой лирики. Как писала та же Марина Цветаева: «Чистая лирика живет чувствами. Чувства — всегда одни. Чувства не имеют развития. Они непоследовательны. Они даны нам сразу все... Чувству не нужен повод, оно само повод для всего».

Марина упорно остается в пределах «влажного состояния» (Ср. Сеспель — поэт Огня, демиург). Почему? Она инстинктивно избегает огня («в твоих глазах — костер, в моих — только жалость и боль»), уклоняется от сильного света, предпочитая сумерки. Она не хочет ступать на твердую почву («умру ли я, не прахом земным буду, а частью моря»). Небо, воздух, разряженное состояние эфира это не для Марины.

Душа ее мечется. Одинокая в лесной чаще («*пурна́с — сём вярман*»), в затемненной комнате. Если исходить из того, что **метеор** по более привычному нам определению есть «падающая звезда, которая раскаляется от трения о земную атмосферу»; то, может быть, какой-то потаенный огонь сжигает ее изнутри и она желает затушить этот пожар сердца влагой?

Тоска, одиночество, горечь прошедшего дня, «лживая холодная улыбка моя», «светлая грусть, как тайное ожидание миром чего-то», обман снов и жизни самой, призрачный град Питер — «колдовской угол ... замороженный город» (цикл «Питерские мелодии») и самое главное то, что лирическое «я» постоянно колеблется между состояниями любви/не-любви (иногда: «любить тебя — как грех прощенный». Значит есть и осознание греховности.) — таков двоящийся мир Марины. В нем есть своя мечта по месту и времени, где и когда расцветают розы и идут «голубые дожди». Есть «надежда уберечь девичью честь» и «желание жить как ангел пречистый». Все это такая сложная и простая одновременно жизнь.

Еще одна любимая стихия — ветер. Ветер вездесущ и пронизывает лирическое пространство ее поэзии. Крутит ветер, песня белого снега манит Марину. Редкие мгновенья успокоения чувств, тишины. Лирическое «я» как бы и хочет отрешиться от этой муки: «Я не вижу, не слышу, немая...» Как слепая, наощупь она ищет чистый звук, или слышит его внутри себя, посреди тишины.

Морской миф не спасет нашу Марину. Как и любой другой миф он требует подчинения ритуалу и правилам. Миф оказывается порой и губительным, он ведет к не-свободе. (Вспомним разрушение легенды о Сарби, «солнечной девушке»). Поэт обязан вопрошать, пробуждать, быть мятежником. Это устремление к свободе («быть ничьей») присуще Марине. Мой совет ей, не слишком настаивать на мифе о

Тинёспи. Море не покинет тебя, ты еще посетишь те острова, где звучат новые песни. (Способность услышать новое звучание Слова, ухватить его на изломе, при переносе части слова из одной строки в другую — своеобразный анжамбеман — мы видим в подборке, опубликованной в «Тантáш»`е. Эти стихотворения как сгустки, вспышки света. В них Марина почти отказывается от «влажного», ломает синтаксис и как будто обретает совсем иной настрой души).

1996

Примечания:

^a «Метеор» — греч. (metéōros надземный, воздушный) — 1) всякое атмосферное явление: буря, молния, «падающая звезда», северное сияние, осадки, облачность и т.д.» // Словарь иностранных слов. М., ОГИЗ, 1933.

^б «Марина» (лат. *marina* «морская» — эпитет Афродиты). Производные: Маринка; Маринуша; Мариша; Маша; Марися; Маря (Мара); Маруся; Муся; Ина и др. //Словарь русских личных имен. М., 1995.

«...СИЯНИЕ — СКВОЗЬ ЛИЦО»

Геннадий Айги. Тетрадь Вероники. Москва.

Издательство «Гилея», 1997.

Эту книгу поэт назвал самой счастливой книгой всей своей творческой жизни. Она посвящена первому полугодью жизни дочери и «стихи... в основном сочинены в часы непосредственных общений... во время прогулок с ней, укачивания в коляске и проч.»

Что такое непосредственное общение, когда есть только «о затихание — после шепота взгляда и слуха —», белизна, «звучанье — пред-слова!.. — улыбка», «затихшее пред-зренье», девочка-флейта, когда «тишина... ..чиста и свободна как некое поле»? Сам Айги это определяет как «замедленное смотренье» (уподобляя его «облаку благоговения») и «самоузнавание». Это «тайное спокойствие», спокойствие гласного «а».

В предисловии поэт пишет о необходимости духовно-религиозного уровня уважения к детям. Это трепетное чувство пронизывает почти все миниатюры книги. Есть Вероника — «о тихий мой бог». Чувство отцовства Айги — «свято-болящее».

В первые дни, недели, месяцы происходит в ребенке что-то очень важное, существенное. Мы привыкли говорить, что ребенок входит в мир. У Айги выясняется другое отношение: в тишине возрастает в ребенке мир. Дитя вопрошает мир и мир, в свою очередь, вопрошает дитя («мир — как ответный безмолвный вопрос!»). Более того, весь Мир как «единая — неведомая нам — Колыбельная». И потому в стихотворениях «Тетради Вероники» мы ощущаем дыхание стихий мира: ветер, облако, огонь, сияние, воздух, стру-

ящийся в вершинах деревьев, солнце, ветер-и-свет, розы, флоксы. Они осторожно обвевают младенца, «как божье дитя». Эти тонкие и чистые, бесплотные стихии, которые ведут свою незримую работу, образуя «облики-круги любимых-и-любящих». И отец внутри этого светового круга. Круг, чувство-круженье, «кругом мне кружится», перво-круг неведомый, круг бедно-щедрейшего детства, игра-кружение и др. Круг — это основной образ этой **особой** книги. Потому что круг — это солнце. Солнце один из верховных богов (*хйват*) чувашского универсума, но и в общей топологии поэзии Г.Айги солнце выступает как существенный элемент. Природосообразность — это та актуальная точка соприкосновения чувашской веры и метапоэтики Г.Айги. Как он сам писал в другом месте: «Не частотность «высоких слов», а **ориентация** на человека в его сопряженности с природой, — с ее неотменимой **чудесностью**». Что касается солнечной теогонии, то вспомним и дефиницию Василия Розанова из «Апокалипсиса нашего времени»: «Попробуйте распять солнце, И вы увидите — который Бог».

«о — ты мое»
я шепчу-как-кружу
«о — ты самое-самое»:

В «Тетради Вероники» очень много света и пения (Пение — Патерия, **а-а** колыбельное как проба напева, вариации на темы чувашских, татарской и марийской народных песен, песенка гласных, распевы без слов).

Есть мотив в мировой поэзии, который может быть определен как тоска по «вечно-женственному» (нем. *ewig Weibliches*). Отталкиваясь от этого мотива, пристально вглядываясь в Лицо своей дочери, Айги уходит к своим родовым корням. И это родовое начало («народ») сливается с «очень давно-материнским». У поэта есть своя «теория» о том, «что дети, начиная с первых недель жизни и приблизительно до трех лет, **переживают**, претерпевают, переносят в себе и на себе моменты, дни и недели их **сходства** и **сходств** с «сонмом» живых и «ушедших» родственников. Младенцы (вернее, какие-то «силы» в них) как бы мучительно ищут и — в конце концов — находят именно свой «постоянный», — на будущее, — облик».

По лицу дочери силы рода проводят «облако за облаком: все выражения исчезнувших лиц». Идет поиск облика. Ребенок не только «заброшен» в мир, и не только мир окутывает его своими светлыми стихиями. Безвинностью, чистой существа, принимая «страдания и боли единого рода» дитя проявляется в этой родовой общности, находит себя в ней.

спишь ли... — а бдительно — ширясь усиливаясь —обще-сияние:
мукой выковываясь
где же таится он — твой
свеже-и-перво-введенный
облик — среди многих других?

«Тетрадь Вероники» уже переведена на ряд европейских языков, отдельные стихотворения печатались на иврите, персидском и японском языках. В России печатается впервые, в полном объеме. Линеарные, пуантилистские и чистые до абсолюта белого и черного цвета рисунки Игоря Вулоха еще и еще раз акцентируют наш взгляд на тонких, до света проявленных стихиях, позволяют «видеть в ветре — оттенки ветра? -». Иногда это рисунки-окна, распахнутые в мир, где белизна.

войди — отметить:
мгновенье:
белым

1997

QUEM HONORIS CAUSA NOMINO*

Стал я в тень — у полога густого,
Где в ладонь казались толщиной
Листья дерева того святого,
Что возшло до неба надо мной.

Давид Кугультинов,
«В тени дерева бо».

...Уходит год Хузангая, год его 90-летия. Подходит к концу и XX-е столетие, что, естественным образом, наводит на всяческие размышления, подведения итогов в отношении чувашской словесности, искусства, культуры в целом. Думаешь иногда и о том, что означало звание «народного поэта» в чувашской поэзии (не формально присваиваемое, а народный поэт де-факто) и что это звание означает сейчас.

Сейчас — время сумерек («какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» — Б.Пастернак), время сумеречных состояний души. Как правило, в такое время происходит девальвация каких-то базовых ценностей, в их числе и звания «народный поэт».

Тем не менее в чувашской словесности, в национально-поэтическом сознании всегда оставались «поэты высшего разряда» (*сўлти ретри поэтсем*), к которым я смею отнести Кесьтентина Иванова (1890—1915), Сеспеля Мишши (1899—1922), Семена Эльгера (1894—1966), Мигулая Шелеби (1881—1945), Педэра Хузангая (1907—1970), Васьяля Митту (1908—1957). Может быть, Якку Ухсая (1911—1986), хотя я субъективно сомневаюсь в последнем.

---

* О ком я с уважением упоминаю... (лат.)

О ныне здравствующих народных поэтах Чувашии я бы предпочел пока умолчать, но в основном они, конечно, в ряд, обозначенный выше, не вписываются. *Aigu, как le poète maudit*, или же, *l'enfant terrible*, это тоже особая деконструкция. Впрочем, о нем я уже писал много по самым разным поводам.

Есть один текст-выступление народного поэта Республики Калмыкия — Хальмг Тангч Давида Кугультинова — на литературно-художественном вечере, посвященном 80-летию народного поэта Чувашии Педэра Хузангая (ЦДЛ им. А.А.Фадеева, 25 марта 1987 г.), который хорошо раскрывает, что значит быть «народным поэтом». Убежден, что он сохраняет свое значение в этой части и в наши дни.

«...Сегодня Педэр Хузангай, он как никто имел бы право глядеть каждому в глаза честными глазами, не думая, надо ли ему перестраиваться или не надо перестраиваться. Потому что он был поэтом рожден, поэтом остался, пройдя через тюрьмы, через войну, через все, чтобы сохранить на высоте, на космической высоте Андрияна Николаева, великое имя поэта, народного поэта. (Аплодисменты)

Когда я говорил о том, что он прошел через тюрьмы, это не красное словцо. Он сидел в тюрьме, и потому что мы воспитаны были до этого, мы опускаем и этот момент из биографии поэта — не велено, не говорили, значит, и я не скажу? Но тот, кто хоть один день просидел в тюрьме, этот день унесет с собой в могилу, не забудет, унесет радостный, полагая, что этот тяжелый день никто-то другой, а он за него перестрадал.

Поэт должен страдать во имя идеала своего, поэт должен страдать во имя слова своего. И как сказал великий французский поэт Поль Элюар: «Пока существует на земле насильственная смерть, поэт первым должен принимать эту смерть». Таким был Педэр Хузангай.

Я познакомился с ним после возвращения из далеких краев, из норильских лагерей, попав туда, пройдя через Отечественную войну. И Педэр Хузангай словом своим, сочувствием своим, пониманием своим и своей какой-то виной будто бы передо мной, той виной, которая в строчках Твардовского «а все ж, а все ж, а все ж...», той виною он проник в мое сердце. Он говорил: «Давид, ты ведь отвоевал, как и я».

Я говорю: «Да, все, народ». — «Но ты просидел!» Я говорю: «Ты раньше меня сидел». — «Но ты остался верен». Я говорю: «И ты ни одного часа не изменял поэзии, не изменял своим ленинским идеалам, был кристально чист в помыслах своих, и потому тебя любят, и потому тебе верит народ». А веру можно заслужить только готовностью отдать себя, свою жизнь во имя слова. Как говорил когда-то Александр Блок, должно быть у каждого «во имя». И этим «во имя» всегда был народ, родивший поэта.

И я благодарю этот народ, родивший Педэра Хузангая, Иванову, Сеспеля, народ, который родил Андрияна Николаева и дивную танцовщицу Павлову, народ, который сегодня можно выставить какой-то иной планете, каким-то инопланетянам, что, вот какие люди живут на земле, познакомьтесь с этим народом и вы узнаете, инопланетяне, уровень культуры мыслящих, уровень культуры людей на земле. Я абсолютно в этом уверен, и я думаю, что для того, чтобы стал таким народ, трудился и Пушкин, трудился Ленин, трудился Педэр Хузангай. Спасибо вам!»

Текст был произнесен более десяти лет тому назад, и по нему можно попытаться проследить (хотя бы пунктиром) изменения, происшедшие в нашей политической семиологии за этот период. Знаковым словечком, безусловно, является «перестройка» (сейчас мы вместо него все талдычим «реформа, реформа...»). Космическая высота Андрияна Николаева, вероятно, приблизилась к нашей грешной земле, и мы уже не воспринимаем его как некоего небожителя (в чем автор этих строк имел возможность убедиться во время совместной поездки в Нью-Йорк в конце августа 1993 г.).

Но то, что сказано о страдании поэта «во имя», о насильственной смерти и насилии вообще (война, лагеря, депортация калмыков), это аксиоматика для истинного поэта во все времена. И это тот «высокий уровень» разговора, который держит один народный поэт, говоря свое Слово другому народному поэту («От правды я своей не отрекался, // Не отступал от своего стиха!..»).

Имена чувашских культовых личностей, которые приводит в своем фрагменте Давид Никитич, также любопытны. Наверное, мы принимаем и приветствуем «звоном щита» Поля Элюара и Александра Блока. К.Иванову и М.Сеспелю,

конечно, говорим да. Комбинация «дивной танцовщицы Павловой» и третьего космонавта Николаева, хотя и привычнее для нас, все же является советским клише. О тройственном трудовом усилии Пушкина, Ленина и Хузангая по созиданию чувашского народа можно спорить и спорить, но я абсолютно уверен, что в поэтическом сознании (идеологии) и моего отца, и Давида Никитича первые два имени действительно соединялись в некую, почти мистическую бинарную структуру (тому можно найти много подтверждений в стихотворных текстах обоих авторов). «Пушкин — певец свободы, Ульянов (Ленин) осуществил ее как бы в общественно-политической практике».

И последнее. Мы встретились с Давидом Никитичем во время всероссийской научно-практической конференции «Языки народов России: проблемы сохранения и развития» (Элиста, 12—14 мая 1993 г.), где он выступил с мудрым докладом «Язык как истина». Он подарил мне тогда свою книгу стихов «В тени дерева бо», которую я храню с тех пор как драгоценную реликвию (мантра: Om Mani Padme Hum!).

Дай Бог поэту силы, мужества и остроты ума, дабы пережить нынешнее сумеречное время.

1997

«Я ВИЖУ ПРАЗДНИК СВОЕГО НАРОДА...»*

Изящная книга под названием «Глаз полей» (чув. *уй куслă*), объемом 304 стр. переведена группой поэтов, переводчиков, филологов, а именно: Марком Боденом, Андрэ Дальмасом, Мишелем Деги, Марсель Фонфред, Луиз Херлин, Клодом Мушаром, Пьером Паше и Леоном Робелем, почетным членом НАНИ ЧР, профессором университета Сорбонна под общим руководством Леона Робеля. На обложке Антологии воспроизведена картина анонима конца XVIII в., где происходит некое чувашское празднество с пением, музицированием, характерными жестами. Может быть, эта картина периода разрушения цельного чувашского мира со своей этикой, ритуализированностью всей жизни, природосообразностью, постепенного забвения традиции устной словесности и перехода к письменному индивидуальному творчеству наглядно репрезентирует содержание данной Антологии.

Она состоит из двух частей: 1) Чувашская устная словесность в ее наиболее архаичных формах (молитвословия, речи жрецов, заговоры-чѣлхесем, величественный народный гимн «Алран кайми»), некоторые исторические песни, тексты, связанные с рождением и смертью человека. В целом они дают представление о жизненном цикле человека в этом «преходящем» мире и его уходе в мир иной, вечный; 2) авторская поэзия, начиная с оды «Сон» знаменитого чуваша, ориенталиста и сиолога о. Иакинфа (Бичурина), далее включая

---

* L' - il des champs. Antologie de la poésie tchouvache établie et présentée par Cuennadi Aïgui. CIRCÉ /Éditions UNESCO. 1996. — 304 p.

мало нам известных авторов XIX века, содержит произведения всех классиков чувашской поэзии как дореволюционного, так и советского периодов.

Следует отметить, что устная словесность целиком переведена Леоном Робелем. Чувашских поэтов переводили выше-названные члены коллектива переводчиков. Я бы особо отметил переводы Мишеля Деги, известного французского поэта современности, из Сеспеля (4 стихотворения) и переведшего все восемь стихотворений Васyleя Митты. Три вещи Кесьтентина Иванова «Дума старого леса», «Железная мялка» и «Вдова» были переведены поэтом Клодом Мушаром. Восемь песен из книги «Песни Тилли» Педэра Хузангая перевел эссеист и математик Андрэ Дальмас. Сам Г. Айги представлен в Антологии русскими вещами раннего периода, в которых отчетливо прослеживаются чувашские реалии. Эти стихи перевел Леон Робель. Можно было и далее перечислять чувашских поэтов и их французских переводчиков, но это был бы очень длинный перечень, так как чувашская авторская поэзия представлена здесь очень полно. Добавлю только имена двух поэтов 1943 года рождения Алексея Аттила и Педэра Эйзина, чье творчество во многом определило ценности и ориентации нынешней поэтической ситуации (в ее истинном проявлении). Их стихи соответственно перевели писательница Луиз Херлин и доктор филологии Пьер Паше. Из самых молодых необходимо выделить «Реквием» Бориса Чиндыкова, посвященный памяти польской поэтессы Халины Посвятовской (перевод Л.Робеля).

У «Антологии чувашской поэзии» на французском своя многострадальная судьба. Она должна была быть первым представлением чувашской словесности широкому миру по линии ЮНЕСКО, но вышли «Чувашское слово» на венгерском (1985 г., хотя и в сокращении), итальянское издание (1986), английское (1991) и часть архаичных текстов была опубликована в книге Г. Айги на немецком «С Пением: к Завершению» (Лана, 1995). Но вот и французское издание в наших руках. В предисловии составитель выражает особую благодарность Пьеру Эммануэлю, поэту и члену Французской Академии, который в свое время инициировал начало работы над этой «Чувашской книгой». Она должна была стать как бы ответным словом французской культуры на издание

антологии «Франци поэчĕсем» на чувашском в 1968 г. Г.Айги также благодарит Роже Каюа, тогдашнего руководителя ЮНЕСКО, поддержавшего этот проект, и чувашского поэта, фольклориста Геннадия Юмарта, ставшего фактически соавтором в работе по составлению Антологии.

И хочется привести слова самого Геннадия Айги: «Прощаясь со своей многолетней работой, я хочу еще раз бросить взгляд на цельный облик моего народа. Будучи «плоть от его плоти, кровью от его крови», я говорю в равной степени «прощай» этому Облику, его вечности. Поле освещается «невыносимо античным светом» и я вижу праздник моего народа, его неувядающую юность, пока живут его память и его язык».

1997

АПОКРИФ ШЕВЧЕНКИ

Возвращаясь из ссылки с берега Каспия (Новопетровское укрепление — ныне Форт Шевченко), украинский поэт Тарас Шевченко отправился на пароходе «Князь Пожарский» до Нижнего. В конце сентября 1857 года, проплывая мимо Шубашкара, он записал в своем «Щоденнике» следующее:

«...После завтрака я пошел в капитанскую светелку с твердым намерением продолжать начатый портрет, как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, то по крайней мере наполовину будет в нем домов и церквей, и все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для православия. Главный узел московской внутренней политики — православие. Неудобно-забываемый тормоз (Николай I. — Ред.) по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится».

Эта запись была сделана ровно 140 лет тому назад и, тем не менее, удивительным образом проецируется на современную топографию (как политическую, так и «архитектурно-конфессиональную») нашего города.

Великий Кобзарь всегда, во все переломные периоды украинской истории последних ста пятидесяти лет, оставался культовой фигурой национального движения. Приведенная запись из его «Дневника», можно сказать, стала культовым текстом чувашской советской истории. Недаром, как правило, он всегда цитировался в изданиях типа путеводителей «Знакомьтесь: Чебоксары» (см. ниже), иных научно-официозных публикациях.

В силу ананказма (навязчивого возвращения на то же самое место через 140 лет) этот культовый текст может быть подвергнут минимальной деконструкции и шизоанализу, а также рассмотрен с точки зрения актуальной политической семиологии (следуя методу постклассической философии, одним из виднейших представителей которой является Жак Деррида).

Итак: «ничтожный, но картинный городок». Что касается картинности, то ее, вероятно, изрядно прибавилось. Но и ничтожность не убывла, о чем свидетельствуют ежегодно проводимые празднества дня города. Образчиком для последних, несомненно, выступают дурные московитские привычки. Своего рода апофеозом пошлости и аляповатой эклектики было, например, недавнее 850-летие Москвы, «золотоглавой, с царь-пушкой» и прочей мишурой.

Хотя и картинность Чебоксар — это только картинка («церквей...старинной московской архитектуры» вокруг залива, административного сити). Мифическая дорога к храму, по которой проезд запрещен (?). Впрочем, сейчас в этой картинке можно еще пририсовать и банковские здания, выросшие как грибы. После чего, как правило, сами банки — хотя и не все — становятся банкротами. Банк = банкрот. Любопытная закономерность шизорыночной экономики.

Серьезнее другой тезис Шевченки. Для кого построены дома «старинной московской...» и т.д.? Было бы интересно сделать современный статистический замер. В каких домах (с точки зрения благоустроенности), какой процент чувашей и лиц иных национальностей проживает? И кто живет в чебоксарских засыпушках?

«Главный узел московской внутренней политики — православие». Вакханалия 850-летия Москвы реально вывела на шизотимическом уровне в качестве «хорошего» лекарства для «россиян» (?) давно забытую (*deja vu*) формулу: «самодержавие, православие, народность». Трогательное, умиленное до слез братание православной церкви с властью. Эта тенденция московитской политики зеркально воспроизводится в ментизме, протекционизме относительно местной епархии и ее строительного бума и у нашего Николая I (НВФ). А *contrario* убийственной характеристике того Николая с длинным греческо-гомеровским эпитетом («неудобо-

забываемый тормоз») нашему можно было бы предложить такую дефиницию — «удобозабываемый ускоритель (реформ, системы образования, хмелеводства, ответственной политики и т.д.)».

Чебоксары как топоним середины XIX-го века имеет любопытную просоветскую интерпретацию: «Да, Чебоксары являлись оплотом миссионерско-колониаторской политики царизма, убежищем царской администрации, пристанищем попов и монахов. Окружающие город деревни видели в нем своего врага, притеснителя, обманщика» (А.Студенецкий, «Знакомьтесь: Чебоксары», 1964). Конечно, сейчас граница между Шубашкаром и деревней размыта, с другой стороны, общаги, малосемейки, хрущевки всосали много сельского населения. Крупная индустрия, урбанизация породили диффузию горожан и сельчан. Власть после 1917 года как будто сменила топологическую парадигму: «Этого города уже нет... На его месте другой — развивающийся, растущий, социалистический город, административный, культурный, хозяйственный центр Советской Чувашии» (там же). Мы же, очевидно, начинаем осваивать уже третьи Чебоксары (третий Рим?!).

Теперь опять хотят «затянуть этот ослабевший узел» над местом, которое как будто начало оправдывать свое истинное имя (оним) — **Шубашкар**. Официозно-церковная апофения все сильнее овладевает сознанием власти. Это опасный симптом. Ибо он нарушает свободу совести, отрицает момент пробуждения сознания. Однако прав Кобзарь, волосок тонок...

Все еще остается проклятье двуименности нашего места: *Шупашкар* — *Чебоксары*. *Toros*, как и *persona*, всегда имеет одно имя (*onoma*). Имя от Бога (*Turā*) и народа.

Наша деконструкция шевченковского текста заведомо будет отнесена к «ложным», апокрифическим, так как она не совпадает с официальным вероучением. Но не будем забывать, что апокриф по-гречески означает «сокровенный».

...И все же чей портрет хотел писать Тарас Шевченко в капитанской светелке, лицезрея наш город (місто)?

ПОЭТЫ И ВЛАСТЬ

(Еще раз о назначении поэта)

Поэзия на службе у лжи есть ложь.

Х. Вайрих, «Лингвистика лжи».
Чăваш поэт пуличчен тăлăх турат пулас-мĕн...
Илле Тăхти, «Чăваш поэтсене (мухав юрри)».

Согласно учению великого Платона об обществе и его идеальном политическом устройстве поэты должны быть изгнаны из государства.

«[Сократ]: ...поэты, начиная с Гомера, воспроизводят лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются (...), тот, кто творит призраки — подражатель (...), нисколько не разбирается в подлинном бытии, но знает одну только кажимость. (...) подражательное искусство, будучи и само по себе низменным, от совокупления с низменным и порождает низменное (...) Ясно, что подражательный поэт по своей природе не имеет отношения к разумному началу души и не для его удовлетворения укрепляет свое искусство, когда хочет достичь успеха у толпы (...) Такой поэт (...) творит негодное с точки зрения истины (...) Таким образом, мы по праву не приняли бы его в будущее благоустроенное государство, раз он пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души и губит ее разумное начало: это все равно что предать государство во власть людей негодных, а кто попримичнее, тех истребить...». (Государство. X 601a, b, 603b, 605b).

Платон, как всегда **абсолютен** и проблему «поэты и власть» решает радикально. Поэтов надо гнать, в его утопии («благоустроенном государстве») для них места нет. Мы же живем в

относительном, неблагополучном чувашском государстве, и потому сама власть, с одной стороны, и чувашские поэты в основной своей массе, с другой, охотно идут навстречу друг другу. Между тем, в истории чувашской словесности были и абсолютные поэты: Кесьтентин Иванов, Сеспель, Митта. В наше время абсолютным поэтом назвал Геннадия Айги Антуан Витез. Они действительно не *«подражатели»*, *«касаются истины»* и *«разбираются в подлинном бытии»*, *«укрепляют лучшую сторону души»* и не шли и не идут на компромисс ни с какой властью.

Мало кто сомневается в том, что сегодня наше государство *«передано во власть людей негодных»*, и тем не менее находятся поэты-оборотни, которые от всей души якшаются с чернью и даже прямо или косвенно идут к ней в услужение. (Александр Блок так определял чернь: «Эти чиновники и суть наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня: не знать и не простонародье; не звери, не комья земли, не обрывки тумана, не осколки планет, не демоны и не ангелы. Без прибавления частицы «не» о них можно сказать только одно: они люди; это — не особенно лестное; люди — дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена «заботами суетного света» — «О назначении поэта»).

Два конкретных случая контакта чувашских поэтов с властью заслуживают особого упоминания. Один стихотворец, как смола (> Смолин), влип в аппарат нынешней «демократической» номенклатуры и помимо своих бойких служебных отчетов также бойко слагает оды во имя НВФ, которые услужливо распечатывает республиканская пресса. Другой, как птичка божия (>Тургай), чирикает и порхает вокруг власть предержащих во всякого рода выборных кампаниях, на празднествах, торжественных заседаниях, пирушках и т.д. При этом, естественно, изрекает свои опусы. Отчасти оба стихотворца — *«подражатели»*, *«производят лишь призраки»*, *«знают одну только кажимость»* (власть — это и есть «кажимость») и полагают, что, контактируя с властью, *«укрепляют свое искусство, когда хотят достичь успеха у толпы»*.

Относительно последнего тот же Блок писал: «Дело поэта вовсе не в том, чтобы достучаться непременно до всех олухов...» («О назначении поэта»).

Впрочем, политический и душевный конформизм — это характерная примета «деятелей» нашего времени, в кото-

ром можно жить хорошо только по лжи (вспомним знаменитое солженицынское «жить не по лжи!»). Наши же героистихотворцы хотят жить хорошо. Кто же может отказать им в этом? И совершенно искренне они начинают лгать. «Mendacium est enuntiatio cum voluntate falsum enuntiandi. Augustin, De Mendacio, Cap. IV. — «Ложь — это сказанное с желанием сказать ложь». Блаженный Августин, О лжи, гл. 4. Впрочем, чувашские поэты не одиноки в этом своем «законном» устремлении. Один умный немец перечислил целый ряд «профессий, которые сразу перенимаются народами; они заставляют лгать своих представителей, например, теологов, политиков, проституток, дипломатов, поэтов, журналистов, адвокатов» (Г. Кестен).

Говорить правду (приближаться к истине) всегда трудно и опасно. Ее может прошептать **смиранный поэт**, следующий Богу в своей тихой молитве (Митта). Ее может высказать **поэт-творец**, который стремится воссоздать словом некое подобие Божьего творения (К.Иванов). Ее выкрикивает **поэт-мятежник, бунтарь, богоборец**, восстающий против мира (Сеспель).

Во лжи вырастает лишь низменное. И прав Платон в том, что «*низменное от совокупления с низменным и порождает низменное*». А кто усомнится в простой истине, извлеченной из «тьмы низких истин», что и в России, и в Чăваш Ен структуры власти представляют собой нечто низменное? «Покажите мне этого человека...» (С.Есенин). Нынешняя власть далеко не «*добродетель*» и не исходит из «*разумного начала души*». Если она столь охотно приемлет ложь, то она, естественно, отрицает идею блага, чурается истины и тем самым строит отрицательный тип государства, в котором граждане озабочены лишь материальными заботами и стимулами. Похоже на то, что **эта** власть своего уже добилась.

И наши поэты пытаются выжить (что вполне объяснимо) и потому не способны «защитить аристократизм духовной культуры, аристократизм мысли, защитить (...) бескорыстное созерцание и творческую проблематику...» (Н.Бердяев).

Они давно утратили духовную вертикаль культуры и потому способны двигаться только в горизонтальном измерении культуры (низменны). Наша чувашская власть это приветствует. Все на продажу в эйфории совокупления!

O tempora! O mores!

И в заключение хочу перефразировать три «веселых истины здравого смысла», которыми Блок завершает свою пушкинскую речь «О назначении поэта». Сейчас никаких особенных чувашских поэтов не имеется; не следует давать имя поэта тому, кто называется не так; для того, чтобы создавать поэзию, надо уметь это делать.

1998

«СОН-РАЗГОВОР-С-САМИМ-СОБОЙ» (Метафизика на грани засыпания)

Тема Сна, которую мельком затронул в своем эссе «Наш нонконформист» Юрий Яковлев («Чăваш ен», 1994, № 3) чрезвычайно важна для оценки чувашской словесности. Есть ли ее нынешнее состояние кошмарный сон, наваждение (я имею в виду совсем не материальную сторону дела), или же это закономерный итог политического конформизма, распада, разложения большей части писателей? Ответ, может быть, удручающе банален. Нашим «властителям дум» просто нечего сказать своему народу, и при этом они пишут, пишут и пишут. Самые честные и пронзительные молчат: Эйзин, Иосиф Дмитриев, Мартъянова, Чиндыков. Кто-то находит в себе смелость писать искренние стихи: Марина Карягина, Яккусен. А так повсеместно печатаются «машинные вещи», которые, как писал о. П.Флоренский, «не мерцают, а блестят, лоснятся мертво и нагло».

Впрочем, можно считать это естественным для времени РАГНАРЁК (др.-исландское) — Времени гибели богов. И только, вероятно, в «черном костре Сна» (Айги) мы можем возвращаться к нашим святыням, видеть их чистыми, далекими и неприступными.

Сегодняшняя наша жизнь не есть ли Сон о чувашском мире («Чăваш тёнчи сывхарнă чух...»)? Сон — о наших богах.

И мы спим, ожидая того часа, когда воскреснут наши боги, или же воцарятся выжившие (вновь родившиеся) боги младшего поколения.

Относительно Сна я вижу два противоположных полюса в чувашской поэзии. Один — это, конечно же, наш огненный Ангел — Сеспель.

Чăваш! Чăваш!..
Чăваш! Чăваш!..
Сан ыйăхлă уюсене,
Сан лăпкă кăмăллă ачаш,
Йăваш-айван ялусене
Савмашкăн манăн халăм сук.
Чăваш тёнчи сывхăрнă чух
Чăвашăн чунё йăваш-ши?
Анаслă ыйăхăн ашши —
Вырăнлă-ши?.. Вырăнлă-ши!..

Ангел Ангелом, но бьет и бьет в одну точку: разбудить, вырвать чувашское дитя из объятий Сна, его убаюкивающего зыбкого ритма. Криком докричаться до этих сонных душ — традиционный романтический посыл.

А этот трагически-знаменитый сеспелевский Сон об окровавленной распятой Родине

Катаран каç килсен, каçхи кунан мёлки
Уйсене ыйхăпа хупласан...

И другой полюс — Айги. Со своей сновидческой поэзией, погруженностью в такие — неведомые нам — глубины Сна.

в алеющем ли облаке: так кажется:
в остатке: перед сердцем: сна
в пыли как будто известковой: с мира
который слабо снился мне —

я в деле нежном
видел любящих:

(К ЗАРЕ: В ПЕРЕРЫВАХ СНА).

О, эти «тихие» сны Айги. В своем, пользующемся общевропейской известностью, тексте «СОН-И-ПОЭЗИЯ» поэт писал: «Там, в глубинах сна, — общность живых и умерших». По-чувашски так и происходит. Никто не умирает. Они с нами всегда, пока мы их вспоминаем и любим. И продолжает поэт: «...будем доверчивы к душам живых, — пожелаем себе, для этого, ясного, словно простившего нас, — сна».

Сумрачный декабрь, более светлый январь — подходящее время для чувашского сна. Дайте душе покоя!

Если Сеспель, мятежный — борец со сном, Сноборец,
то Айги, тихий, чья поэзия рождается из «смутной» морской,
«работы сна» — Сновидец. Он верит, что ночью *Пёртен-пёр*
Турă (*Сўлти Турă*) видит и знает каждого, всех чувашей,
живых и умерших, и всегда может проявить себя.

...Сон-Утешение кружит мне голову. Спасаясь от «тоски,
навеваемой Ненастьем-Страной», я вижу сон о Свободе.

Кёрекемёре яланах
Ыйхăратпăр,
Пуханмассерен, эпёр
ирёклёхе.
Унăн вырăнĕ — пушă,
Анчах унăн чайшăкĕ —
Пирĕн умра.

(Рене Шар, «Гипнос хучĕсем»).

1994

СВИДЕТЕЛЬ И СТРАДАТЕЛЬ ЖЕСТОКОГО ВЕКА

Новая работа А.Солженицына* написана как попытка ответа на вопросы, заданные ему в ходе общественных встреч во время поездок по стране, а также тысяч полученных им писем с ощущением «всех тех требовательных и просящих, растерянных, гневных и умоляющих взглядов». Она является продолжением проекта «Как нам обустроить Россию», а также публицистического рассуждения «Русский вопрос в конце XX века». С другой стороны, автор проводит свой анализ «12-летней затычности нового глубокого государственного и всежизненного кризиса России» в геополитическом («ошеломленная Россия — и Запад», «растерянная Россия — и Восток»), общественно-государственном, национальном и нравственном аспектах.

Вопросы, конечно, известные, и мы ломаем над ними голову каждый божий день. И «слева», и «справа» ими забивают наши очи и уши газеты, радио и ТВ, но в новой книге А.Солженицын решил «собраться через вихри жизни, высказать и слитно всё». По своей жизненной и творческой судьбе он, вероятно, как никто другой, имеет на это полное моральное право. Голос автора предстает как цельный дискурс, то есть «целенаправленное социальное действие в соответствующем событийном контексте».

...Боли и уродства нашей жизни, место России в сегодняшнем мире, реформы, которые привели к развалу всего и вся (то, что народ окрестил «прихватизацией», А.Сол-

---

*А.Солженицын. Россия в обвале. Москва: Русский путь, 1998. — 208 с.

женицын припечатывает словом «разворовка»), наша ложная система парламентаризма, которая не дает никакого представительства ни народам, ни возможности избрания отдельным личностям, обладающим политическим умом и ответственностью, режим выживания для науки, образования, культуры, здравоохранения и т.д. и т.п. И над всеми этими горестями встает одна проблема — **проблема Власти**. Ей-то — «нашей» (?) власти достается от Солженицына больше всего, потому что «отшельник из Вермонта», вернувшись в страну в 1994 г. и увидев воочию «деяния» власти и «другую» жизнь («болезненный разрыв нашей жизни»), попытавшись донести свое видение до Президента, Государственной Думы, до граждан (посредством передач на ТВ, которые, правда, были скоро прекращены), впал в глубокое и, я бы сказал, унылое раздумье.

Во власти нынешней — корень зла. Сие суждение красной нитью проходит через воспаленно-горячие страницы книги. Если уж такой яростный антикоммунист, как Солженицын, порой так оговаривается: «Да, из коммунистического Вавилона еще б нам не надо было вытягивать ног. (...) Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем остаток нашего жизненного фундамента». Власти предьявлен счет простой и жестокий: «Можно ли назвать хотя бы одно значительное направление государственной жизни, в котором наша власть 90-х годов не понесла бы жестокого, а то и исторического поражения для России? Но это — мало волнует ее, и даже как бы не замечается ею. Она вся — в себе! Она — упита собою и собою замкнута».

Конечно, есть и альтернатива верховному властному безвластию. И писатель прозревает и призывает к самоорганизации народа через реальное местное самоуправление, через укрепление остойчивости жизни регионов, через иные формы самостояния объединений людей, которые все же имеются в российской глубинке, в провинции. А.Солженицын — сторонник демократии малых пространств (в качестве ее модели он предлагает земство), по его мнению, государственность должна строиться встречным усилием как снизу вверх, так и сверху вниз.

Власть, государственность — это преходящие явления. В нынешнем событийном контексте, когда власть реально

отчуждена от народов (в том числе и русского, о чем настойчиво пишет А.Солженицын: «быть ли нам, русским?») и «между властью и Народом глубинится пропасть», когда власть повсеместно демонстрирует свою немощь, то на первый план, естественно, выходит категория национального. Выходит сам народ, выходит понимание судьбы России как «сплетенья наций». Точка зрения А.Солженицына как патриота и русского националиста (в положительном смысле слова) на многонациональную Россию весьма своеобразна. Так, он уже в 1974 году (до того убедившись на лагерно-ссылном опыте в химеричности «вечной дружбы народов» и «единстве советской нации») призывал дать «всем окрестным и заокраинным народам подлинную волю самим решать свою судьбу», в 1990 г. предсказывал развал Советского Союза. Он никогда не признавал СССР жизнеспособным образованием. И сейчас весьма негативно относится к евразийским идеям (например, к проекту Евразийского Союза, высказанному в свое время Назарбаевым). СНГ он также считает фантомом, и единственно реальным для него является чувство единого тре-славянского народа, возможность трехславянского объединения. Правда, нынешняя позиция Украины портит ему карты в этом постсоветском геополитическом пасьянсе. Запад А.Солженицын не жалуется, но с уважением относится к «отдельным мирам, отдельным цивилизациям» Китая, Индии и Японии и считает, что Россия не должна выпасть из этого достойного ряда. Южные Курилы, как никогда не принадлежавшие России, он предлагает отдать ради добрососедских отношений с Японией, которые гораздо важнее. Он предлагал еще в 1992 году признать независимость Чечни со всеми последствиями (правда, руководствовался особыми соображениями при этом).

И все же главная забота А.Солженицына — это судьба России и судьба русского народа. Это внутреннее и самое главное. В этом отношении он идет по пути русских философов начала века П.Струве, Н.Бердяева, И.Ильина, В.Розанова, Г.Федотова. Он не приемлет определения «россиянин» как надуманное и фальшивое, как боязнь русских самих назваться собственным именем. «Ни один не-русский гражданин России на вопрос «кто ты?» не назвал себя «россиянин», а с определенностью: я — татарин, я — калмык, я —

чуваш, либо «я — русский», если душой верно чувствует себя таковым». Он упрекает русских за то, что они равнодушно отнеслись к устранению в новом российском паспорте строки национальности, в то время как другие народы возмутились. «Скажем спасибо тем народам за это братское образумление».

Любопытно то, что, излагая свое понимание «русского вопроса» на исходе века и доказывая «право быть русским», перечисляя положительные черты русского национального характера, апеллируя к историческому прошлому и «национализму строительному, созидательному», говоря о русских как о разделенной нации (после распада СССР), А.Солженицын прибегает к аргументам очень знакомым и выстраданным уже давно, если так можно выразиться, идеологами «малых наций», потому что все эти проблемы и условия пригнетенной жизни **другие** народы испытали на себе в бытность обеих империй — российской и советской — в полной мере. Но Солженицын, как подлинный патриот, деля все невзгоды с родиной и ее народом, откровенен и даже беспощаден «в оценке пороков, грехов и своем раскаянии за них». Впрочем, это тоже традиция, идущая еще от знаменитых «Философических писем» Чаадаева. Вот некоторые его оценки страны, власти и русского народа: «В России к концу 90-х годов установилось призрачно-показное существование... Скрытая сокрушенная действительность, а объяснения к ней — риторны да приторны; сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, — многие из них крепятся своею объединенностью и усилиями местного устройства. А русский народ — в наихудшем положении, ибо в цепи наших потерь мы утратили связующую, спасительную сцепку друг с другом, а с ней — и сознание своего места в стране (...) мы — в национальном обмороке; ...Мы внутри России потеряли саму Россию, «бесперспективную» нашу колыбель. (...) Зазяла сокрушительность векового русского национального поражения».

Сказано жестко, даже жестоко. Для русских, пожалуй, обидно. Но справедливо и может быть отнесено на счет и других народов, ибо все мы проваливаемся в эти неисчисляемые дыры российского пространства и смутного времени.

Поражение нужно осознать. Горькие слова воспринять как лекарство. Автор уповает на благие помыслы, энергию добрых дел, внутреннее выздоровление.

Еще Солженицын предлагает: самостояние народа, государственность, культуру и православие (рецепт, напоминающий известную формулу: самодержавие, православие, народность). Впрочем, далее (понимая, что «во всем мире растут настойчивые национализмы...») он как приоритеты подчеркивает духовные, национально-культурные ценности: русскость, совокупность веры, души, характера, язык, сознание своей исторической традиции.

И завершает он самым простым: «Мой дух, моя семья да мой труд...» (а это очень близко этике протестантизма).

1999

ВО ИМЯ

...Были времена, когда, в студенческие годы, мы с приятелем в Питере ходили в ночь на Пасху в храм. Там — в церковном песнопении, в ликах иконостаса, в сосредоточенности собравшихся людей — ощущалось некое ожидание, которое было важным и существенным. Ожидание Кого? — я мог только смутно догадываться. Потом крестный ход и — «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ!» Иисус Христос воспринимался мной как некая глубокая тайна.

Позже, в начале 70-х, было чтение одолженного у Г.Айги самиздатского «Доктора Живаго», в ошеломляющем тексте которого мне виделось мерцание света Евангельского. (Правда, параллельно очаровывали душу «Fioretti» — «Цветочки» Святого Франциска из Ассизи).

Сейчас, по прошествии многих лет, оставаясь некрещеным чувашом, я воспринимаю единственно Имя Божие, Христа как символ. Как писал о. П.Флоренский: **«Имя Божие есть Бог и именно Сам Бог, но Бог не есть ни имя Его, ни Самое Имя Его (...)** Формулою утверждается, что Имя Божие, как реальность, раскрывающая и являющая Божественное Существо, больше самой себя и божественно, мало того — есть Сам Бог, — Именем в самом деле, не призрачно, не обманчиво являемый, но Он, хотя и являемый, не утрачивает в своем явлении Своей реальности, — хотя и познаваемый, не исчерпывается познанием о Нем, — не есть имя, т.е. природа Его — не природа имени, хотя бы даже какого-либо имени, и Его собственного, Его открывающего Имени».

Символ имени Иисуса Христа как «бытие, которое больше самого себя...» Исповедовать Имя Его, соблюдать

духовную суть имен вообще можно только в молитве. Но я не могу молиться, хотя и признаю эту высшую реальность вне меня.

Чуваши номинально с XVIII века являются христианами (хотя до сих пор есть целые отдельные села некрещеных, или «истинных» чувашей). Но в Урало-Поволжье, местопребывании основной части чувашской нации, существовало в то время противостояние двух мировых религий: христианства (в его православном варианте) и мусульманства (в татарской интерпретации). Чуваши же и в XIX веке еще сохраняли старую чувашскую (истинную) веру, которая была монотеистична, но разлом между двумя мирами (и типами цивилизаций) невольно проходил и через чувашскую душу. Возникал своеобразный религиозный синкретизм чувашского сознания. И хотя усвоение христианского вероучения и «просвещение светом Евангелия» в чувашском обществе осуществлялись посредством родного языка, дух православия не задел глубинных основ чувашской культуры и чувашского миропонимания. Можно обнаружить лишь в чувашской словесности, и то в наиболее проникновенной ее части — поэзии — пунктирный след христианского присутствия. (Наиболее трагично и глубоко, на уровне экзистенциального переживания («человек осужден быть свободным») воплотил христианский идеал наш «огненный Ангел», поэт Михаил Сеспель (1899—1922). Он — из всех чувашских поэтов реализовался наиболее лично, вплоть до самораспинания себя и своей Родины на коммунистическом кресте. В огне своих борений, в своей мучительной любви, в своем жертвенном национализме он выходил на христианский подвиг как мятежник, как богоборец, как бы проецируя себя в будущее...

Будущее Сеспеля — это наше настоящее, но мы живем в условиях «Нетости священных имен» (Fehl Heiliger Namen), как выражается М.Хайдеггер. Никакое строительство церковных зданий не изменит нынешней чувашской ситуации без-верия, суеты-верия, ино-верия, двое-верия и т.д. Индивидуум в своем самостоянье, «одинокости» обречен на свободу выбора и, оказывается, главное для духовного выживания человека — это сам человек, он сам должен ступить на трудный путь (очень узкий!) постижения духовной истины, через Имя Божие явленной.

К определениям я бы хотел добавить еще следующие. Карл Ясперс: «...Иисус как единственный в своем роде шифр». (Вот я и мучаюсь, как и мои сородичи, над разгадкой этой ономастической тайны). А шведский режиссер Бу Видерберг как-то предостерег: «...Иисус? — опасен при неправильном обозначении». Оба подчеркивают еще раз значимость символа Имени Божиего, трудность вхождения «во Имя Иисуса Христа, в сферу Имени Иисуса Христа, в непосредственное соприкосновение с ним» (о. П.Флоренский). С другой стороны, священные имена как энергийные символы сами должны войти в плоть жизни, национальной культуры для их одухотворения. Проблема в том, что и я как личность, и чувашская культура как организм были и находятся в коммуникации не с одной, а с разными реальностями — на точке пересечения **иных** миров. (В каком-то из этих миров может появиться и **иное** Имя (ипостась) — Сиддхартха Гаутама. И тогда будет не 2000-ый, а 2544-ый год).

И все же об **этом**, о проявлении Имени (в моем Его поиске) я предпочел бы пытаться думать в тишине и молчании. «...Творить молчание, добиваться молчания, ибо уже невозможно стало услышать Божие слово» (С.Керкегор). Если бы была возможность молитвы **внутри** меня, для себя самого, Его Именем...

2000

III. ПУТЕШЕСТВИЯ

Существует мир данного: путешествие в поезде из Парижа в Рим. А есть еще мир смысла: сознание изменяет свой проект (...) путешествие нечто означает. Пространственный, временной и духовный (или мемориальный) маршруты обмениваются своей непосредственностью, а такого рода обмен и есть значение.

Ролан Барт (1958)

ХЕЛЬСИНКИ: АВГУСТ '85

...И еще раз я побывал в этом городе, где Балтийское море врезается своими заливами, бухтами, каналами в пространство улиц, площадей и набережных. В Хельсинки море ощутимо зримо, когда видишь в перспективе какой-нибудь улицы белые треугольники парусов яхт, цепочку малых и больших островов, или на набережной тебя вдруг обдаст соленый морской воздух и раздастся протяжный гудок огромных паромов компаний «*Viking line*» и «*Silja line*», отправляющихся из Южной гавани в Стокгольм, Данию или Польшу.

Август в Хельсинки это месяц, буквально проходивший под знаком десятилетия Совещания за безопасность и сотрудничество в Европе, которое определило пути разрядки и смягчения напряженности на континенте и одновременно заложило прочные основы для добрососедских отношений между разными странами. Примером таких отношений является экономическое и культурное сотрудничество между нашей страной и Финляндией. СССР — крупнейший торговый партнер нашего ближайшего северного соседа, на долю которого приходится 19% экспорта и 23% импорта (по данным 1984 года). Дух Хельсинки... Это устойчивое сочетание прочно вошло в речи политиков, дипломатов и журналистов-международников. В самом начале месяца в столице Финляндии собрались министры иностранных дел стран-участников совещания, подписавших 10 лет тому назад Заключительный акт, чтобы обсудить процессы разрядки на нынешнем этапе, их претворение в жизнь. Беломраморное элегантно здание «*Finlandia — talo*» — Дворца «Финляндия» на берегу залива

Тёёлё, находящегося в самом центре города, гостеприимно распахнуло свои двери, также как и в 1975 году, перед высокими гостями. Многие из них еще раз открыто заявили, что дух Хельсинки и ныне актуален в деле развития мирного сосуществования между государствами с разными общественными системами, потому что он воплощает чаяния и надежды миллионов европейцев.

Что такое жизнь города? Из каких мельчайших штрихов складывается в твоём сознании его образ, тем более что твоё пребывание в нём сводится к двум-трем неделям и ты отделен языковым барьером от непосредственного общения с его жителями, а многочисленные вывески, названия, тексты реклам и даже самые элементарные указатели поначалу представляются тебе ничего не говорящим «орнаментом»? Ты воспринимаешь город чисто визуально, пытаешься уловить его ритм, слышишь запахи, звуки и начинаешь постепенно для самого себя складывать сумму отдельных впечатлений, прочитывать их смысл, видеть л и ц о этого города. На тебя обрушивается сырая груда материала, полученного органами чувств, и ты, уподобясь художнику-импрессионисту, заново открываешь городское пространство, уже свободно ориентируешься в нём и привязываешься сердцем даже к фасадам отдельных домов. У тебя появляются в городе любимые места.

Пожалуй, первое, что ощущаешь это величина города. Хельсинки — небольшой город (всего — 434 тысячи человек), по крайней мере, в центре, так называемом кескусе, пешком можно свободно дойти до любого интересующего тебя места, будь то Национальный музей или *Kauppatori* — Базарная площадь, которая находится на самом берегу Южной гавани и где прямо с лодок торгуют овощами, рыбой и всякой всячиной. Выходишь, например, на Пунавуоренкату, сворачиваешь налево на Булеварди и далее мимо сквера Старой церкви, бывшего городского кладбища, где на минутку останавливаешься перед памятником Элиасу Лённроту, собирателю финского фольклора и составителю «Калевалы», эпоса, занявшего свое достойное место в ряду всемирных эпических сказаний, пересекаешь главную магистраль города Маннергейминтиэ и медленно бредешь по северной или южной стороне Эспланады, манящей прохладой своих липовых аллей, все дальше и дальше распутываешь лабиринт ма-

леньких уютных улочек и страешься их запомнить, оставить в себе сувениром для души. Чтобы вспомнить их потом в другом месте, с радостью и легкой тенью грусти.

Архитектурный облик Хельсинки во многом определяет стиль национального романтизма, который представляет собой вариацию на северный лад известного «югендштиля» конца XIX—начала XX века. Это затейливо украшенные скульптурой и мелкой пластикой дома, как правило, невысокие, 3—4-х этажные. В качестве строительного материала часто использовался серый и темно-красный нешлифованный гранит, что придает зданиям несколько суровый и сумрачный вид. В этом же стиле был воздвигнут архитектором Элиелем Саариненом городской железнодорожный вокзал, известный архитектурный памятник, упоминающийся почти во всех учебниках. Город для тебя начинается с этого вокзала и сразу определяет твое восприятие остального. Чуть позднее в 20—30-е годы в финской архитектуре восторжествовали идеи функционализма, которые получили широкое распространение в мировом градостроительстве. Современный финский офис, торговое учреждение или просто жилой дом представляет собой оригинальное извне здание (но без всяких излишеств), в интерьере которого все продумано до самых мелочей, начиная с оконной задвижки. В сфере дизайна, архитектуры и конструирования мебели — финны действительно достигли гармоничного и рационального соотношения между функцией, назначением вещи и ее внешней формой. Мне довелось побывать на юбилейной выставке АРТЕК'а, Общества финского дизайна, которое было создано еще в 1935 году. Очертания вещей, созданных членами общества еще в 30-е годы, выглядят современными и изящными и в наше время. Крупнейшей фигурой Финского функционализма, безусловно, был Алвар Аалто, одним из последних творений которого и был Дворец «Финляндия», белоснежной птицей распростершийся на берегу залива.

В Хельсинки много памятников. Их видишь в парке, на зеленом ковре травяного газона, перед входом в дом, на самой оживленной части улицы, где всегда движется людской поток. Обычно они стоят на низких постаментах и тем самым как бы приближены к прохожим, к ним можно подойти, тронуть рукой. В них нет ложной помпезности, давящей монумент-

тальности и в то же время они свидетельствуют о той любви, которую питает небольшой финский народ к своим государственным деятелям, поэтам, ученым и даже спортсменам. На углу Саломон кату и Маннергейминтиеве воздвигнут памятник президенту Финляндии в послевоенные годы Ю.К.Паасикиви, политическая деятельность которого во многом определила развитие дружественных связей с Советским Союзом. Этот политический курс с тех так и называется «линия Паасикиви — Кекконена». Памятник представляет собой две разновысокие глыбы полированного черного гранита, своими плавными обтекаемыми очертаниями они устремлены ввысь и одновременно друг к другу, хотя между ними остается небольшой зазор. В этом кусочке свободного пространства ощущается борение неких сил и по замыслу скульптора Кивиярайа сближение двух тел символизирует процесс взаимного тяготения Европы и Азии. В этом процессе большую роль играла и играет Финляндия и это было одним из важнейших жизненных деяний Паасикиви.

Напротив крупнейшего финского универмага «*Stockmann'a*» находится другой символический монумент: три мускулистых рабочих бьют молотами по наковальне. Энергия удара определяет динамику фигур и словно воплощает не столь заметный при поверхностном восприятии рабочий ритм города, который строит могучие корабли на своих больших верфях, конструирует станки, электротехническое оборудование, делает мебель, бумагу и экспортирует продукцию самого высокого качества во многие страны мира.

У Олимпийского стадиона Хельсинки неутомимо продолжает свой бег бронзовое тело знаменитого финского стайера Пааво Нурме. 24 раза ему удалось обновлять мировые рекорды на различных дистанциях.

Можно было бы написать сюиту о памятниках Алексису Киви, крупнейшему поэту XIX века, своеобразным национальным поэтам Эйно Лейно и И.Л.Рунебергу, З.Топелиусу и многим другим деятелям национальной культуры. Дух самой музыки витает над органными трубами, венчающими скалу-памятник в парке композитора Яна Сибелиуса. Есть много небольших статуй, образцов так называемой садовой скульптуры, где реализуется свободная игра объемов и абстрактных масс, некий порыв и движение полуантропоморфных фигур.

Но душа города, хотя и живет беззвучно в облике его домов, памятников, она прежде всего видна в поведении людей, его населяющих. Уже стало дежурным штампом говорить о невозмутимости и молчаливо-замкнутом характере финнов. Я бы сказал, что наблюдение за прохожими на улицах города опровергает это расхожее мнение. Финны-горожане очень оживленно болтают между собой за столиками крохотных кафе прямо на тротуаре, с пафосом обсуждают свои житейские проблемы, весьма энергично жестикулируют, потягивая популярное прозрачно-золотистое пиво «Koff». И все же даже сами финны говорят о «*Suomalainen sisu*», — финском нутре, характере. *Sisu* — многозначное слово, которое может выражать «нрав, характер; упорство, стойкость и упрямство». Действительно, финнам присуща некая твердость характера, подобная прочности древесины карельской березы, и упрямство, настойчивость в достижении поставленных целей. Возможно, эта черта отличает и другие северные народы, норвежцев, датчан, шведов, которым приходилось жить в нелегких природных условиях, много и упорно трудиться, отстаивать свое национальное своеобразие. Конечно, природа накладывает свой неизгладимый отпечаток на характер того или иного народа. Наиболее заселенной является меньшая, южная часть страны, где расположены крупные города Турку, Лахти, Тампере, Пори и Хельсинки. Своеобразен северный край — страна Лаппи, Лапландия, куда все финские ребяташки в канун рождества отправляют поздравительные открытки в адрес финского Деда Мороза. Озера и леса — это обычный финский ландшафт. Несмотря на большие лесные разработки финны очень бережно относятся к природной среде, стараясь сохранить ее целостность. Даже в городе каждый ее кусочек любовно оберегается, строят таким образом, чтобы он органично вписался в пространство города: будь то гранитная скала, небольшой лесок. В Хельсинки много зеленых парков, где предоставлена свобода детям и спокойно отдыхают пожилые люди.

Одним из таких парков является «*Kaivopuisto*». Именно здесь в воскресенье, 11 августа прошел международный концерт под девизом «*Helsingin henki*» — «Дух Хельсинки». Когда мы приближались к парку, то слышали знакомую мелодию песни «Миллион алых роз...», которую исполнял известный

финский певец Пелле. Около 8 тысяч зрителей собралось под открытым небом, чтобы увидеть популярных исполнителей таких, как например, рок-группа «*Sielun veljet*» («Братья души»), бывшая кстати сказать, участником культурной программы только что прошедшего XII Международного фестиваля в Москве. Причудливые прически и костюмы членов группы, их беспрестанные метания по сцене, музыка в ключе «тяжелого рока» свидетельствовали отнюдь не о бесстрашном финском темпераменте. Хотя согласно августовскому опросу популярного рок-журнала «Сусикки» «Братья души» занимают лишь 10-е место в Финляндии и ее опережают гораздо более популярные «Динго», «Ханой рокс», «Йо», «Зеро найн» и другие, исполнение ансамблем своей программы оставило хорошее впечатление. Во время концерта известная шведская актриса, исполнительница главных ролей во многих фильмах Ингмара Бергмана, Биби Андерссон зачитала текст заявления от имени Международного комитета «Деятели искусства и литературы за мир». Среди зарубежных участников концерта в Кайвопуйсто был представлен также ансамбль из Намибии, шведская группа «Астон Реймерс Райвалер», английская певица Кармел, а также наша Жанна Бичевская. Одна из исполненных ею песен начиналась словами, которые можно считать еще одной метафорой, так созвучной духу Хельсинки: «Я речь свою веду о том, что вся земля наш общий дом...» Словом, концерт, организованный ПАНД'ом, финским отделением Всемирного комитета мира, удался и несмотря на пошедший во второй половине дня дождь завоевал симпатии зрителей, которые пришли сюда семьями, с друзьями и весьма непринужденно обменивались мнениями и громкими криками приветствовали своих любимцев. Атмосфера концерта была домашняя и самая дружелюбная.

А рядом шумело море, бежали барашки волн по серо-свинцовой глади, круто кренились от свежего ветра мачты яхт и щемящие душу крики чаек разносились над водой.

Жители Хельсинки любят свое нетеплое, немного суровое море. И потому часто предпочитают проводить свой досуг на островах, которых немало вокруг города. Одним из популярных маршрутов является поездка на *Suomenlinna*. Его шведское название *Sveaborg* более знакомо нам. Именно здесь располагалась большая морская крепость, где в 1905 году

вспыхнуло вооруженное восстание русских моряков. Сейчас это тихое место, на мощных стенах бастионов проросла зеленая травка. Здесь можно купаться, загорать на гладких гранитных валунах. В августе на острове открылся центр искусств северных стран. В рамках этого центра была представлена выставка молодых живописцев из Дании, Финляндии, Швеции, Норвегии и Исландии, а также открытая экспозиция движущихся деревянных скульптур. Норвежская принцесса Соня участвовала в торжественной церемонии открытия центра. Другой популярный остров это *Korkesaari*, где находится прекрасный зоопарк. В нем звери содержатся почти в естественных условиях и чувствуется, что уход за ними осуществляется очень тщательно и заботливо.

Август — это время, когда в городе идет непрерывная череда самых разнообразных выставок. Они посвящены различным видам прикладного искусства» (например, это художественное стекло и фарфор фабрики «Arabia»), в Национальном музее развернута экспозиция под названием «Рождение Калевалы», посвященная 150-летию финского национального эпоса и организованная Финским литературным обществом на основе своих фольклорных архивов. Приятным сюрпризом была выставка, представляющая творчество советских архитекторов, братьев Весниных. Их поиски в рамках стиля конструктивизма в 20—30-е годы явно были близки к идеям и концепциям, выдвинутым финским функционализмом.

Богата и музыкальная жизнь города. Традиционный Хельсинкский фестиваль — «*Helsingin Juhlaviikot*» — привлекает музыкантов-исполнителей из разных стран. Темой фестиваля нынешнего года была музыка Баха, Генделя и Шютца. И она звучала не только в концертных залах, но и в строгой, торжественной атмосфере самых больших городских кирок — Йоханнеса и Микаеля Агриколы, чьи шпили высоко возносятся над крышами обычных жилых домов. Мощное звучание органа так естественно сочетается с нагим и строгим интерьером *Tempeliaukionkirkko*. Эта протестантская церковь вырублена в цельной скале и ее круглый зал с неровными выступами гранитной породы, которые составляют цоколь, весь стягивается в верхней части матовым плафоном, струящим неяркий горный свет. И далее уходит ввысь гладкая

медная сфера. Когда смотришь на нее, то невольно проникаешься ощущением высоты. Здесь царствует музыка и она стиснутая в пространстве тоже стремится к этому свету. Музыка и свет... Музыка, свет и крупные изломы темноту, как спекшаяся кровь, гранита.

Будучи в Финляндии я не мог не вспомнить о тех финских ученых, которые в свое время оставили значительный след в чувашской филологии. Конец XIX века, на который приходится расцвет национального романтизма в финской культуре, захватил и ученых-филологов, этнографов, историков. По своей натуре финны, пожалуй, не очень подвижный народ (хотя в международных ралли самого различного ранга в числе первых призеров, как правило, есть один-два финских гонщика, но это уже веяние нашего, лихорадочного XX-го века), но в поисках своих истоков, выясняя родственные отношения со многими народами, проживающими на просторах Евразии, финские ученые много путешествовали и достигали самых удаленных уголков, как нашей страны, так и других стран — Китая, Тибета, Маньчжурии, Индии, Монголии. Членами Финно-угорского общества (*Suomalais-Ugtilainen Seura*) был собран на протяжении второй половины XIX и начала XX-го века огромный фактический материал по материальной и духовной культуре многих народов. Ряд известных ученых посещали и места, где проживали чуваша, с целью изучения языка, записи образцов народной словесности, выяснения связей чувашского языка с языками Урала и Поволжья. Среди них мы можем упомянуть с благодарностью Августа Альквиста, Урьо Вихмана, Густава Йохана Рамстедта, Хейкки Паасонена, Мартти Рясненена. Вот уже для ряда поколений чувашских языковедов, историков и этнографов собранные ими материалы по чувашскому языку и фольклору, а также монографии по сравнительно-историческому изучению чувашской лексики стали бесценными настольными книгами. Почти все они были опубликованы в знаменитой серии Трудов финно-угорского общества и тем стали доступными всему ученому миру. Я зашел на Отделение азиатских и африканских исследований Хельсинского университета. Его основные корпуса находятся совсем неподалеку от Сенатской площади, которая в совокупности окружающих ее зданий живо напоминает нам

Петербург-Ленинград. В свое время Хельсинки, будучи провинцией России, верно следовал петербургской архитектурной моде — стилю неоклассицизма. На Отделении я поинтересовался нынешним состоянием тюркологических исследований в университете и продолжают ли в какой-нибудь форме традиции изучения чувашского языка. К сожалению, отмечал секретарь Харри Гален, из языков нашей страны в настоящее время устойчивый и закономерный интерес вызывает только финноугорские и самодийские, родственные финскому. Разработок по тюркологии почти не ведется, хотя в университетской библиотеке имеются прекрасные фонды, где представлена учебная, научная и художественная литература по многим тюркским языкам, в том числе и по чувашскому. Было приятно видеть монографии наших ученых Н.И.Ашмарина, В.Г.Егорова, И.А.Андреева, М.Р.Федотова и других на книжных полках читального зала для студентов.

Лицо города это и его книжные магазины. Один из крупнейших — «*Akatemien Kirjakauppa*» — магазин «Академической книги». Финская бумага и полиграфия имеют традиционно высокий уровень. Все это делает финскую книгу вещью, которую с удовольствием берешь в руки, любишь ей. В отделе русской книги представлена и классика, а также известные современные авторы Трифионов, Залыгин, Распутин, Пулатов. Русская литература вызывает большой интерес у финского читателя. Много авторов переведено на финский, творчество их изучается на отделениях славянской и русской филологии. В этом году, например, в университете Ювяскюля прошла представительная конференция по творчеству Велемира Хлебникова в связи со 100-летием со дня его рождения. Кстати, несколько слов о финской прессе. В небольшой стране, где население всего составляет 4,9 миллиона человек, издается 97 ежедневных газет общим тиражом около 3 миллионов экземпляров. И это не считая разных журналов: тематических, иллюстрированных, женских, детских и т.д. Наиболее читаемой газетой является «*Helsingin sanomat*». Один ее номер составляет почти 50 страниц, а воскресный — 100 страниц. Естественно, что большую часть печатной площади это информация, реклама с предложениями цен и объявления. Утренний просмотр «Хельсингин саномат» — привычная процедура для многих горожан, также

как и традиционная чашечка кофе с бутербродами.

14 августа в кинотеатре «Форум», что находится на Маннергейминтие, состоялась премьера нового финского музыкального фильма «*Da Capo*». В основу фильма положена история жизни талантливого финского скрипача-вундеркинда Хеймо Хайто. Еще в 30-е годы он поражал взыскательную музыкальную публику своим виртуозным и проникновенным исполнением. Совсем еще мальчиком он начал гастролировать по всему свету, был солистом Нью-йоркского симфонического оркестра, долгое время жил в Америке, уже в зрелом возрасте прошел через полосу творческого кризиса и душевных смятений (что, кстати, не так редко случается с представителями финской творческой интеллигенции, которые по своему — затаенно и глубоко — переживают противоречия современной жизни). И наконец скрипач возвращается на родину. Это было трудное возвращение, но думается (и в этом, как мне кажется, основная идея фильма), что настоящий художник всегда **возвращается** под кров отчего дома, чтобы прикоснуться к корням, припасть к истокам и только так он обретает искомую гармонию. В фильме хорошо раскрыта внутренняя психологическая сторона жизни музыканта, который, с одной стороны, сохраняет в себе чистоту и наивность ребенка (память о золотом детстве это, пожалуй, наиболее устойчивый мотив любого вида творчества), с другой, на душу его влияют самые разные силы. Недаром еще Достоевский (словами Мити Карамазова) говорил: «...красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Эти слова можно считать ключом к прочтению «*Da Capo*». В фильме процесс становления души и обретения ею знания о красоте показан в сложном драматическом столкновении характеров самого героя, его любимой и старого маэстро. Их роли, соответственно, были сыграны известными финскими актерами Раймо Карпиненом, Реа Мауранен и Тармо Манни. Последний на прощанье написал мне такие патетические слова: «Люблю, уважаю вашу страну, людей и их чувства, Ваш и с любовью! — Тармо Манни».

Финская кинематография пока еще, вероятно, находится на таком этапе развития, когда идет напряженный поиск собственного языка и выразительных средств. Недаром

режиссеры фильма Пирьо Хонкасало и Пекка Лехто, как и в прежнем своем фильме «Огненная голова» (этот фильм шел на наших экранах), посвященном жизни финского писателя Майю Лассила, избрали сюжет, который так или иначе связан с судьбами финского искусства в целом. В этом смысле фильм «*Da Capo*» символичен (буквально его название означает «с начала»), на примере судьбы одного художника он показывает, что национальное искусство в процессе своего становления может пройти самые различные искусства (так в финской литературе и живописи с начала века мы видим следы различных влияний — импрессионизма, примитивизма, экспрессионизма, гиперреализма и т.д.), но в конце концов оно должно очиститься от всего наносного, внешнего и обрести свое лицо. Фильм «*Da Capo*» заканчивается как будто на пессимистической ноте: герой вернулся домой, но в душе его разлад, он чувствует себя опустошенным. Но я забываю еще об одной стороне фильма — самой музыке, которая так властно заполняет паузы и досказывает то, что не вошло в диалоги, в зрительный ряд. Музыка остается, ведь она воплощает дух надежды. Финал фильма это торжествующая мелодия из Скрипичного концерта №1 Брука. Она длится и длится, проникая в наши сердца...

Последние дни пребывания в Хельсинки слились в сплошной калейдоскоп впечатлений. И уже потянуло домой. Как гласит финская пословица: «*oma taa mansikka, muu taa mustikka*» — «свой край — земляника, чужой край — черника». И хотя время ягод уже прошло, но, воистину, «дым отечества нам сладок и приятен...»

И снова — вокзал. Железнодорожный прощальный горизонт распахнут перед тобой. Замелькали пригороды Хельсинки, и вот уже первая станция от столицы — Риихемяки, затем — Коуволла, Лахти. За вагонным стеклом мелькают зеркала озер, синеватая кромка леса, крохотные поля, которые буквально вырваны человеком у естественной природы. Ведь финну-крестьянину нужно было срубить лес, выкорчевать пни, убрать огромные гранитные валуны, сделать песчаную почву пригодной для земледелия. Много труда вложено в эти поля, потом не одного поколения они политы. Сейчас идет уборка урожая. Мини-трактора и мини-комбайны, как трудолюбивые жуки, ползут по кромке поля. Невольно вспомни-

лись строки Эйно Лейно, крупнейшего поэта в истории финской литературы, которого называют «последним калевальским певцом»:

Осень пришла, запестрела снопами,
Ветви под спелыми гнутся плодами.
Время жениться, петь песни, смеяться —
Завтра, быть может, с землей расставаться.

Пламенно солнце сейчас нас целует,
Ветер восточный, пылающий, дует.
Сено, сушишь, и потоки бегите!
Жизни станок ткёт священные нити.

...Вдоль железнодорожного полотна тянется шоссе. По краю его то здесь, то там — маленькие хутора, отдельные дома. Редко где увидишь фигуру человека. Последняя остановка на финской земле — пограничный пункт *Vainikkala*. Через несколько сот метров Лужайка и мы, можно считать, уже дома.

P.S. В Хельсинки и SUOMI приходилось много бывать и в последующие годы. Мало что меняется в этой спокойной северной стране. Фельдмаршал Карл Густав Маннергейм, имевший солдатский жетон за номером 000001, герой так называемой Зимней (для финнов — Отечественной) войны 1939 г., по сути советской агрессии против независимого государства, ориенталист, путешественник по Центральной Азии, выдающийся политик и военачальник XX-го века, всегда был, есть и будет чтим и уважаем как фигура № 1. (Кстати, Ульянов-Ленин также уважаем и его музей в Тампере действует). Финское пиво также отменное. Архитектура и дизайн, что и говорить, по-прежнему на высоте.

Но есть и перемены. Заметна большая интегрированность финнов в общеевропейское социокультурное пространство (еврофобии практически уже нет), многие финны свободно говорят по-английски (чего не было прежде), как и во всех, пожалуй, в европейских столицах много людей афроазиатского и иного происхождения (полиэтничность, мультикультурализм как признаки постиндустриального общества) на улицах, в университете, в публичных местах. В

одном баре в *Korso* мне впервые в жизни довелось услышать албанскую речь (этот уникальный индоевропейский язык). С другой стороны, ощущается отчужденность от восточного соседа — России (при том, что Советский Союз остался должен Финляндии 1,7 млрд. \$), с ее вечными проблемами и, одновременно, активизация культурных контактов с российскими финноуграми.

Культурные инициативы, как и раньше, очень действенны и ощутимы (в прошлом 2000-м году, например, Helsinki вместе с еще восемью городами имел статус «культурной столицы Европы»). Эти культурные акции разнообразны. Летом этого года, скажем, они частично осуществлялись под лозунгом *Art goes Kapakka* (искусство идет в кабаки), то есть выходит на улицы и площади, действительно, заходит в рестораны, бары и т.д. Наверное, своего пика культурная озабоченность и активность финнов 2001 достигла в «Ночи искусств» (*Taiteiden yö*) 30 августа, эта Ночь закономерно венчает все тот же традиционный фестиваль — *Helsingin Yuhlaviikot*. Людской поток на ночных улицах, искусство во всех его мыслимых и немыслимых формах, воплощениях и способах представления воистину везде. В эту ночь, можно было бы сказать по-ленински, что **оно (искусство) принадлежит народу**.

Финны способны производить хиты международного уровня. В гонках класса «Формула 1» мы видим уже трех финских пилотов: Мика Хаккинен, Кими Райконен, Мика Сало. По обеспеченности сотовыми телефонами (у самого маленького шкета имеется свой мобильник) и пользованию Интернетом финны уверенно лидируют в мире. NOKIA — всемирно известная компания новейших информационных технологий.

«Helsingin Sanomat» переехала в новое, прозрачно-стеклянное, здание, которое одновременно представляет собой и своеобразный культурно-общественный центр. Рядом — выгнутый металлический ангар — здание музея современного искусства «Kiasma». Это все в самом центре города, рядом с памятником К.Г.Маннергейму, где он восседает в финской зимней шапке на коне.

... В баре на *Robertinkatu*, когда мы попивали все то же пиво «Koff», проследовал в длинном черном плаще, с бе-

лыми кружевами на груди, в руке трость со здоровенным набалдашником, темные очки (à la Jimi Hendrix) легенда финского рока Andy McCoy (урожд. Antti Hultonen), солист группы «Nanou Rocks», алкаш, наркоман, в сопровождении своей жены миллиардерши-американки. И легенды иногда воскресают.

Становясь европейцами, некоторые финны остроумно перефразируют название знаменитого романа Джеймса Джойса «*Finnegan's Wake*» (Пробуждение Финнегана) как *Finns again wake* (финны вновь пробуждаются). И в то же время они не спешат, не уходят целиком в «лихорадку буден» и часть финской души остается погруженной в медитацию. Финны охотно предаются общению с лесом («лесные братья»), созерцанию птиц (душевная орнитология) и любят жить за городом.

Живя также в *Vantaa, Nikinmäki*, в доме — где с одной стороны сад, с другой — почти лес, минимально присутствие людей (... ранним утром вдруг видишь силуэт соседа в просвете между елью и можжевельником. Удаляется, потом возвращается и куда-то исчезает). П у с т о т а, и только деревья, птицы, цветы — твои друзья. Почему-то я осознал это **там**, а не здесь. Наверное, в этом заключается иррациональный смысл любого путешествия. «Ангел: свеча, клонящаяся к северу сердца» (Рене Шар).

2001, август

ХУШ, КАЗАН! — ДО СВИДАНИЯ, КАЗАНЬ!
(некоторые впечатления от Дней литературы
и искусства Чувашии в Татарской АССР)

В семь ярусов Сюмбекин минарет.
Тускнеет полумесяц. Ярче флаг.
Поэтам Татарстана мой привет!
Мой дом — ваш дом, и я у вас
кунак.
Педер Хузангай.

... Эти дни прошли столь стремительно, что, кажется, только вчера мы ступили на порог Казанского речного порта, где уже плескалось, пока еще сдерживаемое, огненное кружево чувашско-татарского танца, где звенели в полуденном солнечном свете чувашские и татарские песни и, конечно же, дружеские объятия, улыбки, смех, цветы, цветы и цветы... Развевались алые полотнища плакатов и транспарантов, а слова, которые были на них написаны («чувашияден килген кадерле кунактарга кайнар селям!») были понятны без всякого перевода, ибо шли они от сердца. И вот тебя уже подхватывает и несет по улицам Казани, а затем и по сельским путям-дорогам эта стихия праздника, который наконец вырвался на широкие просторы гостеприимной земли Татарстана, зажигая в сердцах многочисленных слушателей, зрителей, все новых и новых друзей ответный порыв чувства — чувства признательности, чуткого внимания и любви.

Казань для нас, гостей из Чувашии, особенно родное и близкое место. Здесь начинал свой путь в науку всемирно известный востоковед, сый чувашского народа Никита Бичурин (о.Иакинф), первым чувашом-студентом Казанского универ-

ситета был великий И.Я.Яковлев, который именно в студенческие годы приступил к осуществлению подвига всей своей жизни (создание чувашского букваря, письменности и национальной школы), в Казани начиналась чувашская гуманитарная наука (языкознание, история, этнография, фольклористика). Творческая биография и судьба многих крупнейших деятелей чувашского искусства и литературы пересекается с этим городом. Вообще, когда мы затрагиваем тему «Казань и развитие чувашской культуры», мы неизменно употребляем слова «впервые», «первый». Первая чувашская газета «Хыпар», зарождение чувашского театра и профессиональной живописи, публикация первых известных нам авторских стихотворений на чувашском языке в конце XVIII века, деятельность первого историка и этнографа из чуваш Спиридона Михайлова-Яндуша, издание в 1923 году антологии чувашской литературы на татарском языке «Чуваш эдебиятты» Зарифом Башири (это была первая переводная антология в истории чувашской литературы!) и многое др.

Все эти факты культурных и литературных взаимодействий я держал в своей памяти, когда мы садились на белоснежные «Метеоры» в воскресенье 25-го мая и помчались по водной глади нашей великой реки Атӑл-Идели навстречу празднику, который нас ожидал. Но для многих членов нашей делегации земля татарская является родной и в самом непосредственном смысле. Здесь родились и выросли, делали первые шаги в литературе поэты Порфирий Афанасьев, Валем Ахун, Михаил Сениэль, критик Николай Дедушкин, некоторые учились здесь.

Программа Дней литературы и искусства Чувашской АССР в Татарской АССР была плотной и насыщенной, но все же выпадали некоторые часы, когда я пытался осмыслить, привести в порядок ворох разрозненных впечатлений от всего увиденного и услышанного. С одной стороны, радуешься тому, что у нас есть чем поделиться со своими соседями в области литературы и искусства, продолжающего чувашские народные традиции (выступления Чувашского государственного ансамбля песня и танца, народного ансамбля танца «Сувар», ансамбль «Җавал», хоровое пение) и, тем не менее, я должен отметить, что во время концерта открытия наибольший успех (из 23 номеров программы) выпал на долю вокально-хоре-

ографической композиции «Солнце, радость, мир», исполненной лауреатом премии комсомола Чувашии им. М.Сеспеля ансамблем песни и танца Чебоксарского Дворца пионеров (постановка Нины Вагаповой). Это была, действительно, чистая нота детства, радужное море света и красок, которые не могли не завоевать симпатий аудитории. Хотя я не поклонник чувашского балета (если таковой вообще существует?), но следует вторым номером по сорванным аплодисментам в этом концерте поставить Па-де-да из балета «Корсар», исполненный солистами балета Чувашского государственного музыкального театра Еленой Лемешевской и Владимиром Григорьевым. Изящный росчерк движений, почти безукоризненное фуэте Е.Лемешевской, наверное, порадовали ценителей балетного жанра, но в общей фольклорно-народной канве концерта остались лишь изысканной «заморской» безделушкой. Правда, такие вненациональные номера в программе концерта открытия и заключительного были еще, а хотелось бы все же, чтобы здесь царила стилистика чувашская, национальная. Это закономерно. Ведь своим соседям мы хотим показать не **искусство** вообще (и, пожалуй, особенно в сфере исполнения классического репертуара, да и своей национальной музыки нам особенно трудно конкурировать с татарскими коллегами, у которых и прекрасные голоса, и широкие возможности для доведения музыки до слушателя), а **свое, родное**, уходящее корнями в эту почву. Специалисты называют это «национально-песенной почвенностью», но нынешняя чувашская композиторская школа в наиболее ярких своих проявлениях (камерная музыка и романсы Г.Анчикова, творчество А.Васильева, М.Алексеева) смело решает задачу расширения интонационных границ нашей музыки, ставит перед собой более сложные задачи. Но для того, чтобы она смогла подняться на новый качественный уровень для этого нужно готовить национальные кадры и необходим свой симфонический оркестр. Об этом мы беседовали уже на обратном пути с председателем союза композиторов Чувашии А.Васильевым. Музыка не должна оставаться в столе композитора, ей необходима аудитория. Для этого она должна исполняться не от случая к случаю, а регулярно.

Находясь в гостях, естественно, отмечаешь для себя то, чему можно поучиться у наших гостеприимных хозяев.

Заметна, например, серьезная работа по воспитанию подрастающей смены со стороны Союза писателей Татарии. В республике для этого есть разные возможности. Издаётся «комсомолка» на татарском — «Татарстан яшьләре» (тираж — около 170000), молодежный литературный альманах «Идель» (2 раза в год), который должен стать в перспективе журналом типа «Юности», популярны серии «первая книга молодого поэта», «первая книга молодого критика». Молодые широко печатаются и на страницах газет и толстых журналов. Раскроем майский номер журнала «Казан утлары». В связи с Днями в нем помещена большая подборка произведений чувашских авторов П.Афанасьева, Ю.Семендера, Хв.Агивера, Р.Сарби и др., а кроме этого поэма «Мост» молодого 23-летнего татарского поэта Ркаила Зайдуллы, где раскрываются истоки дружбы чувашского и татарского народов, тема истории скрещивается с современностью. Кстати, сам Ркаил является нашим земляком (из Комсомольского района) и в эти дни был участником I-го совещания молодых поэтов тюркоязычных республик Поволжья и Урала, проходившего в нашем пансионате «Сильби» (Кувшинка). Мне довелось слышать в Казани хорошие отзывы об этой поэме.

В районном центре Балтаси поэт Ренат Харис, один из активных и деятельных пропагандистов чувашской поэзии на страницах редактируемого им журнала «Казан утлары», познакомил меня с «восходящей звездой» татарской женской поэзии 19-летней Алсу Гайфуллиной, работающей сейчас вожатой в районном Доме пионеров. По-чувашски скромная, милая девушка. Во время одной из редких пауз между выступлениями мы с Ренатом почитали стихи молодой поэтессы, и сразу стало ясно, что ее внутренний мир чувств сложен и драматичен, что она чутко вслушивается в биение собственного сердца. Ее стихи я бы сравнил о чистыми каплями утренней росы, настолько они прозрачны и целомудренны. Остались в памяти строки из стихов Алсу об уходящем лете девичества, крик матери Апуша (так ласково звали в детстве Габдуллу Тукая. — *А.П.*): «верните мне сына!», о серебряной россыпи звезд на черном бархатном небе...

Словом, молодые таланты бережно опекаются, они постоянно находятся в поле зрения и им не создают искусственных преград.

Выставка «Художники Чувашии», которая открылась 26 мая в Казани, в целом дает достаточно полное представление о национальном почерке наших живописцев, графиков и скульпторов. Я бы особо отметил то стилевое направление, которое условно можно назвать школой чувашского «импрессионизма». Это такие работы как «Тапă. Там, где водят хороводы», «Земля» Н.Енилина, «Родник под старой ивой», «Косые подолы дождей» В.Карандаева, «Осенний день», «Зимний мотив» П.Петрова, «Летний вечер» Ю.Матросова, «Кумаркино» В.Сандомировой. Я умышленно акцентирую внимание на работах относительно молодых художников, ибо несмотря на непохожесть внешней манеры письма, их объединяет нечто неуловимое — они стремятся передать через скромную прелесть обыденного и незаметного чувашское начало. Есть какая-то задумчивость и потаенная грусть в этих пейзажах, глубина настроения. И две скульптуры в традиционном для чуваш материале — дереве — работа С.Кадикина «Ветер чужой стороны (М. Сеспель на Украине)» и «Памяти поэта» П.Пупина. Чувствуется, что сюжет обоих произведений не случаен, что авторы долго обдумывали пластический образ именно поэта. Это и определило выбор угловатой, резколомающейся линии, которая как бы напоминает шрамы-порезы, полученные телом при столкновении с грубой реальностью. Триптих офортов в технике акватинты Праски Витти (И.Я.Яковлев, К.В.Иванов, М.Сеспель) есть попытка через наиболее значимые, хрестоматийно знаковые образы великого просветителя и двух великих поэтов в истории чувашской литературы передать драматизм судьбы народной. Здесь даны даже не портреты отдельных личностей, а как бы символы их подвижнической жизни, которая вся прошла под знаком возрождения чувашского народа.

Первые два дня, проведенные в Казани, радушное гостеприимство, с которым нас встречали повсюду, концерт открытия, творческое общение с первых же часов дали хороший заряд энергии и бодрости на все последующее время. Четыре подлинно творческие бригады из поэтов, солистов, художников, музыкантов, включая татарских писателей, разъехались по своим маршрутам, чтобы ближе познакомиться с достижениями замечательных татарских тружеников в промышленности и сельском хозяйстве, чтобы увидеть своими

глазами, чем живет, дышит, волнуется человек, стоящий у станка, или ведущий борозду по бескрайнему полю.

Вот один из маршрутов: Казань — Мамадыш — Елабуга. Рассказывает поэт Юрий Айдаш, лауреат премии Чувашского комсомола им. М.Сеспеля:

По всему пути — праздничные флаги, транспаранты, улыбки, цветы... Было много встреч с тружениками Камского леспромхоза, в сельском Доме культуры колхоза «Чулпан», большой концерт вечером в райцентре Мамадыше. ...Елабуга — старинный тихий городок, но облик его стремительно меняется. Здесь строится новейший Камский тракторный — завод XXI-ого века, равный по мощности знаменитому КАМАЗу. Особенно теплой и сердечной была встреча со студентами Елабужского пединститута. И вот костер дружбы на берегу Камы, на лесной опушке. Чувашские и татарские песни, танцы... Радость единения, общения, соприкосновения душ. Встречают не меня лично, не нашу делегацию только, а в нашем лице — чувашский народ. Это чувство вдохновляет, хочется тоже петь, встать в хоровод, читать и читать стихи. Праздник постепенно становится внутренней радостью сердца. Но это чувство и обязывает — ты говоришь не только от себя, ты должен рассказать больше и лучше о своем народе, найти самые искренние слова. Это ответственно...

Прекрасные места, широкие речные просторы — недаром здесь родился знаменитый пейзажист И.Шишкин... Минута памяти, возлагаем цветы на могилу Марины Цветаевой, чья жизнь трагически оборвалась здесь в 1941 году. Мне вспомнились стихи: «...Разбросанным в пыли по магазинам. Где их никто не брал и не берет, Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед». Читала стихи Цветаевой и сама экскурсовод.

Наша поездка осталась в памяти светлой вереницей самых разнообразных впечатлений, когда вдруг в разговоре сталкивались, обнаруживая свое коренное родство, татарские и чувашские слова, сплетались в единый красочный узор песни обоих народов, а язык танца был способен передать любое чувство и мысль. Ведь эти Дни прежде всего показали, что все мы хотим самого простого — счастья и мира. И это, может быть, самое прекрасное стремление. Потому что оноечно...

Когда я узнал, что попал в состав группы, направляемой в Арский и Балтасинский районы, я был рад вдвойне. Потому что уже давно мечтал побывать в Новом Кырлае, селе, где прошли детские годы великого татарского поэта Габдуллы Тукая, 100-летие со дня рождения которого широко отмечается ныне по всей Татарии. Сам поэт писал так:

Есть аул вблизи Казани, до названию Кырлай.
Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!

Хотя я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,
На земле его работал — сеял, жал и боронил.

Сторона эта лесная вечно в памяти жива.
Бархатистым одеялом расстилается трава.

Сейчас здесь красивый двухэтажный музей Г.Тукая, выполненный по проекту одного из старейших татарских художников Баки Урманче. Образы тукаевской поэзии окружают тебя уже в вестибюле музея — деревянные резные шурале и водяные. Экспозиция музея разнообразна и интересна: немногие подлинные вещи поэта, его сестры Газизы, прижизненные публикации книг, журналов и газет, в которых сотрудничал Габдулла, выставка «Тукай в изобразительном искусстве». А у входа в музей многочисленных гостей встречает сам поэт, как бы присевший немного отдохнуть перед долгой и трудной дорогой. Как писал Сибгат Хаким: «В Заказанье Тукай запасся духовной пищей на всю жизнь... Тукая взрастил и вскормил сам народ. Будто знал наперед, что оплатит ему сторицей благодарный поэт, не оставляя его в беде, подбадривал, утешал. Читаем мы сейчас стихи Тукая и думаем — откуда такая сила? От родной земли, от народа... Семь лет творческой жизни поэта — это непрерывный подвиг. Творческий подвиг... Что это значит? Писатели, прожившие долгий век, мне кажется, могут делить жизненные невзгоды примерно поровну — на все количество прожитых лет. На слабые, хрупкие плечи Тукая все обрушивается сразу... Писательский подвиг его в том, что он бесстрашно говорил правду».

Наша делегация возложила к подножию памятника великого татарского поэта скромный, но драгоценный дар — веточку сирени, которая была сорвана у памятника Кон-

стантину Иванову в Чебоксарах. Эта хрупкая веточка проделала с нами весь длинный путь до Тукай-Кырлая и она легла приветом от чувашского собрата, ровесника, также прожившего короткую, но яркую жизнь во имя родного народа и родного языка. Удивителен и весьма примечателен параллелизм жизненной и творческой судьбы двух великих сынов братских народов. И, конечно же, мы говорили об этом, говорили о глубоких исторических корнях наших народов, приводили примеры других параллелей. Разве деятельность великого татарского просветителя Каюма Насыри не напоминает нам дело «отца чувашской нации» И.Я.Яковлева, разве страстное поэтическое слово Хади Такташа не откликается в строках «огненного ангела» чувашской поэзии Михаила Сеспеля, а мудрая, глубоко человечная лирика Хасана Туфана не близка искреннему, выстраданному творчеству Васyleя Митты?

Мы своими глазами увидели ту всеобщую любовь и почтение, которыми окружен Тукай в татарском народе, в среде творческой интеллигенции, как много делается — особенно сейчас — для возвеличивания его имени. И это не может не заставить задуматься о грядущем уже скоро (в 1990 году) 100-летию нашего Константина Иванова. Здесь можно было бы многому поучиться у татарских друзей и, я думаю, соответствующим лицам следовало бы взять себе на заметку, что можно сделать и как это нужно делать.

...И снова встречи, встречи. В Арской районной библиотеке приятной неожиданностью для нас оказалась литературная композиция о Чувашии, подготовленная силами читателей и работников, где прозвучали строки и на чувашском. Большой концерт в районном Доме культуры стал подлинным интернациональным уявом. Татарские песни сменялись искрометными марийскими дробями, чувашские поэты П.Афанасьев, В.Ахун, М.Сениэль читали свои стихи на татарском языке, что вызывало восторженные аплодисменты у благодарных слушателей. Ренат Харис рассказывал о развитии чувашско-татарских литературных связей, читал свои переводы из чувашской поэзии, стихи, навеянные чувашскими мотивами. А песня чувашского композитора Ф.Лукина «Расцветай, моя Отчизна!» сопровождала нас и в чувашском и татарском исполнении, став своеобразным лейтмотивом на протяжении всей нашей поездки. В Арском районе нас просто

поразил чрезвычайно высокий, почти профессиональный уровень художественной самодеятельности. Начиная от детского ансамбля «Кынгравлар» («Колокольчики») до мужского танцевального ансамбля и вокальной группы «Лейсан», прекрасно исполнивших композицию «Проводы в солдаты». Это был какой-то фейерверк молодых талантов и через их непосредственное искусство мы еще раз смогли заглянуть в глубину татарской души, ощутить истоки народного оптимизма, юмора и веселья. И это, может быть, было одним из самых важных итогов Дней. ...Когда Фаткуллова Зульфия перед памятником Тукая пела песню и сильный порывистый ветер как бы разбрасывал слова клочьями на шелестящие кроны берез, я как-то по-особому проникся этим настроением и вошел в эту песню изнутри, стал понимать ее без всякого перевода. Наверное, такие моменты наступали рано или поздно у каждого участника Дней. Сама атмосфера праздника рождала их.

В рамках Дней литературы и искусства в Казани в здании Татарского академического драматического театра им. Г.Камала проходили гастролы нашего Чувашского академического. До меня доходили самые восторженные отзывы о спектаклях от чувашей, проживающих в Казани (а их там, кстати, около 25 тысяч), а в своей речи на открытии Дней известный драматург, председатель Союза писателей Татарстана Туфан Миннуллин уже как профессионал, хорошо знающий все секреты искусства сцены, высоко оценил мастерство наших актеров, их умение обрисовать национальный характер ритмикой, жестом и интонацией. И все же мне удалось вырваться и присутствовать на триумфальном финале этих гастролей. «Кай, кай Ивана!» — обычно этим спектаклем в последние годы венчаются все гастролы нашего театра. Какое-то особое чувство полного единения сцены и зала царило в ходе спектакля, каждая реплика находила отклик — и вот бурные овации, море цветов, актеров долго не отпускают со сцены. И около театра еще стоят зрители, оживленно обсуждая спектакль, желая еще раз попрощаться с его участниками.

В предпоследний день состоялись встречи членов делегаций с татарскими коллегами в рамках творческих союзов. В писательском клубе им. Г.Тукая, что находится на самой оживленной улице Баумана, встретились поэты, прозаики и кри-

тики. Интересными были выступления маститых татарских литературоведов Х.Османа, И.Нуруллина, критика Р.Мустафина. Один из старейших чувашских писателей В.Н.Юдин с болью говорил о положении чувашской секции при Союзе писателей Татарии, о необходимости помощи и поддержки со стороны Союза писателей Чувашии. Автору этих строк также довелось выступить по некоторым проблемам актуальной, живой критики и ее роли сегодня, по вопросу о перспективах перевода с чувашского на татарский и наоборот.

...В самых разных ликах представала перед нами гостеприимная земля Татарстана и ее стольный град Казань за эти семь дней. Радость и польза общения с татарскими друзьями, коллегами были постоянно с нами. Связи и контакты, установленные во время Дней и литературы и искусства Татарии в нашей республике год тому назад, получили новый импульс.

1986, июнь

ФИННО-УГОРСКИЙ УЗЕЛ

(из путевых заметок литературного критика)

... 10 дней в пути, перелеты из одного города в другой: Шубашкар—Йошкар-Ола—Саранск—Ижкар, встречи, беседы, интервью, круглые столы и столы с углами, с добрыми двумя десятками авторов, чтение стихов (авторами — в оригинале, подстрочников — мной), беглый просмотр критических материалов и что-то начинает проясняться с этой новой для тебя «поэтической местностью», намечаешь для себя ориентиры, составляешь обоймы имен (по вьезшейся привычке к систематизации и упорядочиванию слуховых, зрительных ощущений и несколько растрепанных чувств). Не чувствуешь себя гостем: в чем-то схожие, смазанные летним дождем, черты провинциальных столиц (национально-безликие), везде примерно одни и те же проблемы, узлы противоречий, сходный поэтический материал. В разговорной речи угадываешь сходные с чувашскими по звучанию и смыслу слова (хотя в городе это редкость и только в узкой профессиональной среде писателей — можно еще попытаться составить для себя впечатление от фонетики финно-угорской обиходной речи) и это узнавание чем-то радует, думаешь об истоках поволжско-уральско-тюркско-финно-угорской общности. Вернее, припоминаешь кое-что из относящегося к теме Общности в языке, материальной и духовной культуре. Начинаешь выстраивать сюжет своих путевых заметок (жанр для литературного критика непривычный и рискованный) и что-то оставляешь на предмет последующего размышления, что-то другое отзывается твоим же давним предположениям и предвосхищениям, начинает кристаллизоваться нечто. Моза-

ика, смальта впечатлений, коллаж... Взгляд — вскользь по местным изданиям поэтических и иных сборников, на их пестрые обложки (полиграфической опрятностью выделяется особо удмуртская продукция), которые уже набились в изрядном количестве в твоей дорожной сумке. А так как языки (по их незнанию) в данном случае естественный барьер, то цепляешься за отдельные опорные слова, лезешь в словари, находишь значения, запоминаешь, потом столь же легко они выветриваются из твоей памяти, но что-то оседает, выпадает в осадок, и после желанного возвращения домой, когда строчки стихов, картинки, обрывки разговоров, дорожная тоска и постылый свет гостиничных коридоров сливаются на экране воспоминания в зыбкий образ, и все окутывается аурой недавно прошедшего, уже отходящего в область подсознания — в избранном тобой жанре все может быть. Я критик — выступаю в роли гида «ДН», работающего на уровне предъязыковых предчувствий и метаязыковых манипуляций с поэтическим и жизнеповеденческим текстом, по обмолвкам и намекам пытаюсь реконструировать опять же нечто — духовную ситуацию. То, что ты являешься чувашским критиком, это, оказывается, большое преимущество в данном случае, ибо как выражаются ученые мужи в нашем (Волжско-Камско-Уральском этнолингвистическом) регионе «...по мере укрепления ислама в культуре татар и башкир в разной степени расширились и стабилизировались центрально- и среднеазиатские традиции, а среди чувашей — язычников и христиан — доминирующим стал субстратный слой финно-угорской культуры. В результате чуваша оказались наиболее бикультуральным этносом: сохраняя архаичный тюркский язык, они в то же время развили культуру, во многих отношениях близкую к культуре финно-угорского мира» («Булгары и чуваша», Чебоксары, 1984). Оставляя пока молодых татарских и башкирских поэтов на волю милостивого и милосердного (но имея намерение заняться ими в специальном опусе), с удовольствием отмечаю социальную гибкость и прозорливость чувашского Мун Торы (верховного божества) в той сложной ситуации X—XV вв. и вверяю себя и своих собеседников его вестникам — Пюлеху — законодателю имен и Пигамбару — провидцу судьбы, дарователю огня. (Ибо разве не под пером критика возникают имена

«новорожденных» поэтов, а молодому поэту дары Пигамбара — провидение и священный огонь — уж просто необходимы).

* * *

Кугу Юмо. Опусты свой туман вниз,
туман земли подними вверх. Помоги
нам жить между двумя туманами, как
ласточки щебеча, продля наш век как
шелк, гордясь как роша, радясь как
гора!

Марийская молитва

Йошкар-Ола встретила теплым дождичком и солнцем, проглядывавшим сквозь его косые нити. Знал, что еду к друзьям, хотя со многими был знаком только заочно — по письмам и стихам. Но чувашско-марийские литературные связи имеют слишком глубокие корни, восходящие еще к концу прошлого столетия. В Йошкар-Оле, например, жил и работал (там же похоронен) поэт Михаил Федоров, автор одного из первых произведений чувашской литературы баллады «Арзюри» (1875). Далее бурные 30-е годы, когда это общение происходило и на марийской, и на чувашской земле, а то и в тесных коридорах московского Центриздата, публиковавшего тогда художественную литературу на национальных языках. Были и связи позже между представителями старшего поколения, примерно в одно время учились в московском литинституте наш Геннадий Айги и Валентин Колумб, самый яркий и самобытный поэт из марийских «шестидесятников». Колумб был лидером до середины 70-х годов (до своей безвременной кончины) и ему удалось в значительной степени обновить изобразительные средства марийского поэтического языка, дать новый ритмический рисунок стиху. Метафоры его красочны, образ взят крупно и круто: «Мы вышли навстречу весеннему ветру // Мы отдали мужество красному цвету...» («Радуга», перевод В.Цыбина). Или вот такой отпечаток «космизма», который как раз начал входить в оборот в 60-е: «Мое сердце — горячая кровавая капля // Из гигантской раны Вселенной... Сердце, не торопись черстветь! Тут не нужна скорость!.. Я тебе верю». («Ода

скорости», перевод Е.Винокурова). При том, что В.Колумб сохранял тягу к земле, к лесной зеленой душе Марий Эл, к конкретным, исполненным наблюдательности сюжетам из деревенской жизни.

Нынешнее поколение молодых марийских поэтов не миновало этого опыта и потому оно в известной степени может быть названо «пост-колумбовским». Колумб сам еще успел принять участие в первом поэтическом фестивале молодых «Сылнымут шыже» («Поэтическая осень») 1974 года, откуда выпорхнули Анатолий Тимиркаев, Альбертина Иванова и более молодые Геннадий Сабанцев, Валентина Изялянова, Валерий Якимов и другие. У этих «тридцатилетних» на счету по одной-двум (и более) поэтическим книжкам и, в принципе, они имеют, если уж не совсем радужные, то по крайней мере обнадеживающие перспективы на будущее.

В правлении Союза писателей нам удалось провести импровизированный «круглый стол», запись которого в сокращении я привожу ниже. Участники, представляющие разные поколения, высказали свои точки зрения на проблемы молодых и разговор, как мне кажется, получился живым и целенаправленным.

Миклай Казаков, народный поэт Марийской АССР:
«... Есть у нас относительно молодые критики (преподаватели вузов, учителя родного языка и литературы в средней школе), которые якобы создают общественное мнение вокруг литературного произведения, но беда в том, что они скользят взглядом по поверхности текста, или наоборот «разделяют под орех» того или иного автора. Критик должен погрузиться в гущу жизни, а не сидеть как рак-отшельник за письменным столом. Нужно готовить новые кадры, с новым мышлением.

Вторая проблема это проблема перевода молодой марийской литературы. Более или менее удовлетворительно переводится только поэзия, а прозаикам приходится туговато — надо идти на поклон к столичным «варягам». Важно решить этот вопрос, потому что молодым нельзя вариться только в собственном соку. Перевод дает возможность выйти на иные горизонты. Попытки готовить переводчиков через литинститут до сих пор терпели неудачу, в группу переводчиков попали часто совершенно бездарные люди. Где они сейчас — неизвестно».

Семен Вишневецкий, народный поэт Марийской АССР:
«В последнее время у нас несколько ослабли связи между братскими литературами, в частности, с чувашской. А такие связи и контакты очень интересно развивались в прошлом. Неплохо было бы этот вкус к творческому общению привить молодым, чтобы они переводили, знали друг друга в лицо, не понаслышке. Шире печатать их в местных, да и центральных литературных журналах...»

Альбертина Иванова, председатель Совета по работе с молодыми литераторами при СП: «Наш Совет, курируя молодых, прежде всего помогает автору подготовить рукопись к печати. У нас нет проблемы издания молодых как в поэзии, так и в прозе. В портфеле издательства нет ни одной рукописи молодого автора, которая лежала бы без движения (это я говорю уже, как главный редактор книжного издательства). Хотим также разработать такой вариант тематического плана, в котором бы предусматривались бы резервные позиции (с указанием конкретного объема) именно для молодых. Это может быть первая книга молодого поэта, сборник рассказов двух-трех прозаиков под одной обложкой, молодежный альманах и т.д. Мы надеемся, что это стимулирует в какой-то степени именно творческую деятельность молодых (сохранит их энергию, которая уходит на пробивание книги). Они уже смогут работать с определенным прицелом на этот резерв, а не томиться 3-4 года в ожидании тонюсенькой книжки. Нашим молодым зачастую не хватает чисто творческого порыва именно в этом плане».

Семен Николаев, поэт: «Хочу добавить, как бывший руководитель сего Совета, что раньше мы работали в тесном сотрудничестве с нашим институтом усовершенствования учителей. Они готовили нам аудиторию из активных участников литкружков и литобъединений, школьников. Мы читали их первые пробы пера, а также и школьные сочинения. То есть мы вышли непосредственно на школу, и в масштабах того или иного района знакомились с молодыми (действительно молодыми) авторами, проводили с ними встречи, обсуждения. Конечно, нам помогали и республиканское РОНО, райкомы партии и комсомола. Работа эта не везде шла гладко, потому что у нас в республике есть ряд районов где существуют трудности с преподаванием марийского языка.

На основе этих «районных сборов» затем мы стали проводить республиканские семинары юнкоров и молодых литераторов, куда съезжались уже самые лучшие. Такие семинары проходили уже три раза и отраднo, что по итогам работы прошлого семинара многие юные авторы опубликовались в альманахе «Эрвий».

Альбертина Иванова: «Ну и наш республиканский фестиваль «Сылнымут шыже» и для наиболее перспективных, подающих надежды, проводим более узкопрофессиональный семинар «Литературная смена». Все эти семинары чередуются друг с другом и молодые авторы так или иначе не остаются без внимания...»

Действительно, система семинаров разного уровня, насколько я могу судить, срабатывает в условиях Марийской АССР достаточно эффективно. Усилиями же Марийского СП и книжного издательства у молодых нет проблем с публикациями. В тематических планах чуть ли не на каждый год значатся по 485 названий книг, выходит регулярно уже упомянутый молодежный альманах «Эрвий» на марийском языке, журналы «Ончыко» и «Пионер йук» также не скупаются в этом отношении. Практикуются и различного рода и объема коллективные сборники (по 5-6 авторов).

Семен Николаев: «Нужны также фестивали поэтов братских республик хотя бы нашего Урало-Поволжского региона. Они могли бы проводиться поочередно в разных столицах и давали бы возможность молодым встречаться друг с другом, обсуждать свои стихи, иметь представление о том, что делается за околицей марийского яла (=села), посмотреть на мир в конце концов, увидеть своих сверстников».

... Вообще Семен Николаев высказал много здравых и трезвых суждений относительно положения молодых в современном литературном процессе. В частности, он отметил, что молодые входят в литературу как бы «волнами» с 10-летними перерывами. Последняя «волна» — это примерно середина 70-х. До этого была «волна» 60-х: В.Колумб, Ю.Чавайн, А.Степанов. Сейчас как будто очередной период спячки, не чувствуется нового движения. С трудом можно назвать 3-4 имени, совершенно новых имени среди действительно молодых. В конце концов он назвал только одно имя, может быть не желая обидеть присутствующих, имя Анатолия Мокеева,

рабочего по профессии, автора книги стихов «Искры» (1986). Конечно, бывают и такие «случайные» открытия: вдруг выплывают стихи ученика 3-го класса Куприяновской школы Сернурского района (имя его, к сожалению, осталось неизвестным). По мнению С. Николаева, у этого третьеклассника есть «такие повороты мысли, неожиданные образные ходы», что, дай бог, нынешним 40-летним так взорваться!» Я со своей стороны надеюсь, что этот марийский мальчонка не будет обделен все же заботой и вниманием. Ибо искать надо, действительно, там — среди тех, кто еще сидит за школьной партой, совершенно далек от окололитературных дрязг, не страдает «болезнью профессионализма». Среди чистых душой и помыслами...

Сам Николаев тоже активный, из «шестидесятников». Дух того периода «оттепели» ощущается в его сегодняшних размышлениях о литературной смене, в его искреннем (хочется верить!) пафосе, с которым он говорил о положении родного языка. Вот какие строки, например, он обратил к своему сыну: «Есть богатство одно — не бывает дороже! — Ты его сбереги, Заклинаю мой сын: С легким шорохом листьев Белоствольной березы Наш марийский язык Он на свете один» (перевод А. Смольникова). Недаром он взялся за руководство клубом творческой молодежи «Усталык» при детской юношеской библиотеке. Человек ищет, ему нужна живая среда, ищет выходы на молодежь, хочет сколотить из них «команду», которая будет объединена, озабочена проблемами более широкими (например, пропаганда национальной культуры, творчество марийских классиков слова), нежели чем проталкивание своей рукописи, издание очередного сборника и т.д.

Анатолий Тимиркаев, поэт, лауреат премии Марийского комсомола им. Олыка Ипая: «Если мы сейчас говорим о «новой волне» молодых марийских литераторов, то точкой отсчета, я думаю, является 1974 год, Именно тогда начали проводиться семинары «Сылнымут шыже», которые сумели собрать и воодушевить молодых. Чуть раньше открылся Марийский госуниверситет и это тоже сыграло свою роль. Я уже с 4-го курса начал участвовать в этих семинарах. Примером для нас был Валентин Колумб. Его страстное творчество, само обаяние личности влияли на нас, тогдашних молодых,

очень сильно. Первая «литературная осень» и студенческая аудитория были нашей стартовой площадкой.

На этих семинарах, в университетских коридорах и общежитиях мы спорили, обсуждали друг друга. Спор был честный и открытый, потому что мы не добивались для себя каких-то привилегий, возможностей напечататься — мы ошутили себя одним поколением, начали осознавать свою ответственность за будущность нации и родного языка. Наверное, тогда мы впервые серьезно задумались об этом. И ошутили внимание и интерес к себе со стороны старшего поколения, они пристапно и строго судили нас, наши первые опусы. Тогда уж и сам перестаешь относиться к стихам, как только к забаве. Многие из активно работающих ныне это «птенцы» тех «Литературных осеней». Я мог бы назвать Виталия Петухова (пишет на горномарийском языке), прозаика Геннадия Алексева, поэтов Геннадия Сабанцева, Юрия Исакова, Валентину Изилиянову, Вячеслава Абукаева, который пробует себя и в поэзии, и в драматургии, и в критике, а также других. Но проблема состоит в том, что наши голоса очень слабо звучат на всероссийской арене, не имеют резонанса...»

Отступление первое: Эскиз к портрету.

Скажу так: Анатолий Тимиркаев хочет «сложить честную песню...» Он принял эстафету от марийских «шестидесятников» и по-своему пытается продолжить традицию поэзии с открыто выраженной социальной позицией, развить публицистическую лирику. Его стих обеспечен прежде всего собственным, пусть и не столь пока глубоким, жизненный опытом. Перефразируя самого поэта, можно сказать, что он знает «запах металла» и «вкус ржи». Но мне не хватает в стихах Тимиркаева мятежного и дерзкого героя, слома традиции, ощущения душевного кризиса. Его слово и интонация слишком уж рассудительны и взвешены, а порой радужно оптимистичны. Чтобы выйти хотя бы на российский простор, «прорваться» в поэзии сегодняшнего дня, нужно рисковать. Но, возможно, я требую невозможного и даже сами эти требования могут показаться абсурдными. У Тимиркаева — свой темперамент, своя мера дыхания.

В своей первой поэме «Верю» он обратился и теме памяти — памяти о минувшей войне, о драматичном возмужании послевоенного поколения. Лиризм, фольклорные аллюзии (привычный образ богатыря Онара, миф о победе над Азыреном — владыкой смерти), портрет героя Ликсана, публицистические отступления, традиционные поэтические символы вроде «падающих звезд» («бесконечный звездный окоем //Блещет мириадами светил...») все это есть в поэме и, тем не менее, она не производит впечатления новизны. В какой-то, может быть, другой комбинации все эти элементы могли бы встретиться и у другого поэта, скажем, удмуртского, чувашского или иного сверстника Тимиркаева по региону. Есть замысел у Тимиркаева новой поэмы, которая будет тоже посвящена теме памяти — на этот раз, памяти марийских поэтов поколения «отцов», незаконно репрессированных в конце 30-х, погибших на полях войны в 40-е (Олык Ипай, Йыван Кырля, Пет. Першут, Шадт Булат, Яныш Ялкайн и др.). Как ночные бабочки, тени этих вечно-юных поэтов слетаются на свет лампы, стоящей на столе поэта конца 80-х, совесть которого тревожится и мучится от сознания несправедливости судьбы, ее жестоких превратностей, и он ведет с ним долгий, нескончаемый разговор. Их поддержка нужна Тимиркаеву сейчас — в период ответственный, в период, когда поэтическое слово должно обновиться на ветру гласности,.. Хочу только пожелать, чтобы автор нашел в себе душевные силы воплотить трагедию того поколения во всей полноте, не оставляя места полуправде и недомолвкам.

Аркадий Васинкин, литературовед, заведующий отделом литературы и фольклора МарНИИ: «Мы называем имена молодых поэтов, которые не так уж и молоды на самом-то деле, заметили третьеклассника — и это все хорошо. А кто идет за нами, какое поколение, можно ли на него положить? Ученик 3-го класса, пишущий стихи на марийском языке, это ведь сейчас не просто редкость, чудо необыкновенное. В сегодняшней школе — нет базы для подготовки литературной смены и не может быть. В вузах уровень знаний очень и очень слабый, на марийское отделение по сути нет никакого конкурса и, как результат, поступают очень слабые. Престиж марийского языка и литературы будет падать, пока усилия творческой и научной интеллигенции не получат

поддержку со стороны партийных и советских органов.

Систему обучения и воспитания детей на национальной основе надо менять с самого основания. И недаром на совещании в обкоме партии в марте 1987 года были даны конкретные рекомендации по открытию детских дошкольных учреждений с марийским языком. Именно оттуда надо начинать, далее — начальная и средняя школа, вузы, и так последовательно, на всех ступенях надо осуществить коренное улучшение преподавания марийского языка и литературы. Это совещание — первый шаг на трудном пути.

...Конечно, нам нужна и чисто творческая активность. Но, вот, возьмем критику. Мы же не можем назвать белое — белым, черное — черным. То есть критика конкретная, с названием фамилий авторов, критика жесткая и нелюбимая у нас не в чести, она тормозится. А с другой стороны, вот два наших молодых прозаика (Алексей Александров — «Узел сердец», Геннадий Алексеев — «Сиротская душа») выступили в журнале «Ончыко» с повестями на морально-этическую проблематику, причем попытались поглубже заглянуть в душу человеческую, острее, чем принято, поставить проблемы современного села. Это была попытка как бы прорвать традицию вторичной «деревенской» прозы. Так наша критика встретила их в штыки, она подошла к этим вещам с критериями чуть ли не 20-летней давности. Пошли обсуждения, споры — мнения разделились. Были выступления на партийных собраниях, просто разговоры на улицах. Молодым авторам чем-то удалось «зацепить» старшее поколение.

И в то же время нет у нас «городской», «молодежной» прозы. Идет какой-то поиск в сфере нравственной. Молодые (к названным выше можно прибавить еще Валерия Берлинского, Геннадия Гордеева) приблизились, скажем осторожно так, к некоторым «запретным» темам и попытались работать на этом материале. Правда, «запретными» их можно назвать, очевидно, только в контексте местной ситуации (брошенные дети, алкоголизм, более пристальное и открытое изображение интимной сферы — сферы чувств молодых людей и т.д.). И тут же посыпались обвинения в адрес молодых прозаиков чуть ли не в фрейдизме, натурализме, порнографизме и т.д. Хотя здесь скорее социальное у них выражается через интимное, через сферу эмоций...»

...Меня обрадовало, что именно молодым марийским прозаикам удалось в какой-то степени «прорвать» заколдованный круг, что их вещи вызывают спор. Значит, они сумели «достучаться», выйти на уровень общественного мнения, взбудоражить его. (По чувашской ситуации знаю, как это нелегко. «Серость» в провинции сопротивляется отчаянно, но глухо и молча. Даже, когда в критическом обзоре или реплике говоришь в лоб, снимаешь покров с периода застоя, то «мэтры» предпочитают отмалчиваться, «среднячки» ограничиваются шепотом по углам, а молодые (но как узок их круг) ненадолго воодушевляются, и неискушенные в тактической борьбе делают порой весьма необдуманные горячие поступки. Правда, в самое последнее время «серость» зашевелилась и от пассивной обороны начинает постепенно переходить к агрессивным действиям против всего нового). Хотелось бы, чтобы этот запал не истощился, не угас в молодой марийской литературе, как в прозе, так и поэзии.

Отступление второе: молодой критик как «расширитель проблем» в национальной литературе.

В начинающих завязываться дискуссиях о молодой литературе в нашем регионе, конечно же, важную роль должна сыграть критика. Но профессия эта очень и очень дефицитная. Как у марийцев, так и в мордовской литературе. Несколько лучше обстоит дело у удмуртских литераторов. Критика должна бы осмыслить опыт, удаchi и неудачи молодых прозаиков, поэтов и драматургов, прочертить какие-то магистральные линии, наметить стратегию движения к важным целям в контексте сегодняшнего дня. То есть должен найтись молодой критик, который бы от имени своего поколения написал бы своего рода «манифест», (например, московским метаметафористам имя сделала-таки критика). Молодым важно в момент творческого становления услышать свое имя в ряду новой генерации. Молодого автора надо «окрестить», дать ему имя, с которым он пойдет в мир. Молодых собрать в единый круг может собрать критик, который их рассудит и примирит. Отсутствие дельной и оперативной критики в литературах Урало-Поволжья во внутренней ситуации и тем более критики, которая могла бы выйти на рос-

сийский и всесозный контекст, может быть, и является причиной того, что у молодых (да и не только молодых) возникает ощущение ненужности творческих усилий (издав 2-3 книжки они «спускают пар», вступают в члены СП и на этом успокаиваются). В конце концов «шум», общественный резонанс вокруг новых имен и новых произведений, новых веяний должен «провоцировать» критик.

Сейчас критик должен идти впереди литературного процесса (работать на опережение) и вести, так сказать, разведку боем, вызывать огонь на себя. Иногда ему приходится и защищать молодых перед лицом старшего поколения, которое часто брюзжит по их поводу, или отказывает им в праве на свое видение. Критик в национальной литературе должен быть «расширителем проблем», идеологом (в том смысле, что его первоначальная задача генерировать новые идеи и проводить их в среду молодых, оперировать национальным духовным опытом в полном объеме). С другой стороны, он — сапер, которому иногда приходится наводить мосты между позициями поколений, ведь, если разрыв между ними будет очень велик, то это грозит единству всей национальной культуры, приведет к внутреннему расколу. А у национальных литератур и культур в целом в условиях автономий Урало-Поволжья достаточно и без этого «внешних» проблем, касающихся их будущности.

Молодой критик не может не рисковать, ведь он приподнимает завесу тумана (даю свое толкование эпиграфа), за которой живут «как ласточки щебеча, гордясь как роща» его сверстники. Критик же обязан из чисто профессионального долга, особенно, если он хочет представить свою литературу «вовне», сравнивать и тем самым нарушить эту самодостаточность Слова, его суверенность с точки зрения данного национального языка. «В языке скрывается философская мифология», — писал один немецкий мыслитель. Это и есть жизнь «между двумя туманами». И живет там, особенно, среднеодаренным национальным литераторам, порой, не так уж и плохо. Иначе говоря, это жизнь литератора в провинциальной литературе и куда-то стремится он не хочет, да и зачем ему. Но в наш-то век, при интенсивных межнациональных связях и межкультурном взаимодействии нет «изолированных островов». Особенно в нашем регионе, живем-

то — в самом сердце России. Я думаю, что для молодых в национальной литературе сейчас особенно остро стоит эта диалектика напряженного борения «чисто-национального» и «всеобщего, интернационального». А проблема эта идеологическая и значит ломать над ней голову прежде всего критику. А поэту, прозаику, драматургу в своей творческой практике осуществлять прорыв сквозь туман земли и неба.

***

Как пришел эрзянский парень в лес,
Эрзянский парень рубил и рубил.
В небо посмотрел он — звезд нет,
На землю посмотрел эрзянский парень —
Все листочки на травах поникли.
Мордовская народная песня.

Пожалуй, наименее утешительной выглядит ситуация в отношении будущего молодой мордовской литературы. С первых же шагов и первых встреч в Саранске мои собеседники называли объективные причины, которые не могут не навести на весьма грустные размышления. Общая тенденция к падению численности мордовского населения (цифры см. ниже) и это при том, что пока мордва самый крупный из народов уральской семьи, живущих в нашей стране (1150 тысяч по последним данным). Территориальная раздробленность и, конечно же, как правило мордовские школы за пределами республики отсутствуют, литература мордовская туда не поступает (да и кто будет ее читать). Низкий процент лиц, считающих своим родным языком один из двух мордовских языков — эрзя и мокша. При чем эти языки совершенно самостоятельны, что естественно, не способствует взаимопониманию и процессам консолидации нации. Сильные ассимиляционные процессы, потому что нет территории (разве что на уровне отдельных районов республики) в административном отношении, где мордва бы составляла этническое большинство. «Русский язык у мордвы становится языком внутринационального общения (?). На производстве, в учреждениях, учебных заведениях лица мордовской национальности независимо от принадлежности к той или иной этнической группе говорят между собой в большинстве слу-

чаев по-русски. Интенсивно расширяются функции русского языка в периодической печати.

Историческая тесная связь мордвы с русским народом обусловила развитие ассимиляционных процессов, особенно на современном этапе. Несмотря на сравнительно высокий процент естественного прироста, общая численность мордвы с 1939 по 1959 г. сократилась на 11,8%, с 1959 по 1979 г. — на 7,3%. Это происходит, как упоминалось, за счет языковой и этнической ассимиляции мордвы, особенно в русской урбанизированной среде. Если в 1939 г. русский язык называли родным 11,3% мордвы всей страны, то в 1970 г. — 22,2%». («Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки». Москва, «Наука», 1985). Такова объективная реальность. Грустная, если не сказать больше, реальность, в условиях которой существуют молодые мордовские литераторы.

Отсюда тиражи литературных журналов: «Сятко» — 4 тысячи, «Мокша» — 3300 экз. (что при миллионной-то численности!). Плюс к этому появляются и такие утверждения, что мордовская поэзия ныне развивается и создается на трех языках (то есть плюс еще и русский язык). И потому в «Антологии мордовской поэзии» (Саранск, 1987) мы найдем и имена русских поэтов, проживающих в Мордовии.

С другой стороны, и сами мордовские поэты очень часто двуязычны, при чем я имею в виду здесь не только одинаковое использование русского и родного языков, как средства литературного воплощения, а само содержание их поэзии. Мышление многих поэтов (в том числе и молодых) ориентировано заранее не на мордовскую ситуацию, а на ситуацию вообще, и потому они исходят, может быть, даже скорее из традиций современной русской поэзии нежели собственно мордовской. Тем самым их творческая практика без особых затруднений вписывается в поток «серой» поэзии, сотворяемой непосредственно на русском языке или в русском переложении. Если у нас в чувашской литературе (впрочем также как и в марийской, и удмуртской) сам национальный язык еще определяет, даже диктует содержание произведения, а также национальную принадлежность автора, молодого поэта, и такого русско-национального двуязычия и раздвоенного мышления в литературном творчестве не встре-

чается (когда русскоязычное самовыражение просто означает что уже произошел отрыв от «почвы», что «мордовского духа» мы здесь уже не найдем, не найдем мокшанско-эрзянских реалий), то здесь это тоже реальность. Конечно, за национальным языком, как я уже говорил выше, можно и спрятаться, скрыть свою старческую немощь и безликость. Но при столь дисперсном расселении мордвы, когда так размыты границы между языками в сфере духовной, создается ощущение наличия только отдельных мордовских островков в иноязычном море, и то их вот-вот может поглотить стихия. Я говорю, пытаюсь говорить, о структуре мордовского духовного пространства, но оно, действительно, лишь отражает саму географию проживания эрзян и мокшан по рекам Мокша, Сура, Волга, Алатырь, Инсар, Кинель, Самара, Белая и т.д.

Нынешние молодые примерно в текущем году отметят 10-летие своего «пребывания» в мордовской литературе. Успехи их более чем скромны. В лучшем случае такие поэты как Иван Носиков, Александр Пудин могут похвастаться одной книжкой стихов. Для остальных это разрозненные публикации в коллективных сборниках, периодике, детские книжки. Некое «брожение» в конце 70-х (тут вряд ли можно говорить о «новой волне») дало такие имена как Александр Арапов, Раиса Кемайкина, Анна Сульдина, Николай Ишуткин, Владимир Нестеров. Трудно издаваться, трудно писать в пространство — без отклика и эха (не уверен, что у пишущих на мордовских языках есть своя устойчивая читательская аудитория). Трудно быть мордовским поэтом в настоящее время, когда почва уходит из под ног вопреки бодряческому восклицанию Александра Доронина: «Мы часто спорили о смысле жизни, Не отрываясь от родной земли...» Думаю, что в сознании как раз этот отрыв и произошел (а, может быть, и не только в сознании). Отрыв от национальной почвы, от острых проблем развития родных языков.

Отступление третье: «Время собирать камни».

С молодых в национальных литературах сейчас особый спрос. Даже при успешном решении организационно-издательских дел, «проблемы» вступления в члены СП и т.д. (чего

нельзя сказать о мордовских молодых литераторах) они слишком рано, на мой взгляд, профессионализируются, замыкаются на узко-литературных проблемах (при этом не выходя за рамки устоявшихся традиций как в прозе, так и в поэзии — нет дерзости в нарушении канонов, нет мятежного мироощущения). Вспоминаются в этой связи слова Ибсена «Юность — это возмездие», которые Блок поставил эпиграфом к своей поэме и в знаменитом предисловии к ней же он писал о «ночных разговорах, на которых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики». Национальному литератору нужны сейчас и эти «ночные разговоры», и «сильные толчки извне», и «мужественное веянье».

От молодых марийцев, мокшан, эрзян, удмуртов (также как и от своих соплеменников) хочу, чтобы они обратились лицом к национальной школе, дали бы горячую публицистику по «болевым точкам» преподавания родного языка и литературы, ставили бы вопрос о престиже национальной культуры в республиках. Чтобы они взяли наконец на себя бремя и ответственность за судьбы родного языка, словесности и культуры в целом. Приняли эстафету от поколения «отцов». Настал их час — «время собирать камни...». Пора уже опровергать ложные тезисы, которые еще имеют хождение среди некоторых языковедов, типа: «В развитии марийского языка в настоящее время наблюдаются две сопутствующие и взаимопроникающие тенденции: всестороннее развитие и расцвет и интенсивное сближение с русским языком. Эти две тенденции пронизывают все языки народов СССР, и в этом находит отражение закон двух тенденций развития самих наций» («200 лет марийской письменности». Йошкар-Ола, 1977).

Или вот еще такая абсурдная, алогичная формулировка: «Советская форма двуязычия ведет не к смене одного языка другим, а к небывалому расцвету, дальнейшему развитию языков всех народов СССР. Здесь наблюдается такая закономерность: чем шире распространяется среди того или иного народа двуязычие, чем глубже проникает русский язык в его повседневный быт, тем разностороннее делается общественная функция национального языка» (М.М.Михайлов «Двуязычие. Принципы и проблемы». Чебоксары, 1969). Мы

уже видели, как работает эта закономерность на примере мордвы и потому-то применительно к ней прямо декларируется, что язык можно вообще исключить из характеристик этноса: «Однако языковая ассимиляция не ведет к утрате этнического самосознания, так как родной язык является хотя и важной, но не единственной характеристикой этноса» («Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки». Москва, «Наука», 1985).

Выводя такого рода «тенденции» и «закономерности» ученые мужи немало способствовали тому, что общественное мнение в этом сложном вопросе было дезавуировано. И все это вдалбливалось годами в головы интеллигенции, студентов, учащихся, что и привело в конце концов к критическому положению родного языка во многих автономиях. Где они, эти торжественно провозглашаемые «всестороннее развитие» и «небывалый расцвет» языков? Эти лучезарно-парадные, ритуально-магические приемы лакировки и игнорирования реальной, полной драматизма ситуации сейчас воспринимаются чуть ли не как насмешка над национальным самосознанием. Вместо того, чтобы реально изучать эти процессы, развивать социолингвистику и действительно способствовать динамизму развития родного языка, наметить конкретные меры, наши лингвисты довольствовались тем, что заранее отвели ему место на периферии, в обиходно-бытовой сфере, для обслуживания сугубо «домашних» нужд.

Если положение с преподаванием родного языка, его действенной пропагандой не будет улучшено коренным образом, то занятие «чистой» литературой как-то теряет смысл, и о какой литературной смене вообще может идти речь. В нашем марийском «круглом столе», в саранских беседах мы касались этих тем, но нужно широкое обсуждение их прежде всего в республиканской печати. Вопрос о родном языке, который является главным нервом всей национальной культуры, нуждается в пристальном и пристрастном рассмотрении на свету гласности. Необходимо задействовать учителей, всю творческую интеллигенцию, преподавателей пединститутов и университетов, работников Минпроса и РОНО. Необходимо поднять общественное мнение. А молодые могли бы выступить застрельщиками в этой дискуссии, Думаю, что она, естественно, стала бы широким полем обмена

мнениями о путях и перспективах развития национальной культуры в целом. В этой связи неплохо было бы вспомнить опыт 20—30-х годов, когда действовали так называемые комиссии по реализации национальных языков в наших автономиях. Тогда они работали конкретно и эффективно.

А долг молодых перед «словом предков», чистым Логосом вечности — фольклором?

Есть ли в молодом поколении мордовских литераторов святая жажда припасть к источнику — народной песне, интереснейшей мордовской мифологии с ее многочисленным семейством богов? Мифологическое сознание мордвы само по себе очень поэтично: чего стоит, например, *Нишке-паз*, бог неба-солнца, покровитель пчел, который содержит «небесные ульи» для душ умерших добрых людей. Раньше боги близко стояли к людям, но видно пришли другие времена. И все-таки этот шаг — в миф, в сказание! — должен быть сделан. Ведь в свое время мастера-резчики по дереву придавали мордовские черты даже образам Спаса. И современное поэтическое слово могло бы восстановить архаичные мифологемы, напитаться мордовским духом через этот источник. Так, например, работает в своих миниатюрах удмурт Владимир Владыкин.

И все же отрыв от почвы — народной словесности — произошел и такое впечатление, что мордовские поэты сознательно стремятся к некоей усредненной «книжности», стряхивая остатки землицы, налипшей на городскую обувь. Они хотят «цивилизироваться», но не ведет ли это к окончательной потере национального лица? Я просмотрел раздел молодой поэзии в «Антологии мордовской поэзии», ряд коллективных сборников молодых, так, можно сказать, что почти ничего не выдает мордовского происхождения авторов, словно это тщательно избегается. Пейзаж? Это — обычный среднероссийский пейзаж с неброскими приметам. Какие-либо национальные краски стерты. Характер лирического героя, его нутро в общем-то тоже не отличаются «особостью сгиба ума и взгляда на вещи». У В.Нестерова он — лиричный, мягкий и несколько сентиментальный, более бесшабашный и открытый у А.Арапова и И.Новикова («Мне всегда чего-то не хватает...»), в последнем еще живет желание «удивить мир».

А.Пудин нагромождает в своих стихах не-сколько отвлеченные понятия и «травит» порой невнятный лирический «бред», навряде следующих строк:

Одной прямой неевклидовой мир осенен,
И тварь, и Творец бесподобны на ней и согласны.
И слово идет, и мотив созывает прекрасный,
И песня звучит, словно точное эхо времен.

Особого внимания заслуживают эрзянки Раиса Кемайкина и Анна Сульдина (о них ниже).

Даже при самом поверхностном взгляде на мордовских поэтов (пусть их не так много) можно заметить разность их темпераментов, несхожесть стилевой манеры, но объединяет их гораздо большее — тяготение к общелирическим ситуациям, лишенным национальной конкретики. И нужно быть очень сильной личностью, чтобы на этом уровне проявить себя. Они словно уже вышли за пределы некоего магического круга, очерчиваемого родным языком. Но это не был сознательный прорыв, это изначально иная ориентация. Когда местный поэт прорывается через сугубо национальное к общему горизонту, то это обычно происходит трагично, мучительно, но выводит поэтическое слово на более высокую ступень. Здесь — иначе. Уже нечего преодолевать? Неужели от мордовской духовности остается только робкое признание в любви к эрзянскому языку в стихотворении А.Арапова, междометие *опане, опане* из поэмы А.Пудина «До завтра», образ *Норов-ава*, мифологической покровительницы урожая в миниатюре Р.Кемайкиной.

Бежит она в поле, играя,
В колени волна бьет ржаная,
Глаза, как росинки в травах,
Зовут ее Норов-ава.

Ржаные колосья — косы,
Одежда — рожь, ноги босы.
От песен ее нежен воздух,
От смеха сверкают звезды...

(Перевод К.Смородина).

Все фольклорное в чуть ли не первозданном его виде разрабатывают так называемые сказители Серафима Люля-

кина, Евдокия Михина, Василий Радаев, представители старшего поколения, последние из могикан. Вокруг радаевского эпоса «Сияжар» даже возникла несколько лет тому назад целая дискуссия, считать ли его мордовским народным эпосом (третьим финно-угорским — наряду с «Калевалой» и «Калевипоэгом») или авторским произведением. Не вдаваясь в суть спора ученых фольклористов, можно сказать тем не менее, что «Сияжар» (также как другие радаевские эпические произведения этого жанра: «Сурай», «Адаяр», «Рождение Тюшти», «Пенза и Сура», «Когда солнце было моей родиной») играет важную роль в консервации национальной исторической памяти, как концентрированная адаптация фольклора. В конечном итоге это способствует укреплению единства этнического самосознания мордвы. Такого же мнения придерживается и известный венгерский литературовед Петер Домокош. И потому, конечно, нельзя не приветствовать самоотверженных усилий одного из старейших мордовских литераторов. Жаль, что у молодых нет интереса и вкуса к эпическому жанру.

Если еще можно обсуждать проблемы молодой мордовской поэзии, то о прозе — в таких условиях бытования родного языка — говорить гораздо сложнее (хотя здесь тоже можно было назвать несколько имен). Национальная поэзия, наверное, может до определенного часа существовать как бы сама по себе, она способна саморазвиваться и без общественного резонанса. Она лишь затаится в глубине, выжидая того момента, когда ее востребует время. Состояние же мордовской прозы, ее будущего, вызывает беспокойство и со стороны руководителей Союза писателей.

Я заметил такую своего рода закономерность: в литературе молодых Урало-Поволжья поэзия — качественно и количественно — стоит на первом месте, проза заметно отстает, плохо обстоит дело с молодыми драматургами (в Мордовии, собственно говоря, нет национального театра как такового и, естественно, отсутствует и национальная драматургия как род литературы) и еще хуже обстоит дело с молодыми критиками. Некому заниматься «живой» критикой. Наверное, это опять же результат длительного пребывания в застойной атмосфере и адаптации к ней. Новых инициатив и сейчас не видно. Здесь, конечно же, могла бы сыграть свою

роль критика, которая распахивает форточку, устраивает сквозняк, будоражит, не дает впадать в спячку. Но такой критики не было. И вот — дефицитная профессия!

Мордовские поэты, правда, остаются оптимистами. А.Пудин восклицает: «Я знаю, что голос мой где-то услышан уже...». И.Носиков все хочет начать заново:

И такие чувства молодые,
Словно я не пережил так много,
Словно только что сейчас впервые
Сделал шаг от отчего порога.
И, с тетрадью схожее рабочей,
Будущее, жизнью набухая,
Против ветра мчится, что есть мочи,
Чистой страницей сверкая!

(Перевод Г.Фролова).

Оптимизм это хорошо, но в свете всего сказанного выше, оправдан ли он? Мордовским интеллигентам этой генерации, может быть, стоит и оглянуться назад, и подумать о спасении ценностей родной культуры, нации и прежде всего самого главного щита — родного языка. Может быть, и надо учиться заново и начинать с нуля для себя лично, но в то же время нельзя забывать о том, что ты лишь частица огромного тела, именуемого народом. И опять — на плечи молодых ложится сейчас ответственность и за прошлое, и за настоящее, и будущее...

Отступление четвертое: Великий Мордвин.

Эрзя, Великий Мордвин, который всех выставил в один всемирный иконостас, не различая национального происхождения, веры. Его лица, высеченные в дереве — лики. Лишенные индивидуального, но являющиеся символами некоего состояния духа: «Ужас», «Казненный старик-мордвин», «Материнское чувство», «Обнаженная», «Сократ», «Христос», «Моисей», «Мордвиночка», «Спокойное женское лицо» и другие.

Подписи «мордвин», «аргентинка», «чилийка», «парагвайка», «еврей», «турок», «китаец» это просто условные знаки, скорее говорящие о месте, но не о разъединяющих линиях. И все они вписываются в единый иконостас взлетов и падений человеческого духа, иконостас, воздвигнутый

жилистыми руками эрзянского *Возатя*, старца-жреца, творящего молитву перед миром. Космополитизм Эрзи закономерен, гуманен и понятен. Он страстно стремился к общечеловеческому содержанию и смог его обрести только в этих твердокаменных древесных породах Южной Америки — кебрачо и альгарробо.

Урок его судьбы и творчества в том, что он не побоялся померяться силами на самом высочайшем уровне пластического искусства с известными образцами. Как бы по наивности он с самого начала определил для себя этот уровень и старался держать его до конца своих земных дней. Но при этом он оставался самим собой — мордвином, эрзянином и потому на автопортретах — в зрелом возрасте и в старости — его лицо не меняется, спокойное, соредоточенное. Корни его были здесь, силы он черпал от *Вирь-патяй* (богини леса, рощ, деревьев). Это и есть урок молодым в мордовской литературе. Сохранять связь с корневым опытом и подвигнуть душу на самые высокие цели.

...Мотив, часто встречающийся у Эрзи: женское лицо и рука, словно защищающая его от боли и ужаса этого мира. Внутренний взгляд в какое-то тихое, незамутненное зеркало души. А другие лики в противоположность этому — прямая боль, страсть. Как пишет поэт Константин Смородинов:

О Эрзя! Как же ты сумел
Оставить головы без тел
Полуживые,
Оставить Ужасу раскрытый
Навеки рот,
А если Ужас оживет,
То — что закричит тобой убитый?
И сам ты мертв,
Ответить мне не можешь.

Переосмысляя этот образ, хочу высказать свое опасение, что не стала бы молодая творческая интеллигенция головой без тела, то есть некой кастой, говорящей от имени народа без языка. И неужели в конце концов от мордвы также как от чуди, мери, веси останется только сотня-другая слов, мертвые записи песен, хранящихся в фонотеках, топонимия? Неужели мордовская ситуация это модель будущего — пусть не такого и близкого — и других народов Урало-Поволжья?

***

«Как доехали вы к нам?
По долинам иль горам?
От верховья Чепсы или с низовья?
Чтоб уважить нас, приехали вы к нам?
Или просто мимоходом, по делам?»
Удмуртская гостевая песня.

Уже с самых первых встреч в Ижкаре создалось впечатление, что организационно-творческая работа с молодыми ведется Союзом писателей Удмуртии довольно успешно. Обычная система, которая в принципе существует также и в Мордовии, и в Марийской АССР здесь срабатывает без ощутимых сбоев. В чем же состоит эта система? Во-первых, активно задействованы различного рода литобъединения и кружки (их в Удмуртии насчитывается около 40 и вниманием не обделена и глубинка; так, например, в Глазове, Сарапуле, Воткинске, в Можгинском районе литобъединения достаточно сильны). Республиканские семинары творческой молодежи собирают по 100 и более участников, а их география не ограничивается только столицей. По результатам этого «большого» семинара отбираются наиболее перспективные литераторы на «малый» семинар (10-15 человек) и с ними начинается конкретная работа по подготовке рукописей к публикации. Осуществляется система персонального шефства над молодыми со стороны представителей старшего поколения. Процедура принятия в Союз новых членов из числа молодых открыта и демократична: прохождение кандидатуры через Совет по работе с молодыми, обсуждение на общем писательском собрании, решение правления СП и конечная инстанция — приемная комиссия СП РСФСР. Объективность и правомочность последней вызывает иногда справедливые нарекания и упреки со стороны местных Союзов (это мне приходилось слышать и в Марий Эл, и в Мордовии). Творчество кандидата оценивается на основе подстрочников или переводов, которые — и это не секрет — могут весьма различаться с оригиналом и чаще в худшую сторону. В приемной комиссии СП РСФСР нет людей, хорошо знающих внутреннюю ситуацию в каждой из национальных литератур и, соот-

ветвенно, трудно ожидать, что она сможет оценить по достоинству творческое лицо, почерк молодого национального литератора. Поэтому весьма разумным представляется предложение заместителя председателя правления СП Удмуртии В.И.Емельянова о том, что во время процедуры обсуждения и приема в Москве обязательно присутствие кого-то из правлений СП республик. (Это, естественно, касается тех национальных СП, которые лишены права самостоятельного приема в члены союза).

Итак, система есть и она действует. Но тоже самое есть и в других республиках, но там это работает гораздо хуже. Почему? Думаю, что все дело в **связях** между отдельными звеньями этого процесса (в Удмуртии они есть и они прочны) с одной стороны, и в конкретной помощи в нужный момент конкретным лицам из среды молодых с другой. На мой взгляд, молодые литераторы в республике находятся в постоянной зоне внимания, они всегда на виду. Кроме того, правление СП и книжное издательство «Удмуртия» неплохо решают извечную проблему с первыми (да и дальнейшими) публикациями молодых. Тут и регулярные выпуски молодежных альманахов, и публикация без особых задержек и искусственных препонов первых книг (несколько сложнее обстоит дело с последующими книгами, словно молодые выдыхаются уже на короткой дистанции, и потому редакторы издательские иногда сетуют, что, как правило, вторые и третьи книги бывают хуже, чем первые).

Приведу лишь фрагмент сугубо рабочей беседы, в которой участвовали поэты Вл. Романов и М.Федотов работающие редакторами в книжном издательстве, и Владимир Емельянов, часто выступающий в качестве переводчика.

Владимир Романов: «Сейчас мы начали практиковать издания типа «книжки в книге», то есть три-четыре автора под одной обложкой. Это позволяет сэкономить количество позиций в тематическом плане, а по сути и по объему равно для каждого автора отдельному изданию (по 1,5 печ. л.). Вот пойдет книга Шибанова, Романовой и Коткова. Интересная получается книга, но боюсь, что в Союз их с таким изданием не примут. Мы могли бы уже рекомендовать Виктора Шибанова, но ведь, не пройдет, не зачтут ему это. И все же это лучше, чем кассетные издания».

Михаил Федотов: «Тем более, что многие авторы не вытягивают на отдельную книгу. Хотя, в целом, проблемы «первой книги» у нас нет. А вот дальше сложнее...»

Владимир Емельянов: «Авторы топчутся на месте, нет выхода на какой-то качественно иной уровень, которого ждешь. Ну, это, наверное извечная проблема молодых. Вторая книга — самая трудная ибо здесь обретается лицо, устанавливается «походка» стиха».

Владимир Романов: «Возьмем, к примеру, Анатолия Перевозчикова. Я рецензировал и первую, и вторую, и третью его книги. Интересными своеобразными были две, а на третью уже не хватило. И поэтому объем ее будет меньше, чем предполагалось. Но то, что пролежала долго, это, может быть даже на пользу автору. Иногда, особенно молодому поэту надо подержать паузу, не надо гнаться за толщиной. Не объем решает дело. Пусть тоньше, но сильнее. Книга стихов — как удар, выпад. Чтобы была своя позиция».

Михаил Федотов: «Книжки-то выходят, но нет ярких имен, почти нет неожиданных открытий».

Владимир Емельянов: «Бывает, что молодые жалуются, сетуют на сроки, не хотят долго ждать, но здесь, мне кажется, проблем нет. Издается практически все».

Владимир Романов: «Иногда и торопимся, наверное. Вот свежий пример экспресс — публикации. Первую поэтическую книгу Татьяны Тарановой «Проекция души» (Ижевск, 1986) издали за два-три месяца. И сейчас она хочет, чтобы и вторая вышла также быстро: «У меня» — говорит, — еще семь листов написанного лежит».

Владимир Романов: «Другая проблема в том, что ни первая, ни вторая книга молодых не получает отзывов в печати. Словно критики выжидают, опасаются. Автор, мол, молодой, некая величина икс, лучше пока подождать. Никто не берет на себя риск. Хотя, казалось бы, наоборот должно быть почетно открыть новое имя. И вот я сам написал большую статью о вторых книгах Л.Кутяновой («С глазу на глаз», 1986) и Т.Черновой («В этом солнечном мире», 1986). Она должна выйти в «Молоте». Получается, что редактор или издатель заинтересован в дальнейшей судьбе книги, а критик только поглядывает».

Дальше мы обсуждали и чисто полиграфические проблемы и в этом отношении продукция издательства «Уд-

муртия» заметно отличается от того, что мне обычно приходилось видеть среди провинциальных изданий. Особенно хороши поэтические книги — изящны, «сделаны под данного автора», нестандартное оформление, иногда хотя и редко даются малоформатные издания. Здесь с книгой работают и имеют вкус к этой работе. И это тоже важно.

Но меня больше интересовала позиция молодых в удмуртской литературе, есть ли свое лицо у молодой поэзии сравнительно со старшим поколением, идет ли какой-то поиск в области национально-формотворческой, ощущается ли хоть сколь-нибудь слом традиции? Ведь и именно этим притягивает нас поэтическая юность, пока она еще не оделась в одежды холодноватой чисто ремесленной отделки внешней формы. Вот что мне ответили мои собеседники.

Владимир Романов: «Я хочу сказать, что наши молодые, особенно женщины, те же Кутянова и Чернова, прежде всего очень искренни. Иногда даже пугаешься этой предельной искренности. У них не встречается как правило дежурных стихов, они не стремятся поучать. Нет у них и ура-патриотизма. Все это процветало у нас в 50-е годы, да и сейчас этим грешат многие из старшего поколения».

Владимир Емельянов: «В стихах молодых мне как переводчику открывается более усложненный мир. Свое чувство они не выражают прямолинейно, а пытаются дать знать о нем косвенно. То есть это уже другая культура самого чувства. Особенно это отличает наших поэтесс. Есть пытливость, желание докопаться до сути вещей».

Владимир Романов: «Вот рядом со мной сидит бессермянин Миша Федотов. Здорово вырос на пути от первой книги до второй. Теперь у него не просто безадресная лирика, но встречается и сюжетный, конкретный стих, жанр баллады и даже поэма. Мне это по душе, может быть потому, что я и сам отдаю предпочтение «земной», а не отвлеченной лирике. В стихе должна быть плоть земная, а не рассеянный туман. Должны быть мускулы, сюжетные пружины. Без этого не показать национальный быт. Думаю, что на этом направлении его ждет удача».

Интересные характеристики своим «коллегам по цеху» дала поэтесса Татьяна Чернова, правда ее мнение мне пришлось «подверстать» к нашей беседе уже задним числом, так как я получил его уже вернувшись в Чебоксары по почте.

Татьяна Чернова: «Среди молодых я бы выделила Анатолия Перевозчикова, который сравнительно поздно вошел в литературу. Он — своего рода новатор в удмуртской поэзии, покоряет свежестью мысли и яркой метафоричностью, нетрадиционностью образов. У него более чем у других ощущается пафос гражданственности, стремление к широким обобщениям.

Самый молодой из молодых, 23-летний Виктор Шибанов. Чеканный стих, глубина философского размышления, глубина взгляда. Скорее это «поэзия мысли». Надежда удмуртской литературы, если не уйдет в науку.

Талантлив, как лирик, Михаил Федотов. Как стало у нас принято говорить, «первый бессермянский поэт». Может, потому ему больше удаются стихи, связанные с народным бытом, обычаями. Иногда — в других стихах — путаная мысль. Мне кажется, что он излишне увлечен музыкой стиха (в таком случае паузы в ритме заполняются необязательными, «лишними» словами). Смело берется за поэмы, и они удачны.

Владимир Котков — поэт песенного склада. У него — самые лучшие рифмы, но зачастую за ними ничего нет. Рифмы как таковые. Может быть такова природа поэтов-песенников. Есть хорошая поэма — «Альжан»...

На этом останавливаюсь. О других не берусь судить. Это наиболее близкие, интересные мне поэты (есть, конечно, и другие, возрастом постарше)».

Коснулись мы и такого вопроса. Чем может быть интересна молодая удмуртская поэзия хотя бы на российском уровне? Согласились, что только национальным. А как же оно проявляется в поэзии молодых сейчас, на исходе 80-х?

Владимир Романов: «Эта проблема возникает только тогда, когда молодых начинают переводить, когда их творчество выходит за родные пределы удмуртского языка, удмуртского Дора (родины). Раз они пишут на удмуртском, то они уже в силу этого не могут не быть национальны. Пока они не переводятся, то и не задумываются над этим. Во всяком случае я не замечаю их особой заинтересованности в этом».

Владимир Емельянов: «Здесь мы выходим на проблему перевода, которая, конечно же, стоит остро для всех национальных авторов. Но мы пытаемся ее решать. Сейчас в лит-

институте учиться группа из 9 человек (а всего от нашей республики на настоящий момент 16 человек — студентов литинститута), уже закончили 1-й курс. Мне кажется, что ряд русских литераторов чувствуют долг что ли перед удмуртской литературой и по мере сил стараются участвовать в деле перевода. Переводчиков надо готовить и, наверное, в будущем следует подходить к этому более серьезно, изыскивать какие-то возможности на местах, организовать, наконец, курсы по изучению удмуртского языка, фольклора и этнографии для русскоязычных авторов и шире — кругов творческой интеллигенции.

Я сам переводил Владимира Романова и у него есть ярко-национальное мироощущение, очень сильно удмуртское начало было выражено в поэзии Флора Васильева. У Кузубая Герда это было воплощено очень остро — до боли, до драматизма. А у молодых — приглушенно, слабее. Наверное, причина еще и в том, что молодые не берут поверхностную атрибуцию национального, а нечто более глубинное.

Сейчас национальное надо искать не в экзотических реалиях, а на психологическом уровне, в самом характере. Разве лирическая героиня Татьяны Черновой не национальна? Она переживает очень по-удмуртски».

Владимир Романов: «Национальное просто еще не доводится и переводчиками, оно теряется по пути от оригинала к «гладкому» переводному тексту. Ведь большинство толмачей работают совершенно вслепую, не зная языка, национального быта».

Владимир Емельянов: «Есть еще и образность самого удмуртского языка: «лучи головы», «глаза родников». Может быть, это надо сохранить при переводе?»

Михаил Федотов: «Когда поэт развивает эту чисто языковую метафору, строит на ней все стихотворение как на фундаменте, тогда, конечно — переводить. Как, например, у Флора Васильева: «Глазами чистых родников смотрит земля...». Здесь расширение, развитие народного образа, его индивидуальное преломление».

Беседа участников самого литературного процесса представляла разные мнения и точки зрения «изнутри», что было для меня особенно важным, ибо они исходят из настоящей,

может быть, годами складывающейся иерархии имен, которую поверхностный взгляд заезжего гостя навряд ли меня просто не в силах уловить за столь короткий срок и на таком скудном пайке текстов.

Итак, стало ясно, что оставаясь во внутренней удмуртской ситуации, молодые чувствуют себя весьма уютно и тепло (хотя сами и жалуются порой на недостаток внимания со стороны правления, критиков). Можно отметить, правда, сравнительно поздние дебюты поэтов и прозаиков. А если объективно рассудить, то где они сейчас бывают ранние?

И опять же, как и в других литературах Урало-Поволжья на первом месте в творческих устремлениях молодых выступает род поэтический. Продолжая думать над этим феноменом, на материале своих наблюдений я рассудил так. Как правило, молодые литераторы концентрируются в столицах, поблизости от СП и издательства, сами работают в редакциях или вузах, отделах литературы и фольклора местных НИИ, живут обычной городской жизнью. Но эта реальность городского быта, будничная повседневность, которая их окружает, пока еще с большим трудом поддается освоению средствами национального языка. Нет соответствующей традиции, она только-только складывается (городская проза, попытки «молодежной»). Для удмуртской литературы, как и для других литератур региона, все еще излюбленной темой остается деревня. Все это естественно и вполне закономерно. И потому-то город пока остается для молодых пространством неизвестного, да и сами они еще слишком молодые горожане. С другой стороны, они, вероятно, не находят здесь столь искомой национальной духовности. Она осталась вся там, в родной деревне, где-то неподалеку от чистого родничка. Для национальной поэзии же, в принципе, непосредственно зримая, слышимая, осязаемая оболочка жизни не так уж и важна, она все равно, если она подлинна, а не имитативна — создает свое пространство духовного, некую сверхреальность. (По крайней мере должна). Если работа души в определенном направлении в молодом поэте не прекращается, то он все равно будет писать одно — в городе ли, в деревне ли. Выбор «деревенской» темы уже до определенной степени ограничивает сам круг поисков молодого прозаика, обрекает заведомо на некую вторичность, на эксплуатацию

знакомых сюжетных ходов и образов (типа «возвращения блудного сына» и др.). Только очень яркий и сильный талант может выйти на что-то новое, прокладывая свой путь по старой накатанной колее. И в тоже время есть интересные молодые прозаики. Например, Вячеслав Сергеев, Ульфат Бадреддинов, Олег Четкарев.

Молодая удмуртская поэзия представляет на сегодняшний день целый спектр лиц необщих выраженьем.

Отступление пятое: Признание в любви.

В последнее время в контексте литератур поволжско-уральского региона все ярче и сильнее стали звучать женские голоса. Не без робости я затрагиваю тему так называемой «женской» поэзии. Есть в ней какая-то особость, скрытая тайна. Обычно сетуют и часто упрекают поэтов за их стремление оставаться в пределах своей заповедной тематики, на чисто женской позиции, что как бы ведет к атрофии социального чувства и обрекает их на известную вторичность мотивов, лирических ситуаций и стертости индивидуального мироощущения. Как еще писала полушутя, полусерьезно Анна Ахматова: «Я научила женщин говорить, о боже, как их замолчать заставить...»

С другой стороны, чтобы раскрыть своеобразие этих женских поэтических миров, тем более, в национальном преломлении, нужен особо тонкий инструментарий. Ведь главную прелесть и притягательность женской поэзии в наших глазах составляют интимность выражения, предельная искренность, оттенки, полутона, нюансы мимолетных ощущений.

Вот, например, стихи марийки Альбертины Ивановой, Те, что мне довелось читать в переводах, непритязательны, мажорны и жизнелюбивы. Горечь разлук, соль жизненных неудач как бы выпали в осадок и потому чувство остается незамутненным, чистым.

Улыбнись,
Когда в окошко ветер
Постучит,
Спугнув твой сон к утру.
Распахни
Окошко на рассвете —

Это я озябла на ветру,
И к тебе стремится моя мысль...

(Перевод А.Боброва).

Лирическая героиня А.Ивановой устремлена (это известный мотив у молодых национальных поэтов, да и прозаиков) в родной *Юледур*, там забывается городская суета.

Любовь, конечно же, всеобъемлющее чувство: «А я все люблю, я любовью живу! И ты дал мне, любовь, ты навечно во мне.// Нет, серый покоя платок не по мне — // Ведь я же люблю, я любовью живу» (Перевод А.Смольникова). Порой эта экзальтированность в сфере чувств, само желание поведать всему свету о своих переживаниях и какая-то «обреченность» поэтесс на эту тему вызывает у меня невольное раздражение (но не такого порядка, скажем, как у Юрия Кузнецова). Мне кажется, что сама легкодоступность «горючего» материала заранее ограничивает круг их поисков. Это заметно и у А.Ивановой, но ее выручает (как, впрочем, и других ее сверстниц) чистота тона, искренность ощущений.

Эрзянки Раиса Кемайкина (Марись Кемаля) и Анна Сульдина тоже разрабатывают, как и следовало ожидать, аналогичные мотивы, но первая пытается как-то пробовать себя и в стихотворной публицистике (достаточно робко), а также зачерпнуть хоть пригоршню студеной водицы из чистого источника — фольклора, возвращается к золотой поре детства: «Я снова слышу песни детства // И вижу теплый свет в окне...» (Перевод М.Головенчица). И несмотря на это нет уверенности в том, что Кемайкина уже нашла себя, в полной мере осознала себя поэтом (хотя на уровне расхожих поэтических формул-заверений она говорит о себе: «Обиды не коплю я... и людям улыбаюсь, // Пряжу злобы рву, как паутину.// Доброты сердечной нить пряду я.» (Перевод Е.Дунской). Или: «Я иду вперед упрямо // «И верой светлой я жива» (Перевод М.Головенчица).

Поэзия Анны Сульдиной представляет собой нечто совсем другое. Ее стихи это тонкие, даже по-странному изысканные акварели. Тут ощущается влияние каких-то совсем иных традиций (японская графика и поэзия?). Строгий и скупой отбор выразительных средств, приглушенность интонации, затаенное чувство. Оно выражено косвенно, через созерцание каких-то состояний природы.

И запах из сада
заполнил наш дом.
И кажется жизнь
Светла и легка,
а я внутри яблока...
В оконный проем
плывут и плывут
облака.

(Перевод К.Смородина).

В стихах А.Сульдиной «Я» лирической героини не выступает на передний план, как что часто бывает в женской поэзии, оно растворено во внешнем, созвучно ему. И в то же время вдруг попадаетея неожиданная строчка-«изюминка», которая высвечивает все стихотворение.

Падает мокрый апрельский снег,
Медленно тает у наших ног.
Зима, как обиженный человек
Уходит, слезинки смахнув со щек.

(Перевод К.Смородина).

От столь характерной для наших литератур «поэтики наива», стилизации под народное Анна Сульдина пришла к более утонченному, импрессионистическому восприятию. Наверное, этот подъем на две-три ступеньки вверх как с точки зрения развития возможностей самовыражения средствами мордовского поэтического языка, так и в плане преодоления пресловутого провинциализма.

Если в марийской и мордовской поэзии женщины проявили себя только в последние 10-12 лет, то в удмуртской литературе уже в 20-е годы была знаменитая Ашальчи Оки, на опыт которой не может не оглядываться современная удмуртская почтесса. Уже в ее творчестве проявились те характерные черты (переход от традиционно-фольклорного уровня сознания к социально-психологическому, застенчивость как черта национального характера, направленность лирического чувства не только на себя, но и на другого, «любовь как мучительная... страсть, подавленная стыдливостью, робостью» и в то же время «внутренняя потребность к самовыражению»), которые в той или иной комбинации можно обнаружить и у Галины Романовой, Татьяны Чер-

новой, Людмилы Кутяновой. Это трио задает тон в молодой удмуртской поэзии вообще (правда, чаще говорят о дуэте двух последних). Они обошли конкурентов-мужчин, что последние признают сами хотя и не без некоторого смущения и снисходительных улыбок. И опять слово Т.Черновой: «Галина Романова склонна к «рассказу в стихах», она о чем-то повествует. И потому стих ее, как правило сюжетный. Лучшие ее вещи написаны в народно-фольклорном и интимно-лирическом ключе, а когда она берется мыслить глобально, получается декларативно (этим грешим и мы, другие женщины-поэтессы...

Как и многие, я очень ценю поэзию Людмилы Кутяновой. Хотя у нее на первом месте разум, но сами стихи — «сплав разума и чувства» — глубоко психологичны. Есть замкнутость поэтического мира, но у нее — свой взгляд, свой обжитой круг. С ее изощренной диалектикой чувства надо он смелее выражать думы, чаяния современной удмуртской женщины. Но сам характер ее героини — ярко национален.

Свою поэзию оцениваю как «поэзию импульсивного чувства». Из-за нагромождения образов, наверное, трудно удастся быть понятной всем. Стараюсь писать от сердца, по настроению... Не мне судить, как это удается...»

К этим словам я могу добавить совсем немного. Поэзия Г.Романовой, пожалуй, наиболее национально-окрашенная. Она очень щедра на образы, параллелизмы, типичные для народного стиха, песни. Эти фольклорные тропы она развивает, толкует, переосмысляет в своих стихотворениях. Недаром она признается: «Как своей матери верю я удмуртскому языку.//В родной деревне на удмуртском языке// Мне объяснили://Почему иногда ржаной хлеб кажется горьким, //Почему наша родниковая водица такая вкусная» /Подстрочный перевод/. Наверное, ее поэзия выглядит не очень современной. Кто нынче рискнет сравнить себя, например, с «цветущей белой-белой черемухой, выросшей до самого голубого неба под окном любимого».

У Романовой — особые, по-народному доверительные взаимоотношения и с природой. Честное слово, есть во всем этом что-то изначальное, драгоценное. И, может быть, именно женщинам-поэтессам выпадает миссия в национальной сло-

весности сохранять, оберегать самые интимные проявления чувства народного.

Не держи на меня зла, Кылдысин,
Придет, придет еще твоя весна,
Рассмеются твои зеленые листья...
Но сейчас прошу:
не мешай мне,
не стучи мне в окно
золотыми листьями...
Я думаю о любимом.

(Подстрочный перевод, Кылдысин —
Бог земли и земных недр).

Говоря о поэзии Л.Кутяновой одни говорят о ситуации неразделенной любви, которая переживается мучительно, вплоть до неподдельного драматизма. Другие отмечают ее поиск в области строя стиха (тяготение к тоническому и свободному стиху, неравносложной и прихотливой строфике). Все это так. И в этом смысле она непосредственно наследует Ашальчи Оки, о которой Кузубай Герд писал: «...она отвергла строгие литературные формы. Переживания вотячки — вот рама, в которой на фоне пылкого чувства выделяется простой, понятный и яркий лирический рисунок. А как этот рисунок будет оформлен, для нее имеет как бы второстепенное значение... мелодия — основа ее ритма».

Людмила Кутянова часто обращается к голубовато-серому цвету, который отнюдь не является расхожим цветом дешевой романтики, а, как утверждают специалисты, это «цвет глубокой, верной любви, окрашенной сомнением в ответном чувстве» (недаром ее первая книга так и называется: «Голубые облака» (1980).

Серость неба копится в моем сердце,
Серость неба не вмешается в само небо
И сердце мое переполняет тоской.

(Подстрочный перевод).

Я бы также отметил часто встречающийся в ее стихах, выразительный, по-ахматовски четкий жест, который выступает как бы знаком подавленного чувства, зыбкого душевного состояния. Приведу небольшую серию примеров из разных стихотворений: «Вновь со мной человек мой// С цветом глаз

смородинным...» (Перевод А.Миланова), «Радостью сердце, словно письмо, запечатано — // Это любимый принес ее нам на двоих». (Перевод А.Шилкина), «Снова взгляды свои скрестили.//Обе гордые, обе сильные...» (Перевод А.Шилкина/, «Букет ты тогда протянул мне без слез, // И горек был запах поздних цветов». (Перевод Н.Селезневой). Правда, переводчики иногда подают этот жест излишне мелодраматически.

Кутянова не срывается на крик, она сдерживается из-за всех сил и тем сильнее ощущение подлинности. Она выходит на самую высокую ступень страсти — через боль и страдание. Но даже в состоянии счастья предвидит скорую драму разлуки.

А я,
как человек, живущий последний день,
смотрю и смотрю пристально на тебя.
Боюсь —
шаловой вихрь промчится через наши жизни,
или вдруг ни с того ни с сего
потеряем друг друга, не осилив счастья.
(Подстрочный перевод).

«Почерк» Татьяны Черновой некоторыми удмуртскими критиками связывается в первую очередь с традицией «говорного» стиха (близкого иногда к некоему подобию верлибра), идущей от замечательного удмуртского лирика Флора Васильева. Поначалу манера Черновой мне покачалась очень близкой к «поэтике косвенного намека» Анны Сульдиной. Те же трепет и хрупкость ощущений, не прямое изображение чувства. Словом, та же «китайская» ли, «японская» ли эстетика неброского, тихого, скромного: «И лишь тень твою все ощущаю // На улице удивленном своем...» (Перевод Д.Костюрина).

Но при более внимательном прочтении обнаружилось и другое. Часто само стихотворение у Черновой — лишь предчувствие любви, своеобразная реализация магической функции слова — заклинание, наговор. (Не являются ли все настоящие женщины-поэты и по происхождению, и по душевному складу своему ворожеями?)

Много ли для счастья надо нам —
Мне, моим стихам?

Только бы к глазам твоим, губам,
Только бы к рукам.
Все бы знать в тебе, не угасать
В этой ворожке...
Оттого и писем я писать
Не хочу тебе.

(Перевод Н.Селезневой).

То есть в такой поэзии «Я» уже не может долго таиться за обмолвками и оговорками. И у Черновой наряду с мечтательной созерцательностью и томлением по несбыточному идеалу (такой мотив идеальной любви проходит током через ее первую книгу «Песня, незнакомая тебе» (1980): «Как жаворонок в вышине //Звенит, озвучив поднебесье, // Так песня новая во мне// Звучит, // Но ты не слышишь песни...» (Перевод И.Савельева) с течением времени все более резко и беспощаднее вырываются совсем иные слова:

Уходи с моей дороги прочь,
Я — где день, ты там всегда — где ночь,
От меня тебе так мало прока.
Ты меня, как птицу, отпусти
К солнцу, к небу — там мои пути,
Где орел летает одиноко.

(Перевод Н.Селезневой).

Это все тот же вечный мотив, который, очевидно, восходит к какому-то пласту женской прапамяти, мифологическому архетипу независимо от этнической принадлежности, мотив любви — как мучительного поединка, противоборства, психологической совместимости любящих: «Была я разговорчивой и смелой — // Ты замкнутость привил к моей судьбе. // Тогда я верить лишь тебе хотела, //Теперь не доверяю и себе». (Перевод О.Хлебникова).

Поэзия Л.Кутяновой и Т.Черновой для меня показалась интересной не только их индивидуальными чертами, или образами героинь (их «alter ego»), хотя это всегда трудная и привлекательная загадка — проследить по поэтическим текстам диалектику развития характера, тем более, женского. Их стихи также показывают какой-то иной уровень самой культуры переживания, в них характер удмуртской девушки, которая уже прочла и пережила Ахматову, Цветаеву, Габриэль Мистраль, Эмили Дикинсон, Сей Сенагон. Очень любопытно

наблюдать как на психологическом срезе смешивается, взаимопроникает чисто-удмуртское и просто женское, общечеловеческое.

***

...Позже, в середине ноября, когда в воздухе начали мельтешить «белые мухи» и мела поземка по прихваченной морозцем земле, уже в Шубашкаре я вновь встретил многих из участников наших летних «круглых столов», споров и бесед. Они съехались на 1-й Творческий Форум литературной молодежи Урала и Поволжья, который проводил Чувашский координационный центр творческой молодежи, приурочив его ко дню рождения поэта-революционера, поэта стальной веры, подснежника революционного авангарда — Мишши Сеспеля.

Продолжились наши «дневные» и «ночные» разговоры, снова — чтение стихов, неформальное, раскованное общение. Форум стал местом живого обмена мыслями по поводу самых острых моментов творческого становления и вхождения в литературу молодого поэта — поэта поколения 80-х, времени революционного обновления во всех сферах нашей общественно-культурной жизни, в том числе и в поэзии народов нашего региона. На форуме завязались личные творческие контакты — ведь друг друга надо знать в лицо, а не понаслышке. Участники были единомышленны: «Нужен как воздух, живой обмен творческим опытом — молодой поэт не может, не должен самоизолироваться, ему нужен честный, откровенный разговор со сверстниками, со своими товарищами. Мы соседи не только географически, но и исторически. У наших народов много общего в обычаях, культуре, самих традициях поэтического Слова, во взгляде на мир. Мы — соседи по огню! Разве не этот огонь сжигал Сеспеля, Шайхзаду Бабича, Хади Такташа, Хасана Туфана, Кузубая Герда, Михаила Безбородова, когда они делали новую поэзию в первые послереволюционные десятилетия. В 1921 году Сеспель в стихотворении «Пашня Нового Дня» создает глубоко символический образ «Моста Интернационала, украшенного цветами и выводящего к Новому Дню». А разве не актуален его призыв сейчас, в период новой надежды и мечты!»

Поэт также писал: «Сердвина Шубашкара в свете молнии горящем новых слов горнилом будет. Если огня Нового мира, если света Нового лика не вынесут чьи-то глаза — то пронзят их насквозь Нового лика огонь. Нового солнца луч... Пламенная кровь, кипи! Новый день, ярый день, землю старую сжигай и гори! гори! гори!»

В рамках Форума был проведен также «круглый стол» (еще один!) Чувашского ТВ на тему «Традиция революционно-авангардной поэзии Урало-Поволжья 20—30-х годов и современность», в котором помимо многих вышеупомянутых поэтов принимали участие также латыши Улдис Берзиньш и Петерис Бруверис, «метаметафорист» Илья Кутик.

Время перемен и обновления требует новых форм координации и объединения творческих усилий. Было решено, что Сеспелевский Форум станет традиционным, ежегодным, осенним праздником молодой (авангардной) урало-поволжской поэзии с приглашением широкого круга гостей и из-за пределов региона. В процессе общения на Форуме мне показалось, что некоторые участники начали задумываться о своей личной причастности и ответственности за обновление сути поэтического слова.

Осмысливая свои впечатления от летней финно-угорской «одиссеи», прочитанный тогда и позже материал, результаты 1-го Форума литературной молодежи Урала и Поволжья, я обратился к трудам известного венгерского литературоведа, блестящего знатока уральских литератур, активного их пропагандиста как в самой Венгрии, так и в Европе в целом Петера Домокоша (К слову сказать, что изданный им в 1982 году в Сегеде «хандбук» уральских литератур не имеет аналогов у нас в стране и является замечательным введением в изучение словесности этих народов). У него я нашел ответы на ряд мучивших меня вопросов.

Размышляя, в частности, о «принуждающей силе истории», венгерский ученый подчеркивает роль Октябрьской революции в развитии национальных культур, потому что «их бурный расцвет начался под сильным ее толчком. Из судьбы литературы выпадает значительный путь поисков, созревания, ей пришлось сразу же подвергнуться влияниям... Эту литературу создала история, а не постепенная духовная эволюция народа...» Выделяя периоды исторического разви-

тия финно-угорских литератур, И.Домокош, особо отмечает конец 30-х годов, когда «литература национального духа и социалистической гражданственности была разделена, национальная ветвь погибла, политическая исказилась, а когда настала возможность объединиться, уравновесить их, уже не было условий реконструировать полностью старое единство. Это объясняет хороший уровень, но вместе с тем до некоторой степени безличный уровень современной литературы социалистического реализма». Сказано, может быть слишком категорично и сформулировано в непривычной для нас фразеологии, но по сути верно. Репрессии конца 30-х годов, последующая война уничтожили пассионариев — самую активную часть национальной творческой интеллигенции в автономиях Урало-Поволжья, другим навешали ярлыков (проблема «белых пятен» также остро стоит в наших литературах), третьих обрекли на длительной молчание и открыли дорогу спекулятивному словоблудию, которое всячески отмеживалось от национального.

После XX-го съезда ситуация как будто изменилась (хотя и на очень краткий срок) и единство двух линий было-таки восстановлено, хотя и не без большого труда. Сейчас пора обратиться к начальному опыту 20—30-х годов, когда национально-культурное строительство находилось в динамике. Наше время так созвучно тем бурным годам. Опыт революционно-поэтического авангарда 20—30-х годов наших литератур нам нужен сегодня, надо его заново переосмыслить, чтобы использовать в реальном деле перестройки. Пусть мятежный и новаторский дух тех лет окрылит поэтическое поколение конца 80-х!

Прямо и откровенно венгерский ученый ставит вопрос о будущем финно-угорских литератур: «Что же произойдет с ними? Может, сольются с другими литературами, а, может, произойти однако, что для воспрепятствования унификации появится какое-то общее устремление, ведь сохранение малых языков и культур малых народов могут обозначать для человечества свежие источники возможности обновления, а для усталых творческих умов — свежие темы и настроения». Мне кажется, что сейчас нельзя писать о национальных литературах Урало-Поволжья (как, впрочем, и других регионов), не задаваясь подобными вопросами, довольствуясь только

тем, что есть, мнимо ддящимся настоящим. Нужно держать в оперативной памяти и такие футурологические соображения, и проект будущего для нации в целом.

Конечно, многое зависит и от тех, кто приходит на смену поколению «отцов». С чем они приходят, с какими надеждами (или уже без всяких надежд?), поверх каких барьеров им приходится самореализовываться в литературном творчестве? И опять же представляется важным и актуальным аналитический прогноз П.Домокоша относительно возможных перспектив литературного процесса: «Заинтересованность мира по отношению к ним (литературам малых народов. — А.Х.) начала бы проявляться в том случае, если бы помимо усиления самобытности, несколько расширился их горизонт, если бы они наполнились элементами общей образованности, если бы поднялся их интеллектуальный уровень, если бы они осознали свою роль и свои возможности».

Мне остается лишь переадресовать эти пророческие слова к молодым марийцам, мокшанам, чувашам, удмуртам... (список этнонимов с легкостью можно довести до сотни, если только учесть народы, проживающие у нас).

Шубашкар—Йошкар-Ола—Саранск—Ижкар—Шубашкар

1988

ВЕЛЬМЕМА ЭТО ВОЗРОЖДЕНИЕ

Прежде чем начать свои заметки об Учредительном Съезде мордовского общества национального возрождения «Масторава», который прошел 3-5 августа в Саранске хочу обратиться к нашим мордовским сестрам и братьям на их родном языке: «Шумбрачи тенк, вечкевикс эрзят ды мокшот! Сюкпря евтан тенк Саранскойстэ самодо мейле, косо аволь умок ютась эрзя мокшонь «Масторава» обществань васенце учредительной промксось».

... В фойе, в зале Дворца культуры профсоюзов оживление, объятия, звучит эрзянская и мокшанская речь, собралась мордва со всех уголков страны, чтобы общей волей определить перспективу нации, собрать в одно целое энергию (национальная энергия созидательна, ведь она опирается на добрую мысль, доброе намерение и доброе деяние). На сцене сине-красно-зеленый национальный стяг с пятью четырехугольными звездами, которые так напоминают нам *кёскё* чувашской вышивки, выходят статные мордовки и мужчины в национальных костюмах, звучит святая песня о единении духа нации, зажигается свеча — символ святости начинаемого великого, но и невероятно трудного дела — и съезд «Масторава» начался.

Из доклада профессора Д.Т.Надькина «Духовная культура морды и задачи общества «Масторава» было ясно, что мордовское движение рождалось трудно, мучительно, при яростном сопротивлении партийных чиновников. А какие знакомые «контраргументы»: «националисты», «экстремисты», «не надо драматизировать», «только культурно-просветительская деятельность», «не надо политики» и т.д. (такое ощущение, что этот набор штампов был «заботливо» разослан

центром по всем регионам Союза в идеологические отделы республиканских ЦК и обкомов, как руководство к отпору; хотя, впрочем, так оно и было, ибо «Масторава» создавалась в апреле прошлого года, почти одновременно с Обществом И.Я.Яковлева у нас, когда со Старой площади было направлено известное инструктивное письмо о «неких политических силах, рвущихся к власти»).

Куда уж более драматизировать, когда оратор привел, например, такие факты: «Удручающее впечатление производят результаты социологического исследования, проведенного в школах Бугурусланского района Оренбургской области. Опрошено 808 учащихся 7—10 классов. На вопросы анкеты ответили 356 учащихся. Из них не назвали ни одного писателя своей национальности 92,4 процента мордвы, 85,7 — чувашей, 66,7 процента казахов. Не знают ни одной национальной игры (песни, танца) 46 процентов мордвы, 12,5 — татар, 85,7 — чувашей, 50 процентов казахов...» Вот оно равенство... по степени денационализации мордвы, и чуваш.

Удивительно следующее. Хотя и это привычная картина. Выступает секретарь ОК КПСС, и все то у него хорошо. «Комплексная программа по развитию мордовской социалистической нации» аж до 2000-го года имеется, в будущее он смотрит уверенно, оптимистично. Берут слово люди и облачко розового оптимизма, которое охватило тебя во время выступления идеолога правящей партии куда-то испаряется и черный список эрзянско-мокшанской нации пополняется все новыми и новыми бедами.

Мордвин, хомо советикус, говорящий на эрзац-языке, не ощущающий родной почвы под ногами. Мордовская республика оказалась для крайне дисперсно расселенной мордвы мачехой. Манкуртизм и нигилизм как господствующие настроения в обществе. Фальсифицированная история с добровольным вхождением мордвы в состав Русского централизованного государства. Прочно удерживаемое 1-е место в соцсоревновании по закрытию национальных школ. Сокращение в численности мордовского населения от переписи к переписи. Мы присутствуем при гибели великой музыкальной культуры мордвы. Нет мордовского хора на радио, оперного театра, ни одного режиссера, балетмейстера, дирижера коренной национальности (и вообще, чего только у нас нет!). Мини-

стерство культуры можно назвать министерством разбитого корыта. Денационализированная городская среда. Мордва-горожане как источник порождения люмпенов и маргиналов. В Саранске нет названий и вывесок на эрзя и мокша языках. Отток коренного населения из республики.

Не указываю здесь авторства этих фраз, выдернутых из многих выступлений, ибо не в этом суть. Все это наболело и должно быть выплеснуто. И все это до белой боли в глазах, к сожаленью, знакомо и нам. Но есть и спецификум: печально знаменитый мордовский Дубровлаг, тем более, что зона в республике расширяется — недавно открыта спецколлония для наркоманов и больных с открытой формой туберкулеза, что вызывает закономерную озабоченность у общественности, так как могущественная наркомафия уже протянула свои щупальца и налаживает каналы по доставке зелья в Мордравию... Лагеря, и особенно, лагеря для политических, как выразился главный редактор журнала «Мокша» Г.И.Пинясов, это «тяжкий крест для мордовского народа».

Невольно задумывешься о том, почему так все происходит. «Правящая партия» Мордовской республики предлагает программу, даже комплексную программу, но никто из выступающих не сказал о ней ни одного слова. Люди говорили о другом. Я даже уверен, что и программа эта (хотя и не видел ее) неплохая. Но народ уже не верит в саму идеологическую подоплеку всех этих «программных» документов. Научены горьким опытом прошлого. Ибо очевидно, что те люди остались прежними. Пусть их речи сегодня звучат по-другому, но, как и прежде, нет за ними активного действия (или хотя бы со-действия самозарождающимся национально-культурным инициативам). Как черт ладана нынешняя партократия боится политического движения снизу и развития его на основе идеи национального возрождения.

«Масторава» активизирует, пробуждает, участвует в митингах и гражданских акциях, объединяет коренное население республики с эрзянской и мокшанской диаспорой, выступает за эффективные структуры культурной автономии, которые бы действовали поверх неудачно скроенных еще в 20—30-е годы границ автономий, лишенных к тому же реальных прав и пытающихся освободиться ныне от пут централизованной экономики (из доклада Д.Т.Надькина: «Известно,

с каким трудом, поэтапно создавалась мордовская государственность: республика буквально сшивалась из лоскутков нынешних Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Горьковской областей. Но почему при этом некоторые мордовские массивы оказались за пределами МАССР, хотя непосредственно граничат с ней? Почему единый мордовский массив на стыке Куйбышевской, Оренбургской областей, Татарской и Башкирской АССР «растерзали по четырем названным административно-территориальным единицам?» А разве не то же самое произошло при создании Чувашской автономии. Один почерк, один имперский принцип: разделяй и властвуй).

«Масторава» действует демократично и широко, в движении участвуют и горожане, и сельчане, среди ее лидеров много научной и творческой интеллигенции. Много молодых людей — делегатов Съезда. В движение идут женщины, привнося в него яркую эмоциональность (правда, эмоций хватало и у некоторых делегатов мужского пола). Этим обычно пугают («не надо эмоций»). Я же считаю, что это вполне естественно. Чтобы дело сдвинуть с мертвой точки необходим душевный порыв, толчок сердечной мышцы. Но при этом Раиса Кемайкина, эрзянская поэтесса (как заметил один из московских делегатов, «не вторая Прунскене, а просто первая Кемайкина») в своей речи продемонстрировала завидно трезвые суждения, убедительную аргументацию. Движение воодушевляется такими женщинами-лидерами.

Учредительный Съезд «Масторава» обратил свой взгляд в прошлое мордовской нации, дал критический анализ ее нынешнего катастрофического положения и наметил точки приложения сил. Были заслушаны министры народного образования, культуры, председатель республиканского Комитета по радиовещанию и телевидению. Им пришлось нелегко, на них, как и следовало ожидать, посыпался град вопросов, и не всегда они были убедительны в ответах. Съезд принял программу и устав, особо акцентируя внимание на национально-политическом характере организации. Президентом Общества был избран профессор, доктор филологических наук Дмитрий Тимофеевич Надькин. Съезд принял политическую резолюцию, которая охватывает весь спектр обсуждавшихся проблем. В ней, в частности, говорится, что прово-

дившаяся в республике политика была «антинациональной, антимордовской и антидемократической». Была поддержана идея создания ассоциации народов Урало-Поволжья на базе общественных движений, национально-культурных организаций и партий национального возрождения, которая бы способствовала удовлетворению национально-культурных интересов народов региона, политическому решению вопросов национально-государственного устройства, реализации механизмов культурной автономии и т.д.

Среди финно-угорских народов мира мордва занимает третье место по численности (после венгров и финнов), но, как отметил профессор Д.Т.Надькин, «по степени деградации национальной культуры и утрате национальной доминанты мордва находится едва ли не на первом месте в стране». В нашей республике по данным переписи 1989 года проживает 18686 человек мордовской национальности. Есть, конечно, и у наших земляков свои проблемы. До сих пор эрзянский язык преподавался только в одной школе в деревне Малые Кармалы Ибресинского района, но уже с 1-го сентября сего года будет преподаваться в семи школах.

Если брать общий финно-угорский контекст, то можно сказать, что национально-общественные движения и национально-культурные организации среди финно-угров развиваются и довольно слаженно взаимодействуют. Бесспорными лидерами являются эстонцы. Финны и венгры также охотно пойдут как на культурные, так и, возможно, экономические контакты со своими сородичами. Примеры тому уже есть. На Съезде было зачитано, к слову сказать, приветствие Финского культурного общества М.А.Кастрена. 1-я Всемирная конференция финно-угорских писателей состоялась в прошлом году в Йошкар-Оле. Когда я был в Хельсинки в этом году, там проходил международный фольклорный фестиваль финно-угров. Нам, чувашам, в этом отношении надеяться не на кого. Зарубежных родственников нет, наши соплеменники — тюркские народы Союза и зарубежья — если и будут консолидироваться, то на своей основе. У чувашей с в о й п у т ь и приходится рассчитывать только на свои силы.

С другой стороны, и у чувашей накоплен своеобразный опыт духовного сопротивления. Веками живя в условиях инонационального окружения, при самых неблагоприятных

условиях мы все же сумели сохранить себя. Свой самобытный строй жизни, национальную культуру и язык. И загадку этой поразительной живучести духа нации еще предстоит нам разгадывать.

И в заключение пожелаю «Масторава» успехов в деле национального возрождения: Мелем вейке — моли сон седейстенъ — кадык вельми тынк культуранк, келенк ды коенк. Вай паштянготь, паштянготь! Лиси Чипаз чантязо! Валги Ков паз чантязо!

1990

ГОЛУБАЯ ЗЕМЛЯ БУДЖАКА

Созидает в Буджаке любимом
мой народ: родная речь слышна.
Старина его неистребима,
святость очага сохранена.

Степан Куроглу.

В конце апреля гостеприимная земля Буджака собрала гостей — ученых Турции, Венгрии, ССР Молдовы, Азербайджана, Украины, Кыргызстана, Башкортостана, Республики Чăвашьен, Москвы, представителей крымско-татарского и ногайского народов на конференции «Тюрки в Юго-Восточной Европе и проблемы этнокультурного развития гагаузов».

Буджак это южная часть Молдовы, и эта земля в ходе долгой тысячелетней истории гагаузов стала для народа материнским краем. Единственным местом, где может свободно развиваться его язык и культура. Гагаузы являются прямыми потомками тюрков-огузов (узов) и их самоназвание скорее всего, восходит к сочетанию *гѡк (кѡк) огуз* «голубые тюрки», встречающееся еще в древнетюркских рунических надписях. Символика голубого цвета возрождается в наши дни, в крупных гагаузских селах и райцентрах вывешены голубые национальные флаги с изображением волчьей головы посередине (Волк — *Ашина* по-древнемонгольски — считается прародителем всего тюркского племени согласно мифологическим представлениям древнего времени). Гагаузы по данным переписи 1989 года составляют в Молдове 153 тыс. 458 чел., а также проживают в Болгарии, Румынии, Греции, Турции и на Украине. Три крупных центра скрепляют единство гагаузского края. Это Комрат, Чадыр-Лунга и Вулканешты. Путь

из Кишинева занимает 2,5-3 часа и когда пересекаешь границу, которая становится все более материальной, тебя встречает приветствие: *Хош гелдиниз Гагауз Республикайя* «Добро пожаловать в Гагаузскую Республику!» (Напомню, что за последнее время было провозглашено о создании государственности гагаузов — 1 ноября 1989 года в качестве автономной республики в составе ССР Молдовы, а после непризнания автономии со стороны Молдавского парламента — было заявлено уже о Гагаузской Республике в составе Союза (19 августа 1990 г.).

Проведение научной конференции было приурочено к широкому народному празднованию 130-летия со дня рождения видного гагаузского просветителя, протоирея о. Михаила Чакира, чья имя долгое время было под запретом. Для нас, чувашской делегации, было знаменательным совпадение по времени года с этой датой 143-летие со дня рождения патриарха чувашской культуры Ивана Яковлевича Яковлева. Основные стороны их просветительской деятельности совпадают не только по хронологии, но и по целям: открытие школ, просвещение соплеменников светом Евангелия, обширная переводческая деятельность в области религиозной литературы (о. Михаил Чакир перевел на гагаузский язык Псалмы, Новый Завет, «Начало христианского учения с кратким катехизисом», «Историю святых» и др.). Подготовка и издание учебных пособий и словарей по гагаузскому, молдавскому и русскому языкам.

Сам род Чакиров весьма почитаем среди гагаузов и восходит к первой половине XVII века. В конце XVIII века они переселились из Добруджи (Болгария) в Чадыр. Представляя, в основном, духовных лиц, род Чакиров дал целую плеяду пастырей и общественных деятелей на ниве народной. Один из Чакиров, Дмитрий, писал в свое время: «К чести наших предков, при таких трудных обстоятельствах они смогли сохранить и сохранили самое важное: веру,... имя, происхождение, и это дражайшее наследие... и по настоящее время твердо и непоколебимо нашим потомством сохраняется».

Эти слова звучат и сегодня как завет, и мы видели воочию, что они так и воспринимаются гражданами ново-рожденной республики. Само проведение научной конфе-

ренции в Чадыр-Лунге явилось тому живым свидетельством и, конечно, станет новым стимулом для развития гагаузоведческих исследований, а также для выявления «белых пятен» в истории культуры народов Юго-Востока Европы.

На конференции наиболее представительной была турецкая делегация во главе с профессором Анкарского университета Мустафой Кафалы. Надо сказать, что рабочими языками нашего форума, в основном, были турецкий и гагаузский языки (относясь к одной группе, огузской, гагаузы весьма свободно понимают турков, и наоборот). Прекрасно говорит на турецком (и других тюркских) доктор Конгур Мандоки из Будапешта. Выступали на своих родных языках и другие участники конференции из наших тюркских республик. Труднее приходилось нам, ибо чувашский язык все же занимает особое место среди своих родственников. Так что — заметим на будущее! — нужно нашим исследователям помимо западноевропейских языков осваивать и ведущие тюркские, желательнее, огузской или кыпчакской группы. Без этого непосредственные личные контакты с представителями тюркской ойкумены (türk dünyası) будут весьма затруднительными. Тем более, что идея общетюркского единства в последнее время набирает силу, открылась возможность широких контактов с турецкими учеными, да и внутри Союза эти процессы получили новый импульс в связи с общим ростом национального самосознания. Мустафа Кафалы, его коллеги по университетам Анкары и Кайсери часто акцентировали эти моменты, обращаясь к образу общетюркского древа. В резолюции конференции была проведена мысль о том, что «тюркская солидарность должна стать важным фактором международных и межнациональных отношений», и то же самое в афоризме по-турецки: Tâñri Size korusun! (чавашла: ТУРĂ ТЕРĔКЕ УПРАТĂР!) История, язык, культура вот что в первую очередь питает эту идею общетюркского единства.

В ряде выступлений на конференции подчеркивалось своеобразие этногенеза гагаузов, в котором важную роль сыграли помимо основного огузского компонента и болгары, и печенеги, и кыпчаки, и славяне. Заметим также, что существуют и ожидают углубленного исследования гагаузо-чувашские языковые параллели, восходящие к болгарской основе. Славянская и молдавская стихия, на мой непрофессиональ-

ный взгляд, была заметна в выступлениях фольклорных ансамблей «Кадынжа», «Гагаузлар» в большом торжественном концерте в Чадыр-Лунге. То есть, гагаузская культура, прошедшая сложный путь, была открыта влияниям, чему, очевидно, способствовало и единство вероисповедания с окружающими народами. Кстати подчеркнем, что на территории Восточной Европы только два тюркских народа — гагаузы и чуваша — в основной своей массе являются христианами-православными (сюда еще можно добавить татар-кряшен). Беседуя с благочинным церковью южных районов Молдовы о. Дмитрием мы обсуждали возможность установления контактов между нашими церквями, практику ведения богослужения на родном языке. О. Дмитрий любезно подарил обществу гагаузо-чувашской дружбы, созданному еще в ноябре прошлого года, фототипическое воспроизведение перевода Нового Завета на гагаузский язык, выполненного М. Чакиром и изданного еще при его жизни.

В воскресенье, 23 апреля в Чадыр-Лунге в присутствии 4,5—4 тысяч человек был торжественно открыт и освящен памятник Михаилу Чакиру. При этом был отслужен молебен по полному чину. В церемонии участвовали архиепископ Кишиневский и Молдавский о. Владимир, священники-гагаузы, хоры Свято-Вознесенского храма и местной церкви. Молебен проходил, в основном, на русском языке, хотя была прочитана проповедь и также пелись псалмы на гагаузском языке. В порядке исключения звучала и молдавская речь. Турецкие гости, а также другие тюрки-мусульмане — участники конференции весьма терпеливо выдержали часовой православный молебен и даже окропление святой водой.

Среди многих встреч, состоявшихся на гагаузской земле, особо запомнилась встреча со студентами Гагаузского национального университета. Университет начал функционировать в г. Комрате в начале 1991 года в здании бывшего райкома партии (КПСС), имеет уже более 100 студентов, обучающихся по циклу национальных гуманитарных дисциплин, сельскохозяйственных профессий, а также менеджменту и банковскому делу. Само открытие университета показывает, что нынешние лидеры гагаузского национального движения хорошо понимают, что идеи национально-культурного возрождения должны взять на себя молодые. Ибо, к

сожалению, пока кадры гагаузской национальной интеллигенции немногочисленны.

Касаясь политики, хочу сказать, что будущее Гагаузской Республики в известной степени, остается неопределенным, хотя активно обсуждаются экономические проекты рационального использования аграрного потенциала Буджака. Действует Верховный Совет из 52 депутатов во главе со Степаном Михайловичем Топалом. Но сохраняется напряженность в отношениях с парламентом Молдовы, мы нигде не заметили в гагаузских селах молдавского «триколора» или надписей на восстановленной молдавской латинице. Народные депутаты, избранные от южных районов, лишены своих депутатских полномочий. Тем не менее, в той или иной форме гагаузская государственность должна быть реализована. Очевидно, также, что здесь должны искать путь к согласию и диалогу обе стороны. Участники конференции были единодушны в поддержке права гагаузов как нации на самоопределение и пожелали им «успешно преодолеть все трудности государственного строительства и национально-культурного возрождения».

Со своей стороны, мы могли бы поддержать как-то и содействовать их культурным инициативам путем организации выставок народного творчества, художников, приглашением фольклорных коллективов, обменом студентами Гагаузского национального университета и факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ.

Благодаря сверхгостеприимных хозяев при прощании нам оставалось только пожелать, чтобы воплотилась в жизнь мечта Михаила Чакира: «Я верю, что культура гагаузов выйдет на новые рубежи...».

1991

ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ*

Здесь волей Неба роду борджигин**,
был дан аркан, связавший племена.

Баир Дугаров.

Мы живем под боком у Москвы, погружены в свои заботы и порой не очень осведомлены о том, что происходит на окраинах постсоветской ойкумены. Между тем там тоже происходят весьма любопытные процессы, которые имеют свою цель, и даже поверхностное их знание может быть полезным и для нас. Происходящий рост национального самосознания народов, живущих на территории РФ, не может оцениваться однозначно, ибо процесс этот весьма многомерен и имеет в разных местах свою окраску. Осмысливая «свой» чувашский опыт, мы можем почерпнуть полезное и из «другого», в нашем случае, бурятского опыта.

По мнению философа Ирины Урбанаевой, нынешняя территория этнической Бурятии (которая, как известно, еще в 1937 году была насильственно расчленена на три национально-территориальных образования: Бурят-Монгольскую Республику, Агинский Бурятский округ в Читинской области, Усть-Ордынский Бурятский округ в Иркутской области; позже в 1958 году было усечено и название республики, она стала только «Бурятской») является особого рода месторазвитием, — *Трансбайкалией*, представляющей часть суперэтнического мира Центральной Азии, где сменяли друг друга на протяжении веков хунну, древние тюрки, уйгуры, корен-

---

* Тибетская мантра: «О, Драгоценный Лотос!».

** Род чингизидов.

ные монголы. Бурятия напичкана археологическими памятниками, как говорят сами археологи, «вся история монголов еще в земле». И эти археологические памятники требуют особо тщательной охраны и сбережения. И вообще в концепции «новой» идеологии национального движения И.Урбанаевой бурятская земля исторически и ныне целиком входит в сферу монгольского — духовного и родственного — притяжения. Здесь как будто находится и таинственная *Шамбала*, это место самых сильных шаманов и наиболее адекватно для медитации. Этим местом владеет дух ГЭСЭР-хана, а в еще более возвышенном смысле оно освящено культом Голубого неба (*Кок Тенгери*). При этом подобная мифологическая основа связывается с этноэкоэтикой, как системой норм и ценностей, этических представлений, которые формировались у коренных монголов (баргуджинов) в ходе адаптации к трансбайкальской экологической нише. Именно коренные монголы и эвенки сумели сохранить чистоту Байкала и бережно донести ее до XX в.

Во время проектно-аналитического семинара «Проблема правового обеспечения культурной деятельности», в работе которого мне довелось участвовать, удалось познакомиться с разными срезам бурятского общественного мнения в ходе встреч с научной, творческой интеллигенцией, со своими старыми друзьями и знакомыми, присутствуя на конференции Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК), беседуя с народными депутатами, активистами национального движения. Точки зрения на национально-культурную перспективу весьма различны, но какой-то общий поворот сознания, пожалуй, заметен. Достаточно условно его можно обозначить такой формулой: процесс возрождения традиционных этнокультурных ценностей на основе припоминания **своей** истории до XVII в. (до прихода русских в Байкальскую Сибирь) ведет к постепенному отказу от русско-советской ориентации и культурный код коренного бурятского населения переключается на центральноазиатский (буддистский) ареал. «Окраинное» положение относительно российского центра, прошлое единство с монголами, устойчивая культурно-религиозная традиция, которая не позволила здесь православным миссионерам одержать победу над буддизмом (за исключением части западных бурят), постепенно

поворачивают и политику Бурятской Республики. В последние два года здесь активизировались контакты с Монголией, Южной Кореей, Китаем. Это и экономические связи, торговля, активный туризм, а также культурные контакты. Заметна экспансия китайских товаров, так как на всем протяжении границы с Россией действуют китайские экспортно-импортные компании. И тем не менее окончательно ориентиры еще не определились. О промежуточном положении Бурятии министр внешнеэкономических связей и международных отношений республики Владимир Иванов заявил так: «Для европейских стран мы — Азия, а для постоянных партнеров — Монголии и Китая — остаемся Россией. Мы везде вроде как «чужие среди своих».

Судя по впечатлениям близких мне людей важнейшими событиями в процессе бурятского возрождения можно считать визиты Его Святейшества Тендзин Гьятсо Далай-ламы XIV, который является духовным и политическим лидером тибетского народа, с 1959 года живет в Индии, где возглавляет тибетское правительство в изгнании и неустанно действует во имя того, чтобы его родина — Тибет — обрела свободу. Буддисты почитают Далай-ламу как земное воплощение Авалокитешвары, Бодхисаттвы сострадания, то есть он является людям как живой Бог. Далай-лама — выдающийся философ, имеющий высший сан буддийского ученого богослова — *Геше*, автор многих трудов, последовательный сторонник прав человека и самоопределения тибетского народа. В 1989 году был удостоен Нобелевской премии мира.

В июле 1991 года его посещение Бурятии было приурочено к празднованию 250-летней годовщины официального признания буддизма в России. В сентябре этого года рамки визита были шире и охватывали Калмыкию, Тыву, и, конечно же, Бурятию, что способствовало духовному единению всех российских буддистов. Несомненно, что для верующих это величайшее событие, так Его Святейшество Далай-лама XIV во время этих поездок освящал места строительства будущих дацанов (монастырей) и буддийских школ, совершались молебны, происходили многочисленные встречи, включая контакты на самом высоком уровне. Для многих бурят понятия «национального самосознания» и «буддизма» невозможно оторвать друг от друга. Можно вспом-

нить и о том, что до 1917 года в Бурятии было 47 дацанов, а общее количество лам (буддийских монахов) достигло 15—16 тысяч. Буддийский дацан — это и школа, и больница, и издательство. Там учились буддийской мудрости, врачевали методами тибетской медицины, постигали тибетский, старописьменный монгольский язык. Оттуда выходили люди, впоследствии становившиеся по праву лидерами нации, ее духовными пастырями. Большая часть бурятской интеллектуальной элиты конца XIX—начала XX вв. так или иначе была связана — через науку или веру, или через то и другое одновременно — с буддизмом. Такие имена как Доржи Банзаров, Агван Доржиев, Гомбожаб Цыбиков, Бадзар Барадийн, Жамцарано, Ринчен имели международную известность. Особую роль играл цанид-хамбо Агван Доржиев, который был наставником и доверенным лицом предшественника нынешнего Далай-ламы Далай ламы XIII, видным деятелем национально-освободительного движения тибетского и монгольского народов, реформатором буддийской конфессии в Российской империи и советской России. Фактически он представлял политические и дипломатические интересы Тибета в России и других зарубежных странах (министр иностранных дел). Его участь, конечно же, была самой печальной. В 1937 году 85-летний старец был арестован и скончался в январе 1938 года от паралича сердца в тюремной больнице Улан-Удэ.

Сейчас эти имена всплывают из тьмы забвения и хочется надеяться, что **карма** (деяния) этих выдающихся бурят будет определять направленность нынешних процессов. Но общественное сознание бурятской интеллигенции не ориентировано только в прошлое, происходящее нельзя квалифицировать только как реставрацию памятников истории и культуры. В ходе встреч выражалась и явная озабоченность нынешним бедственным состоянием бурятской культуры, угрозой коммерциализации культурной сферы, выбросом на рынок огромного количества образчиков массовой западной культуры, причем явно не первой свежести. Что можно этому противопоставить? Традиционные ценности, как правило, не способны выдержать конкуренцию с этим культурным ширпотребом. Выход видится в следующем (относительно чего группа экспертов семинара была единодушна). С одной, сто-

роны, государство обязано проводить политику целевого протекционизма в сфере национальной культурной деятельности, законодательно регулируя отношения между «творцами» и техническими «исполнителями», а также потенциальной аудиторией. Эта политика предусматривала бы создание определенных условий для реализации творчества художественной элитой, льготы в налогообложении, арендной плате, финансирование приоритетных проектов и программ и т. д. С другой стороны, требует поддержки и масскультура, которая развивается на национальной основе, с использованием фольклорных мотивов. В конце концов, сам фольклор в своей основной части и представляет собой массовую культуру общества на определенном этапе его развития.

На культурные процессы естественно влияет и национальный состав населения республики, в котором буряты представлены всего 24%. К коренным также можно было бы отнести и эвенков, населяющих северные районы Бурятии и так называемых «семейских», русских старообрядцев, которые еще со времени церковного раскола поселились здесь и, сохраняя свое культурное своеобразие, вписались в общее культурное пространство. К слову сказать, «семейские» поддерживают идею «центрально-азиатского ренессанса» и вообще относятся с пониманием к требованиям бурятской интеллигенции. Но, к сожалению, большая часть населения республики составляют относительно недавние переселенцы, имеющие стандартное совковое мышление с характерными симптомами шовинизма и неизжитых имперских амбиций. К этому следует добавить, что бурятское общественное мнение весьма обеспокоено перспективой увеличения концентрации советских военнослужащих (а их и так уже немало здесь) после их вывода из соседней Монголии.

Проблемы культурные в Бурятии тесно переплетаются с экологическими. Это обусловлено и местонахождением «священного моря» Байкала, вокруг спасения которого сплетается целый узел проблем. Байкал как уникальное место на всем земном шаре является, естественно, общечеловеческой ценностью и существует даже целый ряд международных проектов по его сохранению, но для бурят само великое озеро и территория вокруг него есть «материнская родина» — **Баргуджин-Токум**, место, охраняемое **тенгерями** — духами этих мест.

У бурят существовал интересный обычай. Каждый род имел свое *т о о н т о*, то есть место, где закапывался послед, плацента каждого члена рода после его рождения. Поклонение этому месту, которое олицетворяло идентификацию этно-родовой общности, занимает важнейшее место в традиционной бурятской культуре. Сохраняя память о своем *тоонто*, помня о своих сородичах, человек продолжал быть бурятом. Но и над этими святыми местами тоже нависает угроза хозяйственного их использования, а с введением института частной собственности на землю отчуждение этих мест от их истинных владельцев. Все это тесно связано с проведением земельной реформы, которая не может проводиться единообразно на разных территориях обитания коренных этносов. Аналогом у нас в Чувашии может быть порочная практика выделения земельных участков по ельцинскому указу «всем желающим» в традиционных границах земель сельских общин. Мнение сельского схода в таких случаях должно быть решающим и окончательным. Чисто хозяйственные интересы, зачастую сиюминутные, не должны затрагивать вековые, освященные в народном сознании места и потому они законодательно должны обрести статус охранных историко-культурных территорий.

Любая нация — за редкими исключениями — укоренена в своей родной земле, осознании родства и родном языке. Это слагаемые общности, без которой нет ядра нации. Для бурят проблема национальной консолидации тоже весьма актуальна, ибо помимо того, что они разделены на три части на российской территории, часть бурят живет в Монголии, в Китае (Внутренняя Монголия).

Как и во многих других регионах среди бурят возрождается чувство единства с родственными по происхождению и языку народами. Об этом, в частности, свидетельствует прошедший в августе 2-й международный фестиваль молодежи и студентов Азиатско-Тихоокеанского региона. В его работе, в основном, участвовали представители монголоязычных народов, а также тувинцы. Обсуждались перспективы развития молодежного движения в целом, развития молодежного интернационального бизнеса, многообразие подходов, концепции, тенденций в истории, культуре, науке и образовании монголоязычных народов.

В процессе переключения культурного кода на буддийскую традицию и осуществления «нового прорыва» в Центральную Азию немаловажную роль играет и язык. В одной из аудиторий Далай-лама спросил: «Есть ли литература по буддизму на бурятском языке?» Ответ, естественно, был отрицательным. Хотя в вузах республики уже начато на филологических факультетах преподавание китайского, старомонгольского и тибетского языков. И теперь дело за тем, чтобы переиздать или перевести заново буддийские тексты на бурятский. Монголия же в 1994 году предполагает перейти на старомонгольскую письменность.

Бурятский опыт утвердил меня в давнем моем убеждении. Национальная культурная парадигма должна иметь два полюса: 1) эзотерическое ядро, которое должно оберегаться от постороннего досужего взора, потому что оно сугубо **наше** (можно назвать его бурятским, чувашским началом-источком) и 2) космополитическая тяга, стремление к выходу за «свой» круг. Национальная культура в нормальном своем развитии по закону маятника испытывает колебания то в сторону одного, то в сторону другого полюса. И само напряжение между двумя полюсами является движущей силой культуры.

Если в своем космополитизме бурятская культура заново открывает для себя центральноазиатское (буддистское) пространство, мы же, чуваша, как мне кажется, должны выйти прежде всего на своих ближайших соседей по Урало-Поволжью — финно-угров, татар и башкир, а также отказавшись от изоляционизма русского православия и его извечной подчиненности российским государственным интересам, начать осваивать реальный христианский экуменизм. В этом процессе и «старая чувашская вера» найдет свое место, не надо идти по пути противопоставления ее христианству. Тогда мы сможем выйти на общеевропейские культурные ценности, не предав забвению своего чувашского.

1992

СЕМЬ ДНЕЙ В ГААГЕ

В октябре прошлого года Чувашский национальный конгресс (ЧНК) принял решение о вступлении в Организацию Непредставленных Народов и Наций (UNPO). Цель, которую при этом ставил ЧНК, была отражена в его заявлении: «В ООН чувашский народ, третий по численности из коренных народов Российской Федерации, видит возможность защиты своего неотъемлемого права на самоопределение, признание суверенитета Чувашской Республики и один из путей информировать международные организации и мировую общественность о своих политических и национально-культурных устремлениях.

В свою очередь Чувашский национальный конгресс через структуры ООН хотел бы получать информацию о других непредставленных нациях и народах, приобрести опыт международного сотрудничества и участвовать в выработке общих принципиальных позиций наций и народов в процессе утверждения ими культурной идентификации, отстаивания основных гуманитарных и экономических прав и достижения независимости».

Согласно статье 7 Устава ООН были также подготовлены следующие материалы. 1) Краткая этническая история чувашского народа. 2) Документы, подтверждающие, что именно ЧНК является организацией, способной полно представлять интересы чувашской нации, объединяя ее на принципах возрождения, консолидации и развития. 3) Документальное подтверждение того, что ЧНК придерживается 5 основных принципов ООН: признание права на самоопределение для всех наций и народов; приверженность между-

народно признанным стандартам прав человека; следование принципам демократии и отрицание тоталитаризма и религиозной нетерпимости; использование ненасильственных средств и отрицание терроризма как политического метода; защита окружающей среды. (В резолюциях и обращениях ЧНК, принятых 8—9 октября, все эти принципы так или иначе нашли свое отражение).

Все эти документы согласно решению ЧНК были вручены руководящим органам ООН через посредство ее Председателя д-ра Линнарта Мьяля. И из штаб-квартиры ООН (Гаага) пришло в Чебоксары официальное приглашение для участия в работе 3-й Генеральной Ассамблеи Организации. Но прежде чем продолжить свой рассказ, я бы хотел дать объективную информацию о самой Организации Непредставленных Народов и Наций,

В мире существует около 5000 наций и народов и всего лишь несколько сотен государств, из которых только около 170 государств представлены в Организации Объединенных Наций. Многие нации и народы ведут многолетнюю борьбу за обретение своей родины, реализацию своих экономических и политических прав, утверждение и развитие своей национально-культурной самобытности. Фундаментальные права человека для этих общностей также нарушаются. Некоторые из этих групп живут в оккупации либо в условиях изгнания, другие являются этническими меньшинствами или гражданами второго сорта на земле своих предков. Большинство из этих наций и народностей изолированы в своей борьбе и не могут выйти на международное сообщество, где их голос был бы услышан.

ООН — это организация наций и народов, которые пока не получили международного признания. Она была учреждена самими народами в феврале 1991 года до Дворце Мира в Гааге (Королевство Нидерланды) для отстаивания своих интересов. ООН является неприсоединившейся организацией, которая предлагает ненасильственные программы и решения, обеспечивает международный форум, а также информационные, исследовательские и обучающие службы народам, чьи проблемы и нужды не доходят до существующих международных организаций (включая соответствующие структуры ООН в Женеве и Нью-Йорке).

Позиция ООН, поддержанная международным правом, заключается в том, что права человека, включая право народов на самоопределение, не является исключительно внутренним делом, регулируемым законодательством отдельных государств. ООН будет обеспечивать всеобщую поддержку всем нациям и народам, которые длительное время ощущали себя одинокими в своей борьбе.

Сам термин «непредставленные нации и народы» имеет широкое значение. Сюда могут быть отнесены народы, живущие в оккупированных странах, федеративных государствах, коренные народы, этнические и культурные меньшинства или большинства, колонизированные народы.

На январь 1993 года в ООН входило 26 действительных членов и свыше 30 членов-наблюдателей. Действительными членами организации были: Абхазия, аборигены Австралии, аче (о. Суматра), ассирийцы, Бугенвилль, белая, Чеченская Республика, Читтагонг Хилл Трэкс (народ джума в Бангладеш), Кордильера (Филиппины), крымские татары, Восточный Туркестан (уйгуры), греки в Албании, турки Ирака, Курдистан, Республика Косово (бывшая Югославия), Южные Молукки, марийцы (Всемирное собрание), Тайвань, Тибет (правительство Тибета в изгнании), Татарстан, Западная Папуа, Занзибар.

Четыре прежних члена — Армения, Эстония, Грузия и Латвия — обрели полную независимость и были приняты в ООН. Согласно Уставу ООН эти государства сохранили за собой статус членов поддержки без права голосования.

География расселения наций и народов, входящих в ООН, весьма обширна: Аляска, Северная Америка, Центральная Африка, Индонезийский архипелаг, Индия, Юго-Восточная Азия, Кавказ, Восточная часть Европы, Австралия, Южная Америка. Генеральным секретарем ООН является д-р Майкл ван Вальт ван Праг.

...Наш полет от Москвы до аэропорта *Схинхол* (Амстердам) занял три часа. Летели вместе с Ксенофонтом Сануковым, делегатом от Всемирного народного собрания. В аэропорту нас встретил д-р Мехмет Тютюнджю, с которым мы быстро нашли общих знакомых в Чувашии и Татарстане. Никаких формальностей при прохождении таможенного (его фактически нет) и паспортного контроля. Огромный аэропорт и идеальный порядок во всем.

Садимся на поезд и едем в сторону Гааги. Потянулись зеленые поля, на которых пасутся овцы, коровы. То тут, то там — ветряные мельницы. И, конечно же, знаменитые каналы, тянущиеся вдоль полей. Центральный вокзал, Гаага.

Уже тогда возникло у меня ощущение, которое не покидало и потом, особой интернациональной атмосферы этого города. Люди, снующие туда-сюда, самых разных национальностей. Недаром, очевидно, местопребыванием штаб-квартиры ООН стал этот деловой, в то же время тихий и спокойный город. Я бы определил это состояние города как естественный и дружелюбный интернационализм. Да и само общение во время 3-й Генеральной Ассамблеи, когда в течение часа приходилось общаться с североамериканским индейцем из племени куютлингит, делегацией батва из Руанды, представителями Восточного Тимора, тибетцами, восточнотуркестанцами, ассирийцем, сенатором из Соединенных Штатов Джоном Нимродом и другими, поддерживало в тебе чувство братства и солидарности.

В работе 3-й Генеральной Ассамблеи участвовало более 50 делегаций действительных членов, членов поддержки и наблюдателей. В ходе работы и анализа руководящим комитетом ООН было представлено к принятию в число действительных членов еще тринадцать народов: батва (Руанда), Восточный Тимор (маубере), чуваша, мапуче (Чили, Аргентина), ингерманландцы, коми, удмурты, огони, санджак (мусульмане бывшей Югославии), карени (Бирма), Нагалэнд (Индия, Бирма, Китай), скания (Южная Швеция), Халистан (сикхи Индии). Как определяет Устав ООН, «участие в организации открыто для всех наций и народов, не представленных в ООН...»

3-я Генеральная Ассамблея приняла решение о принятии новых членов. День 19 января 1993 года может быть записан красной строкой в новейшую историю чувашского народа. Был также избран новый председатель Ассамблеи, им стал известный журналист-международник Эркин Алптекин (родом из Восточного Туркестана).

Специальной темой дискуссии Генеральной Ассамблеи стала «Право на самоопределение в связи с правами человека, движением к демократии и защитой окружающей среды». Были определены правовые и политические аспекты реали-

зации этого права в современной ситуации, когда речь идет не только о деколонизации в классическом смысле, а о фундаментальном и неотъемлемом праве всех народов. Материалы для дискуссии были представлены в докладах Генерального секретаря д-ра Майкла ван Вальт ван Праага и его Высочества принца Ханса Адама II, главы правительства Лихтенштейна.

Особенно любопытным было последнее выступление, так как Его Высочество уже внес предложение на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 1992 г.) о подписании конвенции по праву на самоопределение. Исходя из собственного опыта реализации этого права, Лихтенштейн считает, что международное сообщество и неправительственные организации в ближайшее время должны будут практически заняться разработкой эффективного механизма реализации права на самоопределение. Мы являемся живыми свидетелями того, как меняется карта мира и этот процесс будет идти несмотря известную односторонность политики отдельных государств, которые, как правило, имеют склонность защищать статус-кво. Но мир меняется стремительно, и само право на самоопределение «существует для того, чтобы позволить народу, а не государствам, независимо определить свой политический статус».

Выступлениями членов ООН о ситуации своих народов, наблюдателей, а также гостей — лорда Энналса, члена Палаты Лордов Британского парламента, бывшего министра иностранных дел и обороны; миссис М.Кэрриган Макгуир, лауреата Нобелевской премии мира, президента Совета Мира (Белфаст); д-ра Дж.А.Манусами, президента Республики Южные Молукки; Его Высочества Тенгку Хасан ди Тиро, президента фронта освобождения аче; известного американского дипломата Джона Макдональда — было подтверждено, что право на самоопределение объективным ходом истории выдвигается в число важнейших проблем, стоящих перед международным сообществом, между тем практическая и мирная реализация этого права часто отсутствует. Полная страданий, порой человеческих жертв панорама конфликтов — от Абхазии до островов, входящих в состав Индонезийской империи, от экологической агрессии транснациональных компаний Шелл и Шеврон-Ойл против народа огони в Нигерии до «мирной» языковой и культурной политики ассими-

ляции удмуртов, чувашей, мари и других народов севера и востока европейской части Российской Федерации, этноцид северо-американских индейцев, других меньшинств в США — все это нашло отражение в выступлениях и позволило ощутить горячий пульс мира. Не стоит в стороне от национально-освободительных процессов и Европа. Бретонцы, южные тирольцы, цыгане, народы бывшей Югославии, фризы в самих Нидерландах заявляют все чаще о своих политических, социально-экономических и культурных правах

...Гаага останется в памяти яркими зимними впечатлениями (хотя по нашим понятиям все скорее напоминало раннюю весну. Тепло и яркое солнце, зелень газонов, яркие цветы в витринах магазинов). Это и величавый дворец Королевы Нидерландов Беатрис, берег Северного моря, обилие велосипедистов на улицах, старинные двух-трехэтажные дома, узкие улочки и прием у бургомистра Гааги, д-ра Хавермаса, и общее ощущение взаимопонимания, братства и солидарности. Как хорошо сказал Менелаос Целиос, один из помощников Генерального секретаря, делегат от греческого меньшинства в Албании: «ООН — это демократическая организация непредставленных народов, но члены ООН представляют свыше 100 миллионов человек. Еще важнее то, что все вместе мы можем гордиться миллионами лет истории, культуры и традиций».

1993

ОБРАЗ НОВОЙ СТРАНЫ

Turkish Airlines — замечательная авиакомпания, и именно на ее «Боинге 337-400» в хмурый октябрьский день, когда в Москве мелко-мелко сыпал первый снежок, я перенесся в прекрасный вечерний, привольно раскинувшийся по берегам Босфора, бухты Золотой Рог и Мраморного моря, *Истанбул* (более привычное для нашего уха — Стамбул).

Что же это такое, тюркский мир? В силу моей профессии и просто любознательности мне в свое время приходилось соприкасаться с этим миром. Это были и казахские степи, и города-жемчужины Великого шелкового пути Бухара и Самарканд в Узбекистане. И голубая земля Буджака, которую населяют гагаузы. Я не говорю уж о соседнем Татарстане, юго-западную часть которого в силу генетической памяти по отцу, могу назвать своей родиной. А если брать большое историческое время, то этот же кусок родной земли является и «второй родиной» всех чувашей-булгар, ибо он замкнут в треугольник трех великих средневековых болгарских городов — *Булгара*, *Сувара* и *Биляра*. В конце 60-х, когда впервые увидела свет книга Льва Гумилева «Древние тюрки», этот тюркский мир распахнулся передо мной в своей глубинной исторической перспективе. К счастью, мне довелось в туманном Питере слушать и первые лекции знаменитого ныне, а тогда имевшего широкую известность в узких кругах, историка, географа, археолога, специалиста по теории этногенеза, по истории Евразии и исторической судьбе тюркских народов-братъев, как он их называл.

...Но это все были наши тюрки, и отчасти книжное знание. Современное и динамичное государство — Турция —

нечто другое, тем более, что там 19—23 октября созывался 2-й курултай дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и обществ.

...Встреча с друзьями, когда ты один летишь в незнакомую страну, словно бальзам для души. Наконец-то я выхожу из зала прилета аэропорта *Ататюрк* и попадаю в объятия Метина Йылмаза, нашего чувашского неофициального «представителя» в Турции, Василия Андреева, моего коллеги, который начал стажироваться в Стамбульском университете и старого знакомого Хюсейна Адигюзеля, управляющего по международным связям Фонда изучения тюркского мира. Улыбки, чувашско-турецкая речь — и ты уже не ощущаешь себя одиноко. Через некоторое время — еще одна встреча. Из Казани прилетели Вячеслав Тимофеев, председатель Ассамблеи тюркских народов, Геннадий Григорьев от Комитета внешних экономических связей и торговли ЧР, и наши татарские друзья Рафаэль Мухаметдинов, Рашад Амирхан. И вот мы едем по автобану в центр Истанбула, плуаем по узким улочкам старого города. Город расположился на холмах, и острые стрелы минаретов вонзаются в ночное небо. Около 20 млн. человек в этом невероятном, впитавшем самые разные культуры городе (быть в нем — это осуществление какой-то детской голубой мечты! Почему голубой? Потому что нашими прародителями были *кавак тёрёк* — «голубые тюрки». И этот цвет — небесный — для нас не чужой).

Айя — София, — здесь
остановиться
Судил господь народам и
царям!
Ведь купол твой,
по слову очевидца,
Как на цепи,
подвешен к небесам.
(О. Мандельштам).

А на улицах Истанбула происходит что-то радостное и не совсем для нас понятное. Люди размахивают флагами, проносятся машины с высунувшими по пояс людьми, которые радостно кричат, жестикулируют. Какой-то национальный праздник? И лишь позже мы узнали причину. Турецкая футбольная команда «Трабзонспор» со счетом 1:0 выиграла у

английской команды «Астонвилла» в розыгрыше Кубка УЕФА.

Первая встреча с руководителем фонда изучения тюркского мира, профессором доктором Тураном Язганом состоялась в этот же вечер. Хорошо осведомленный о ситуации в нашей республике, он с радушием расспрашивал нас о последних новостях, знакомил со своими коллегами.

И опять фантастический — уже ночной — Истанбул, где жизнь продолжалась, несмотря на поздний час. Люди, люди, машины снуют туда-сюда, освещенные улицы. Ты погружаешься в свои сны, а назавтра тебя ждет дорога на юг, на побережье Эгейского моря, в Измир, где и будет приходить наш 2-й курултай.

С утра отправляемся в путь. Заезжаем в Тузлу, Гебзе, общаемся с нашими добрыми знакомыми Кемаль-беем и Явуз-беем, турецкими предпринимателями, которые хотят сотрудничать с Чувашией и уже проявили эту инициативу, сформулировав свои деловые предложения. Образ новой страны — это не только твои зрительные впечатления и красивые гористые ландшафты, берег моря, но — и прежде всего! — люди, их темперамент, дружелюбие. Наши друзья были с нами и в дороге, и во время работы курултая. Благодаря им мы не чувствовали себя посторонними. А языковой барьер помогал преодолевать Метин Йылмаз, которым свободно переводил с чувашского на турецкий, и наоборот. Да и само погружение в стихию турецкого языка на протяжении всего нескольких дней дало свой результат. Я вдруг почувствовал, что уже понимаю на 30—35% то, что говорят мои собеседники. Волей-неволей и сам начинаешь выговаривать простейшие турецкие фразы.

... Остались позади Бурса, горная вершина Улудаг, Беликесир, Акхисар, Маниса, и мы видим перед собой сверкающий Измир. Мы ныряем с холма в это море огней. Входим в переполненный людьми вестибюль отеля Буюк Эфес. По одежде, по звучащей речи сразу чувствуешь, с одной стороны, единство, с другой — все разнообразие тюркского мира. Нас приветствует и радостно машет рукой Якуб Делимероглу, президент международной ассоциации тюркской молодежи и советник аппарата премьер-министра Турецкой Республики г-жи Тансу Чиллер. Это тоже наш искренний друг.

Турция, безусловно, является одним из главных инициаторов и «строителей» будущего тюркского мира. Провозгласив себя республикой в 1923 г. и проделав в 20—30-ые годы значительный путь в области экономических и политических реформ, став светским демократическим государством и открыто заявив западноевропейскую ориентацию как в социально-экономической, так и культурной политике (наиболее яркий пример, скажем, это переход от арабского письма к латинице в 1928 г.) под руководством выдающегося государственного деятеля Кемаля Ататюрка, Турция, тем не менее, старалась не забывать о своих братьях, и идея общности, как исторической так и современной, тюркского мира была жива и актуальна среди турецкой общественности. Во времена еще младотюрков, в начале века и позже, эта идея получила ярлык «пантюркизма», который определялся во 2-м издании БСЭ, как «шовинистическая доктрина турецких реакционных буржуазно-помещичьих кругов, ставящая своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на тюркских языках» (т. 32, с. 13). На обывательском уровне и в официальных российских средствах массовой информации естественное право тюркских народов и государств встречаться, обсуждать свои проблемы и выработать подходы к их решению, намечать перспективы своего будущего развития, иногда также подается и воспринимается как некая пантюркская угроза. В том, что это не так, мы имели возможность убедиться уже на первом пленарном заседании 2-го курултая дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и обществ (народов). В речах Сюлеймана Демиреля, Президента Турецкой Республики, блистательной ханим, премьер-министра Тансу Чиллер, государственного министра Айваша Гекдемира и даже лидера одной из самых влиятельных политических партий — Партии национального движения 84-летнего Алпараслана Тюркеша была заявлена приверженность нормам демократии и праву народов на самоопределение, принятым международным сообществом — как в рамках ООН, так к ОБСЕ; было открыто сказано, что свыше 1000 делегатов, среди которых есть и официальные делегации «новых» тюркских государств, тюркских республик Российской Федерации, представители тюркских народов, проживающих в Северной Америке, Западной Европе, Балканах,

Македонии, Косово, странах Ближнего Востока, Сибири и др., собрались не для того, чтобы противопоставить себя остальному миру или сверхдержавам, а для того, чтобы найти свое место в новом мире, в новых геополитических условиях, которые сложились после распада советской империи. «Мы были оторваны друг от друга на протяжении столетий, но мы смотрим в прошлое, чтобы думать о будущем, и в наших сердцах нет вражды», — сказал Сюлейман Демирель. О приоритетах просвещения, культуры и новых экономических отношениях говорила с пафосом и Тансу Чиллер.

Турция является бесспорным лидером среди независимых тюркских государств, так как за 71 год накопила значительный опыт национально-государственного строительства, а за последние 10—15 лет сделала внушительный рывок в свободной рыночной экономике и укреплении демократии в общественной жизни. Знаменательно и то, что одновременно с работой курултая в Измире, состоялась встреча в верхах президентов семи тюркских государств — Турции, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Турецкой Республики Северного Кипра — в Анкаре. Единство тюркского мира формируется и официальными контактами государств (их политических лидеров), и усилиями самих народов — на уровне взаимодействия и сотрудничества национальных движений, общественно-культурных организаций.

Конкретная и более предметная работа курултая проходила в пяти рабочих комиссиях: «Общество и власть», где я выступил с сообщением «Политический статус «новых» тюркских государств (республик)»; «Международные связи», «Финансы и экономика», «Культура, наука и технологии», и «Воспитание и образование». И, как всегда, на такого рода представительные форумах было множество неформальных контактов, новых встреч и знакомств. Неподдельный интерес к чувашской проблематике, к нашему «чувашскому пути» в тюркском сообществе был велик, так как тюркско-чувашские связи на разном уровне стали интенсивно развиваться только в последние два-три года, особенно после проведения в Чебоксарах в сентябре прошлого года 3-го Конгресса Ассамблеи тюркских народов (АТН). А мы все же представляем один из древнейших тюркских народов с глубоко своеоб-

разным болгаро-чувашским культурным и языковым наследием.

Удалось договориться с д-ром Невзатом Кесоглу (Анкара) об участии в подготавливаемой им «Антологии литератур тюркских народов». Проф. НаDIR Девлет, известный исследователь истории и вопросов национально-освободительного движения тюркских народов конца XIX—начала XX вв. (особенно в Урало-Поволжье), проявил живейший интерес к трудам нашего выдающегося историка В.Димитриева. С д-ром Авни Абдуллой из Македонии мы вдруг обнаружили точку соприкосновения, вспомнив о вручении Золотого Венца Международных поэтических вечеров в г. Струга нашему Геннадию Айги в августе прошлого года, чему он был свидетелем.

Узнаешь и такие неожиданные для себя вещи. Оказывается, и в самой Турции есть православные турки, которые тем не менее тоже естественно ощущают себя частью тюркского мира. Встречи и споры с политологами, коллегами, филологами дают тебе пищу для ума и заставляют думать о том, как это можно использовать на пользу «чувашскому делу». Некоторые инициативы уже реализуются. Например, проф. Халил Ачикгез (Иstanbul) уже подготовил к печати совместно с доц. Василием Андреевым «Курс грамматики чувашского языка». Идет работа над турецко-чувашским и чувашско-турецким словарем. Д-р Бетра Бехар ханим из университета Мармара очень интересуется системой политической власти в Чувашской Республике.

В этом броуновском движении людей, впечатлений и обмена мыслей, пользуясь то своим английским, то пытаясь что-то сказать и по-турецки, то через чувашский язык, начинаешь ощущать братские связи внутри тюркского мира, которые протянулись от Нидерландов до Хакассии, от Республики Тыва до Македонии, от жемчужины на побережье Эгейского моря — Измира до Шубашкара. Известные слова Измаила Гаспрали, которые, однако, не мешают освежать в памяти «*Dilde, fikirde ve işte birlik!*» («*Чӗлхере, шухӑшра тата ӗҫре — пӗрлӗх!*»), они стали реальностью в эти дни.

И был утренний Измир. 5 часов утра, легкий летний (по нашим понятиям) дождь. Пришла пора расставанья с этим городом, в котором ты обрел новых друзей, и значит, здесь

останется частица твоего сердца. Омытые, освеженные влагой пальмы, розовые цветы олеандра... Утренняя тоска щемит сердце. Прощай, Измир!

(Чипер юлър, тусъмсем! Туря сире упратър!).

Шубашкар—Москва—Истанбул—Измир—Шубашкар
1994, 17—24 октября

НА БЕРЕГУ СВЯТОГО ОЗЕРА

Pühajarve, живописное место к югу от Тарту, переводится с эстонского как Святое озеро. Хотя д-р Линнарт Мьяль, руководитель Тартусского координационного центра ООН (Организация непрдставленных народов и наций) заметил, что никто не знает, кто и когда его освятил. Но этот «недостаток» сами инициаторы ООН исправили с помощью Его Святейшества Далай-Ламы XIV Тендзин Гьятсо. Глава буддистов всего мира посетил Пюхаярве в октябре 1991 г. и совершил необходимые деяния (запустил колесо Истины-Дхармы). В честь этого на берегу озера установлен памятный знак с надписью и колесом Дхармы.

Именно здесь прошла международная конференция «Возможные пути развития малых народов Восточной Европы», организованная Паневропейским Союзом Эстонии.

СПРАВКА. Паневропейское движение возникло после первой мировой войны. Его основоположником является граф из Австро-Венгрии Рихард Куденхове-Каллерги, отец которого был греком, в мать японкой. Основной идеей движения было и остается убеждение, что Европа должна оставаться единой. Уже тогда было высказано опасение, что Европа после распада империй и в процессе возникновения новых небольших государств может оказаться в тисках тоталитарных режимов. Действительно, вскоре в Германии и Италии заявил о себе фашизм, а в Советской России сформировался большевизм. Одним из лозунгов движения, который выдвинул граф Каллерги, был такой (не потерявший своей актуальности и нынче): «... Границы Европы заканчиваются там, где

заканчивается свобода». После второй мировой войны Европа снова раскололась надвое: Западная Европа и страны социалистического лагеря, которые отделялись друг от друга «железным занавесом». Чтобы постепенно реализовать идею «Европы без границ» в рамках Паневропейского движения в послевоенное время были собраны парламентарии свободных европейских государств и была заложена основа Совета Европы. В 1973 г. президентом Паневропейского движения стал Отто фон Габсбург, сын последнего императора Австро-Венгрии.

В культурном отношении Паневропейский Союз ориентируется на римско-христианское и греко-эллиническое начала общеевропейской культуры, но поддерживает в определенных случаях и европейское мусульманство (как это имело место в последнее время с мусульманами Хорватии, Боснии, Абхазии и Чечни).

Паневропейское движение особое внимание уделяет развитию демократии, праву малых народов на самоопределение и правам меньшинств, проблеме децентрализации Европы, чтобы каждый народ (малое государство) был вправе сам определять свою судьбу. В начале 80-х Паневропейский Союз выступил с инициативой международного признания государств — стран Балтии и возвращения им независимого статуса. В 1989 г. был проведен так называемый «паневропейский пикник», в результате которого была открыта граница между Австрией и Венгрией.

Паневропейское движение для нас, делегации Чувашии, состоящей из Алексея Леонтьева, депутата Государственного Совета ЧР, и вашего покорного слуги, а также других делегаций — новая международная организация. Тем было интереснее выслушать выступления на конференции и непосредственно общаться с графиней Вальбургой Дуглас, действующим Генеральным секретарем Международного Паневропейского Союза, эрц-герцогом Карлом Габсбургом, президентом Паневропейского движения Австрии (оба — дети лидера движения, здравствующего поныне Отто фон Габсбурга), а также с Кнутом Абрахамом, председателем Паневропейского молодежного движения Германии.

На конференции особо остро обсуждались, пожалуй, следующие вопросы: как должны расширяться границы Ев-

ропы и каким образом могут включиться в этот процесс непредставленные народы России (делегаций таких народов было в Пюхоярве 16, как официальных, так и от лица общенациональных организаций типа Комитета возрождения Коми народа, «Марий ушем», Межгосударственной ассоциации уйгуров, Движения за равноправие и развитие «Эрзянь мастор» и др.), каким путем пойдет политическое развитие России — демократически-федералистским, евроазиатским или национал-фашистским, каковы гарантии безопасности для российских народов, избравших путь самоопределения, достижения экономической и политической самостоятельности? Был четко подтвержден еще раз важнейший принцип Паневропейского движения, что Европа — это континент Свободы, а не просто географическое или даже культурное понятие, и поэтому Россия пока не может входить в Европу (особенно после российской агрессии против Чеченской Республики-Ичкерия, массовых нарушений прав ингушского населения Пригородного района и других проявлений имперского атаквизма у федеральных властей России). В резолюции было также подчеркнуто, что «признание и гарантии права народов на самоопределение должны осуществляться в духе международно-правовых документов ООН и ОБСЕ», что «права народов должны включаться в качестве обязательных правовых норм в национальные законодательства», что «необходимо отказаться от применения силы при решении национальных вопросов». Весьма оживленно, хотя и в напряженном рабочем ритме, прошло региональное совещание ООН. Собственно говоря, вопросы, поднятые «паневропейцами», органично увязываются с целями и задачами Организации непредставленных народов. ООН, которая готовится отмечать свое 5-летие в феврале будущего года и уже имеет достаточно серьезный вес и авторитет на международной арене, сейчас насчитывает 43 члена. Из них 13 — это народы бывшего Союза ССР. Некоторые вошли в организацию на официальном уровне (Абхазия, Чеченская Республика-Ичкерия, Ингушская Республика, Республика Саха (Якутия)). Через ООН народы постсоветского ареала обрели возможность выхода на международный уровень. В последнее время достаточно тесно ООН взаимодействует с ООН, хотя и выступает в определенном смысле альтернативой по отношению к ней. Уста-

новлены связи с Европарламентом, другими международными неправительственными организациями. Наибольшую активность демонстрирует сам Генеральный секретарь ООН, Майкл ван Валт ван Праг, который признавался нам, что девять месяцев в году он бывает в различных поездках в самых разных странах мира. И в этот раз он был вместе с нами. Его больше всего беспокоит отсутствие моральной ответственности и морального долга перед народами (а чтобы их иметь, нужно теплое сердце, как говорил Далай-Лама), что характерно для официозных организаций (включая ООН), потому что в них в них якобы от имени народов говорят представители олигархии крупных держав, жестко преследующих на мировой политической арене свои корыстные интересы. Характерный пример — это молчание мирового сообщества по поводу вторжения России в Чечню и проведения там политики народоубийства.

Конечно же, Кавказ стал самой болевой точкой обсуждения на совещании. Это и Абхазия, которая испытывает большие бедствия в результате блокады, вызванной сговором России и Грузии, это и трагедия ингушей, черкесов, предъявляющих исторический счет за гонения своего народа в прошлом. Все это дает основание назвать Кавказ зоной бедствия и то, что там происходит, гуманитарной катастрофой. Именно такое определение дала Аминат Саиева, представитель агентства «Чечен пресс» в Вильнюсе.

В работу совещания и международной конференции много полезного внесли члены парламентов Эстонии и Литвы, в частности, председатель исполкома Международной группы парламентариев по проблемам Чечни Альгирдас Эндрюкайтис и заместитель председателя парламента Эстонии, председатель Балтийской Ассамблеи Арнольд Рюйтель. Государства Балтии прошли свой трудный путь к свободе и независимости и, может быть, именно поэтому их политики так равнодушны к нашим проблемам и политическим устремлениям. Как сказал известный писатель Арво Валтон: «... Империи не вечны, а народы со своей исторической памятью остаются навсегда. Эстонцы большие индивидуалисты, но они уже доказали, что только сообща можно выкарабкаться из этой имперской трясины».

С этим укрепляющимся чувством солидарности мы, как представители ЧНК, общались с башкирами, татарами, саха,

бурятами, русинами, ингушами, эрзя. В Пюхаярве была особая атмосфера понимания, совместной работы и открытой свободной дискуссии. Автору этих строк пришлось возглавить редакционную комиссию и работать в один из дней до полуночи над резолюциями вместе с очаровательным экспертом Комитета вырождения Коми народа Ольгой Кузивановой, хорошим другом, юристом Зуфаром Еникеевым из Башкортостана и вице-премьером правительства Республики Саха (Якутия) Василием Власовым. И чуть ли не каждая делегация теребила нас своими просьбами, поправками и уточнениями, желая, чтобы все их чувства, их боль нашли свое отражение в тексте. И тем не менее мы всегда приходили к согласию.

...Чувашский национальный конгресс уже четвертый раз участвует в региональных совещаниях ООН на эстонской земле. Прозрачный осенний воздух, близость Пюхаярве (Святого озера) проясняют и рождают новые мысли, дают возможность взглянуть на узел собственных «чувашских проблем» с иной точки зрения (склоняется к северу сердце). Возможно, что в следующем году в Эстонии же пройдет 5-ая юбилейная Генеральная Ассамблея ООН. ЭЭСТИ становится окном в Европу для постсоветских непредставленных народов.

1995

«СУДЬБА СВОБОДЫ РЕШАЕТСЯ В ЧЕЧНЕ»...

Базовым принципом ООН (UNPO) является признание «права народов на самоопределение, в силу которого они свободно определяют пути экономического, социального и культурного развития». Особое внимание ООН уделяет народам «являющимся жертвами дискриминации, массовых переселений, насильственной ассимиляции, изгнания с родной земли, геноцида».

Все вышесказанное чеченский народ испытал за последние 150—200 лет своей истории. Это и кровавая Кавказская война XIX-го столетия, длившаяся около 70 лет. Это национально-освободительная борьба чеченцев с большевистским режимом в 20-е годы. Это депортация чеченцев (и ряда других народов) в феврале 1944 года. Это 610 дней мужественного сопротивления военной машине «федералов» в последние два года. Как говорит Мовлади Удугов, один из основных идеологов Ичкерии: «Самое главное — это то, что чеченская нация продемонстрировала и доказала всему миру и самой себе, что у нации есть не только воля к свободе и независимости, но есть и сила, чтобы эту свободу и независимость отстаивать. Не наша вина в том, что два года нас пытались уничтожить. Но наша общая национальная заслуга в том, что мы сумели поломать планы убийц, проявив решительность, характер, волю и стойкость. Нация, которая осознает в себе эти качества, застрахована от унижения».

Прошло более пяти лет, как чеченский народ выбрал путь свободы, а Чеченская Республика Ичкерия объявила себя независимой. Два года прошли в трагических условиях войны, в условиях беспрецедентной российской военной

агрессии. Тем не менее чеченцы (самоназвание «нахчи») смогли защитить свое достоинство и, продемонстрировав всему миру стойкость и волю к победе, прийти через все лишения, невзгоды к легитимным демократическим выборам президента и парламента республики, которые состоялись, как известно, 27 января сего года.

ООН и ранее, 11 декабря 1994 года, предупреждала мировое сообщество о возможности военного вторжения в Чечню и многократно призывала к консолидации международных усилий для предотвращения этого. «Восстановление порядка» такими варварскими методами не позволяет считать чеченскую проблему «внутренним делом» российского правительства в Москве, так как прямо нарушает нормы международного права. Тотальное несоблюдение правовых и моральных принципов, насилие со стороны «федералов» в отношении мирного населения, нежелание официальных международных структур (ООН, ОБСЕ, Организация исламская конференция) видеть жестокие и массовые нарушения прав человека вызвали глубокий шок в мире, и так, или иначе чеченская трагедия вышла на международный уровень, потрясла наши души.

По приглашению министра иностранных дел Чеченской Республики Ичкерия Руслана Чимаева, подготовленному с ведома президента Зелимхана Яндарбиева, и учитывая важность результатов этих выборов для обеспечения стабильности и развития демократии в регионе, а также то, что Чеченская Республика Ичкерия является членом ООН с 1991 года, генеральный секретарь д-р Майкл ван Валт ван Праг (бывший, кстати, лично наблюдателем на президентских выборах в Чувашии в декабре 1993 года) принял решение направить миссию международных наблюдателей на президентские и парламентские выборы в Чечении. В состав этой группы вошли и мы, три чуваша: Алексей Леонтьев, как член Международной группы парламентариев по проблеме Чечни, Геннадий Верблюдов, фотокорреспондент газеты «Хыпар», и автор этих строк, как президент ЧНК.

24 января самолетом авиакомпании «Карат» вылетаем в Ингушетию, которая также является членом ООН. В самолете очень много представителей российских и зарубежных масс-медиа, которые также, естественно, летят в Чечению,

чтобы освещать ход выборов (всего присутствовало более 300 корреспондентов из многих стран мира). Добираемся до Назрани, где встречаемся с руководством парламента, представителями администрации президента Республики Ингушетия Руслана Аушева. Знакомимся с «ингушской ситуацией». Проблема беженцев, которая возникла в результате резни и этнической чистки ингушей Пригородного района Северной Осетии в ноябре 1992 года со стороны российских и осетинских военных формирований, — одна из самых острых. Заметно присутствие в Назрани различных международных организаций, дает свои плоды зона экономического благоприятствования — строительство ведут в основном иностранные фирмы, будет новая столица республики — суперсовременный сити *Магас*.

На следующий день встречаем остальных членов нашей группы. Это председатель Генеральной Ассамблеи ООН, уйгур по происхождению, живущий в Германии, Эркин Алптекин, заместитель генерального секретаря д-р Линнарт Мьяль, князь Пеэтер Волконский (Эстония), член Европарламента Карл фон Габсбург, эрцгерцог (Австрия). Позже в Джохаркала (Грозном) к нам присоединятся Менелаос Целиос, заместитель генерального секретаря по международным связям (США), французенка Фредерик Жан-Бессон, эстонские телевизионщики Артур Тальвик и Тоомас Кюммель.

26-го января рано утром с ингушской охраной выезжаем на чеченскую границу, которая проходит по р. Асса, разделяющей Сунженский и Ачхой-Мартановский районы. Прибывает охрана с чеченской стороны. Едем по равнине, где когда-то цвели сплошные сады, а сейчас мы видим разрушенный дом в Шами-юрт, поля, как говорят нам, заминированы. На дорожных указателях названия мест, знакомые нам по кровавым сводкам с театра военных действий `95 года: Бамут, Самашки, Алхан-кала. На мини-рынках чеченские флаги, торговля, продают самопальный бензин по 1 тысяче рублей за литр (очень распространенный вид мелкого бизнеса, как мы убедились позже). Пересекая реку Сунжу, въезжаем в Заводский р-н Джохар-кала. Предвыборные плакаты: «*Аслан Масхадов-Ислам! Маршо! Нийсо! Барт!;*»; «*Выбирая нас, вы выбираете свободу (Шамиль Басаев)*»; «*Шамиль — стабильность! Свобода! Справедливость!*»; «*Ахмед Закаев — гарант*

стабильности»; «*Масхадов— Ислам. Независимость. Порядок*». Портреты основных кандидатов. В Заводском р-не находится штаб по выборам Басаева.

Подъезжаем к Центральной избирательной комиссии (ЦИК), которая ютится в нескольких уцелевших помещениях первого этажа дома №3 по улице Красных фронтовиков. Беседуем с Мумади Сайдаевым, председателем ЦИК. Получаем аккредитацию и карточки наблюдателей, законы Чеченской Республики о выборах президента и парламента Чеченской Республики.

ЦИК словно бурлящий котел. Здесь и наблюдатели ОБСЕ, представители прессы, радио, ТВ, доверенные лица кандидатов в президенты и депутатов парламента. Видим также известного правозащитника Сергея Ковалева и депутата Государственной Думы РФ Эллу Памфилову (к слову сказать, сама Госдума не направила на выборы в Чеченской Республике официальную делегацию наблюдателей). Беседуем с людьми. Еще раз убеждаемся, что лидерами предвыборной президентской кампании безусловно являются пять кандидатур: *Масхадов, Басаев, Яндарбиев, Удугов, Закаев*. Наиболее часто называются имена первых двух. Решаем найти возможность встречи с основными претендентами для того, чтобы выяснить их предвыборные платформы.

В ЦИК нам также показывают оборудование, которое было доставлено ОБСЕ для обеспечения процедуры голосования. Специальные одноразовые урны, srgau, при помощи которого на левую руку каждого избирателя наносится жидкость, и перед тем как зайти в кабину для голосования, рука избирателя проверяется флуоресцентным индикатором. Если избиратель уже голосовал, то на руке появляется голубое свечение. Данная процедура чрезвычайно важна, так как в выборах президента Чеченской Республики Ичкерия могут участвовать все граждане республики. (Выписка из закона Чеченской Республики о гражданстве: «Статья 2. Принадлежность к гражданству ЧР:

Гражданами Чеченской Республики признаются лица, которые постоянно проживают на территории республики на день вступления в силу настоящего Закона:

лица, которые приобрели гражданство в соответствии с настоящим Законом;

чеченцы, которые проживают за пределами республики, в том числе в результате политики геноцида и коммунистического режима»).

То есть это практически означает, что в выборах президента как символа чеченской нации может участвовать любой чеченец, где бы он ни проживал на земном шаре.

ЦИК нам находит машину. Водитель и одновременно охранник Хамзат стал нашим верным проводником. У него мы нашли и жилье.

Центр Джохар-кала. Разрушенные здания, воронки от взорвавшихся бомб, черные от пожаров стены. Редко встретишь целое здание, оконные проемы зияют как черные пустые глазницы. Магазинов практически нет, но во многих местах работают небольшие базарчики. Цены умеренные. Торгуют в основном женщины, для которых это способ добывания средств к существованию. На центральной площади развалины президентского дворца. Новые названия: площадь шейха Мансура, бывший проспект Ленина теперь носит имя А.Авторханова (известного политолога и советолога, живущего в эмиграции). По этому проспекту мы и едем в резиденцию президента З.Яндарбиева. Лозунги: «*Выбор чеченцев — З.Яндарбиев*», «*З.Яндарбиев — мир и спокойствие*». При встрече З.Яндарбиев подчеркнул роль международных организаций в поддержке права чеченского народа на самоопределение и выразил надежду, что новая власть будет расширять международные связи и контакты Чеченской Республики Ичкерия. В отдельной беседе с чувашской группой Зелимхан Яндарбиев вспомнил чувашского поэта Михаила Сениэля, с которым он в свое время учился на высших литературных курсах, высоко оценил творчество Геннадия Айги и подарил свою книгу «Чечения — битва за свободу», в которой подробно описываются этапы становления национально-освободительного движения чеченского народа.

...Вечерний Джохар-кала. Костры, у которых греются многочисленные патрули, много молодежи, явно отдающей предпочтение Басаеву. Женщины, как правило, выражают симпатию к личности Масхадова.

27-го января рано утром идем на избирательный участок №5 Катаямовского округа. Знакомимся с членами избирательной комиссии, наблюдаем за вскрытием пакетов с бюллетенями.

нями. На участке много наблюдателей, доверенных лиц, избирателей. Перед началом голосования краткое напутствие всем присутствующим дал старейшина этого поселка (подобная церемония происходила и на других участках, которые нам удалось посетить в день выборов). Получаем информацию о количестве избирателей на данном участке, другие сведения, договариваемся о встрече вечером, когда должно происходить вскрытие урн и подсчет голосов.

В 9 часов мы уже находимся в станице Первомайской, где проживает Аслан Масхадов и где он должен голосовать. На въезде в станицу лозунг: «*Полная свобода Чечни и возвышение ислама*». Около его дома — большая группа бойцов, полевых командиров, много машин. Неожиданно кавалькада машин с Масхадовым вместо намеченного места голосования в школе этой же станицы срывается в другом направлении. Толпа журналистов, поджидавшая явного лидера предвыборной кампании, мчится вдогонку. Мы тоже бросаемся в погоню. В 11 часов 35 минут А. Масхадов проголосовал в селе Бартхой. В момент голосования его охрана и окружение подняли руку и прокричали: «*Аллаху акбар!*». Вокруг избирательного участка толпа простых людей, журналистов. Нам удастся взять короткое интервью. Масхадов сдержан, уверен в себе и победе своей команды. «Мы возьмем 60% голосов...» — заявил он (что и подтвердилось впоследствии). К этому времени уже проголосовало около одной трети всех избирателей данного участка.

Возвращаемся в Джохар-кала. На заборе видны граффити еще военного времени: «*Свобода или смерть!*», «*Волки спустились с гор, вас будет преследовать смерть*». Остатки блокпостов на дороге.

Посещаем еще несколько участков в городе. Очереди перед входом в участки, очереди в кабины для голосования. Члены комиссий работают изо всех сил. Везде много наблюдателей как международных, так и местных. Очень много кандидатов в депутаты парламента (всего по 63 округам выставлено 900 кандидатов). Особенно активны Партия национальной независимости, общенациональный митинговый комитет «Путь Джохара», общественно-политическое движение «Исламан некъ» (Исламский путь), Вайнахская демократическая партия, ОПД «Даймохк» (Земля предков), Меж-

дународный комитет по правам человека, Союз народа за возрождение республики, Союз женщин ЧРИ и другие.

Выезжаем в Алхан-калинский сельский округ. Посещаем села Октябрьское, Алхан-кала, Кулари, на одном из участков встречаем норвежку и чеха, наблюдателей от ОБСЕ. К 14 часам на многих участках уже проголосовало более половины избирателей. Много портретов Дудаева, часто видим его изречение: *«Раб, не стремящийся выйти из рабства, заслуживает двойного рабства!»*, *«Президент Джохар Дудаев — мы с тобой, мы верим в тебя. Вайно Маршо Еза!»* На окраине села Гехи — два разбитых БТРа. Мусульманское кладбище, где много совсем свежих могил

Едем в город Аргун. На стене киоска рядом с маленьким базаром надпись: *«Уберите спиртное, не гневайте Аллаха!»*, *«Прекратите продажу спиртного, иначе — Хама!»*. Окружная комиссия находится в уцелевшем крыле здания школы. Беседуем с председателем комиссии, завучем Питимой Барахановой. Говорит, что много голосует беженцев из Веденского р-на, сел Бамут и Сержень-юрт. Там в свое время велись ожесточенные боевые действия, где массированно проводились так называемые «утюживание» и «зачистки». В городе уже третий день нет света, но приготовили свечи, чтобы можно было голосовать вечером.

На обратном пути в Джохар-кала заезжаем в штаб Ш.Басаева. Имеем краткую беседу с ним. Шамиль — чрезвычайно скуп на слова и немного сумрачен. Лозунг *«Шамиль — полководец! Шамиль — Президент!»*, очевидно, не совсем воплощается в жизнь. По дороге в ЦИК заезжаем в штаб Мовлади Удугова. Его предвыборная программа очень лаконична: *«Исламский порядок»*. Договариваемся с начальником штаба о личной встрече на завтра. Человек, который возглавил информационно-пропагандистское сопротивление российской агрессии, безусловно, неординарная личность. В своей личной жизни он уже установил «исламский порядок». В конце его агитки читаем: *«Женат. Имеет двух жен и четырех детей»*. Своим главным достижением считает организацию Союза политических сил за исламский порядок (январь `97).

В ЦИК узнаем о продлении времени голосования до 22 часов ввиду большого наплыва избирателей. Возвращаемся на «свой» участок №5. В присутствии наблюдателей вскры-

вают урну, подсчитывают голоса по кандидатам в депутаты парламента. Едем вместе с членами участковой комиссии в окружную комиссию. Президентская урна вскрывается там. По «нашему» участку проголосовало около 85% избирателей и почти одинаково идут с явным отрывом от остальных Масхадов и Басаев (247 и 241 голос соответственно).

... Возвращаемся домой. В ночном небе Джохар-кала сверкают ярко и чисто крупные звезды. Народ Чеченской Республики Ичкерия выбирает свое будущее и свою судьбу.

Утром 28 января узнаем предварительное сообщение о лидерстве Аслана Масхадова. Члены нашей миссии собрались в кафе, что напротив ЦИК, обменялись информацией, сделали анализ и отправили предварительный отчет в штаб-квартиру UNPRO в Гаагу. После обобщения полный отчет будет направлен правительствам РФ, ЧРИ, в ООН, ОБСЕ и Совет Европы.

Мы присутствуем на пресс-конференции А.Масхадова, представленного хотя и неофициально, и качестве второго законно избранного президента Чеченской Республики Ичкерия. Посещаем штаб Басаева и пресс-конференцию главы миссии ОБСЕ Тима Гульдемана. Выводы членов этой миссии в основном совпали с нашими. Коротко наше заключение можно сформулировать так: «Это были честные, демократические выборы, их результат создал легитимную базу для новых властей и выражает свободную волю чеченского народа и всех граждан Чеченской Республики Ичкерия, имеющих право голосовать».

29-е января, полдень. ...Аэропорт имени шейха Мансура. Яркое солнце. По-весеннему свежий ветер. Прощаемся с нашими провожатыми Хамзатом и Мусой, другими чеченскими друзьями. Все эти дни у всех членов нашей миссии были в памяти слова Отто фон Габсбурга, отца Карла: «...судьба свободы решается в Чечне». Мы присутствовали в момент свободного волеизъявления, видели воодушевление людей, их надежду на мир, согласие и справедливость. Дай Бог, чтобы их чаяния осуществились.

Шубашкар—Москва—Назрань—
Джохар-кала—Шубашкар.
1997, январь

BACK FROM IZMIR, IN(TO) THE CHUVASH LAND

Ассамблея тюркских народов (АТН) уже существует около семи лет и прошла закономерные периоды своего становления и развития в условиях демократизации «советского» общества, после распада Советского Союза и образования пяти новых независимых тюркских государств (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), которые образуют большую тюркскую «семерку» вместе с непризнанной международным сообществом Турецкой Республикой Северного Кипра и безусловным политическим и экономическим лидером тюркского мира — Турецкой Республикой. Как полноправные субъекты Российской Федерации существуют восемь суверенных тюркских республик: Башкортостан, Кабардино-Балкария, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Чувашия и вновь образованные в 1992 году Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия. Ряд тюркских народов в России не имеет форм отдельной национально-территориальной автономии (кумыки, ногаи, телеуты, шорцы, тофалары, сибирские татары, чулымские тюрки, кумандинцы).

Тюрки дальнего зарубежья проживают в Китае, Монголии, ряде стран Ближнего и Среднего Востока, Балканах, Западной Европе и США.

Именно этот большой тюркский мир (*büyük türk dünyası*) делегировал около 400 своих представителей на 4-й курултай (съезд) Ассамблеи тюркских народов и 1-й тюркский экономический конгресс, которые проходили в Измире (Турция) 26—28 августа.

...И вот мы летим рейсом *Шубашкар-Истанбул*. Чувашская делегация в составе: Вячеслав Тимофеев, председатель

АТН; депутаты Госсовета ЧР Геннадий Архипов, Венера Печникова, Алексей Васюхин; Николай Лукианов, председатель ЧАП; Алексей Гурьев, эколог, орнитолог и лидер молодежного политического движения «Кайкяр»; представитель Тюркского олимпийского комитета Геннадий Солин, предприниматели Александр Самакин, Николай Гувалкин, Александр Родионов; известный хирург Анатолий Волков; член ЧНК Олег Мустаев из Симбирска, тюрколог Василий Андреев, журналист Илле Иванов и др. Через три с половиной часа лета уже виден с самолета берег Черного моря, и вот он, Истанбул, широко раскинувшийся на европейском и азиатском берегах Босфора. Полдень. Аэропорт Атагюрка. Вдоль берега моря едем в самый центр (Ак-сарай) бурлящего города, где узкие улочки переполнены продающим и покупающим людом, где звучит разноречье восточного базара. Народная (челночная) рыночная экономика здесь полноправная хозяйка. Совсем рядом со столичной мэрией тихий и деловой оазис — офис Фонда изучения тюркского мира, которым руководит наш старый и добрый друг, профессор, почетный доктор Чувашского университета Туран Язган. Приветствия, объятия и традиционный чай. Опять разбегаемся по узким стамбульским улочкам. Острые минареты вонзаются в бесцветное небо с палящим солнцем. Среди современных зданий из стекла, алюминия и бетона вдруг возникает, как осколок минувшего, восточно-римский акведук. Десятки кораблей на водной глади Босфора. А там вдали, на холме — «мудрое сферическое зданье, которое пережило народы и века» (Мандельштам) — Айя-София. Оно словно парит над Истанбулом, «указывая на запад и восток». Этот храм, действительно, воплощает в себе смену эпох-цивилизаций, ибо был построен в VI в. византийским императором Юстинианом, для чего из храма Дианы на побережье Эгейского моря (г. Эфес), причисленного к «семи чудесам» древнего мира, было привезено сто с лишним мраморных колонн. После завоевания турками Константинополя храм стал мечетью. Арабская вязь и орнаменталистика соседствуют с ликами святых на фресках и мозаиках. Греческая антика, восточное христианство, ислам... Смешение времен характерно и для образа жизни современных турков, которые, сохраняя связь с прошлым, настойчиво проводят в жизнь

курс экономической и политической модернизации, завоевывающая для своей страны достойное место в новом мировом порядке.

...После десяти часов долгого пути, паромом переправившись через Мраморное море, поклонившись горе Улудаг (предполагают, что Олимп находился именно здесь, хотя Гомер свидетельствует, что Зевс все же восседал в Фессалии, северной части нынешней Греции, и оттуда наблюдал за ходом знаменитой Троянской войны), промчавшись по сверкающим огнями, роскошным улицам Измира, мы подъехали к тихому селению Небиолу, окутанному в черный бархат Эгейской ночи. Нас уже ждут два друга — турок Озджан и казах Арсен. Располагаемся. Толстоствольные пальмы, олеандр, инжир, экзотические акации, агавы, пунции — все дышит, насыщая воздух острым терпким ароматом. Ночь на берегу Эгейского моря,.. Словно сам Нерей — бог тихого и спокойного моря — встречает нас.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины.
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладой когда-то поднялся.

Утром 26-го августа в пятизвездочном отеле «Эфес» — церемония открытия экономического конгресса тюркского мира и 4-го курултая Ассамблеи тюркских народов. Общение делегатов между собой, интервью для прессы, телевидения... Постепенно делегации занимают места в зале. Среди тюркских флагов висит и наш чувашский.

В зал входят политические лидеры современной Турции. Министр иностранных дел, лидер Партии верного пути, г-жа Тансу Чиллер, сопредседатель Партии национального движения (Bozkurt) Девлет Бахчели, лидер Партии национального благоденствия Орхан Камилджу. Странники той или иной партии при появлении своего лидера встают, размахивают флагами и энергично выкрикивают лозунги в качестве приветствия и поддержки. Для нас это несколько непривычный элемент демократии. Звучит гимн Турецкой Республики. Поют все (за исключением представителей других тюркских народов). Пленарное заседание открыл д-р Туран Язган. В его темпераментной, безусловно, программной речи были чет-

ко обозначены принципы и геополитические, экономические и культурные координаты, в которых существуют сейчас тюркские народы. Вкратце их можно представить следующим образом. Тюрки не должны быть угнетаемым народом. На основе норм международного права и принципов демократии тюрки должны добиваться реализации права на самоопределение, свободы и независимости. Рост национального самосознания и тюркской самоидентификации, который происходит сейчас среди тюркских народов, должен получать отражение в новых, образовательных и культурных программах, когда на родном тюркском языке в средней и высшей школе должны преподаваться не только предметы гуманитарного цикла, но и такие, как математика, физика, химия и др.

Должна быть обеспечена экологическая безопасность тюркских народов (известно, например, что на территории проживания уйгуров и казахов Китай и СССР проводили ядерные испытания; последствия производства химического оружия мы остро ощущаем у себя в Чăваш ен). Тюрки должны окончательно распрощаться со стереотипами коммунизма, который как политическая система и идеология нанес огромный ущерб всем тюркским народам (и особенно в Советском Союзе). Тюркские народы должны перейти на унифицированный тюркский алфавит (Ortak Türk Alfabesi) на базе латиницы. Переход на латиницу для тюрков имеет лингвистический и культурный смысл, а также способствовал бы их более динамичному вхождению в наступившую эру современных информационных и компьютерных технологий.

В выступлениях упомянутых лидеров политических партий, председателя АТН Вячеслава Тимофеева, государственного министра Турции Ахада Андыджана, председателя Милли Меджлиса крымских татар Мустафы Джемилева так или иначе затрагивались самые разные аспекты тюркского единства и возможных путей сотрудничества. Мэр города Измир, д-р Бурхан Озфатура особо подчеркнул в этом роль города, как он выразился, «анатолийского тигра». Измир в последнее время, действительно, стал одним из экономических и торгово-финансовых лидеров Турции, а также всего Средиземноморского региона. Недаром в эти же дни открывалась 66-ая международная торгово-промышленная ярмарка, в которой участвовали представители 39 стран (позже в этот

день и мы присутствовали на церемонии открытия этой ярмарки). Недаром именно в Измире часто проходят многие международные конгрессы, курултай, где налаживаются связи, контакты между братьями-тюрками — представителями общественных организаций, политиками, творческой и научной интеллигенции, предпринимателями.

...Измир иногда называют зеркалом Турции. Так как модель современного турецкого государства, его экономики, правовой системы по европейскому образцу (с отделением религии от государства), создание системы светского образования были определены Кемалем Ататюрком, то имя его весьма почитаемо в Измире. Его слова часто цитировались и на экономическом конгрессе, его скульптурные изображения можно видеть и на захудалой автобусной станции, и в виде монументальных памятников на площадях (это характерно для всей Турции). Считается, что именно в Измире были апробированы политика индустриализации, урбанизации, которые должны были привести к достижению экономической независимости страны. Это не означает полного отрицания исламских и национальных ценностей, которые во многом продолжают определять общественную практику.

Если брать культурный аспект, то Измир и его окрестности еще в большей степени, чем другие регионы Турции, сохранили следы пребывания хеттов, ионийцев, лидийцев, персов, греков, римлян, оттоманов-турков. Само название города представляет собой отуреченный вариант греческого топонима *Смирна (-Смира)*, по предположению родины Гомера. Знаменитая Троя находится недалеко. Акрополис, храмы Зевса и Диониса в Пергамоне. Дом Девы Марии в Эфесе. Склоны холмов, берег Эгейского моря, сама почва и воздух пропитаны античностью. Сам Измир открыт в море, из своего седого прошлого как бы устремлен в новое время. Даже жителей здешних мест по-турецки иногда называют по-особому: *Egeleler* — «эгейцы».

...Однако вернемся в зал заседаний Четин Емеч в здании мэрии Измира. Именно здесь во второй половине дня продолжает работу 4-й курултай Ассамблеи тюркских народов. После рутинных процедур сформированы органы курултая. Вячеслав Тимофеев, как председатель, подвел итоги деятельности АТН за прошедшие четыре года (напомним, что 3-й

курултай АТН проходил в начале сентября в Шубашкаре, именно тогда Вяч. Тимофеев, делегированный ЧНК весной 1993 года для сотрудничества с АТН, был избран ее председателем. — А.Х.). Представители делегаций 39 тюркских народов из 15 государств-стран выступали с информацией о положении своего народа, вносили предложения по активизации деятельности Ассамблеи, изменению ее структуры и г.д. Это был живой и заинтересованный полилог, в котором, естественно, были оглашены самые разные точки зрения. Одновременно с политической дискуссией происходил прием новых членов в лице тех или иных общественных объединений, политических партий, представляющих тюркский народ или его часть, проживающую не на своей исконной родине. Так новыми членами АТН стали Лига вайнахских женщин и Партия Исламский порядок (Чеченская республика Ичкерия), тюрки-милиджан (США), объединение сибирских татар «Берлек», тюрки-ахиска (более известные нам под именем месхов — Грузия, Крым) и другие. С учетом разности социально-политических ситуаций, неодинакового окружения и условий взаимодействия с внешним фактором (например, российская равнодушная политика по отношению к малочисленным тюркским народам Сибири; фундаментализм по отношению к более чем 20 миллионам азербайджанцам, проживающим в Иране, китайский геноцид в отношении уйгуров Синьцзяна) все это заставило принять решение о создании своего рода института эмиссаров — заместителей председателя АТН, как бы уполномоченных по правам тюркских народов в следующие регионы: (1) Балканы и Турция, (2) Россия, (3) Туркестан, (4) Кавказ и Закавказье и (5) вице-председатель Ассамблеи по тюркским народам, не имеющих форм своей государственности.

Так заканчивается первый день, и мы опять на ослепительной набережной Измира. Но и здесь продолжается общение делегатов. И все же автобус трогается; едем берегом моря, проскакиваем улочки селений, где, несмотря на поздний час, идет торговля, люди сидят в кафе и пьют кофе, чай или даже ракию. И вот уже наше, ставшее родным, Небиолу. Простор Эгейского моря, за которым — Европа, Греция.

...Все кругом открывается — холмы, высокие горы,
Долы, небесный эфир разверзается весь беспредельный;
Видны все звезды; и пастырь, дивуясь, душой веселится, —
Столько меж черных судов и глубокопучинного Ксанфа
Зрелось огней троянских, пылающих пред Илионом.

(«Илиада», Песнь восьмая).

На второй день работы курултая продолжалась политическая дискуссия и были заявлены номинации на Председателя АТН, вице-председателей, руководителей комиссий по образованию и науке, культуре и спорту. Были также приняты резолюции, внесенные от имени делегаций. В частности, резолюция о будущих выборах президента ЧР и об анти-турецких публикациях в чувашской периодике.

После раунда дебатов о процедуре голосования и заявленных кандидатах были проведены выборы руководящих органов АТН. Новым Председателем был избран Эльми Умеров, член Милли Меджлиса крымских татар, бывший вице-премьер правительства Республики Крым. Избраны были также вице-председатели по региональному принципу, который был описан нами выше. Это означает, что, возможно, сфера влияния Ассамблеи в ближайшее время возрастет и в силу того, что «срединный мир, то есть Тюркский мир, в будущем может стать стабилизирующим фактором между Западом и Востоком, обеспечивающим плодотворный культурный обмен, сохранение равновесия и баланса мировых политических сил» (Р. Мухаметдинов). Это ведет к тому, что сами тюркские народы через свои общенациональные организации будут сотрудничать в сферах экономики, политики, экологии, культуры, стараясь увеличить возможности приобщения к общетюркским ценностям.

Если брать собственно территорию РФ, то можно, очевидно, в данной системе координат выделить следующие основные тюркские «общества» (topluluklar): (1) тюркские народы Сибири — с опорой на древнетюркскую тенгрианскую и шаманистскую, отчасти буддистскую (тыва) традицию; (2) тюркские народы Северного Кавказа — горская и мусульманская традиция; (3) тюркские народы Среднего Поволжья и Урала — смешанная христианско-мусульманская традиция. Эти тюркские «общества», сохраняя свои особенности в обычаях и укладе жизни, фольклоре, менталитете и

духовной культуре, могут взаимодействовать на пути возрождения, консолидации и обретения вновь тюркского единства. Международные форумы, подобные 4-му курултайю АТН, позволяют увидеть тюркский мир и за пределами СНГ, расширить свой политический кругозор, установить контакты с братьями-тюрками.

Хочется надеяться, что 4-ый курултай Ассамблеи тюркских народов и 1-ый экономический конгресс тюркского мира еще раз подтвердят, как это формулировал первый председатель АТН Рафаэль Мухаметдинов, что «современный тюркизм — это система идей, проистекающих из признания общности этнического происхождения, родства языков и близости культур тюркских народов и пропагандирующих единство, братство и сотрудничество этих народов, а также направленных на защиту их свободы и независимости и способствующих их продвижению по пути прогресса и процветания» (монография «Зарождение и эволюция тюркизма», АН Татарстана, издательство «Заман», 1996).

...И настал час, когда чувашской делегации надо было покидать Небиолу, Измир, Эгейское и Черное море. Жемчужная россыпь огней Измира — прощай! Мы уезжаем в ночь, сохраняя все в памяти. Эгейцев, образ страны, людей, с которыми познакомились.

И море, и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне! И вот Гомер молчит.
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Шубашкар—Стамбул—Измир—Небиолу—Шубашкар.

1997

ПАРИЖ ЭТО... СВОБОДА, ЛЮБОВЬ И ПОЭЗИЯ

Париж — это центр, понимаешь, мандала, которую следует обойти без всякой диалектики (...) словно ты вдыхаешь Париж,ходишь в него и даешь ему войти в тебя.

Хулио Кортасар, «Игра в классики».

...Париж — это некий миф. Париж весной — это мечта. Этот город уже перешагнул свой 2000-летний рубеж. Париж уже давно стал Меккой для писателей и художников, «гражданин мира», а так как современная культура уже давно охвачена потоком постмодернизма и полна отзвуков конца XIX—начала XX веков, то именно Париж следует называть «вечным городом». Париж был и остается космополитичным городом, не утрачивая своей французской историчности. Многие художественные и литературные течения имели своим истоком этот город, а жизненный путь многих «властителей дум» уходящего XX-го века проходил через Париж, или они жили там. Назову наугад несколько имен — Пикассо, Роден, Пруст, Аполлинер, Джойс, Хемингуэй, Ионеско, Модильяни, Бунин, Генри Миллер. И еще названия больших стилей рубежа веков, который так или иначе определяли жизненную идеологию и творчество во всех его проявлениях (и стали, определять наше видение и понимание реальности, нашу этику и эстетику): импрессионизм, постимпрессионизм, кубизм, дадаизм, сюрреализм...

И вот этот миф, прочитанный тобой в книгах и увиденный через холсты Манэ, Дега, Марке, Моне, Писарро, Тулуз-Лотрека, Утрилло стал реальным событием. По приглашению Национального института восточных языков и цивили-

лизаций, точнее его Центра сравнительной поэтики, я очутился в Париже. Событие, в котором я должен был участвовать, имеет девиз «*Нет поэзии при заходе солнца*». Оно представляет собой встречи с обсуждением разных тем, чтением стихов на разных языках. Весна в Париже как явление поэтическое.

Но сначала было узнавание, неузнавание Леона Робеля и Николая Дронникова (после нескольких лет заочного знакомства впервые — воочию) в аэропорту Шарля де Голля, весенний воздух, цветущие деревья и свежая трава, мимо площадей Бастилии, Насьон, пересекая бульвары, — в поисках нашей гостиницы.

Потом мы держим путь на южную окраину Парижа, в рабоче-коммунистический пригород Иври, где живет Н.Дронников. Его дом словно остров, который он сотворил своими руками вместе со своей женой Аньес. Остров русской культуры в том виде, который уже исчезает, остров поэзии (в разных неожиданных местах здесь встречаешь строки из стихотворений Айги, его портреты, его фразы, обращенные к художнику, — раньше до Чебоксар и до меня доходили книги, набранные и отпечатанные вручную в этом доме, в этом скриптории) и живописных, графических работ самого Мастера. Поднимаешься по лестнице и видишь образы русских, побывавших в Париже и чутко запечатленных дронниковской рукой (личности в этой своеобразной галерее знаковые и вошедшие в мировую табель о рангах: Егуди Менухин, Ростропович, Рихтер, Тарковский, Плисецкая, Солженицын, Айги. Проходишь из комнаты в комнату, повсюду — на стенах, на полу, поставленные друг к другу впритык картины, скульптуры из дерева, камня. Внизу домовая церковь с Христовым распятием (авторская работа), луч вечернего солнца из верхнего оконца, падающий точно на изображение святого Серафима Саровского. Библиотека старых и эмигрантских изданий русских книг, на столе — наш Сеспель (вместе с Л.Робелем Дронников подготавливает сеспелевскую книгу к 100-летию со дня рождения поэта). В другой комнате видишь множество рисунков Пушкина в разные его возрасты. Но дом на авеню Мориса Тореза, 87 бис в Иври не мертвый музей, в нем живут, работают, думают о России и вспоминают нашу Чувашию. Сам Дронников хотел

бы передать свои работы, связанные с Волгой, Чувашией и Айги, в чувашский музей.

...Но мы снова едем в Париж. Вечерние тучи закрывают небо, проскочив новый Chinatown в Иври (очень много поселенцев из Юго-Восточной Азии, китайцев), мы объезжаем самый центр Парижа: набережные Сены, остров Сите с Нотр-Дам, Лувр, сад Тюильри, Елисейские поля, Эйфелева башня, Триумфальная арка, площадь Согласия... Сумрачно, пасмурно, и вдруг на одном из мостов нас застает вырвавшееся из-за туч солнце, его свет проливается на вершины Нотр-Дам, крыши домов, золотой купол Дома инвалидов и вдали шпили церкви Сакр-Кёр. Неожиданный подарок нам, открывающим Париж в себе и для себя.

И в этот же вечер мы еще входим во внутреннее пространство Нотр-Дам. Свечи, орган, пение... Молятся, тихо ходят туристы, переговариваются «перед лицом Бога», который трансцендентально «присутствует» там, в высоте, куда устремлены все эти линии, в цветных витражах-розах, в которых дробится, преломляется и падает вниз осколками Свет. Неимоверная высота готики, готического храма изнутри провоцирует и твою смятенную душу к восхождению. **Там** успокаиваешься...

На следующее утро бульваром Мажента иду в сторону Монмартра. Мелкий теплый дождь. Названия улиц, переулков, площадей и вся прочая парижская топонимия настолько насыщены историко-культурной информацией, полны реминесценций, аллюзий, словно идешь и читаешь школьный учебник по истории и литературе. Уже поднимаясь на Монмартр, вдруг упираюсь в улочку Мориса Утрилло, которая ступеньками лестницы взбегает к самой Сакр-Кёр. Отсюда — весь Париж как на ладони. Даже сквозь завесу дождя. «... *вдруг — будто эхо давних далей поляны в городе поля*» (Г. Айги). Над ровным полем парижских крыш вздымаются две вертикали, справа — Эйфелева башня и башня Монпарнаса. Укрываюсь от дождя в церкви. Молитва, тихий шепот, вспышки фотоаппаратов, опять витражи как «окна Духа». Спускаюсь, блуждаю по улочкам Монмартра. После дождя еще острее ощущаешь особый запах Парижа. Тонкий и неуловимый...

На следующий день выбираю новый маршрут. Можно просто идти, и все равно выйдешь туда, где тебе будет инте-

ресно. На этот раз попадаю в Форум дез'Аль, где главенствуют имена поэтов. Аллея Андре Бретона, терраса Лотреамона, площади Иоахима дю Белле и Пьера Эмманюэля, который в свое время написал предисловие к «Отмеченной зиме» Г.Айги (издано в Париже). Можно зайти и во двор Пале Рояль, Комеди Франсэз, по улице Риволи вдоль Лувра и через мост дез'Ар (искусств) переходишь Сену. Вот и здание Института, которому уже более двухсот лет. Открываются наши поэтические чтения. Первой темой объявляется такая: «Почему трудна современная поэзия?». И рассуждения, и подходы были самые разные. Французские переводы из современной женской поэзии параллельно с чтением оригиналов на русском (Л.Робель), стихотворение тибетского поэта с толкованием мантры «*ом мани падме хум!*». О якутской поэзии рассуждал Янкель Карро, который неожиданно для себя припомнил свои тюркские корни (отец — караим). Собственно французская поэзия была представлена М.Гранго, М. Этьен, С.Юркевичем и П.Лартигом.

... Вечером в гостинице молодой месяц заглядывает в окно.

Утром ты уже на площади перед Пантеоном, напротив факультет права, над входом в который сияют *Liberté, Egalité, Fraternité* (Свобода, Равенство и Братство), лозунги французской революции, уже более 200 лет искушающие сознание человечества и остающиеся все же мечтой (хотя и прекрасной). Утром хорошо посидеть в Люксембургском саду, что ты и делаешь вместе со студентами.

Второй день поэтических чтений был посвящен теме «Поэзия — память языка», и доминировала в этот день тюркская речь. Выступил ваш покорный слуга с рассуждением о Сеспеле, Айги, чтением их стихов, а также Хузангая на чувашском. Двухязычный писатель, считающий родными языками для себя азербайджанский и русский языки, Чингиз Гусейнов читал свои стихи и говорил о современной невостребованности поэта. Реми Дор, директор Центра сравнительной поэтики, читал стихи на турецком и киргизском и свои переводы. Из Рима прилетел Олжас Сулейменов, который уже два года посол Казахстана в Италии. Он пытался обозначить роль интеллигенции в современном обществе и в духе модных ныне веяний выдвинул некую идею базовой

модели культуры 3-го тысячелетия (искус глобализма). Но звучала и армянская речь, а также тайская глоссолалия. Атаол Бехрамолу представлял турецкую поэзию и познакомил со своим пониманием «памяти языка».

А вечерний Париж под дождем весь рассыпается перед тобой огнями. Призрачная башня Эйфеля, под ее лапами лежит Марсово поле и горят на башне цифры: «До 2000 года — 282 дня». Призрачный срок...

На третий день продолжалось наше поэтическое многоязычие, да и тема была обозначена соответственно: «Поэзия говорит то, что она говорит, когда ее произносят». Жак Рубо и Мишель Деги — одни из крупнейших современных французских поэтов, переводившие и чувашскую поэзию. Венгр Тиббор Пап, испанская, каталонская и еще раз тибетская поэзия. От сонетов до образчиков народной поэзии.

Поэзия и Париж органично сочетаются друг с другом. Так как Париж это все же ирреальный образ, то его духу, может быть, отвечает именно сюрреализм как стиль, как «приглашение к внутреннему мятежу». Октавио Пас приводил такое определение: «...*Сюрреализм ищет новое внерелигиозное прибежище, основанное на тройной оси — свободе, любви и поэзии*». В Париже эти три элемента как бы растворены в самом воздухе города, который остается только вдыхать.

После наших поэтических встреч ты мог запросто его ощутить на улице Буси, бульваре Сен-Жермен, когда люди высыпают на улицу и сидят в этих бесчисленных кафе. Когда-то бродили здесь, сидели в кафе «бунтари разума» Сартр, Камю, открывшие для нас новое понимание ценности отдельного человека, его экзистенции...

Ценность отдельной личности остро ощущаешь и на русском кладбище: Бунин, Ремизов, Коровин, Добужинский, Лифарь, Николай Лосский, Тарковский, Виктор Некрасов, Нуриев, Галич. Некрополь русской культуры (с сохранением памяти о ней). Мы поклонились могилам этих людей, каждый из которых прошел свой путь в словесности, в искусстве и нашел свое пристанище в этой земле. Теплый, прозрачный день...

Подарком от Дронникова стал также Венсенский замок в этот вечер. Средневековый замок как поэтический объект в свете закатного солнца. Поэзия может присутствовать и при заходе солнца.

Было еще вербное воскресенье (по-католически), после освящения веток омелы (?) люди у церкви пьют вино. У меня была назначена встреча с Николаем Дронниковым на площади Трокадеро. Прихожу туда, а там сербы проводят свой митинг против натовских бомбардировок. Православные иконы, плакаты, лозунги, крики «Сербиé! Сербиé!». Мы с Николаем потихоньку улизнули на Елисейские поля, но и там нас настигли отдельные группы сербов, которые пытались просочиться к президентскому дворцу и американскому посольству. Полиция была начеку и перекрыла все подходы.

И последний наш маршрут — по набережной Сены, у самой воды. Прощальные взгляды на Консержьери, Нотр-Дам, площадь Бастилии.

Но любовь, поэзия и свобода вместе с парижским воздухом уже внутри тебя. Твоя встреча с Парижем была неожиданным событием. Впрочем, это вполне в духе сюрреализма.

1999, март

БОЛДИНО КАК МЕСТОРАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Со времени выхода указа об административном делении Российской Федерации на семь округов мы очутились в ином пространстве, но до сих пор ощущаем его слабо, и я подозреваю, что многие даже не представляют его границу. Изменилась, вероятно, и конфигурация власти, что, впрочем, также не является актуальным для большинства, которое живет своими повседневными заботами и чаяниями и изнывает от жары нынешнего «роскошного буддийского лета» (О. Мандельштам). Но ситуация изменилась, и мы должны оценить ее с точки зрения чувашских национальных интересов.

Первое. На территории Приволжского федерального округа (ПФО) проживает около 1,5 миллиона чувашей, то есть более 3/4 всей чувашской нации, «разбросанной» по городам и весям бывшего СССР. Это означает, что в рамках ПФО мы можем выступить с инициативами и реализовать такие социально-культурные проекты, которые позволят — наконец-то! — сформулировать и поставить перед новой властью приоритеты чувашской «внутренней» и «внешней» национальной политики (Президент Н.В.Федоров, к сожалению, никогда не осмеливался хотя бы артикулировать нечто касающееся чувашских национальных интересов на федеральном уровне).

Второе. Мы можем выстроить в новых условиях новый образ Чувашской Республики и «чувашского присутствия» в целом в параметрах культурного пространства ПФО.

Третье. Мы должны начать разработку сетевых и индивидуальных проектных предложений по чувашскому социально-культурному развитию поверх тех административных барьеров, которые существуют между субъектами Федерации, хотя бы на территории ПФО.

Можно было бы добавить и еще некоторые направления и обозначить другие перспективы деятельности на территории ПФО, но важно прежде всего осмыслить изменившуюся ситуацию и разработать сценарии пространственного развития «с чувашским акцентом». Для будущей культурной политики, которая должна осуществляться в интересах чувашской нации в целом (а не замыкаться только на территории Чувашской Республики), Приволжский округ, с одной стороны, — это новое пространство, которое нужно освоить, с другой — это дополнительный ресурс, позволяющий объединить отдельные инициативы региональных центров чувашского сообщества и выработать новую технологию существования (социокультурного, языкового, конфессионального, экономического) чувашской нации в условиях округа.

Обо всем этом круге проблем заставил меня задуматься проектно-аналитический семинар (под эгидой Центра стратегических разработок ПФО и факультета «Менеджмента в сфере культуры» Московской Высшей Школы социальных и экономических наук) на тему «Разработка стратегических приоритетов и проектных инициатив в рамках культурной политики на территории Федерального Приволжского округа».

Цель семинара состояла в разработке программных ориентиров и предварительном описании основных приоритетов культурной политики региона. При всем разнообразии экономического развития, исторической памяти и культурного ландшафта культурно-образовательные программы могут стать тем общим гуманитарным достоянием, в рамках которого возможен межкультурный и межконфессиональный диалог, совместные социально-культурные инициативы самого разного уровня, включение в европейские и мировые программы культурного развития, запуск современных технологий культурного туризма, регенерация городов и регионов средствами культуры, а также ряд других инициатив и начинаний, масштаб которых предполагает участие

многих партнеров и территорий Приволжского региона. Выбор и обсуждение возможных направлений деятельности, сценариев развития, форм коммуникации и сотрудничества станут, по замыслу организаторов, основными результатами семинара, который проходил в Болдино (Нижегородская область) 18-21 июля.

Самым главным на семинаре, пожалуй, было то, что культура в самом широком понимании может стать существенным фактором «сшивания» региона (округа) и этот приоритет культуры позволит превратить ПФО из утопии в некую реальность, наполненную этнокультурным, экологическим и гуманитарным содержанием. Впрочем, границы его в собственно историческом, экономическом, административном и культурном планах, конечно же, не совпадают, и это тоже хорошо осознавалось участниками семинара при инвентаризации и анализе социально-культурных, исторических ресурсов территорий Приволжского округа.

Проектов обсуждалось много, и все они по-своему интересны, работают на развитие инфраструктуры региональных культурных программ (СМИ и информационное поле, агентства социально-культурного обеспечения и агт-коммуникаций — прообразы музеев современного искусства, которых до сих пор нет, в то время как само «новое» искусство и художники есть) и могли бы способствовать превращению ПФО в один из культурных регионов Европы. Вообще, многие идеи, которые витали в атмосфере семинара, так или иначе уже реализованы или реализуются в рамках Европейского сообщества (идея пространственного развития — кстати, в Кабинете Министров Парламентской Ассамблеи Совета Европы есть министр по пространственному развитию; идея «передвижной культурной столицы», идея наднациональных и надгосударственных коммуникаций — *«Поверх барьеров»* (информационных, культурных и даже транспортных — безвизовый режим поездок и т.д.). То есть, мы хотим стать нормальными европейцами, сохраняя живыми корни (восточные < евразийские) своего духовного и национально-культурного менталитета.

И еще один вывод, который я сделал для себя в ходе семинара. *«У нас, чувашей, нет критики...»* — когда-то сетовал Пушкин, не имея в виду собственно чувашей. Но сегодня

у нас, истинных чувашей, действительно нет художественной, литературной, театральной и иной (не говоря уж о политической) критики. У нас нет ни одного профессионального менеджера в сфере культуры, зато есть Министерство культуры с его чиновниками, которые в подавляющем большинстве и понятия не имеют, о навыках проектно-аналитической методологии.

...Мегапроект «культурной столицы» Приволжского округа был, пожалуй, определяющим в тематике обсуждений семинара, и так или иначе отдельные проектные предложения и инициативы увязывались с ним. Ее «перемещение» по городам округа (с параллельным «воскрешением» потаенных столиц — Булгара, Суvara, «святых мест» — мест памяти коренных поволжских финно-угров и т.д.) могло бы выявить на мультинациональной и поликультурной основе новые смыслы культурного пространства ПФО, новые ресурсы культурного обеспечения программ, навести «культурные мосты» и создать в итоге инвариант (и варианты) Образа этой новой страны, находящейся на пограничье Европы и Азии, Севера и Юга (по *Волге-Атӓл ӓ*). «Блуждающая культурная столица» как проект культурной мобилизации.

А при чем здесь Болдино, Александр Сергеевич, спросит дотошный читатель? Как бы оценил великий русский поэт все эти технологии и методы аналитически-проектного мышления? Наверное, положительно, ответим мы, ибо всемирная отзывчивость его души слишком хорошо известна. Смотри в лицо Европе, он обращал свой взор и на Восток. Он знал, что его Слово будет долго резонировать в сумрачном российском пространстве, будет иметь отклик («... и назовет меня всяк сущий в ней язык»). Само Болдино с его окружающим полупустым ландшафтом, редкими деревнями («*Что за прелесть здешняя деревня. Вообрази: степь да степь, соседей ни души; ездь верхом сколько душе угодно...*» — из письма А.С.Пушкина издателю и другу А.С.Плетневу, сентябрь 1830 г.), равноудаленностью географической от трех столиц — Нижнего, Саранска и Чебоксар, своей творческой мифопоэтической аурой, весьма способствовало успешной работе семинара.

«Новая власть» в лице полномочного представителя Президента РФ С.В.Кириенко также приняла участие в обсуждении проблем и акцентировала, что стратегия развития

Приволжского округа будет обязательно исходить из культурных приоритетов. Рефлексия болдинского пейзажа и незримый пушкинский дух спровоцировали взаимную заинтересованность власти и культурных агентов. Надо признать, что такое случается весьма редко...

2000

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Тексты.....	5
«Любовь к Родине может быть и трудной...».....	7
Как важно быть чувашом.....	26
«Сейчас время черновой работы...».....	37
«Я ощущаю, ощущаю, ощущаю эту землю...».....	40
Плач по герою.....	59
Мой тихий час.....	64
О единстве и разнообразии тюркского мира.....	67
Урок истории и культуры родного края для канди- датов в Президенты ЧР.....	74
Власть и истина.....	79
Право на историю.....	85
Без иллюзий.....	95
Книга Пигамбара (или какое наследие мы имеем?)	109
Раздел II. Метатексты.....	123
О Ницше.....	125
Горсть камешков на могилу поэта.....	127
«Белая мысль — о друзьях...».....	130
Марийский триптих`84.....	133
«Полупьяный Даос...».....	141
Посадивший дерево.....	144
Трудная борозда.....	148
Поющее дерево (письмо другу-поэту).....	156
Будеславль Велимира.....	161
Обязательность необязательного.....	166
На языке Данте и Петрарки.....	170
Зигзаги «самобытной мысли».....	179
Русские философы: образ России.....	183
Письмо Сигитасу.....	186
2-е письмо Сигитасу.....	189
«Россия вспрынет ото сна...».....	192
Эрос у Платона.....	194
Европа + Айхи = Bretagne + Чăваш Ен.....	196
Чувашская поэзия не собирается умирать.....	199

Букет колючих фраз.....	202
В сумерках империи.....	208
«Что производят глаза...».....	213
Прокуратор Языка.....	216
Тюркское единство.....	220
Метеоры Марины.....	225
«...Сиянье — сквозь лицо».....	229
«Quem honoris causa nomino».....	232
«Я вижу праздник своего народа...».....	236
Апокриф Шевченки.....	239
Поэты и власть.....	242
«Сон-разговор-с-самим-собой».....	246
Свидетель и страдатель жестокого века.....	249
Во имя.....	254
Раздел III. Путешествия.....	257
Хельсинки: август `85.....	259
Хуш, Казан! — До свидания, Казань.....	273
Финно-угорский узел.....	283
Вельмема это возрождение.....	323
Голубая земля Буджака.....	329
Ом мани падме хум.....	334
Семь дней в Гааге.....	341
Образ новой страны.....	347
На берегу Святого озера.....	354
«Судьба свободы решается в Чечне...».....	359
Back from Izmir in(to) the Chuvash land.....	368
Париж это... свобода, любовь и поэзия.....	375
Болдино как месторазвитие культурной политики...381	

Подписано в печать 20.01.01
Бумага писчая.
Гарнитура Times ET Chuvash.
Уч.-изд.л. 17,78

Формат 60x90 1/16
Печать офсетная.
Усл.печ.л. 20,37.
Тираж 1000 экз.